

ОП

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ И И. ПЕСОЦКИМЪ.

63101

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Допол. редакція Театральн.
Библиотека
Владим. А. В. ЛУНАЧАРСН

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. 1844 года, октября 1-го дня.

Ценсоръ *И. Мехелинъ.*

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Дояцамъ. Стихотвореніе <i>В—уса</i>	241.
II. Философія и исторія музыки. Эммануиль Гарціа.....	253.
III. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Николай Родіоновичъ Судовщиковъ, авторъ комедіи: <i>Неслышанное диво или честный секретарь</i> . Статья <i>М. Н. Макарова</i>	251.
IV. Въ Альбомъ. Стихотвореніе <i>А. Фета</i>	271.
V. Три разсказа. 1. Надежды. Соч. <i>Фредерики Бремеръ</i> . (Съ шведскаго).—2. Любовь подъ окномъ. Приключеніе, случившееся въ Парижѣ, которое, впрочемъ, можетъ случиться и на святой Руси. Соч. <i>Библиофила Жакоба</i> . (Съ французскаго).—Экстра-почта. Соч. <i>Шпидлера</i> . (Съ нѣмецкаго).....	272.
VI. Мужъ въ деревнѣ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра и Вальи. Перев. <i>П. С. Федорова</i>	336.
VII. Ученой женщины. Стихотвореніе <i>В. Р. З—ва</i>	411.
VIII. Капелла. (Изъ Уланда). <i>В. И. Золотницкаго</i>	411.
IX. Тамбуръ-мажоръ, или свободенъ отъ постоа. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. <i>П. А. Каратыгина</i>	442.
X. Юмористическія замѣтки петербургскаго зѣваки. § 1.....	442.
XI. Смесь. Любовь актрисы. Разсказъ. — Поэтъ и докторъ. Разсказъ. — Сужденіе иностранца о русскихъ пѣвчихъ. — Импровизированная опера. — Сюжетъ для водевиля. — Въ какомъ почетѣ была поэзія въ средніе вѣка. — Женскія имена въ Испаніи. — Строгости директора Парижской-Оперы къ артистамъ, — Сила привычки. — Драматическая гастрономія. — Анекдоты и мелочи. — Нѣсколько словъ къ картинкѣ. — Музыкальныя новости.....	465.

ВЪ ВЫШЕДШИХЪ ДОСЕЛЪ КНИЖКАХЪ «РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА» ПОМѢЩЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ СТАТЬИ:

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

I. Философія и исторія и музыки. Il dissoluto punito ossia il Don Giovanni (*Донъ-Жуанъ*, опера Моцарта). Статья г-на *Улыбышева*. — II. Мышаннѣ-дворянинъ. Комедія Моллера. Переводъ *В. З.* — III. Любовь въ узломъ городѣ. Повесть *М. Г. Романовича*. — IV. Изъ «Вильгельма Мейстера». Стихотвореніе ... — V. Не бывать-бы счастьемъ, да несчастье помогло. Водевиль *П. С. Федорова*. — VI. Другъ, не вѣрь людямъ коварнымъ. Стихотвореніе *М. Г. Романовича*. — VII. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Екатерина-Вторая, Императрица русская, на поприщѣ драматическомъ. *М. И. Макарова*. — VIII. Мой теска или страданія Жона Бронуа, разсказанныя имъ самимъ. Переводъ съ англійскаго. — IX. Взглядъ на современное состояніе музыки въ Европѣ. — X. Юмористика. Отрывки изъ писемъ тетральвой мыши. — Комедія во-время комедіи. — XI. Смѣсь. Нѣсколько словъ о сценическомъ искусствѣ — Кто богаче — Мейерберъ или Ротшильдъ, — День одного изъ нашихъ писателей. — Пѣвецъ въ затруднительномъ положеніи. — Неправимый пѣвецъ (сцена въ полиціи). — Кричновъ. — Происхожденіе Полицинея. — Казиміръ Делавинъ. — Нового рода должность при театрѣ. — Аретинъ, такъ-называемый «Бичъ сильныхъ». — Наполеонъ, какъ эстетикъ. — Банкиръ и поэтъ. — Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. Философія и исторія музыки. Il dissoluto punito ossia Don-Giovanni. (*Донъ-Жуанъ*, опера Моцарта). Статья г-на *Улыбышева*. (Окончаніе). — II. Жизнь. Стихотвореніе *М. Г. Романовича*. — III. Новогородцы. Драматическое представленіе въ IX картинахъ и пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ пѣснями. — IV. Chérubin. Стихотвореніе *Д. П. Сушкова*. V. Математикъ. Разсказъ. — VI. Луный свѣтъ. Романсъ. — VII. Исторія драматической литературы. Менаандръ и Теренцій, римскіе комики. — VIII. Герольштейнъ. Эпидлогъ къ «Парижскимъ Тайнамъ» Е. Сю. Переводъ *В. М. Стрѣва*. — IX. Неаполитанскіе театры. Статья *Полъ де-Мюссе*. — X. Юмористика. Домашніе спектакли — Театральныя животныя. — Душа общества. — Почти (философическо-филологическое разсужденіе). — XI. Смѣсь. Празднество по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Павловича. — Описаніе праздника представленнаго въ Суходупномъ; Кадетскомъ Корпусѣ, 20 июля 1773 года. — Похожденія театрада въ маскерадъ Большаго Театра. — Нѣсколько мыслей о женщинахъ. — Черты изъ жизни актрисы Дежазе. — Невымышленныя исторія Маркіза Позы. — Скелетъ, разсказъ Бердіоза. — Памятникъ Мольеру. — Черты изъ жизни Казимира Делавина — Глубоковод молчаніе. — Парижскія консерваторія (изъ письма Н. П. Греча). — Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

I. Шкиннеръ. Историческія свѣдѣнія 1713 года, въ стихахъ. Сочиненіе *В. Р. Зотова*. — II. Не тоскуй твои страданья. Стихотвореніе *В. С.* — III. Любовь танцовщицы. Оригинальная повесть. — IV. Прямьты. Стихотвореніе. — V. Дочь Русскаго Актера. Оригинальная шутка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *П. И. Григарьева 4-го*. — VI. Философія и исторія музыки. Мейерберъ. Статья *С. К.* — VII. Все къ лучшему. Стихотвореніе *Н. С.* — VIII. Искусство и художники. Мольеръ. Статья *М. Е. Кублицкаго*. IX. Юмористика. Отрывки изъ писемъ тетральвой мыши. Письмо второе. — X. Смѣсь. Зрѣлища у Римлянъ. — *Конныя скачки и бѣгъ въ колесницахъ; Гладіаторъ; Звѣриный бой; Машинъ въ циркѣ и въ амфитеатрѣ.* — Гимней, картина Тенбера. — Какъ Сафиръ сдѣлался писателемъ. — Музыкальныя импровизаціи восьмилѣтняго мальчика Джуліо Венони. — Актеръ Жюльенъ. — Какіе вечера задаютъ итальянскіе пѣвцы въ Парижѣ! — Фаини Эльслеръ и таванскіи сильфиды. — Что можетъ сдѣлать истинный артистъ изъ самой маленькой роли. Письмо Каталани о ея смерти. — Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Философія и исторія музыки. Нѣсколько словъ о духовной музыкѣ. Статья *Жоржа Ортика*. — II. Утро. Стихотвореніе *Н. С.* — III. — Бояринъ Федоръ Васильевичъ Басенковъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *Н. В. Кукольнича*. — IV. Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ!... Стихотвореніе *Н. С.* — V. Два разсказа Симена Игнатьевича. 1. *Иванъ Ивановичъ Морощка* 2. *Петръ Ивановичъ Морощка*. — VI. Пѣсня Испанца. — VII. Матеріалы для исторіи русскаго театра. — Нѣсколько по-матеріаловъ для исторіи русскаго театра. — VIII. Искусство и ху-

Д О Н Ц А М Ъ.

Въ полнотѣ могучей жизни,
Бодръ и крѣпокъ грозный Донъ;
На степеняхъ своей отчизны,
Кѣмъ онъ будетъ побежденъ?
Есть-ли смѣлость, есть-ли сила,
У врага-богатыря,
Чтобъ схватилась и сломила,
Крѣпость Русскаго Царя?
Нѣтъ, живая оборона,
Правъ отчизны крѣпкій щитъ,
Помнить дни Наполеона,
И съ отвагой въ даль глядить.
Нѣтъ, поборникъ дивной славы,
На преклонѣ ясныхъ лѣтъ,
Отъ Ефрата до Варшавы,
Не забылъ своихъ побѣдъ.
Помнить онъ, когда съ врагами,
Силы мощныя пыталъ,
И съ побѣдными полками,
Такъ безстрашно гарцовалъ.
Помнить онъ, гдѣ съ чувствомъ чести,
Въ огорожѣ страшныхъ пикъ,
На поляхъ правдивой мести,
Былъ такъ грозенъ и великъ!

Но пришла чреда покоя,
 Донъ на лаврахъ оночилъ,
 И сознание героя,
 Глубоко въ душѣ сокрылъ.
 И теперь, въ года иные,
 Звучной славой упоенъ,
 Закрутивъ усы съдые,
 Надъ врагомъ смѣется Донъ!

Станица Ниж-Чирская.

ДОНЦАМЪ

В—УСЪ.

Въ полночь конной кавалеріи
 Подъ и конницей промчалъ Донъ,
 Не станаго слова отдалъ,
 Кривъ онъ бугоръ пожелтъ,
 Костыль отъ конной кавалеріи
 У штыря бугоръ,
 Нога отъ конной кавалеріи
 Кривъ онъ бугоръ пожелтъ,
 Нема, жмень обороня,
 Прозъ отдалъ конной кавалеріи
 Познать конной кавалеріи
 И се отъ конной кавалеріи
 Прозъ отдалъ конной кавалеріи
 На конной кавалеріи
 Отъ конной кавалеріи
 Не конной кавалеріи
 Познать конной кавалеріи
 Смы конной кавалеріи
 И се конной кавалеріи
 Такъ конной кавалеріи
 Познать конной кавалеріи
 Ихъ конной кавалеріи
 На конной кавалеріи
 Былъ такъ конной кавалеріи

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРИЯ МУЗЫКИ.

ЭМАУИЛЬ ГАРЦІА.

Въ міръ художествъ есть нѣкоторыя знаменитыя фамиліи,—нѣкоторыя семейства, которымъ какъ-бы предназначено изъ рода въ родъ пожинать лавры торжества на поприщѣ искусства и которыя на чель своемъ носятъ наслѣдственную печать какого-то особеннаго призванія, объясняемаго только счастливою ихъ организаціею. Къ числу такихъ фамилій должно отнести и фамилію *Гарція*, блистающую въ музыкальномъ міръ Европы немеркнувшею славою, и родоначальникомъ которой былъ *Эмануиль дель-Пополо-Вицентъ Гарція*, знаменитый драматическій пѣвецъ и композиторъ.

Эмануиль Гарція родился въ Севильѣ, 22-го января 1775 года. Принятый, на шестомъ году возраста, въ хоръ соборныхъ пѣвчихъ, онъ получилъ тамъ первоначальныя познанія въ музыкѣ. Тогда въ Севильѣ не было еще театра: тамъ господствовала одна только церковная музыка, къ которой сначала и устремились идеи молодого Гарція. На семнадцатомъ году отъ роду онъ уже пользовался извѣстностью пѣвца, композитора и дирижора оркестра. Вскорѣ слухъ о необыкновенныхъ способностяхъ его началъ распространяться, и директоръ Кадикскаго театра, пригласивъ его къ себѣ, убѣдилъ дебютировать на сценѣ, въ одной *tonadilla*, въ ко-

тору Гарціа вставилъ нѣсколько мѣстъ своей композиціи. Голосъ его (теноръ) имѣлъ силу, звучность, легкость и обширность, но, по собственному сознанію, онъ былъ въ то время до такой степени неловокъ на сценѣ, что самымъ проникательнымъ людямъ не представлялось возможности замѣтить въ немъ даже зародышъ того драматическаго таланта, которымъ въ послѣдствіи прославился онъ. Изъ Кадикса Гарціа отправился въ Мадридъ и дебютировалъ тамъ, какъ пѣвецъ, въ одной ораторіи. Ему апплодировали, и приняла съ немѣньшимъ одобреніемъ нѣсколько *tonadillas* его сочиненія. Въ одну изъ пѣзодокъ своихъ въ Малагу онъ написалъ первую оперу, подъ названіемъ «*El Preso*», сюжетъ которой былъ не что-иное, какъ подражаніе французской комической оперѣ «*le Prisonnier ou la Ressemblance*». Гарціа еще находился въ Малагѣ, когда начала свирѣпствовать тамъ желтая лихорадка и пожрала множество жертвъ; избавившись счастливо отъ этой бѣды, онъ возвратился въ Мадридъ и ввелъ въ моду небольшія комическія оперы, въ одинъ и два акта, наподобіе тѣхъ, какія разыгрывались во Франціи. Либретто для этихъ оперъ было, бѣльшую частію, переводимо съ французскаго. Между произведеніями этими замѣчательна «*El poeta calculista*», монодрама въ одномъ дѣйствіи, написанная въ 1805 году, которая чрезъ четыре года давалась въ Парижѣ. Въ этомъ-то произведеніи въ первый разъ услышали прекрасную пѣсню «*yo che soy contrabandista*», которая сдѣлалась, въ послѣдствіи, народною въ цѣлой Италіи. Многіе оспаривали, что сочиненіе этой оригинальной мелодіи не принадлежитъ собственно Гарціа; но совершенно-несправедливо, потому-что онъ дѣйствительный ея композиторъ. Оперы Гарціа давались на бѣльшей части испанскихъ театровъ и имѣли успѣхъ; но страна эта сдѣлалась уже слишкомъ тѣсною для его артистическаго честолюбія; жажда пріобрѣсть извѣстность во всемъ музыкальномъ мірѣ не давала ему покоя, и она-то заставила его отправиться въ Парижъ.

До-сихъ-поръ Гарціа никогда не пѣлъ по-итальянски и не изучалъ основательно искусства пѣнія; но, прибывъ въ столицу Франціи, осмѣлился, 11-го февраля 1808 года, дебютировать на сценѣ Италіанской-Оперы въ «*Гризелль*» Паэра, и успѣхомъ своимъ заставилъ забыть дерзость своей попытки. Его пылкая душа и необыкновенная музыкальная организація давали ему возможность торжествовать надъ всѣми трудностями. Не прошло еще мѣсяца со времени поступленія его въ Италіанскую-Оперу, какъ онъ уже сталъ главою всей оперной труппы, составленной изъ артистовъ замѣчательныхъ, обладавшихъ талантами неоспоримыми,

но нѣсколько холодныхъ. Гарція, такъ сказать, воодушевилъ, согрѣлъ ихъ своею пылкостью. Гаря, справедливѣйшій цѣнитель всѣхъ достоинствъ и недостатковъ пѣвцовъ, говорилъ тогда объ немъ: «Я люблю андалузское неистовство этого челоуька: оно одушевляетъ всѣхъ». Въ это самое время Гарція познакомился со всеми лучшими музыкантами столицы, и между прочимъ съ Феттисомъ (старшимъ), который приобрѣлъ его дружбу. 13-го марта 1809 года, въ бенефисъ Гарція, дана была собственная его монодрама: «*El poeta calculista*», въ которой онъ пѣлъ превосходно. Энтузіазмъ, возбужденный въ публикѣ испанскою музыкаю, въ первый разъ слышанною въ Парижѣ, дошелъ до неистовства; требовали, чтобы пѣвецъ повторилъ четыре мѣста. Наконецъ Гарція нашелся вынужденнымъ прекратить представленія этой пьесы, ибо повторяющіяся каждый разъ изьявленія общаго восторга и уваженія, сдѣлались для него слишкомъ уже тягостны.

Въ началѣ 1811 года Гарція отправился въ Италію, посѣтилъ Туринъ, Неаполь, Римъ, и вездѣ былъ принимаемъ, какъ отличный артистъ-пѣвецъ. Мюратъ, въ 1812 году, далъ ему почетный титулъ перваго тенора своихъ домашнихъ музыкантовъ и своей капеллы. Время это составляетъ для Гарція ту эпоху, когда онъ приобрѣлъ теоретическія познанія въ искусствѣ пѣнія. Въ Неаполѣ онъ вошелъ въ дружескія отношенія съ Аизани, однимъ изъ лучшихъ теноровъ старой итальянской школы. Совѣты этого артиста открыли ему тайны искусства, и сдѣлались основаніемъ той методы, которую, въ послѣдствіи, употреблялъ славный пѣвецъ при образованіи своихъ учениковъ. Въ 1812 году, Гарція поставилъ на театрѣ Санъ-Карло, въ Неаполѣ, свою оперу «*Калифъ Багдадскій*», которая принята была съ восторгомъ. Въ 1815 году, Россини написалъ для него, въ томъ-же городѣ, одну изъ ролей въ «*Елизаветъ*», а въ слѣдующемъ году, въ Римѣ, маэстро назначилъ ему роль *Альмавивы* въ «*Севильскомъ цирюльникѣ*». Прибывъ въ Парижъ, въ концѣ 1816 года, Гарція дебютировалъ, 17-го октября, въ качествѣ перваго тенора Итальянскаго-Театра, который находился тогда подъ управленіемъ славной *Каталани*. Постоянные аматеры и любители итальянской оперы, замѣтили успѣхи въ искусствѣ, сдѣланные артистомъ въ Италіи, и роль *Паолино* въ «*Ита-троніо segreto*» Чимарозы, была для Гарція истиннымъ торжествомъ. Слава его упрочилась въ «*Гризельдѣ*» (Пазра), въ *Калифѣ Багдадскомъ* (Гарція), въ *Italiana in Algeri* (Россини), въ *Così fan tutti* и *Nozze de Figaro* (Моцарта). Вскорѣ потомъ, утомленный мелочною хлопотливостію и придирками театральной дирекціи, равно и тѣмъ, что директриса, неумѣстными и заслуживающими

порпцаніе распоряженіями, желала поставить его, въ своей труппѣ, на второстепенное мѣсто, Гарція уничтожилъ контрактъ и уѣхалъ въ Англію, въ концѣ 1817 года. Въ теченіе этого года онъ написалъ для Комической-Оперы «*Le prince d'occasion*», въ 3-хъ дѣйствіяхъ; опера это была поставлена на сцену въ мартъ мѣсяцъ, но имѣла мало успѣха. Въ Лондонѣ Гарція пѣлъ вмѣстѣ съ г-жою *Фодоръ*, въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и во многихъ другихъ операхъ стараго и новаго репертуара. По возвращеніи въ Парижъ, въ ноябрь мѣсяцъ 1819 года, онъ снова явился на сцену Италіянскаго-Театра, въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», который давался тогда въ первый разъ, и наконецъ заставилъ Французовъ оцѣнить музыку Россіи. Съ этого времени до 1824 года Гарція болѣе не оставлялъ парижскаго Италіянскаго-Театра, и эпоху эту можно разсматривать, какъ самую блистательную въ его жизни, на поприщѣ пѣвца и композитора. *Отелло*, *Донъ-Жуанъ*, *Цирюльникъ*, дали ему возможность выказать всю разнообразность своего великаго таланта и всѣ превосходныя качества своей энергической игры, съ которою ничто не можетъ сравниться. Онъ написалъ для Оперы «*Великаго Ламу*» и «*Рожденіе Грацій*», но произведенія эти не были поставлены на сцену. Двѣ другія оперы, каждая въ трехъ дѣйствіяхъ, «*Смерть Тасса*» и «*Флорестанъ*», были счастливыѣ, и разыграны въ 1821 и 1822 годахъ. Сверхъ того Гарція поставилъ на Италіянскомъ-Театрѣ, «*il Fazzoletto*», въ одномъ дѣйствіи, а на сценѣ *Gymnase-dramatique* «*la Meunière*». Въ эту-же эпоху онъ началъ заводить школу пѣнія, которая, по своимъ результатамъ, поставила его на ряду съ превосходными и лучшими профессорами столь труднаго искусства.

Весною 1824 года, онъ возвратился въ Лондонъ, въ качествѣ перваго тенора Королевскаго театра. Не-смотря на заботы, которыми обременяла его служба на сценѣ, онъ возобновилъ свои уроки пѣнія и пользовался такою славой, что иногда къ нему собиралось до 80 учениковъ. Въ это-же время Гарція окончилъ вокальное образованіе своей дочери, славной *Маріи Малибранъ*. Въ 1825 году она въ первый разъ явилась на Лондонской сценѣ, въ роли *Розины*.

Давно уже Эмануэль имѣлъ въ головѣ своей планъ составить труппу для театра въ Нью-Йоркѣ, но осуществилъ его только въ этомъ году и съѣлъ на корабль въ Ливерпуль. Труппа, которую онъ везъ съ собою въ Сѣверную Америку, состояла: изъ него самого, тенора *Криселли* (сына), пѣвцовъ-буффовъ: сына его *Эмануила* и *Ангразини*, *buffo-caricato* *Розика* и изъ пѣвицъ: *Бар-*

біери, Гарціа и его дочери, Маріа. Подобное соединеніе талантовъ для Американцевъ было слишкомъ необыкновенно, а потому жители Нью-Йорка приняли ихъ съ энтузіазмомъ, который сдѣлался наконецъ безпредѣльнымъ. Гарціа, попеременно, восхищалъ ихъ операми: *Отелло*, *Ромео* (Цингарелли), *Il Turco in Italia*, *Донъ-Жуаномъ*, *Танкредомъ*, *Ченгеритолой*, наконецъ «*L'Amante astuto*» и «*la Figlia de l'aria*, піесами, написанными имъ самимъ, для дочери и Ангривани. Успѣхъ этого предпріятія былъ такъ великъ, что Гарціа никогда-бы не подумалъ оставить Нью-Йорка, если-бы только суровость климата не имѣла вліянія на органы пѣвцовъ. Почему онъ, въ 1827 году, съ труппою своею переехалъ въ Мексикку, климатъ коей болѣе благопріятствовалъ здоровью артистовъ. Здѣсь первая свои оперы давала они на итальянскомъ языкѣ; но Мексиканцы, очень-любившіе музыку, вовсе не понимали словъ. Налобно было сдѣлать переводъ, и опять таки Гарціа-же выполнялъ этотъ ужасный трудъ. Между тѣмъ въ Мексикѣ восгорѣлись страшныя междоусобія и несчастная страна сдѣлалась жертвою враждебныхъ партій, которыя, презирая всѣ народныя права, открыто грабили иностранцевъ. Видя такое жалкое состояніе Мексикки и чувствуя необходимость въ отдыхѣ, Гарціа, послѣ полуторагодоваго пребыванія тамъ, посвѣшилъ возвратиться въ Европу; почему, собравъ все, что у него было наиболее драгоценнаго, онъ отправился съ семействомъ и труппою къ Вера-Круцу, гдѣ думалъ сѣсть на корабль; но во-время переезда чрезъ горы, отдѣляющія Мексикку отъ моря, на него напала шайка замаскированныхъ разбойниковъ, обратила въ бѣгство данный ему отъ правительства конвой, и совершенно ограбила, оставивъ съ женою, дѣтьми и товарищами безъ платья, безъ съѣстныхъ припасовъ, среди голыхъ и пустынныхъ ущелій. Между-прочимъ у него отняли шкатулку, въ которой находилось тысячу унцій золота. Словомъ, Гарціа, при этомъ случаѣ, потерялъ всѣ плоды трудовъ своихъ и долгихъ страствованій. Говорятъ, что онъ лишился до мпліона франковъ. Наконецъ ему удалось сѣсть на корабль и возвратиться въ Европу.

Послѣ всѣхъ этихъ несчастій Гарціа однако-жъ не потерялъ духа; онъ прибылъ въ Парижъ, завелъ тамъ школу пѣнія, которая посѣщалась многими артистами и пѣвственными аматерами. Благородная страсть къ искусству, заботы о воспитаніи дѣтей, вскорѣ утѣшили его и залечили прежнія раны. Въ сердцѣ артиста покорность судьбъ есть уже надежда, потому-что съ нею связывается предчувствіе будущаго. Онъ явился было опять на сценѣ Италіанскаго-Театра; но льта, труды и несчастія истощили его голосъ;

онъ повялъ, что ему нельзя больше продолжать поприще пѣвца и потому навсегда удался со сцены. Вполнѣ предавшись заботамъ по музыкальному образованію своихъ учениковъ и трудамъ по композиціямъ, онъ провелъ въ тишинѣ послѣдніе годы жизни своей, и умеръ въ Парижѣ 2 іюня 1832-го года, пятидесяти-восьми лѣтъ отъ рожденія.

Гарція надѣленъ былъ сильнымъ, звучнымъ, обширнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легкимъ и гибкимъ органомъ—теноромъ. Въ голося его заключалось больше двухъ октавъ. Онъ имѣлъ всѣ качества великаго пѣвца. Издаваніе звука, раскрытіе дыханія, исполненіе украшеній пѣнія, вѣрность интонаціи, доведены были у него до высочайшей степени совершенства. Притомъ онъ обладалъ безпримѣрною музыкальною организаціею, и съ талантомъ великаго пѣвца соединялъ талантъ великаго актера. Важнѣйшія качества пѣнія и игры Гарція были: удивительное и всегда вѣрное музыкальное чувство, страсть, огонь, энергія въ голосѣ и въ движеніяхъ. Онъ умѣлъ усвоивать представляемое имъ лицо, положеніе и чувствованія его, и былъ чрезвычайно-разнообразенъ, являясь великимъ и неподражаемымъ какъ въ трагическомъ, такъ и комическомъ родѣ.

Наконецъ онъ, какъ пѣвецъ и какъ актеръ, обладалъ свойственнымъ только ему одному непреодолимымъ жаромъ исполненія, и въ этомъ отношеніи не имѣлъ себѣ соперника. При глубокомъ познаніи музыки, онъ прибѣгалъ къ украшеніямъ въ пѣніи съ чрезвычайнымъ разборомъ и вкусомъ, хотя въ граціозныхъ роляхъ доводилъ иногда употребленіе фіоритуръ до излишества. Пламенное воображеніе снабжало его новыми формами фіоритуръ, и онѣ-то дѣлали изъ его пѣнія нечто оригинальное и новое. — Для него не существовало дурной музыки и не было ролей, которыхъ-бы онъ не выполнялъ съ равнымъ совершенствомъ; но истиннымъ торжествомъ его въ высшей степени разнообразнаго и великаго таланта, были роли: *Графа Альмавивы*, *Отелло*, *Донъ-Жуана*. Надобно было именно слышать Гарція въ роли Отелло, чтобы еще болѣе почувствовать красоты и достоинства музыки. Гарція былъ истинный шекспировскій Отелло. Нота его то звучала, какъ колоколь, и потрясала слушателей, когда Отелло выражалъ свою ярость, то трогала до невѣроятной степени, когда растерзанная душа Мавра обращалась къ самой себѣ. Каждая поза, каждое движеніе, были просты и благородны, или величественны и ужасающы. Этою ролю Гарція производилъ невыразимое впечатлѣніе. — Роль Донъ-Жуана, передоженную

для тенора, кажется, имъ самимъ, онъ исполнялъ съ неподражаемымъ искусствомъ, и былъ тѣмъ единственнымъ пѣвцомъ-актеромъ, который умѣлъ осуществить идеалъ Моцартова Донъ-Жуана. Знаменитые музыкальные критики единогласно отзывались, что не было и вѣтъ такого Отелло и Донъ-Жуана, каковъ былъ Гарція. Въ обѣихъ роляхъ рѣшительно у него не было соперниковъ. Самое воспоминавіе объ отличномъ исполненіи Гарція ролей этихъ почти изгладилось и перешло въ вѣчто преувеличенное, потому-что уже не видятъ на сценѣ ничего подобнаго. — Вотъ каковъ былъ геній Гарція, какъ пѣвца-актера. Словомъ, это величайшій пѣвецъ повѣйшихъ временъ. — Главнѣйшіе пѣвцы и пѣвицы, образованные имъ, были: *Э-жи Малибранъ, Римболтъ, Рюизъ-Гарція, Мерикъ-Даландъ, Фавелли, Графиня Мерзичъ*; Г-да *Адольфъ Нурри, Жеральди* (теноры), сынъ, *Эмануиль Гарція*, превосходный профессоръ пѣнія въ Парижѣ.

Какъ композиторъ, Гарція не вріобрѣлъ той славы, которою пользовался, какъ пѣвецъ. Вообще, легкость сочинять у него была истинно велика; онъ писалъ чрезвычайно-скоро, но мало вникалъ въ сущность своихъ музыкальныхъ идей, не отдавалъ себя отчота и не дѣлалъ имъ строгаго разбора, дабы пользоваться лучшими и соответствующими сюжету. — Произведенія его рѣдко пользовались рѣшительнымъ успѣхомъ; за то онъ и легко утѣшался, въ случаѣ ихъ падевія, потому-что написать ихъ стоило ему небольшого труда, — Нельзя не придти однакожъ въ чрезвычайное удивленіе отъ-того, что, среди своей драматической и исполненной приключеній жизни, онъ успѣлъ написать такое огромное число оперъ, извѣстныхъ подъ его именемъ. Надобно замѣтить притомъ, что онъ оставилъ еще большое количество оперъ неизданныхъ, изъ коихъ даже названія нѣкоторыхъ вовсе неизвѣстны.

Драматическія произведенія его можно раздѣлить на три отдѣла:

I. *Испанскія оперы*: 1) *El preso*, въ одномъ дѣйствіи, — въ Мадридѣ; 2) *El posadero*, въ одн. д. — въ Мадридѣ; 3) *El preso por amor*, монодрама — одн. д. 4) *Quien porfia mucho alcanza* опер. — одн. д.; 5) *El Relaxa de Madera*; 6) *El criado fingido* — одн. д. 7) *El Cantiverio oparente*, въ-двухъ д.; 8) *Los Ripios del maestro Adan*, — одн. д.; 9) *El Hablador*; 10) *Florinda*, монодрама; 11) *El poeta calculista*, 1805 г. — одн. д. Все эти произведенія были играны въ Мадридѣ. 12) *Abufar* — 3 д., въ 1828, въ Мексикѣ; 13) *Semiramis* — 3-д., въ 1828 г., тамъ-же; 14) *Acendi*, въ двухъ д.; 15) *El sitano por amor*, въ двухъ д.; 16) *Los Maridos sclteros*, въ двухъ д., въ Мексикѣ; 17) *Xaira*, въ двухъ д., тамъ-же.

II. Итальянскія оперы: 18) *Il Califo di Bagdad*, 1812 г. въ Неаполѣ; 19) *La silva nera*, балетъ въ 3-хъ д., въ Миланѣ; 20) *Il Fazzoletto* — одн. д., 1823 г., въ Парижѣ; 21) *Astuzie e prudenza*, — одн. д., 1825 г., въ Лондонѣ; 22) *L' Amante astuto*—одн. д., 1827 г., въ Нью-Йоркѣ; 23) *La Figlia dell'aria*—одн. д., въ 1827 г., тамъ-же; 24) *Il Lupo d'Ostende*—2-ва д., 25) *Il Banditi*, 2-ва д., 26) *La buona famiglia*, одн. д., слова самого Гарція; 27) *Don Chisciotte*, 2-ва д., 28) *La Gioventu d' Enrico V*, два д., 29) *Le tré sultane* 2-ва д., 30) *Un ora di matrimonio*, слова итальянскія и испанскія, играна въ Мексикѣ; 31) *Zemira и Azor*, 2-ва д., 32) пять небольшихъ оперъ, съ аккомпаниментомъ фортепьяно, подъ названіями: *L'isola disabitata*, *Li Cinesi*, *Un avvertimenti ai Gelosi*, *Tre gobbi*, *Il finto sordo*.

III. Французскія оперы: 38) *Le prince d'occasion*, 3-ри д., на сценѣ въ Комической-Оперы, 1817 г., 33) *Le grand Lama*—3-ри д., слова Жуи, неиграна; 35) *L' origine des Grâces*— д., — неиграна; 36) *La mort du Tasse*, 4-ре д., въ 1821 г., 37) *Florestan*—3-ри д., 1822 г., — объ играны въ Оперѣ; 38) *Sophonisbe*—3-ри д., слова Жуи, неиграна; 39) *La meunière*—1-но д. 1823 г., на театрѣ Gymnase dramatique; 40) *Les deux contrats*, 2-ва д., 5-го марта 1824 года, на сценѣ Комической-Оперы.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

НИКОЛАЙ РОДИОНОВИЧЪ

СУДОВЩИКОВЪ,

АВТОРЪ КОМЕДИИ: «НЕСЛЫХАННОЕ ДИВО, или ЧЕСТНЫИ СЕКРЕТАРЬ».

— Отъ 1780 до 1795-го года, —разсказывалъ мнѣ покойный мой родитель лейбъ-конной гвардіи поручикъ, а послѣ прямо отъ арміи подполковникъ, съ порученіями при Потемкинѣ-Таврическомъ и съ правомъ носить всевозможныя кавалерійскіе мундиры*, —

* Кроме однакожъ гусарскаго и козачьяго. Преразорительное это было дѣло! У батюшки моего тогда было три мундира, въ разныхъ ихъ перемѣнахъ, а именно: кирасирскій - екатеринославскій, карабинерный-легкоконный, конпоегерскій и все это, кроме статскихъ, наместническихъ, дворянскихъ, на которые онъ также имѣлъ право! Бывало разореніе да и только, а не разорялись: ужасная была на все дешевизна, а по ней — и денегъ въволю..! Соч.

отъ 1780 до 1795 года, — пзволилъ разсказывать мнѣ батюшка, — онъ имѣлъ очень-богатую, особую квартиру въ Семеновскомъ полку; и какъ весело жилъ онъ тутъ да поживалъ! Не было того дня, чтобъ кто-нибудь у него не обѣдывалъ изъ товарищей, сослуживцевъ; батюшка былъ семейный и, вотъ лишь только ударитъ обѣденное время, глядитъ, къ нему на дворъ ѣдутъ друзья Зубовы, шалуя cousin его Комынинъ, Толстой, Шаховской и мало-ли кто?—Рай да и только! Бывало, лишь проснется, парикмахеръ начнетъ убирать ему голову, а подъ окошкомъ ужъ кричатъ: «А кому-бы на камскую птицу посмотреть?» Проказникъ мужичокъ хаживалъ, рыжіи и борода у него была такая окладистая. Случается тутъ Комынинъ, а пуще того Іевлевъ, — зазовутъ мужика... Придетъ, за плечами большой коробъ, а въ немъ-то и камская птица, открюютъ... Чтò-жъ ты, сударь мой! тамъ сидитъ ворона или галка крашеная, или лентами убранная—смѣхъ такой пойдетъ! «Водки мужику!» Давай мужику завивать бороду, припекать, пудрить, помадить ее—уберутъ мужика, да и червонецъ ему, или два въ руки! Смотришь, на другой день, изъ такой-же прибыли, тотъ-же мужикъ кричитъ: «А вотъ свинка, золотая щетинка!» Вскроютъ ящикъ—котъ или щенокъ!.. Говорю много, а въдъ все еще не тó сказываю, чтò-бы настоящимъ дѣломъ хотѣлъ сказать вамъ. Начинаю еще разъ съ-изнова: «Отъ 1780 до 1795 года,—продолжалъ покойный мой батюшка,—у насъ въ Петербургъ бывало только-что и словъ о шалостяхъ, да о проказахъ нѣкоторой вашей молодежи! Послушаешь, того отпѣли на билиардъ, тому привязали пучекъ къ стулу, тамъ, въ тѣнотѣ, сшили иглою двухъ барынь и тѣмъ очень, очень потревожили ихъ фуру-ферме; обыграли кого..! Но Екатерина Великая, снисходя ко многимъ шалостямъ дѣтскимъ, противъ игры сильно возставала и объявила противу нея строжайшее узаконеніе!

— Въ эти-то описываемыя мною петербургскія времена, весьма-нерѣдко, на самыхъ молодецкихъ и развеселыхъ вечеринкахъ, со многими, болѣе или менѣе ихъ посѣщавшими, встречался между прочими молодой человекъ, довольно-скромный по виду, но почти всегда растрепанный, франтовски прикрытый модою и въ то-же время какъ будто-бы полураздѣтый; въ рукахъ у него всегда вертѣлась колода картъ, или, по-крайней-мѣрѣ, разгуливали, изъ той-же колоды, выдержки тузовъ, дамъ, двоекъ. Но вотъ начнетъ говорить и на устахъ его такъ и скачутъ, такъ и прыгаютъ всякія рифмованныя остроты; молодежь слушаетъ ихъ съ жадностью и — помраетъ со смѣху! Большой проказа былъ въ то время этотъ молодой человекъ,—картолюбецъ, шутитъ себя, по-

игрываетъ, поетъ, а гдѣ надо, такъ ужь никому не спустить и добрую бранью; его любили придерживать не только кто-нибудь, но и помянутые записные молодцы на проказы — Комынинъ, Іевлевъ, Рахмановъ и мало-ли кто, изъ занятыхъ своими оборотами около достаточныхъ неучей и простофиль, посѣщавшихъ для того или для сего Петербургъ. Описываемый мною удамецъ былъ. Но кто-же», спрашиваете вы меня наконецъ, «кто былъ—этотъ молодчикъ»? Вамъ любопытно знать это? Извольте, отвѣтъ готовъ: это былъ нѣкто чиновникъ Николай Родіоновичъ Судовщиковъ, доброе сердце, благородная душа, но забубенная головушка и — поэтъ. Ему преимущественно покровительствовалъ тогда Николай Ѳедоровичъ Эминъ, известный писатель; принимали также въ-немъ участіе Генераль Прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземской, (въ домъ котораго и жилъ Судовщиковъ), Оберъ-Шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ и многіе другіе; но проказы Судовщикова безпрестанно ссорили его то съ полиціею, то съ судебными мѣстами, такъ-что при всей протекціи своей, ему не возможно было отыгрываться то отъ штрафованій, то отъ замчаній. Въ этихъ случаяхъ оставалось для него одно только утѣшеніе: мстить врагамъ своимъ сатирою, и вотъ послѣ многихъ, имъ-же пуценныхъ эпиграмъ, то на то, то на другое, была имъ написана и небольшая, комедія въ стихахъ, подъ названіемъ: «Не знаешь, не ревнуй, а «знаешь, такъ молчать». Очень-много хорошаго въ этой піесѣ, но какъ догадывались, въ ней, подъ именемъ *Крючкомовора*, выведенъ былъ секретарь Надворнаго Суда Р., который былъ въ кумовствѣ съ секретаремъ Управы Благочинія Л.; скоро дошло до начальства, и піеса Судовщикова была немедленно остановлена; въ этой-же піесѣ обрисованъ былъ и самъ Эминъ, (благодѣтель поэта) подъ именемъ стихотворца *Хорел*, искавшаго сердца какой-то вдовушки, которую, въ-самомъ-дѣлѣ, берегъ для себя дѣлецъ секретарь Р. Въ піесѣ очень-много острыхъ и хорошихъ стиховъ. Вотъ напримѣръ монологъ Быстрял, слуги; прочтите его и вся картина тогдашнихъ нравовъ явится передъ вами, какъ на блюдечкѣ. Вотъ что проповѣдуетъ вамъ бойкій слуга, вѣрный посланникъ съ цидулочкой отъ своего господина; онъ достигъ пріемной—души и рая чувствъ господскихъ; ни шага далѣе: тамъ уже предѣлъ ходу лакейскому—спалня! Онъ остановился и съ восторгомъ запѣлъ слѣдующее:

Насилу доплылъ я до пристани утѣхъ,
 Гдѣ бѣдный баринъ мой досаду, стыдъ и смѣхъ
 За пѣсенки свои любовныя срываетъ;
 Не первый вътрогонъ, надъ кѣмъ судьба играетъ!
 Ужъ я-ль не молодецъ! И мнѣ-ль въ любви *жсернакъ*...
 Взгляну лишь на красу и сдѣлаюсь дуракъ.
 Какъ могъ сообразить Быстрій, слуга почтенный,
 Что ловкость, красота, умъ тонкій, вкусъ безцѣнный
 Безъ денегъ пустяки?—Вотъ какъ развратенъ свѣтъ!
 Съ рублями ангелъ ты, уродъ, какъ денегъ нѣтъ!
 За все про все плати. Честь, славу и почтенье,
 Все купишь съ молотка; — такъ строить просвѣщенье!

Послѣдніе пять стиховъ и въ наши дни еще не потеряли, совершенно своего достоинства... И мы еще готовы повторить:

За все про все плати. Честь, славу и почтенье,
 Все купишь съ молотка!

Не доканчиваю только тѣмъ, что строить-ли всё это *просвѣщенье*, въ истинномъ его значеніи!.. Но посмотримъ, что далѣе говоритъ Быстрій. Опять, у него сентенція вотъ какая:

Всякъ правомъ золота невинность утверждалъ;
 Ну словомъ, кто богатъ, тотъ въ мѣрѣ и—капраль!

Далѣе, Быстрій обращается къ своему барину Вътрогону и говоритъ:

Посмотримъ-ко, на чомъ мой баринъ козырь вскрыетъ!
 Сдается что-то мнѣ, что рокъ намъ яму роетъ!
 Соперники — рифмачъ, подъячій и купецъ, —
 Не страшны право всѣ: глупца ведетъ глупецъ!
 Да то бѣда, и мы чай по-пусту пылаемъ!
 Послѣдній грошъ идетъ у насъ, бѣдняжка, краемъ!
 Дней съ шесть всю талію Французъ тувомъ убили!
 Отмстил я; темную злодѣю подпустилъ,
 И вышибъ напорцевъ, оливокъ, макаронувъ,
 На тысячу рублей—подъ вексель Вътрогоновъ,
 Да послѣ за пять-сотъ Лафлеру это сдалъ!
 Гляжу, лишь фабрикантъ бумажный пострадалъ;
 А имя подмахнуть вѣдь намъ ужъ не учиться!
 Сытъ храбрый рыцарь мой! И ну! опять рѣзвиться!
 Онъ въ нѣсколько часовъ протеръ рублемъ глаза!
 Теперь застигла насъ безденежна гроза.

Хоть гресни, право, пѣтъ копѣйки за душою,
 А даромъ подцѣпить служанку съ госпожою —
 Ой! шуточка стара и въ дѣло не пойдетъ:
 Сухая ложка ротъ вѣдь на Руси деретъ.
 Хотя что ни говори, всему есть вѣсъ и плата;
 Не рѣдко продають жену, сестру и брата,
 Кривятъ всей совѣстью, — цѣна коль хороша...
 И словомъ: все живеть и дышетъ съ барышня.

Послѣ всѣхъ сумароковскихъ и княжвинскихъ Скапиновъ, Лафлеровъ и проч. и проч., переименованныхъ въ Полисты, Оадси и Тимофен — Судовщикова Быстрой, едвали еще не самый первый на нашей сценѣ русскій коренной холопъ, который и говоритъ и мыслить именно по-русскому.

Въ стихахъ Судовщикова, по-видимому, есть очень-много неясностей и недоговорокъ; но въ томъ-то и сила, въ эти неясности и недоговорки стоятъ сами за себя, въ нихъ вездѣ наше коренное русское: *смикай, мотай себѣ на усъ*. Тутъ лакейскій языкъ весь особъ-статьей, и поясняется для всѣхъ и всякаго только мастерскою игрою актера. Затруднительны также для понятія нѣкоторыхъ слова техническія по дѣламъ игрецкимъ; такъ напри- мѣръ: *жернакъ, козырь вскроетъ, грошъ идетъ краемъ, темную подпустилъ* и проч., и проч., но онѣ болѣею частію были уже въ то время народными, следовательно, понятными и забавными для тѣхъ зрителей и слушателей, которымъ ихъ понять было нужно. — Краса, служанка, въ этой комедіи Судовщикова, по языку своему также не переводная, а настоящая русская боярская барышня. Вотъ какъ она поговариваетъ при встрѣчѣ своей въ Бы- страемъ:

«Ты, здѣсь, Быстрой, курьеръ для двѣушекъ опасный!»

Быстрой, тотчасъ понялъ значеніе этой шутки и, какъ разъ своего манерою, заимствованною изъ лакейскихъ того времени, отвѣчаетъ:

«Изволите шутить? Повѣрьте, трудъ напрасный!
 Слуга покорный вашъ не промахъ вѣдь и самый!
 Быстрой — боюсь! — сухарь, красѣ не по зубамъ;
 И вѣкъ она его, конечно, не раскусить;
 Стучать въ языкъ онъ хватъ, ужъ развѣ палки струситъ;
 Къ чему издѣвки тутъ: «опасный я курьеръ!»
 Ты что за выскочка? Положимъ, напри- мѣръ,
 Не нравлюсь я тебѣ; ну, подио, мы и квиты,

Не всё красавицы построены из плиты,
Я чаю не у всѣхъ желѣзные сердца:
Иная и меня полюбитъ молодца!

Тутъ Быстрій поохорошился, сильно почувствовалъ свое достоинство, и дерзкій поцѣлуй его готовъ неожиданнымъ налетомъ прильнуть къ губкамъ Красы, но Краса не такого поля ягодка, чтобы позволять съ собою что-нибудь лишнее. Посмотрите, какъ язвительно отпочивала она по-своему Быстрая! Ловко извернувшись, она вотъ чѣмъ принудила къ ретирадѣ волокиту-холона:

Вотъ прямо щегольски! За то, что я сознаясь,
Что въ вашу западню моя душа попалась,
Что ты, Быстрій, мнѣ мнѣ, надулся, какъ кубарь!

Быстрій отшатнулся самъ и самъ нашолся слѣдующимъ, чисто холопскимъ-же:

А ты, почной алмазъ, души моей фонарь! —
Нельзя-ли язычку, сударыня, дать кашки?
Безспорно, всё сердца нижайши слуги ваши;
Безспорно, что теперь въ плѣну сижу и я!..

Такимъ точно натуральнымъ образомъ продолжается и весь разговоръ Красы съ Быстрыемъ. Въ разговорѣ-же, при господахъ, у нихъ хотя языкъ и тотъ-же, но уже закрадывается въ него какая-то французская дерзость. Напримѣръ, у насъ еще слуги, и до сей поры, не позволяютъ себѣ говорить господамъ такихъ замѣтокъ, какую передаетъ о своемъ баринѣ Быстрій г-жѣ Прятѣ. Вотъ она:

Позвольте на ушко сказать мой вамъ секретъ:

Каковъ есть Вѣтрогонъ (т. е. баринъ Быстрій), набить такими свѣтъ.

Или можно-ли такъ лакею говорить при г-жѣ хоть-бы жепъ своей, не только любовницѣ:

Да, вѣрю я тому, что давеча сказала —
Обнову, помвишь ты? Она мнѣ не пристала;
Боюсь, чтобъ не попалъ я, доброй молодець,
Въ олени изъ мужей на модный образецъ!

Не спору, однакожъ, что и наша фаворитка-служанка, съ барыней, наединѣ, можетъ сказать ей, какъ и Красаговорить:

«. Всѣ женщины орѣхи!

Ихъ должно раскусить, найти чтобъ въ нихъ зерно, и проч.

Наединѣ, съ глазу на глазъ, мало-ли что можно говорить и дѣлать! Впрочемъ, надо распознать, какого рода была Пріята — женщина, дама, барыня. Въ ней ищутъ и требуютъ руки ее—поэтъ, офицеръ, секретарь и купецъ; смѣшеніе такихъ состояній, конечно, составляетъ странность, но она допущена, слѣдовательно, и возможна!

Собственный монологъ Крюкостроя, посвятившаго Пріату, какъ мысль, ему только принадлежащая, весьма-забавенъ; вотъ что онъ думаетъ въ-слухъ:

« Напишемъ протоколъ, законы подведемъ.

Завяжемъ узелокъ и — выиграемъ дѣло:

Верти на свой салтыкъ, толкуй указы сибѣло,

Запутай мозгъ судей: вотъ въ формѣ секретарь!

..... Я совѣстью янтарь,

Такъ свѣтель и такъ чистъ, не слыхивалъ про взятки,

Бумагами кручу, не знаю вѣкъ оглядки;

Сестра моя беретъ все съ задняго крыльца.

Иной тащить къ намъ харчъ, тотъ водки, тотъ пивца,

А этотъ деньгами нижайшаго снабжаетъ;

И словомъ, всякъ истецъ приказнымъ помогаетъ;

Безъ презентенціи пойдетъ-ли въ ходъ рука?

Подмажь лишь истину и сунь изподтишка,

Увидитъ секретарь, что есть коѣ-что въ лапкѣ,

Такъ дѣло-то тоѣ минуту будетъ въ шапкѣ • и проч.

Конечно, такой истинны ни одинъ судья, ни одинъ секретарь никому раскрывать не станетъ; но думать о ней съ самимъ-собою кто запретить? И смиренный и недобрый судья, или секретарь, и Степанъ и Иванъ изъ нихъ, у котораго уже пошла въ ходъ рука, разумѣется, такъ думаютъ, а не иначе..

Сцена Крюкостроя съ купцомъ Аршиномъ, тоже, можетъ-быть, покажется не для всѣхъ близкою къ истинѣ: Аршинъ излишне смѣло судить съ Крюкостроемъ. Это совсѣмъ не натурально; — но Аршинъ великій денежный аристократъ, а денежка и камень долбитъ, и потому-то, не запинаясь, онъ излагаетъ его благо-родію:

« Городишь пустяки! Ужель *красиво* съмя

Бездушвыя арцы и демонское племя,

*Пляшцы, что кровь карманную сосутъ,
Уже-ль они съ любви, какъ съ просьбы, взятки рвутъ?
У насъ не отобьеть, хоть кто, повѣрь, здѣсь лавки!—*

Чтобы показать достоинства всей этой комедіи, надобно было бы списать ее всю; а ее даже не допустили, въ свое время, и до сцены! Но въ 1811 году, когда я издавалъ неудачный мой «Журналъ Драматическій», пріятель мой и писатель своей поры, вѣкто В. С. Раевскій, доставилъ мнѣ рукопись этой піесы, для напечатанія въ журналъ; я исполнилъ его волю, и уже послѣ усмотрѣлъ, что въ одной изъ ея сценъ, были включены, вѣроятно, Раевскимъ, *Самойловъ* и *Дюпоръ*, а объ нихъ въ Судовщиково время не было еще и въ поминѣ!

Спустя годъ или два по напечатаніи этой піесы, не упомню, которой-то изъ нашихъ московскихъ актеровъ далъ ее въ свой бенефисъ, потомъ сыграли ее еще разъ или два, и тѣмъ кончили. На сценѣ нашей уже существовалъ новѣйшій *романтизмъ* съ вседевилями — и публика наша уже отвыкла отъ сатиры поучительной; притомъ-же, не имѣя у себя въ виду и хорошихъ актеровъ, не только, при комедіяхъ Судовщикова, но уже и при «Ябедѣ» и при «Хвастунъ», которыхъ привыкла почитать хорошими, она осталась равнодушною. Находились даже и такіе любители театра, которые прямо говорили, что не для чего терять времени на то, что и безъ театра извѣстно каждому, то по суду, то по расправѣ, взятки—торгъ, шагъ къ аристократіи денежной, удача и неудача,—предѣлъ общій въ жизни, обманъ въ торговлѣ, ему-же мѣсто и въ палатѣ, иначе найдешь мѣсто только подъ овномъ, со словомъ: «Христа ради!»

Вскорѣ послѣ описанной мною комедіи, проявилась упомянутая уже «Ябеда», комедія Капниста, вмѣстѣ серьезная и забавная сатира. Капнистъ имѣлъ друзей и связи, а притомъ и поэзія его приобрѣла себѣ достойную славу; Екатерина дозволила играть эту піесу. Между-тѣмъ у Судовщикова была уже и своя подобная-же сатира? это его *Неслышанное диво или честный секретарь* — ужасное дѣло! — опять секретарь и въ добавокъ еще честный. Рукопись сказанной піесы съ быстротою начала перелетать изъ рукъ въ руки. Многіе хотѣли видѣть ее потомъ на сценѣ, самой Императрицы она нравилась; но тутъ были факты оскорбительные, и особливо для начальника полиціи и, какъ говорили, тоже для предсѣдателя палаты. Піеса была брошена, но достигла однакожь до Великаго Князя Павла Петровича, который, въ-послѣдствіи, не только позволялъ играть ее, но и напечатать, а Судовщиковъ,

очень-скоро послѣ того, при учрежденіи Удѣловъ, получилъ для себя хорошее мѣсто. Въ Петербургѣ жилъ онъ, вмѣстѣ съ благодѣтелемъ своимъ Эмивымъ, на Садовой улицѣ, въ домѣ бывшаго генералъ-прокурора князя Вяземскаго; потомъ перевели его, по тому-же вѣдомству, въ Казань. Милліонеромъ думали встрѣтить его когда-нибудь; но поэту въ бесѣдѣ съ музами до наживъ-ли? Онъ проживалъ даже свое послѣднее. Корыстолюбіе въ сферѣ поэзіи задыхается...

— Завтра у насъ объѣдетъ двадцать человѣкъ, а не увидишь, какъ набѣжитъ и до полусотни, — такъ частенько говаривалъ Николай Родіоновичъ своей супругѣ: — смотри-жь, Аннушка не ударь лицомъ въ грязь!

— Душенька! иногда отвѣтитъ она: да у насъ нѣтъ ни гроша; а никто не повѣритъ.

— Заложи все, чтѣ есть; добулу денегъ, выкуплю.

И объѣдъ справлялся какъ нельзя лучше: шампанское било ключомъ, наливки въ *рюмкахъ по столику похаживали*; а полъ-вечеръ и жжовка разлитая кипѣла. Но Аннушка, или Анна Николаевна, много и потерпѣла отъ такихъ неожиданныхъ оборотовъ...

Въ-послѣдствіи Судовщиковъ достигъ своей цѣли: *Неслыханное диво* его вывезло; онъ служилъ по своей любимой части — при театрѣ; да ужъ крутыя горки укатали бурку!

Неслыханное диво или *честный секретарь*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, имѣла два или три изданія, да и теперь-бы еще очень годилась къ новой печати. Характеры въ ней выдержаны вѣрно, очерчены цвѣтисто, въ ней даже самыя классическія, или болѣе серьезныя роли, какъ напримѣръ: *Милены*, дочери Кривосудова, *ротмистра Прямикова*, и самого секретаря *Правдина*, поставлены натурально, и оттого они не устарѣли еще такъ, какъ подобныя-же роли въ *Ябедѣ*, *Хвастунѣ*, *Чудакахъ*, *Знатокахъ*, въ самомъ *Недорослѣ* и проч. Особливо вездѣ чудесна у Судовщикова комика; въ ней онъ такъ и рѣжетъ правду!

Начнемъ-же по порядку. Читайте. Вотъ языкъ *предсѣдателя* Кривосудова, *подрядчика* и *слуги* Провора.

проворъ (*входя*).

Подрядчикъ жлетъ, суларь.

КРИВОСУДОВЪ.

Пошли его сюда.

(Проворъ отворивши дверь, даетъ знакъ рукою.)

ПОДРЯДЧИКЪ, *входя, кланяется еще у са-
мыя двери въ поясъ, и съ
унизительною подлостью го-
воритъ).*

Я вашей честности надѣлалъ тьму труда.

Слуга ворча про себя, замѣчаетъ на это:

О!... честность наша спитъ; за ней немного дѣла.

ПОДРЯДЧИКЪ *(подходя ближе, продолжаетъ).*

Но слыша правды гласъ....

*(Почувствовалъ, что занесся слишкомъ-высоко, оста-
новился и закашлялся. Плутъ слуга, тотчасъ замъ-
тывъ это, подхватилъ въ-полголоса)*

Она ужъ онѣмѣла:

Ну! что ты лжешь?

Тутъ слѣдуетъ молодцоватый толчокъ подъ бокъ, и подрядчикъ, продолжая свое, подходитъ еще ближе къ Кривосудову, который, не слушая ихъ разговора, продолжаетъ писать; вотъ продолженіе рѣчей подрядчика:

Итакъ осмѣлился придти

Съ покорностію васъ, всецѣдраго, трудить

О выдачѣ должку»

(Кривосудовъ смотритъ гордо).

ПОДРЯДЧИКЪ, *вынувши изъ-за пазухи бума-
гу, говоритъ по ней).*

Оставшихъ тысяча, да нынѣшней весною
Дрова я поставлялъ — за то мнѣ девять-сотъ.
Четыреста додать еще за прошлый годъ. —
Да по внесенному мной счету къ вамъ въ Палату
Я долженъ получить семь-сотъ еще въ уплату,
А вкратцѣ объявить: три тысячи какъ разъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Подпишемъ завтра же для выдачи указъ;
Явись поранѣ!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Въ присутство — иль...

КРИВОСУДОВЪ (*перехватываетъ*).

Конечно!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Благодарю тебя, отецъ мой, всесердечно,
Вѣкъ богомолецъ я съ дѣтми и съ женой,
И всепреданиѣйшій до гроба рабъ я твой.

Здѣсь онъ кланяется и хочетъ идти вонъ, но Проворъ шепнувъ ему на-ухо:

Не думаешь-ли братъ свернуться здѣсь на балахъ?

тѣмъ останавливаетъ, и подрядчикъ, почесываясь и переминаясь, также въ-тихомолку спрашиваетъ:

Скажите, нужда здѣсь въ какихъ матеріалахъ?

На это у Провора тоже отвѣтъ не въ карманѣ; онъ по-прежнему шепчетъ:

Какой-же ты простякъ! Вѣдь здѣсь судейскій домъ:
Что хочешь, то носи; отказу нѣтъ ни въ чомъ.

Подрядчикъ хватъ себя за бороду, опять почесался, вынулъ бумажникъ, развернулъ его и пробормоталъ себѣ подъ носъ:

Нѣтъ! видно фантами опять не отвиляться.

Приходитъ съ сотенкой, хоть жаль, да разставаться!

Ой! праведны судьи! Вотъ тутъ-то ужъ вы мнѣ.

(*Показываетъ на макушку.*)

Попробуй-же не дать, такъ погостишь въ тюрьмѣ:

Резонты подведутъ. (*Подходитъ съ бумагою.*)

Всецелый благодаритель!

Я дерзость возымѣлъ, за вашу добродѣтель,

Осмѣлюся-ли вамъ представить сей презентъ? (*Подаетъ.*)

кривосудовъ, *(развернувъ.)*

О! о!.. да это, братъ, исправный документъ; *
Спасибо!

подрядчикъ, *(кланяясь.)*

Не на чемъ — прошу не прогнѣваться.

кривосудовъ.

Да что же ты стоишь? Изволь-ка здѣсь садиться.

подрядчикъ, *(кланяясь.)*

Не въ трудъ и постоять.

кривосудовъ.

Пожалуста садись:

Со мною на чинахъ, прошу, не обходишь;

Терпѣть ихъ не могу.

подрядчикъ, *(кланяясь.)*

Доволенъ вашей честью. *(Садится.)*

кривосудовъ.

А я горюю все: слугу послалъ къ помѣстью,
Чтобъ выслали сюда запасу и оброкъ:
Дождаться не могу. — Давно, давно-бы срокъ
Оттуда ему канальѣ возвратиться;
Пропалъ — и слуху нѣтъ. Не можно надивиться,
Куда дѣвался онъ!..

проворъ, *(въ-сторону.)*

Какія пули леть!

кривосудовъ, *(продолжалъ.)*

А у меня теперь всего не достаетъ:
Ни масла, ни крупы — муки хоть-бы пылинга;
А въ домѣ ѣсть хотятъ и люди и скотинка,
На рынкѣ дорого — не знаю, какъ и быть!

подрядчикъ.

Въ причинахъ таковыхъ мы можемъ пособить,
Буде въ угоду вамъ.

* Т. е. для прошлаго столѣтія. М.

приворъ, (въ сторону.)

Насилу догадался!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Я въ случаѣхъ торга доселѣ обрѣтался:

Продукты оныя имѣются у насъ;

За-утро-жъ предъявимъ, — лишь только-бы указъ...

Но указъ еще дѣло священное; обѣщанію-же и честному слову, сохраняя какую-то форменность, Кривосудовы не даютъ вѣры; у насъ вынь да положь, а до того мы и вотъ что найдемъ отвѣтомъ:

За-утро, братецъ мой, судейское есть слово;

А у просителей, чтобъ было въ мигъ готово.

У насъ такъ водится.

По опытамъ бывшихъ временъ, думаю, что въ подобномъ родѣ эта сцена сама натура! Но вотъ является и самъ честный секретарь. «Рапортъ принесть и справки»... говоритъ онъ.—У Кривосудова-же, и безъ рапорта, и безъ справокъ, на все уже давно готово свое опредѣленіе, и потому онъ, оттолкнувъ всѣ бумаги честнаго секретаря, заставляетъ его читать свою бумагу. Секретарь ужасается и говоритъ:

Я дивлюсь,

У васъ напротивъ всё — по-чести признаюсь,

Не въ-силахъ я понять, что это за рѣшеніе!

КРИВОСУДОВЪ.

А что-жъ диковина! Что тутъ за удивленіе?

«Нельзя не дивиться!» отвѣчаетъ честный секретарь: «вы обвинили праваго». — Судья не смѣшался отъ такой замѣтки, и весьма-чистосердно опредѣлилъ, что такъ было надо, что онъ имѣлъ на то свою причину и вынужденъ былъ... поступить несправедливо. Но онъ не успѣлъ договорить послѣднихъ словъ; секретарь правдуха, не запинаячи, отпѣлъ ему:

Притворную личину

Прошу васъ снять съ себя,—откройте лучше вы.

Я знаю въ свѣтъ, что причины таковы

Отнюдь не могутъ быть, которы-бъ оправдали

Неправедность суда.

Конечно, другой скажетъ, что и это языкъ секретарскій; согласенъ; но онъ облагороживается доброю цѣлью. Пусть-бы и всѣ секретари такъ думали и говорили, какъ идутъ здѣсь мысль и языкъ «Неслыханнаго дива»; да къ-несчастью, у насъ не рѣдко не диковенные секретари и съ краснорѣчіемъ профессорскимъ, по дѣламъ, идутъ, да идутъ себя шагъ въ шагъ съ Кривосудовымъ, и притомъ еще, по избытку просвѣщенія, опережаютъ его! Но обратимся опять къ Кривосудову. На выходку честнаго секретаря, онъ вотъ чѣмъ отшучивается, да такъ и должно ему:

Ой эти мнѣ морали!..

Да я ее имѣлъ—и вѣрно докажу

Причину ясную; но хочешь-ли, скажу?

— Чрезмѣрно-бы желалъ» (*говоритъ секретарь.*)

И вотъ Кривосудовъ, послѣ разныхъ околичностей, произноситъ:

«Я взялъ пять-сотъ рублей —

•Что скажешь на *sic*?»

Именно на *sic*! Здѣсь это *sic* необходимая принадлежность къ вывѣскамъ Кривосудовыхъ; но вотъ, что мнѣ не нравится: зачѣмъ и на что—послѣ этого восклицаетъ нашъ секретарь:

О гнусна страсть судей!

Довольно-бы и той улыки, которую онъ-же высказываетъ.

Стыдитесь: сударь! на деньги долгъ мѣняя,
Злодѣйство защищать, невинныхъ угѣсняя,
И правосудіе столь нагло продавать!

Богъ знаетъ, произнесетъ-ли это еще какой-нибудь секретарь передъ своимъ начальствомъ?

Впрочемъ, если и въ-самомъ-дѣлѣ есть такіе предсѣдатели, какъ былъ Кривосудовъ, то и они также, какъ и онъ, на все подобное скажутъ съ усмѣшкою:

Нѣтъ больше барыша, какъ этимъ торговать.

— А совѣсть?.. Спрашиваетъ секретарь.

— А пять-сотъ?.. возражаетъ предсѣдатель.

— Одно другаго стѣбитъ! продолжаетъ «Неслыханное диво», также съ замѣткою:

«Не ужто васъ она совѣтъ не беспокоить?..»

Точно такимъ-же образомъ идетъ и вездѣ борьба добросовѣстнаго съ безсовѣстнымъ; но этотъ послѣдній устываетъ на томъ, что и совѣстью торговать не грѣхъ для барыша!

Прекрасны также сцены Кривосудова съ дворникомъ его, Асмодемъ, которому приказано какъ принимать просителей и что говорить съ ними—иному-де надобно примолвить:

Что сахаръ нынче дорогъ?

Сцена Асмодея и служанки натуральны, истинно-холопскія; но впрочемъ при порядкѣ нынѣшнихъ водевилей и они сойдутъ съ рукъ чинехонько—слова изъ пѣсни не выкидывать-же?

Милена, барышня, дочь Кривосудова и предметъ любви честнаго секретаря, по нынѣшнему, языкомъ своимъ далеко ненатуральна: въ ней очень-много того, что называется «съ-высока». Она еще почти вездѣ читаетъ старинную шести-стопную поэму, такъ напримѣръ:

Оставь меня, Правдинъ, гонимую судьбою;
Присутствіе твое терзаетъ лишь меня!
А я, отчаянье и страсть соединя... и вроч.

Но роли благородныхъ у насъ еще, и въ настоящее время, почти всѣ въ такомъ-же положеніи: у насъ для этихъ ролей еще нѣтъ своего языка роднаго; мы тутъ дѣйствуемъ именно только по-французски, и потому-то нашъ драматикъ, желая сохранить въ своей пьесѣ натуру, разумью тамъ, гдѣ есть такъ-называемые наши «*благородные*,» долженъ прибѣгать къ помощи двухъ языковъ, французскаго съ нижегородскимъ.

Очень-хорошо Кривосудовъ оправдывается во взяткахъ. Вотъ онъ стаяулъ гдѣ-то, или съ кого-то серебряную стопу. Теперь она стоитъ передъ нимъ, и онъ только съ ней можетъ такъ высказаться душевно, на-примѣръ, какъ, здѣсь, въ слѣдующемъ монологѣ:

А га! голубушка, попалась ты сюда.
Давно зубки я грызъ на сей сосудъ скудельный;
Однакожь зацѣпилъ. — Судья коль рукодѣльный
И знаетъ всѣ крючки, не надо жить въ раю...
Я грѣшенъ въ томъ, и вамъ отнюдь не потаю,
Живу точнехонько, какъ искони ведется:

Проситель ежели погуще завернется,
 Такъ правой за перо, а лѣвой за него;
 Хоть онъ и попищитъ, что нужды до того!
 Давай лишь все, — а тамъ болтай себѣ что хочешь.
 Не дасть, такъ лѣтъ пятокъ, забывшись, проволочашь...
 Какой смѣшной запросъ: на что-де ты берешь?
 Придавать, такъ и самъ бараномъ заблѣешь.
 Бываютъ и на насъ не рѣдко передраги;
 Лишь только успѣвай отсчитывать сотняги...
 Вѣдь правду вымолвить, кто бабушкинъ не внукъ?
 Такъ нечего сказать, зѣвать тутъ не досугъ.

Подобныя историческія выходы про Кривосудовыхъ и съ Кривосудовыми гдѣ и когда не случаются! Поживши на землѣ, встрѣчаешь сцены еще разительнѣе этихъ!

Сцена Кривосудова съ Крючкостроемъ, квартальнымъ, женихомъ Милены, тоже богатая комическая находка.

Крючкострой, старинный квартальный, конечно, уже не нынѣшній офицеръ полицейскій; изъ нихъ едва-ли кто будетъ говорить такъ:

Чуть-чуть я новость вамъ сказать не позабылъ:
 Въ прошедшемъ мѣсяцѣ одинъ въ театрѣ былъ
 Знакомый мнѣ купецъ, изъ Англичанъ природныхъ;
 Въ карманѣ у него вещей какихъ-то модныхъ
 Случилось тогда на тысячу рублевъ.
 Стянули это все. — Ну, гдѣ искать воровъ?
 Такъ дѣло кончено, вещицы всѣ пропали.
 Случилось, мы въ одну бесѣду съ нимъ попали;
 Не зная, чѣмъ завѣсть получше разговоръ,
 Спросилъ я у него: «Не слышенъ-ли тотъ воръ,
 «Который обокралъ васъ очень-преисправно?»
 Въ отвѣтъ онъ мнѣ на то: — «Я слышалъ-де недавно,
 «Что вещи у меня Юпитеръ всѣ покралъ;
 Живетъ въ Олимпѣ онъ — но я не отыскалъ
 Квартиры-де его. — Но я это все знаю,
 Сказалъ ему, тотчасъ и вора вамъ поймаю.
 Ушолъ не медлиши — но думаю: постой!..
 Въ Олимпѣ!.. въ городѣ нѣтъ улицы такой;
 Ошибся точно онъ; — въ Коломиѣ — это вѣрно! —
 Лизнулъ туда — нашли кой-какъ разношерно,
 Съ квартальнымъ тамошнимъ, искомый нами домъ;
 Взошли въ него — сидитъ хозяинъ за столомъ,
 Сапожникъ, старичокъ, фамиліей онъ Питеръ.
 Конечно это онъ! одной лишь нѣтъ изъ литеръ,

Такъ это пустяки — тотчасъ его въ допросъ:
 Послушай, иѣмчур! ты мебели унесъ
 Недавно у куша въ театрѣ изъ кармана? —
 «Не-шнαιтъ эта мой.» — Мы на цѣпь бусурмана,
 И въ сѣзжій дворъ, а тамъ лавай его тузить.
 Въ три дни проклятаго не могъ я согласить,
 Что называется по-русски онъ Юпитерь.
 «Нышвай мой ни шиво, фамилія мой Питерь.»
 Послушай, говорю, опомнися!.. пора —
 Зовешься Питерь ты? — «Та! — Это по-французски,
 А быть Юпитеромъ ты слѣдуешь по-русски,
 Ну бился, бился — такъ и бросилъ я его.

Разсказъ кончился, но не ошибся-ли я, сказавши, что подобный языкъ давно отсталъ уже отъ языка нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ? О существовѣ его, гораздо уже послѣ Судовщикова, повторялъ еще очень-памятный намъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ, и даже теперь бывають такія стычки, на которыхъ къ тому-же языку всё еще прислушиваешься и, какъ поразмыслишь хорошенько, то еще многіе и премногіе, между вами, въ сортѣ Крючкостроя, не отличаютъ Питера отъ Юпитера, мебели отъ вещей и особенно всего земнаго отъ небеснаго!.. Хвала и честь Николаю Родіоновичу Судовщикову — должны продолжиться!

Есть еще лицо замѣчательное въ комедіи: «Неслыханное диво:» это двоюродный братъ Кривосудова, заслужонный ротмистръ Прямяковъ, записной бичъ всякой неправды, самоуправецъ, горячій, можетъ-быть, подѣ-часъ, и вопреки закона; но какъ тамъ воздержаться, гдѣ терять истину? Тѣмъ или другимъ образомъ, защищать истину непремѣнный долгъ каждаго сына отечества. — Роль Прямякова невелика, но и въ ней Прямяковъ хорошо показанъ, какимъ онъ быть долженъ. Вотъ его сцена въ Крючкостроемъ.

Прямяковъ разбѣшенъ намѣреніемъ своего братца лиховмца, и смѣло говорить:

«Я дамъ себя вотъ тутъ аркибузировать,
 Что Милушкѣ за нимъ во-вѣки не бывать!
 Не легка багатель съ полиціей связаться!

Крючкострой оробѣлъ, и прячется за слугу Провора, а потому и Прямяковъ, не замѣтивъ еще своей будущей *не-жертвы*, а забавы, поправляя свой съдой усъ съ завиткомъ, рѣшительно спрашиваетъ о ней: «Да то-же, онъ успѣлъ отсюда обратиться!»

Проворъ притворяется испугавшимся, кланяется Прямикову униженно, и тѣмъ, какъ-бы невзначай, обнаруживаетъ Крючкостроя. Прямиковъ преравнодушно трясеть его за руку и говоритъ:

Послушай-ка ты братъ, почтенный алгвазилъ,
Чтобъ *этта* я тебя теперь не потузилъ.

Проворъ ворчитъ: «безъ церемоніевъ,» а Прямиковъ продолжаетъ свое: «для дружества въ задатокъ.» Но перерывъ рѣчи Прямиковой Проворомъ далъ случай нѣсколько вздохнуть подлецу, и онъ еще осмѣлился сдѣлать вопросъ: «Нельзя-ли знать, за что?» Громомъ прокатилъ Прямиковъ: «Отвѣтъ мой будетъ кратокъ.» Палка его готова взлетѣть на воздухъ и гулять по спинѣ, и безъ нея эластической; но Крючкострой держится и вѣжливо еще предлагаетъ полицейскій допросъ:

• Позвольте напередъ спросить, кто вы таковъ?

Этотъ форменный спросъ остановилъ на время служаку, и онъ, пріосамясь, формою-же и съ достоинствомъ произнесъ:

Смоленскаго полку я ротмистръ Прямиковъ,
Рокомендую я себя и эту дуру: (*показывая на палашъ*)
Она состроить вмигъ безносую фигуру,
Буде изволишь—а?..

Бѣда и на одинъ вершокъ спуску! Прямиковъ вдругъ остановилъ дѣйствіе своей палки, и потому Крючкострой по-прежнему продолжаетъ свои вопросы; онъ говоритъ еще:

Позвольте мнѣ спросить?

Такія грубости за что отъ васъ сносить?»

Прямиковъ опять вышелъ изъ терпѣнія и опять запѣлъ свое:

Да чортъ тебѣ сказалъ, что я учтивъ бываю.
Но дѣло не о томъ—послушай-же, я знаю:
Ты сватаешь теперь племянницу мою;
А я на этомъ, знай, прекрѣпко настою,
Чтобъ ты отъ ней отсталъ.»

Тутъ опять вопросъ Крючкостроевъ:

— Какая въ томъ причина?

— Вотъ она, отвѣчаетъ воинъ: Я вижу, что большой руки ты дурачина! не понимаешь!

Слово *дурачина*, какъ и слѣдуетъ, сильно задѣло его благородіе за живое и—вотъ слова его:

— Какъ вы смѣете ругать?

Я благочинной!

Пряниковъ (*подхватываетъ вѣсь себя*).

Чтожъ! Безчестье ты сорвать

Знать хочешь?—Знаю я...

Здѣсь я нахожу нѣсколько уже слишкомъ-горячихъ словъ, впрочемъ, по нынѣшнему, довольно-водевильныхъ; опускаю ихъ и объявляю, что за пригрозой палашомъ, герой нашъ опять вооружается противъ своего врага палкою, и съ удвоеннымъ презрѣніемъ говорить ему, что палашъ его, Крючкострой, собою не удостоить, но палка.

Вотъ — ... для тебя! возьми-ка, да повѣсь;

Не хочешь-ли?—Такъ я посбавлю спѣсь.

Крючкострой живой еще при палашъ, здѣсь, при палкѣ, умеръ; со всѣмъ могильнымъ голосомъ онъ произнесъ:

Скажите мнѣ, за что изволите сердиться?

Развязка пьесы: честный секретарь побѣдилъ все, достигъ цѣли—онъ получаетъ руку той, которую любилъ; всѣ порочныя осмѣяны, освистаны, осрамлены, такъ и важивалось. Но нельзя однако-же не сознаться и въ томъ, что иная рѣчь дѣйствующихъ въ «Неслыханномъ дивѣ» иногда уже слишкомъ плоска, и потому-то для зрителей, и особливо для зрительницъ высокаго круга, едва-ли кстати повторять эту пьесу во всемъ ея размѣрѣ; посмѣшить, на выборъ, сценой, двумя, тремя, это дѣло другое! Но за то уже при охотникахъ водевильныхъ почему-бы ей-же не идти и всѣмъ своимъ цѣликомъ?—Она раскрываетъ тайны самыя любопытныя, самыя замѣчательныя въ общей ценсурѣ нравовъ народныхъ! — Это зеркало, обнаруживавшее публично самому злу его безобразную наружность; не допуская вредящихъ смотрѣться въ это зеркало, потворствуемъ ихъ мнимой скрытности и тѣмъ усливаемъ, распложаемъ только зло!

Въ числѣ причинъ, недозволявшихъ «Неслыханному диву» быть на публичной сценѣ,—разсказывалъ намъ однажды П. Хр.

Обольяниновъ *: Государю Императору Павлу Петровичу доложили, что въ сказанной комедіи уже слишкомъ-рѣзко вычертаны слабости приказныхъ и особенно полицейскихъ, что они почти не въ натурѣ вещей. — «Тѣмъ-то и лучше», изволилъ замѣтить Императоръ: «очень-хорошо, что не только между нами, да и въ самой натурѣ вѣтъ оригиналовъ Судовщикова. По-крайней-мѣрѣ, мы позабудимся его умною баснею; но если, паче нашего чаянія, та-же его басня и на-самомъ-дѣлѣ можетъ быть гдѣ-либо существенною, то и тогда она для разслабленныхъ «правовъ не во вредъ, а добрымъ лекарствомъ. Играютъ «Недоросля, и про Митрофановъ не слышно; станутъ играть Судовщикова, переведутся и его крючки.»

Въ Москвѣ «Неслыханное Диво» шло не совсѣмъ удачно. Роль Кривосудова (говорю о старинѣ) занималъ, однажды, В. П. Померанцовъ, уже слабый, престарѣлый; въ другіе раза, кажется, Кондаковъ, или Колпаковъ, актеры, совершенно несродные къ этимъ ролямъ. Для Правдина, честнаго секретаря, не было уже Сахарова; Крючкострой, а и того сходнѣе, слуга Проворъ не попали на руки Сандунова; а при томъ уже и любители московскаго театра, привлекаемые тогда къ сценѣ только однимъ Коцебу и Коцебу, какъ и нынѣ водевилемъ и водевилемъ, неохотно уже смотрѣли и на «Братомъ проданную сестру» Ефимьева, и на «Знатоковъ» Эмина и даже на «Чудаковъ» и «Хвастуна» Княжнина, нѣкогда любимѣйшія свои піесы—Всему свое время.

Прямиковъ заключилъ всю піесу Судовщикова. Вотъ его монологъ, обращенный къ «Неслыханному-Диву»:

•Правдинъ! не позабудь: питомецъ ты монаршій,
Ступай прямымъ путемъ, кривыхъ не дѣлай маршей,
И правилъ добрыхъ ты держися всякой разъ,
Ты честностью своей прославился у насъ;
И я тебѣ скажу, любезный другъ, правдиво—
Тебя у насъ зовутъ: «неслыханное-диво!»

И да будетъ вѣчная память Николаю Роліоновичу Судовщику-ву за это «Неслыханное-Диво»!..

* Это рассказано было при мнѣ, въ домѣ Анны Ивановны Левшиной, жившей тогда въ С.-Петербургѣ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Я васъ разсматривалъ украдкой,
Хотѣлъ постигнуть — но, увы!
Непостижимою загадкой
Передо мной мелькали вы.

Но вы, быть-можетъ, слишкомъ-правы,
Не обнажая предо мной, —
Больны-ль вы просто, иль лукавы,
Иль избалованы судьбой.

Къ чему? Когда на блескъ пурпурный
Зари вечерней я смотрю,
Къ чему мнѣ знать, что дождикъ бурный
Зальетъ вечернюю зарю?

Тотъ блескъ, цѣна-ли онъ лишенья —
Онъ нѣжно святъ — чѣмъ онъ ни будь,
Онъ дохновеніе творенья
На человѣческую грудь.

А. ФЕТЪ.

ТРИ РАЗСКАЗА.

—

I.

НАДЕЖДЫ.

РАЗСКАЗЪ ФРЕДЕРИКИ БРЕМЕРЪ.

—

Въ началѣ нынѣшняго года наша книжная торговля обогатилась прекраснымъ переводомъ прекраснаго романа Фредерики Бремеръ, «Семейство.» Одинъ изъ русскихъ quasi-писателей и quasi-критиковъ остался очень-недоволенъ романомъ, нашолъ, что тамъ «все только лишь навозъ да соръ» и, въ числѣ прочихъ остроумныхъ вещей, помѣстилъ очень-благовоспитанную насмѣшку надъ сочинительницей, которая, по его догадкѣ, *два известныя мѣта* и ей смертельно *хочется за-мужъ*, оттого-де она и пишетъ такой длинный романъ изъ чисто-семейной простой жизни. Знающіе дѣло, читая замысловатыя строки учонаго рецензента, не могли не подумать чего-нибудь въ родѣ Виргиліева стиха:

..... sacra fames! quid non mortalia pectora cogis?

Не знаемъ, хотѣлось-ли когда Фредерикъ Бремеръ за-мужъ и смертно-ли хотѣлось; но, къ-утѣшенію рецензента, который — *ничтоже сумняся* — пишетъ о чомъ угодно, даже о томъ, чего онъ вовсе не вѣдаетъ, можемъ сказать, что Фредерика давно прожила лѣта, когда дѣвушкамъ хочется за-мужъ: ей около 45 лѣтъ, ибо она родилась въ 1802 году. Эта дѣва извѣстныхъ лѣтъ пользуется большой народностью въ отечествѣ и большимъ уваженіемъ въ земляхъ, гдѣ рецензенты учатся кое-чему, прежде чѣмъ попадутъ въ рецензенты, на-пр. въ Германіи. Сочинительница была и есть геніальная дѣвушка; чѣмъ же до содержанія ея сочиненій, точнѣе, до канвы, на которой они вышиваются, то — не для учоваго рецензента, а для нашихъ добрыхъ читателей — замѣтимъ слѣдующее. Христіанство — по-крайней-мѣрѣ въ своемъ католическомъ развитіи на Западѣ — возвысивъ женщину, такъ-сказать, до апотеозы, слѣдало семейную жизнь краугольнымъ камнемъ зданія новаго общества. Швеція, какъ страна, освятившаяся первоначально католицизмомъ, и преимущественно передъ другими протестантскими землями удержавшая католическій характеръ, есть страна глубоко-христіанская, глубоко-религіозная, въ смыслѣ приложенія ученія къ жизни. Семейная жизнь имѣетъ тамъ большее значеніе, чѣмъ гдѣ-нибудь; въ этомъ также и причина чрезвычайной народности Фредерики Бремеръ, которой фантазія не сходитъ съ почвы семейности ни въ одномъ сочиненіи. Книга, которою собственно и прочно, надолго утвердилась репутація писательницы, есть *Очерки ежедневной жизни*. *Teskingar ut Hvardagslivet*: отсюда заимствуемъ мы предлагаемый милый разсказъ, предоставляя себѣ удовольствіе познакомить читателей въ-послѣдствіи съ характеромъ и капитальными произведеніями шведской литературы. А литература эта стоить вниманія! Такіе проповѣдники, какихъ имѣетъ Швеція, могли быть только въ Швеціи, и, довольно зная произведеній въ этомъ родѣ католической, лютеранской и реформатской церкви, мы, по-совѣсти, не знаемъ ничего превосходнѣе шведскихъ. Театръ у Шведовъ почти современенъ англійскому и французскому, и полонъ оригинальности самой увлекательной. У насъ, такихъ близкихъ сосѣдовъ Скандинавіи, едва извѣстны имена трехъ-четырехъ шведскихъ писателей; если-жъ кто-нибудь, добрый человекъ, вздумаетъ насъ кое-съ-чѣмъ познакомить, наши незваные и неизбранные критики увидятъ предлогъ къ благопристойнымъ шуткамъ, во вкусѣ помянутой. Увы, русская литература! ты также полна оригинальности, только не отрадной, особливо съ критической стороны. Вотъ-что говоритъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, учовыхъ и нравственныхъ, шведскихъ писателей, именно Альмквистъ: * Великая есть истина, что во всякій вѣкъ

* FRIA FANTASIER ELLER TÖRNROSENSBOK, *Kappellet*, 10 — 13.

«старость смотреть на юность, какъ на своего пастыря, своего руко-
 «водителя, свою опору, свою мощь. Юный идетъ впередъ по свѣту.
 «Каждый герой, каждый движитель, каждый основатель, былъ моло-
 «дымъ челоуѣкомъ. Послѣ приходитъ совѣтъ почтенныхъ старцевъ,
 «которые садятся устроить, довершать его дѣло; и они сберегаютъ
 «основанное — пока является новый юноша, который вводитъ людей
 «еще на ступень, куда потомъ опять садятся старцы, чтобъ довер-
 «шить, сохранить и поддержать имъ содѣянное. Таково правильное и
 «истинное движеніе вещей впередъ на землѣ. Не болѣе, какъ юноша
 «былъ Спаситель, но Онъ пошелъ на пропатые за прочихъ. Нѣтъ ни-
 «одного правдиваго, свѣдущаго и почтеннаго пожилаго, который-бы
 «не признавалъ, что такъ есть, такъ всегда было, и такъ должно быть,
 «да благо будетъ.» Слова эти, какъ изъ оборота ихъ видно, сказаны
 не совѣмъ по тому поводу, по какому мы ихъ выписали; но дѣло въ
 содержаніи, и если приложить ихъ содержаніе къ рѣчи о нашей те-
 перешней литературѣ, гдѣ дѣйствуютъ, да и должны дѣйствовать,
 молодые люди, то направленіе этой молодежи неутѣшительно. Мимо
 всего прочаго, мало чревато надеждами наше критическое настоящее
 (извиненія за неумышленный каламбурь!). Критики которые думаютъ
 у насъ стоять во-главѣ поступательнаго движенія умовъ, не считаютъ
 важнымъ, напр., заставить Лукіана заимствовать у жившаго столѣтіями
 позже Апулея, или даже вовсе дѣло Лукіана приписать барону Брам-
 беусу. * Факты подобной учюности идутъ у нихъ за-урядъ. Доколь-же
 будетъ? Quousque tandem?.. Пора-бъ имѣть хоть больше уваженія
 къ читателямъ.

I.

У меня была своя метода странствовать безъ большаго затруд-
 ненія по каменистому пути жизни, хотя, сказать мимоходомъ, я
 странствовалъ по немъ босой, въ физическомъ и моральномъ смы-
 слѣ слова: — я надѣялся! надѣялся со-дня-на-день, съ утра до
 вечера, съ вечера до утра, съ осени до весны, съ весны до осени,
 съ текущаго года до будущаго, и такимъ-образомъ, въ надеждахъ
 перескочилъ почти на тридцатый годъ моего жизненнаго стран-
 ствія, не чувствуя глубоко изъ всего, чего я не имѣлъ, ничего,
 кромѣ недостатка крѣпкихъ сапогъ, недостатка, въ которомъ я

* См. «Отеч. Записки» за 1843 годъ, январь, въ «Обозрѣніи литературы 1842 года».

легко утѣшался на открытомъ воздухѣ, по который въ гостинной всегда вдушалъ мнѣ безпокойное побужденіе поворотить каблучки, какъ меньше изношенные, впередъ; и еще недостатка, мучительнѣйшаго всѣхъ прочихъ — не имѣть дружескаго слова, которое облегчало-бы время бѣдствія.

Я утѣшался, подобно тысячи другихъ, уповательнымъ взглядомъ на вертящееся колесо Фортуны, и мудрой поговоркою: «утро вечера мудренѣе. * »

Бѣдный пасторскій помощникъ у сельскаго пастора, со скуднымъ жалованьемъ и плохимъ содержаніемъ, нравственно плесня между хозяйкою, которая бранилась, и пасторомъ, который подпивалъ, между молодыми людьми, которые важничали, и дѣвками, которыя, вздернувъ плечи и разставивъ пятки, ходили по гостямъ съ утра до ночи, я почувствовалъ особенно-нѣжное и радостное ощущеніе, когда одинъ мой знакомый, письмомъ, извѣстилъ меня, что незнакомый мнѣ мой дядя, Стокгольмскій купецъ, лежалъ при последнемъ издыханіи, и въ припадкѣ родственной любви, желалъ увидѣть своего негоднаго племянника.

На болѣе чѣмъ обыкновенно тряской и жесткой крестьянской телегѣ скакалъ помянутый племянникъ, съ маленькой плоской и узкой поклажею и миллиономъ богатыхъ надеждъ, по буграмъ и ухабамъ, сломя-голову, въ главный городъ.

Въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, заказалъ я себѣ маленькой — крошечный завтракъ... такъ, закусить... ломтикъ хлѣба съ масломъ... да пару яицъ...

Хозяинъ съ однимъ толстымъ господиномъ прохаживались по залѣ и разговаривали. «Да, нечего сказать (говорилъ толстый господинъ), этотъ купецъ П***, что умеръ третьяго-дня, умѣлъ таки пожить на-свѣтъ!» — Хе, хе, подумалъ я: вотъ оно, умѣлъ пожить, значитъ понакопилъ мощну! «Эй, любезный! (крикнулъ я слугѣ) не можешь-ли ты мнѣ подать кусокъ жаркаго, или чего-нибудь другаго посытнѣе? Послушай! — чашки бульйону ничего нѣтъ лучше съ дороги... Смотри-же, проворнѣе!»

— Да, отозвался хозяинъ: лихо! Тридцать тысячь риксдалеровъ, и банковской монетою!.. Вѣрно, никому въ городъ и не грезимое, чтобы... тридцать тысячь!

* Въ подлинникѣ шведская поговорка, схожая съ нашей, именно: *kommer tid, kommer råd*, что буквально значитъ: придетъ время, придетъ совѣтъ (помощь).

— Тридцать тысяч! воскликнул я въ ликующей душѣ: тридцать тысяч! Эй, мальи! слуга! — Живѣе, давай сюда тридцать ты... или-бишь банковской... того-бишь, бутылку вина, хочу я сказать! — и отъ головы до сердца во всѣхъ жилахъ звучало у меня отрадное эхо: тридцать тысяч! — «Да, (продолжалъ толстый господинъ), кто-бы повѣрилъ, что въ счетъ было на девять-сотъ риксдалеровъ котлетъ, и на пять тысячъ шампанскаго. Теперь кредиторы стоятъ, разиня ротъ; въ домъ набралось елва на пару стиверовъ всего добра, и всего-то дѣвнанаго развѣ — колеска!» — «Ага! такъ это совсѣмъ другое дѣло! Эй, мальи! слуга! слышишь поди сюда! возьми прочь свое жаркое, бульйонъ и вино! да послушай, замѣть, любезнѣйшій, что я ни до чего не дотрогивался... до того-ли мнѣ теперь? у меня еще есть дѣла попужнѣе, чѣмъ объдаться, какъ я вспомнилъ хорошенько! (я страшно лгалъ). Да не забудь, что мнѣ не за-чѣмъ платить за нетронутый объдѣлъ.» — Вѣдь вы, сударь, заказывали, грубо отвѣчалъ слуга. — «Любезнѣйшій, сказалъ я, почесавъ затылокъ, — мѣсто, откуда люди, ставшіе въ тупикъ, обыкновенно заимствуютъ потребное разумнѣе: любезнѣйшій, это была ошибка, за которую мнѣ не слѣдуетъ платиться, потому-что не моя вина, если богатый наследникъ, для котораго я заказывалъ объдѣлъ, вдругъ сдѣлался бѣденъ, даже бѣднѣе, чѣмъ многіе бѣдные, потому-что онъ потерялъ больше половины своихъ векселей на будущее. Итакъ, если онъ, Богъ-вѣсть какимъ образомъ, очутился въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, что не можетъ заплатить за сытный объдѣлъ, это еще не мѣшаетъ мнѣ быть въ состояніи заплатить за лѣйца, которыя я съѣлъ, и дать тебѣ на-водку за твой трулъ, потому-что дѣла заставляютъ меня спѣшить поскорѣе отсюда.

Помощію моей прекрасной логики и доброй лачи на-водку, отвязался я, съ растерзаннымъ сердцемъ и облизывая слюнки, отъ моего дорогаго объда, и пустился, съ маленькой поклажей подъ мышкою, странствовать по городу, ища пріюта, который-бы не стоилъ много денегъ, и придумывая, откуда взять денегъ заплатить за этотъ пріютъ.

Я схватилъ порядочную головную боль отъ сильнаго потрясенія, которое произошло отъ стычки надежды съ действительностью. Но когда, во-время этой прогулки, увидѣлъ я выходящаго изъ богатаго экипажа господина, въ лентѣ и звѣздахъ, съ пожелтѣлымъ лицомъ, взрытымъ морщинами лбомъ, и надъ бровями съ выраженіемъ скуки; когда увидѣлъ одного молодого

графа, котораго нѣсколько знавалъ въ Упсальской академіи *, шедшаго едва передвигая ноги отъ слабости и пресыщенія жизнью; — тогда я выпрямился, весело вдохнулъ струю воздуха, которою случайно (къ-несчастію) какъ-нарочно пахъ тутъ колбасою, — и восхвалилъ бѣдность и чистое сердце!

Въ отдаленной улицѣ отыскалъ я наконецъ маленькую квартиру, болѣе пригодную моимъ померклымъ видамъ, чѣмъ яркимъ надеждамъ, какія имѣлъ я еще за два часа до того.

Мнѣ пришлось проводить зиму въ Стокгольмѣ, гдѣ я надѣялся было жить совсѣмъ иначе, нежели теперь оказывалось. Но что-же дѣлать? Унывать было-бъ всего хуже. Сложить крестъ-на-крестъ руки и воздѣть глаза къ небу, было мало лучше. «Солнце свѣтитъ тамъ, гдѣ его всего меньше ждешь» подумалъ я, между-тѣмъ-какъ тяжолая осенняя туча нависала надъ городомъ. Я рѣшился употребить все стараніе добыть себѣ честный доходъ съ нѣскольکو пріятнѣйшими видами на будущее, чѣмъ какіе открывались мнѣ подъ скуднымъ покровительствомъ пастора Г***, а между-тѣмъ списывать дневное пропитаніе чистописаніемъ, тяжкой помощью въ тяжкомъ положеніи.

Такъ проживалъ я свои дни въ бесплодныхъ усиліяхъ найти уши, незаткнутыя хлопчатой бумагою, корпя надъ переписываньемъ на-бѣло пустыхъ мыслей пустыхъ головъ, постясь за обѣдами и выростая въ надеждахъ, до самаго того вечера, подъ числомъ котораго я въ моемъ календарѣ поставилъ крестъ въ-послѣдствіи.

Хозяинъ только-что разстался со мною послѣ дружескаго приглашенія заплатить за первую треть въ положенный срокъ, если я не предпочитаю (учтивость во французскомъ родѣ) снова начать съ моимъ скарбомъ изыскательное путешествіе по городскимъ улицамъ.

Неописанно-холодный ноябрьскій вечеръ дошолъ уже до восьмага часа, когда, воротясь отъ одра одного больнаго, гдѣ я, можетъ-быть, чего-добраго, нѣсколько необдуманно опорожнилъ свой кошелекъ, былъ я порадованъ этимъ нѣжнымъ привѣтомъ.

Я сощипнулъ пальцами съ моей сонной и тощей свѣчки, и оглянулся вокругъ въ тѣсной закопченной каморкѣ, за наслажденіе которою принужденъ былъ промыслить денегъ.

* Академіями Шведа называютъ также уиверситеты, по-старинному. То самое значеніе здѣсь.

«Диогенъ жилъ хуже,» сказалъ я съ покорнымъ вздохомъ, отодвигая хромою столъ отъ окна, полъ которымъ сидѣть было очень-невыгодно отъ вѣтра и дождя. Взоры мои устремились въ тоже время на пылающій очагъ въ кухнѣ, танталски лежавшей прямохонько противъ моей смиренной каюты, гдѣ очагъ бывалъ всего тусклѣе. «Поварихи съ поварами блаженный народъ между служащими смертными!» подумалъ я, съ тайнымъ желаніемъ поиграть въ «дай огоньку»*, глядя на здоровую даму, которая, среди горшковъ и кострюлей, стояла въ огненномъ заревѣ, какъ властительница, величаво поворачивая щипцами въ своемъ раскаленномъ владѣніи.

Этажомъ повыше, въ окно, незавѣщенное завистливой гардиною, была мнѣ видна ярко-освѣщенная комната, гдѣ многолюдная семья сидѣла вокругъ чайнаго стола, заставленнаго корзинками и чашками.

Я окостенѣлъ отъ холода и промокъ отъ сырости; какъ пусто было въ той части тѣла, которая можетъ назваться магазиномъ,— ужъ и не говорю; — но ахъ, Господи Боже, (подумалъ я), если бы прекрасная дѣвушка, что тамъ, напротивъ, подаетъ чашку чайнаго нектара и корзинку такихъ великолѣпныхъ сухарей толстому господину, который отъ сытости насилу поворачивается на софѣ, захотѣла и могла протянуть свою маленькую ручку немного подальше... тысячи-бы поцѣлуевъ... напрасно — ахъ! сытый господинъ беретъ чашку, мокаетъ, мокаетъ свои сухари, все такъ медленно .. хотъ заплакать, глядя. Вотъ милая дѣвушка ласкаетъ его... Удивительно, если это самъ ея любезный папа или дядя... или, чего-добраго... То-то счастливый смертный!... Но вѣтъ, быть не можетъ... онъ, по-крайней-мѣрѣ, сорока годами старше ея. Вотъ эта, вѣрно, его жена... пожилая дама, которая сидитъ возлѣ него на софѣ, и которой барышня подаетъ крендели... старушка глядитъ очень-пріятно... Но кто это такой, котораго я не разгляжу... ухо да край плеча, вотъ все, что выдается изъ-за рамы. Что этотъ почтеннѣйшій оборотился ко мнѣ задомъ, конечно вѣтъ ничего дурнаго; но что онъ даетъ дѣвущкѣ стоять передъ собою и вланяться и просить цѣлую четверть часа, просто непостижимо... должно-быть, она горничная, иначе мужична не могъ-бы столько быть невѣжливъ съ такимъ ангеломъ; онъ былъ-бы тогда... мужъ... или... Вотъ наконецъ взялъ

* Народная игра въ Швеціи.

чашку, — и вотъ-те-на! запустилъ ручищу въ корзинку съ сухарями,.. невѣжа... и все еще держитъ, неучъ... удивительно, если это ея братъ!.. можетъ-быть, онъ голоденъ, бѣдняга. Вотъ пришла очередь двумъ хорошенькимъ малюткамъ... похожи на сестру. Удивительно, что почтеннѣйшій съ однимъ ухомъ еще оставилъ что-нибудь въ корзинкѣ. Премиленькая дѣвушка ласкаетъ ихъ и цѣлуетъ, отдаетъ имъ весь крендели и пирожки, которые удѣляли отъ длинныхъ пальцевъ мусьѣ объѣдалы! Вотъ ей самой, ангельчику, отъ всего съѣстнаго досталось также мало, какъ и мнѣ... кромѣ развѣ запаха.

Что вдругъ за суетня поднялась въ комнатѣ!.. старѣйшій господинъ встаетъ съ софы; одноухій господинъ бросился впередъ, и наткнулся (медвѣдь!) на дѣвушку, такъ-что она толкнула чайный столъ, который опрокинулся на софу къ пожилой дамѣ, а она только-что собиралась встать; дѣти прыгаютъ и хлопаютъ ручонками. . дверь растворяется!.. молодой офицеръ входитъ... барышня кидается ему на шею. Вотъ оно! Такъ вотъ что!.. Я захлопнулъ свой ставень, такъ что онъ затрещалъ, и весь промокшій отъ дождя, я съ дрожью кинулся на стулъ.

Что мнѣ было дѣлать у окошка? Смотрятъ только на тѣ, что любопытно.

Съ недѣлю назадъ прѣхало это семейство изъ провинціи въ хорошенькій домъ насупротивъ меня, и вразу еще не приходило мнѣ въ голову спросить, кто эти люди и откуда. На что мнѣ было въ этотъ вечеръ непохвальнымъ образомъ осведомляться объ ихъ домашнихъ отношеніяхъ? Что могло меня интересовать? Я былъ грустенъ; можетъ-статься, даже немножко золъ въ сердцѣ... но все-равно, — вѣрный своему намѣренію, никогда не поддаваться тяжолымъ мыслямъ, когда онъ ни къ чему не ведутъ, взялъ я окостенѣлыми пальцами перо и, чтобъ разсѣять тоску, которую чувствовалъ, вздумалъ пуститься въ изображеніе семейнаго счастья — счастья, котораго я никогда не знавалъ. Впрочемъ я такъ философствовалъ, дыша на избѣвшія руки: «Развѣ я первый, кто въ теплицѣ воображенія ищетъ теплоты, въ которой отказываетъ ему жестокая дѣйствительность? Шестъ риксдалеровъ за охапку сосновыхъ дровъ, не поздоровится, особливо въ декабрь! Начинаю!

Счастливо, трижды счастливо согласное семейство, въ тѣсномъ кругу котораго ни одно сердце не надрывается и не веселится одиноко, ни одинъ взоръ, ни одна улыбка не остаются безответны, и друзья не по-слову, а по-дѣлу, ежедневно говорятъ другъ другу: «Твоя забота, твоя радость, твое счастье суть мои!»

II.

Прекрасенъ мирный, тихій домъ, который привѣтно принимаетъ утомленнаго жизнью странника, который вокругъ своего пріютно-пылающаго очага собираетъ на-покой старца съ клюкою, полного силъ мужа, его любящую жену и счастливыхъ дѣтей, которыя, въ подражаніе земному небу, прыгаютъ съ радостными криками вокругъ и заключаютъ невинно-прожитой день тьмъ, что, съ благодарственной еще молитвою на смѣющихся устахъ, засыпаютъ на груди родителей, межъ-тьмъ-какъ нѣжный голосъ матери, въ тихомъ колыбельномъ припѣвѣ, рассказываетъ, какъ вокругъ ихъ ложа.

Божьи ангелы ходятъ,
Переплетшись кольцомъ,
Охраняютъ постельку,
Гдѣ невинность спитъ...

Тутъ я пріостановился, потому-что почувствовалъ, что нѣчто, похожее на дождевую каплю, выступило у меня изъ глазъ, и я не могъ хорошенько видеть.

Сколь многіе, думалъ я, между-тьмъ какъ мои мысли противъ воли приняли меланхолическій оборотъ: сколь многіе должны съ горестью не вкушать верховнаго счастья жизни: семейнаго блаженства! Я поглядѣлся въ единственное зеркало, какое было у меня въ комнатѣ... въ зеркало истины, и продолжалъ писать съ унылымъ чувствомъ. Подлинно можетъ назваться несчастнымъ тотъ одинокій, кто въ тяжкіе и мрачные часы жизни (а они такъ часты!) не прижимается къ вѣрному сердцу, на чей вздохъ никто не отвѣтствуетъ, чью тяжкую заботу никто не облегчаетъ словомъ я понимаю тебя, я сожалею о тебѣ.»

Пуѣунылъ онъ, никто его не развеселяетъ; плачетъ онъ, никто этого не видитъ, никто не хочетъ видеть; уходитъ онъ—никто его не провожаетъ—никто не встрѣтитъ; отдыхаетъ онъ, никто надъ нимъ не бодрствуетъ;—онъ одинокъ, о, какъ онъ несчастливъ! Зачѣмъ не умереть онъ? Ахъ, кто его оплачетъ? Могила, которой не орошаютъ горячія слезы скорби, такъ холодна!

Онъ одинокъ въ зимнюю ночь, для него на землѣ нѣтъ цвѣтовъ, и цвѣтъ небесъ горитъ неясно. Зачѣмъ странствуетъ онъ, безпріютный, чего ожидаетъ онъ, зачѣмъ не укроется онъ, тѣнь, въ царство тѣней? Ахъ, онъ еще надѣется, онъ бѣдный ни-

щій радости, который до послѣдняго часа еще ждетъ, что сострадательная рука подастъ ему милостыню.

Лишь одивъ земной цвѣтокъ хочеть онъ сорвать, поднести его къ сердцу, чтобы потомъ не столь одинокимъ, не столь покинутымъ сойти въ тихую обитель.

Я описывалъ мое собственное положеніе, самого себя оплакивалъ. Рано схоронивъ родителей, безъ рода и племени, безъ друзей, я стоялъ еще на свѣтъ такъ одинокъ, такъ безпріютенъ, что, безъ искренняго упованія на небо и безъ счастливаго съ-природы права, часто желалъ-бы оставить этотъ юдольный міръ; но до-сихъ-поръ я все еще надѣялся на будущее, и между-тѣмъ, больше по ивстинтному чувству покорности, чѣмъ по философіи, подавлялъ всѣ слишкомъ живыя желанія будущаго довольства, какъ-скоро они напрямки противорѣчили вѣроятностямъ. Но съ нѣкотораго времени, къ-несчастью, со мною сталося иное; я чувствовалъ, особливо въ-этотъ вечеръ, больше, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ неодолимое желаніе получить отъ кого-нибудь... имѣть у себя друга... друга, который... который былъ-бы... коротко сказать, друга, который былъ-бы (верховное для меня счастье на землѣ!) моя супруга, моя возлюбленная, моя обожаемая супруга! о, она утѣшила-бъ меня, она обрадовала-бъ меня! ея нѣжность въ самоубѣднѣйшей живнѣ сдѣлала бъ меня королемъ! Что нѣжный пламень моего сердца не помѣшалъ-бы вѣрному существу изъясннуть подлѣ меня до-смерти, скоро вспоминалъ я и почувствовалъ съ невольнымъ трепетомъ. Пріунывъ больше, нежели когда-нибудь, я всталъ и сдѣлалъ нѣсколько оборотовъ (то есть по два шага впередъ и по-стольку-же назадъ) вдоль моей каморки. Чувство моего положенія преслѣдовало меня, какъ тѣнь на стѣнѣ, и первый разъ въ жизни я упалъ духомъ и кинулъ мрачный взглядъ на свою темную будущность. У меня не было покровителей, потому нельзя было ожидать мѣста, а слѣдовательно, собственнаго хлѣба... слѣдовательно, и друга — то-есть жены.

«Но, Господи Боже мой, сказалъ я вдругъ серьезно самъ-себѣ: «Чему-жъ пособить раздумье?» Еще разъ я усилился всячески прогнать отъ себя скорбныя мысли. — «Если-бъ однако хоть одна живая душа пришла ко мнѣ сегодня вечеромъ! кто-бъ то ни былъ, другъ или не другъ... все-бы лучше, чѣмъ это одиночество. Хоть-бы даже какой-нибудь жилецъ того свѣта навѣстилъ меня — и то милости просимъ! Это что? Три удара въ дверь! Быть не можетъ»... Опять три! Я пошолъ и отворилъ! никого не было. Только вѣтеръ, завывая, носился по лѣстницамъ. Поспѣшно захлопнулъ я дверь,

засунулъ руки въ карманы и походилъ съ минуту, напѣвая пѣсню. Черезъ нѣсколько мгновеній мнѣ послышался вздохъ!.. и замолчалъ и послушалъ... опять кто-то вздохнулъ очень-явственно... и еще разъ вздохнулъ такъ глубоко и болезненно, что я съ тайной робостью вскричалъ: «Кто это?»—Отвѣта не было...

Я постоялъ немного, размышляя, что-бы это могло значить, какъ страшная бѣготня на лѣстницѣ, которую я услышалъ и которая кончилась громкимъ ударомъ въ мою дверь, вывела меня изъ нерѣшимости. Я взялъ свѣчу, палку и вышелъ. Въ тотъ мигъ, какъ я отворялъ дверь, свѣчка погасла. Передо мною мелькнуло что-то огромное, бѣлое, и вдругъ меня схватили двѣ сильныя руки. Я закричалъ о помощи, и такъ храбро старался вырваться, что оба мы, я и мой противоборецъ, брякнулись о-земь, только такъ, что я очутился поверхъ его. Стрѣлою вскочилъ я и кинулся было за огнемъ, какъ вдругъ наткнулся на что-то такое... (или какъ-будто кто-нибудь ухватилъ меня за ногу), все-равно, и вторично упалъ, ударился головою объ уголъ стола и потерялъ память, слыша между-тѣмъ въ ухахъ несносный шумъ, весьма-походившій на громкій хохотъ.

III.

Когда я снова открылъ глаза, ихъ ослѣпилъ яркій блескъ свѣчей. Я опять зажмурился, и прислушивался къ неясному шелесту вокругъ меня, раскрывъ ихъ снова немножко, и старался разобрать окружавшіе предметы, которые казались мнѣ такъ загадочны и удивительны, что я испугался-было, не ряхнулся-ли я... Я лежалъ на софѣ, и... вѣтъ, я точно не обманывался... милая дѣвушка, которой образъ безпрестанно парилъ у меня въ мысляхъ цѣлый вечеръ, стояла дѣйствительно подлѣ меня и терла, съ небеснымъ выраженіемъ участія, мою голову укусомъ. Молодой человекъ, котораго черты показались мнѣ знакомы, держалъ меня за руку. Я узналъ также толстаго господина, и худощаваго также, даму, дѣтей, и въ отдаленномъ сумракѣ увидѣлъ рай чайнаго стола; словомъ, я какимъ-то непостижимымъ фокусъ-покусомъ судьбы очутился промежду семейства, которое за часъ до того разсматривалъ съ такимъ сердечнымъ интересомъ.

Когда я хорошенько опамятовался, молодой человекъ нѣсколько разъ обнялъ меня съ военной горячностью. «Неужели ты меня не узнаешь?» воскликнулъ онъ, изумясь, что я сдѣлался такой статуей по душѣ и по тѣлу. «Неужели ты начисто позабылъ Авгу-

ста Д***, которому недавно спасъ жизнь съ опасностью своей собственной? котораго ты такъ храбро вытащилъ изъ воды, рискуя самъ навѣкъ остаться въ неинтересномъ обществѣ рыбъ? Вотъ мой отецъ, моя мать, моя сестра, Вильгельмина!» Я пожалъ ему руку, и тутъ объяли меня его родители. Крѣпко стукнувъ кулакомъ по столу, отецъ Августа воскликнулъ: «И за то, что вы спасли жизнь моего сына, за то, что вы по душѣ честный и добрый малый, за то что вы голодали сами — чтобы другіе были сыты... за то, вы получите пасторатъ въ Галль... да, вы будете пасторомъ, я говорю... я имѣю право патронатства, извольте знать!

Я рѣшительно былъ не въ состояніи понимать, думать и говорить нѣсколько времени, и пока тысячью объясненій пришло все въ ясность, я ничего путно не понималъ, кромѣ, что Вильгельмина не была... что Вильгельмина была сестра Августа.

Онъ въ самый этотъ вечеръ воротился домой изъ поездки по должности корпуса морскихъ инженеровъ, при которомъ занятіи предъидущимъ лѣтомъ посчастливилось мнѣ спасти его отъ опасности, въ какую завлекла его юношеская пылкость и отвага. После этого приключенія я съ нимъ не видался, да и прежде познакомился съ нимъ только вскользь, выпилъ въ академіи рюмку братства, и потомъ забылъ своего любезнаго брата.

Тутъ онъ, съ легко-воспламеняющимся юношескимъ энтузіазмомъ, разказалъ своему семейству этотъ случай, вмѣстѣ съ прочимъ, что онъ зналъ и чего не зналъ обо мнѣ. Отецъ, которому надо было отлать пасторатъ, и который (какъ я въ-послѣдствіи узналъ) изъ окна дѣлалъ нѣсколько разъ сострадательныя наблюденія надъ моими скудными обѣдами, рѣшился, осажденный просьбами сына, вознести меня изъ нѣдръ нищеты на высоту счастья. Восхищенный Августъ желалъ тужь-минуту возвѣстить мнѣ о моемъ счаствіи, и, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить своей страсти къ проказамъ, выдалъ себя на лѣстницѣ за привидѣніе, слѣдствіемъ чего былъ для меня сильнѣй, хотя неопаснѣй, ушибъ виска и неожиданное переселеніе черезъ улицу, отъ глубочайшаго мрака на ярчайшій свѣтъ. Тысячу разъ просилъ у меня добрый юноша прощенія за свою необдуманность; тысячу разъ я увѣрялъ его, что даже не стоить говорить о моей шивкѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, пасторатъ былъ бальзамомъ, который могъ сдѣлать нечувствительнымъ еще большій ушибъ.

Я съ увлеченіемъ и нѣкоторымъ смущеніемъ узналъ, что ухо и плечи, которыхъ владѣлецъ такъ несносно рылся въ сахарной корзинкѣ, и на котораго излилъ я свою жолчь, принадлежали именно отцу Августа и моему благодѣтелю. Толстый господинъ, си-

дѣвшій на софѣ, былъ любезный дядюшка Фрѣкенъ Вильгельмины.

Доброта и радушіе моихъ новыхъ друзей сдѣлали то, что скоро я почувствовалъ себя по-домашнему и счастливымъ. Старики обходились со мною, какъ съ сыномъ, молодые, какъ съ братомъ, а оба малютки, казалось, предчувствовали во мнѣ будущаго пріятельного друга *.

Принявъ изъ прекрасныхъ ручекъ Вильгельмины двѣ чашки чаю, при чемъ я боялся, отъ разсѣянности, набрать сухарей еще больше моего добраго патрона, я всталъ распротиться. Меня хотѣли непременно оставить ночевать, но я пребылъ твердъ въ своемъ намѣреніи, провести первую благополучную ночь на старой квартирѣ за благодареніями Верховному Вождю моей судьбы.

Всѣ обняли меня съ-изнова, и я расцѣловалъ всѣхъ искренно, отъ полноты сердца, даже Вильгельмину, получивъ на то потребное позволеніе. «Какъ хорошо-бы остаться въ такомъ положеніи!» подумалъ я потомъ: «но это, вѣрно, въ первый и послѣдній разъ!» Августъ пошелъ меня провожать.

Въ комнату у меня стоялъ хозяинъ, среди опрокинутыхъ стульевъ и стола, съ видомъ, среднимъ между солнцемъ и ненастьемъ; съ одной стороны ротъ его искривился гадкой улыбкою до уха, съ другой онъ отвисъ до подбородка, отъ досады; глаза слѣдовали тѣмъ-же направленіямъ, и цѣлое имѣло видъ параличнаго удара, пока тонъ, какимъ Августъ объяснилъ ему оставить насъ однихъ, измѣнилъ все въ дружелюбнѣйшую кислую мину, которой обладатель съ покорными поклонами скрылся наконецъ за дверью.

Августъ былъ въ отчаяніи за мой столъ, мой стулъ, мою кровать, и проч. Я насилу удержалъ его отъ намѣренія пойти прибить хозяина, который требовалъ денегъ за такое гнѣздо! Я долженъ былъ успокоить его клятвеннымъ увѣреніемъ, что черезъ день непременно переѣду въ другое мѣсто. «Да скажи ему, просилъ Августъ, прежде чѣмъ заплатишь, что онъ бездѣльникъ, ростовщикъ, грабитель, что онъ... а не-то, пожалуй, я скажу»...— «Нѣтъ, пожалуйста, нѣтъ! перервалъ я его: предоставь дѣло мнѣ, не безпокойся!»

Когда мой юный другъ оставилъ меня, я провелъ веселые часы, размышляя о переменѣ судьбы и искренно благодаря за то Бога.

* Pfefferkaks—vål, какъ по-нѣмецки Pfefferkuchenfreund, пріятель за приносимыя лакомства.

Потомъ мои мысли обратились къ пасторату, и Богъ-вѣсть, сколько жирныхъ быковъ и коровъ, сколько садовъ съ цвѣтами, фруктами и овощами, казалось мнѣ, окружали меня въ моемъ прекрасномъ раю, гдѣ моя Эва ходила со мною, опершись мнѣ на руку; въ особенности-же, какое безчисленное множество довольныхъ и назидаемыхъ людей видѣлъ я выходящими изъ церкви, гдѣ я проповѣдывалъ. Я крестилъ, приобщалъ, помазывалъ моихъ любезныхъ прихожанъ, съ сердечнымъ усердіемъ и радостію — и забывалъ только похороны.

Всякій пасторъ безъ мѣста, получившій пасторатъ, всякій смертный, получившій неожиданно исполненіе давнишнихъ желаній, легко представитъ себѣ мое положеніе.

Далѣе за ночь глаза мои наконецъ какъ-будто подернулись флёромъ, и мысли, мало-по-малу, впали въ беспорядокъ, производившій разныя странныя представленія. Я громкимъ голосомъ проповѣдывалъ въ своей приходской церкви, а слушатели спали. После обѣдни люди вышли изъ церкви быками и коровами, и мычали на меня, когда я хотѣлъ ихъ увѣщать. Я хотѣлъ обнять жену, но не могъ различить ее съ большой рѣпою, которая ежеминутно выростала и наконецъ переросла насъ обохъ. То я карабкался по лѣстницѣ на небо, откуда звѣзды кивали мнѣ дружелюбно и ярко; но картофель, зелень, горохъ и спаржа безжалостно цѣплялись вокругъ ногъ и задерживали каждый шагъ. Напоследокъ, я сталъ ходить на головъ по моимъ владѣніямъ, и, очень дивясь въ недремлющей душѣ, откуда это берется, заснулъ я глубоко за припоминаніемъ своихъ грезъ. Видно, я, самъ не зная, продолжалъ нить моихъ пасторскихъ мыслей и проповѣдывалъ во-снѣ всю остальную ночь, потому-что утромъ проснулся отъ звука собственного голоса, громко воскликнувшего: «аминь!»

Наслу убѣждался я, что происшествія прошлаго вечера были истина, а не греза, пока пришолъ ко мнѣ Августъ, и пригласилъ обѣдать у родителей.

Пасторатъ, Вильгельмина, обѣдъ, новая цѣпь будущихъ надеждъ, озаренныхъ яснымъ солнцемъ настоящаго, все снова наполнило меня радостію, которую можно чувствовать, но никогда нельзя описать.

Изъ глубины признательнаго сердца привѣтствовалъ я новую жизнь, передо мной открывшуюся, съ твердымъ намѣреніемъ, что-бъ ни случилось, всегда и во всемъ стараться дѣлать правое, и надѣяться добраго.

IV.

Спустя два года, въ осенній вечеръ, сидѣлъ я у очага въ моемъ любезномъ пасторскомъ домѣ. Подлѣ меня сидѣла моя дорогая женочка, моя милая Вильгельмина, и пряла. Я собирался прочесть ей маленькую проповѣдь, которую располагалъ говорить въ будущее воскресенье, и отъ которой надѣялся большаго назиданія для нея и для прихожанъ. Пока я перелистывалъ тетрадь, оттуда выпалъ лоскутокъ. Это была бумага, на которой въ самой тотъ вечеръ, два года назадъ, совершенно въ иномъ положеніи, писалъ я мои пріятныя и грустныя мысли. Я показалъ ее женѣ. Она прочла, улыбнулась со слезами на глазахъ, и съ плутоватенькой миною, ей одной, кажется, свойственной, взяла перо и написала на оборотъ листа:

«Авторъ, слава Богу! можетъ нынче сдѣлать изображеніе, совершенно противоположное тому, какое дѣлалъ онъ въ грустный часъ о несчастномъ, которымъ былъ тогда онъ самъ.

«Теперь онъ не одинокъ, не безпріютенъ. Его тихій вздохъ находитъ отвѣтъ, его тайныя заботы раздѣляются нѣжно-преданной супругою. Онъ уходитъ, ея сердце слышетъ за нимъ; онъ возвращается, она съ улыбкою встрѣчаетъ его; слезы его катятся не незамѣченныя, онъ осушаются ея рукою, и его улыбка отражается въ ея улыбкѣ; для него рветъ она цвѣты, чтобъ увѣнчать его чело, чтобъ разсыпать на его дорогъ. Онъ имѣетъ семейство, преданныхъ друзей, и считаетъ за свой родъ и племя всѣхъ тѣхъ, у кого нѣтъ ни рода, ни племени. Онъ любитъ, онъ любимъ, онъ можетъ дѣлать счастливыми, онъ счастливъ.»

Вильгельмина вѣрно очертила мое счастливое настоящее, и согрѣтый чувствами, веселыми и пріятными, какъ лучи весенняго солнца, я намѣренъ летѣть въ будущее съ толпою отрадныхъ надеждъ.

Итакъ, я надѣюсь, что моя проповѣдь въ будущее воскресенье не останется безъ пользы для слушателей; а если огрубѣлы сердца и уснутъ, то надѣюсь, что ни эта, ни другая изъ бѣльшихъ или меньшихъ непріятностей, какія мнѣ встрѣтятся, не дойдетъ мнѣ къ сердцу и не смутитъ моего покоя.

Я знаю мою Вильгемину, и увѣренъ, что знаю самъ себя довольно-хорошо, чтобы могъ надѣяться твердо, что всегда сдѣлаю ее счастливою. Она, моя радость подала мнѣ надежду, что скоро по-

лучу прибавку крошечнаго существа для нашего счастливаго быта. Я надюсь, что въ будущемъ послѣдуетъ еще приращеніе... Для ребенка у меня въ запасъ всевозможныя надежды. Если будетъ сынъ, надюсь имѣть его своимъ преемникомъ... Если дочь, то... кабы Августъ полождалъ... но я увѣренъ, что онъ съ радостью погидитъ сватать невѣсту.

Надюсь, что со-временемъ найду издателя на свои проповѣди.

Надюсь, что мы съ женою доживемъ до ста лѣтъ.

Надеемся мы съ Вильгеминою, что въ это время осушимъ много слезъ, а сами прольемъ ихъ такъ мало, какъ только можетъ позволить наша чреда и жребіи на землѣ.

Надеемся, что не переживемъ другъ-друга.

Наконецъ, надеемся, что всегда можно будетъ надѣяться, а когда пробѣтъ часть, въ которой надежды цвѣтущей земли потонутъ въ яркомъ свѣтѣ вѣчной правды, то мы надеемся, что Всеблагой Отецъ сотворитъ милостивый судъ надъ его благодарными, покорно-уповающими дѣтьми.

Съ шведскаго.

II.

ЛЮБОВЬ ПОДЪ ОКНОМЪ.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ, СЛУЧИВШЕЕСЯ ВЪ ПАРИЖѢ, КОТОРОЕ, ВПРОЧЕМЪ, МОЖЕТЪ СЛУЧИТЬСЯ И НА СВЯТОЙ РУСИ.

— Влюбляться можно каждый день; но любить одинъ разъ въ жизни.

О томъ, кто такое «онъ» и что такое «столичные» друзья нашего вѣка.

— Бертранъ! да гдѣ-же онъ? Бертранъ!... опять противъ оконъ!

— Не могу, мое чувствительное сердце... и притомъ раздражительные нервы... два черные глаза... уфъ!... тебя едва-ли на лосади догонимъ!..

— Пора тебѣ, мой милый, кинуть волокитство. Не понимаю, какъ ты, съ своею громадною толщиною, можешь сносить все эти тревоженія.

— Я самъ тоже не понимаю... но мое чувствительное сердце...

— Ну, и притомъ раздражительные нервы, конечно. Но признайся откровенно, это, по твоему счету, которая красавица, воспламеняющая тебя любовью?

— Эта... эта... Но объ этакихъ вещахъ не говорить... Конечно, если-бы не было у меня чувствительнаго сердца...

— Вотъ, сердце всему виною!... Что если я все перескажѣ мамзель Терезъ?

— Мамзель Терезъ!... Diable! эти шутки далеко заведутъ!... Я тебя, какъ другу, не совѣтую въ другой разъ говорить подобныхъ вещей: я имѣю раздражительные нервы... и притомъ...

— И притомъ, ты за тридцать шаговъ чудесная мишень...

— Пишó!...

— Сколько футовъ въ діаметръ твоей толщи?

— Пишó! я говорю тебѣ... раздр...

— Думаю, больше четырехъ футовъ.

— Diable!... Пишó... изъ этого выйдетъ худо... уфъ!..

— А въ окно смотреть мамзель Тереза.

Въ окно бель-этажа противоположнаго дома мелькнуло очень-меленькое личико молоденькой дѣвушки; Бертранъ остановился противъ оконъ, какъ вкопанный.

— О, Тереза! воскликнулъ онъ: ея голубые глаза жгутъ мое чувствительное сердце... ея черные локоны... мои раздражительныя нервы... Я не вынесу... я умру... умру завтра, послѣ-завтра, на третій день... или когда-нибудь въ другое время, но все-таки умру — иначе нельзя! Ея раздражительный станъ, мои стройныя нервы, ея чувствительная бѣлизна, мое снѣговое сердце... Diable!... снѣговое сердце!... Я все перемѣшалъ... О, радость — она на меня смотритъ! о, сладость — она мнѣ улыбается! о, младость — она смѣется! О... она ушла...

— Бертранъ! если ты будешь останавливаться у каждаго окна, въ которомъ увидишь женскую головку, и будешь читать «раздирательные» монологи, то мы и къ обѣду не дойдемъ до завтрака.

— Пишó! другъ! Она—то-есть, моя Тереза, взглянула на меня, сперва улыбнулась, потомъ засмѣялась и наконецъ ушла.

— Истинныя удовольствія влюбленнаго льва!! Да почему ты называешь ее своею?

— Потому-что она потрясла мои раздражительные нервы; потому-что она заняла квартиру въ моемъ чувствительномъ сердцѣ!

— А сколько у тебя квартиръ занятыхъ и еще отдающихся въ наймы?

— Пишó! ты начинаешь снова!... Diable!... Ты не жалѣешь своей головы!...

— Но твоя... свиная голова... кажется готова...

— И съ фаршемъ!.. объяденье!..

Они вошли въ кафѣ.

О, соотчичи мои любезныя! о вы, истинныя читатели всего род-

наго! вы, которые ѣздили въ Парижъ для того, чтобы оставить тамъ сотню тысячъ рублей, отростить гриву и вернуться назадъ неистовыми львами! вы, которые отлично знаете все изгибы Пале-Ройяля, но не знаете родныхъ святынь Москвы и Кіева! вы, вероятно, встречали моего Бертрана: онъ человекъ очень замѣчательный. Если случалось вамъ во-время прогулки вдругъ увидѣть въ двухъ-стахъ шагахъ темное огромное пятно, заслоняющее прекрасные виды, то, навѣрно, подойдя ближе, вы удивились, что передъ вами какая-то громадная масса вещества, почти округленная, затянута въ шегольской сюртукъ, сверху виднѣлась была пуховая шляпа, съ-боку толстая трость съ стекляннымъ набалдашникомъ. Эта масса, движущаяся и имѣющая фигуру, похожую на человеческую, эта масса — вашъ покорный слуга, милостивые государи, — Жозефъ Бертранъ. Чтобы совершенно представить себя Бертрана, надобно его видѣть. При среднемъ ростѣ, онъ имѣлъ толщину, чуть-ли небезобразную и для рослаго человека; предъ ней пасовали все толщины въ мѣрѣ, начиная съ необъемлемости общаго нашего знакомаго, который, бывало, такъ эстетически подстригалъ свою черную бородку, но теперь — увы! — увлеченный образованнымъ нашимъ временемъ, онъ поглаживаетъ уже обритый отвислый свой подбородокъ. Къ квадратному туловищу Бертрана прильплена была, безо всякаго посредства шеи, воробьиная головка съ ястребинымъ носомъ; маленькіе, самые китайскіе глазки за одутловыми щеками никогда не видали жимета, развѣ только въ зеркалѣ; красноватое лицо его было покрыто небольшими рябинами, которыя онъ хотѣлъ скрыть, и потому отростилъ бакенбарды, похожія на можжевельникъ, польскіе усы, козлиную бороду, а подъ нижею губою эспаньолку, живое подобіе мяса, за три дня до полнолуія. Руки его никогда не были въ вертикальномъ положеніи, но разъединены отъ туловища ровно на $23\frac{1}{2}^{\circ}$, на уголъ наклоненія эклиптики къ экватору.

Бертранъ всему въ мѣрѣ предпочиталъ свиныя головки съ фаршемъ. «Что слава Шекспира и Наполеона?» благоразумно разсуждалъ толстый юноша: «Все славы міра сами признались, что слава — дымъ; но бутылка вина и свин...» Онъ не кончалъ рѣчи, но, схвативъ свою бѣлую шляпу, обгѣлъ все ресторации и подалъ все приготовленныя свиныя головы. Неистовый писатель кровожадныхъ драмъ, Александръ Дюма, рассказываетъ, кажется, въ своихъ знаменитыхъ «Путевыхъ впечатлѣніяхъ», что нѣкто, — то былъ Бертранъ, — въ первый скоромный день послѣ какого-то католическаго поста, забѣжалъ, въ девять часовъ утра, въ ресторацию и обомлялъ

предъ столомъ, на которомъ было поставлено четырнадцать свиныхъ головокъ съ фаршемъ. Не-смотря на то, что какая-то модистка-башмачница назвачила ему въ этотъ день свиданіе, Бертранъ рѣшился остаться въ блаженномъ эдемѣ, гдѣ такъ красиво и аппетитно выставилъ клыкн этотъ запрещенный плодъ мусульмаина. Было одиннадцать часовъ ночи, когда онъ, выпивъ тринадцать бутылокъ вина и сожравъ тринадцать головъ, потребовалъ четырнадцатую; но, къ-несчастію, ее скушалъ Дюма. Бертранъ такъ взбѣсился за такую невѣжливость на знаменитаго писателя, что тутъ-же хотѣлъ убить его только-что раскупоренной четырнадцатой бутылкой. Драматикъ, однакожь, отклонилъ отъ себя эту неприятность, увѣривъ толстяка, что онъ забралъ въ его фабрику писчей и печатной бумаги 123,456 стопъ, и что для будущихъ сочиненій ему еще понадобится 654,321 стопа. Боже великій! что, если Александръ Дюма сдержитъ свое слово!

Но я унизилъ-бы все человѣчество, если-бы сказалъ, что никакая другая страсть, кромѣ страсти къ свинымъ головкамъ, не волновала пламенной души юваго Бертрана. Нѣтъ, самонаивъжизнѣйшая страсть къ прекрасному полу не давала ему покоя еще съ тринадцатилѣтняго возраста. Въ тринадцать лѣтъ — о, несчастное число тринадцать! — онъ влюбился въ свою гувернантку; ровно черезъ мѣсяць разлюбилъ ее, за то, что она вышла за-мужъ за его отца. Съ этого времени до двадцати лѣтъ онъ былъ влюбленъ въ четырехъ разомъ. Но въ эту роковую пору, когда всякій «сеи» начинаетъ становиться человѣкомъ, онъ влюбился, и влюбился страстно въ свою троюродную сестру, а женился на ней не онъ, «сеи» пылкій юноша, но отецъ его — на третьей. Бертранъ, послѣ такого афронта со стороны отца и его обожаемыхъ красавицъ, цѣлый годъ не смотрѣлъ ни на одну женщину. «О, чудовища эти женщины! о, змѣи коварныя!» кричалъ онъ 365 дней, но въ 366 (этотъ годъ былъ высокосный, годъ тяжолый для всѣхъ, особенно для влюбленныхъ) прѣехала къ нимъ какая-то прабабушка, съ цѣлою толпою правнучекъ. То-то было раздолье для чувствительнаго сердца и раздражительныхъ нервъ Бертрана: онъ влюблялся въ каждую по-очереди и безъ очереди. Съ этихъ-то-поръ и начались всѣ его любовныя тревоженія; съ этихъ-то-поръ онъ не можетъ равнодушно смотрѣть ни на одну женщину. Онъ останавливается противъ окна, когда въ него смотритъ хорошенькое личико женщины, и готовъ простоять до втораго пришествія; онъ не можетъ не сказать привѣтливаго слова, если мимо его проходитъ розовая шляпка; сердце его бьеть сильную тревогу, если онъ видитъ стройную талию, обрисованную корсажемъ; нервы его раздражаются до *pes plus ultra*, если онъ ви-

дять мраморныя плечи, слегка прикрытыя щегольскимъ бурнусомъ; онъ взерошываетъ свои волосы, и безъ того довольно-щетинистые, когда видитъ чудную розсыпь шелковистыхъ локоновъ; онъ какъ остолюбивый, какъ приросшій къ полу, если случается ему застать красавицу въ-расплохъ, въ неожиданую минуту, когда крошечная ея головка покоится на бѣленькой ручкѣ, черныя кудри спадаютъ на розовое лицо, алмазные глаза полервуты какой-то влагой, а мысль летаетъ далеко... далеко... можетъ, за предѣлы дѣвической жизни!... Нѣтъ, господа, что ни говори, а это заставитъ призадуматься и всякаго другаго, не только Бертрана, съ его чувствительнымъ сердцемъ и раздражительными нервами... Люблю я красавицу въ часъ ея думы, въ часъ молодой мечты ея!

Друзья Бертрана—какъ и все многогрѣшныя «столичныя» друзья вѣка сего. Бертранъ былъ слишкомъ толстъ, чтобъ заглянуть въ душу и Пишò, и Канивè, и Лорана, задушевныхъ его друзей-пріятелей, которые никакъ и никогда не пропускали случая попить, поесть и погулять на-счотъ довольно-богатаго своего друга. Раскупоривалась-ли первая бутылка кликò, первый бокаль вынивался въ честь Бертрана и его обожаемыхъ красавицъ; начиналъ-ли Бертранъ хлопать въ ладоши въ театральномъ партерь, все друзья громко ему вторили, прославляли его вкусъ, и послѣ спектакля отправлялись въ кафè и пили здоровье автора,—кто-бы онъ ни былъ; намекалъ-ли Бертранъ, что ему наскучилъ столичный шумъ, тотчасъ сюрпризомъ приготавлилась загородная прогулка, со всеми увеселеніями, со всею роскошью; говорилъ-ли, что ему хотѣлось-бы прокатиться по желѣзной дорогѣ, все это устроивалось какъ нельзя лучше;—только часто, послѣ этихъ прогулокъ и катаній, толстый кошелекъ толстаго юноши впадалъ въ злую чахотку, для излеченія которой онъ клалъ подъ прессъ свою писчебумажную фабрику и выжималъ изъ нея все возможные доходы. И за тò какъ они, эти задушевные пріятели, обнимали своего друга, какъ угадывали все его желанія, какъ ухаживали за нимъ! Кто-же другой, — я уже не говорю о Бертранѣ, — кто-же другой скажетъ, что Пишò, Канивè и Лоранъ не были отъ глубины сердца расположены къ нему?—«О друзья мои, истинные друзья!» восклицалъ Бертранъ, обнимая всѣхъ и каждого.

Позвольте-жъ мнѣ, о мой благосклонный читатель, представить примѣръ истинной дружбы нашего зѣло-просвѣщеннаго вѣка. Это приключеніе мнѣ разсказывалъ Жакобъ, въ «Le Conteur». Я не помню какъ, но помню, что онъ разсказывалъ, и вотъ къ вашимъ услугамъ.—

О томъ, что происходило въ кафѣ, и какія дѣйствія на нравственность имѣютъ женскія письма.

— Здоровье мамзель Терезы!

Молодые люди чокнулись и опорожнили бокалы. «Да что за счастливица эта Тереза!» сказалъ Канивѣ, закуривая сигару. «Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы нашъ другъ не былъ въ кого-нибудь влюбленъ; но на этотъ разъ, просто, изъ рукъ воня!

— Другъ! ты не видалъ ее!.. умилно произнесъ Бертранъ: это пери, это прелестница. Если-бы не вы, не ваше участіе ко мнѣ, мой раздражительные нервы не вынесли-бы...

— Такъ во славу красоты мамзель Терезы! торжественно произнесъ Лоранъ, наливая вино.

— Diable! вскричалъ Бертранъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ, и такъ сильно ударилъ бокаломъ о столъ, что хрусталь разлетѣлся мелкою дробью. Diable! да, я вижу, вы отъ-души меня любите! Друзья! въ объятія ко мнѣ, въ объятія!

— О, обоими меня, дрожайшій мой родитель! изъ какой-то трагедіи продекламировалъ Пишô и окрестилъ руками возлюбленнаго друга.

— О, тяжело такъ любить, какъ я люблю.

— И притомъ, можетъ-быть, безъ надежды, замѣтилъ Лоранъ.

— О, зачѣмъ судьба надѣлила меня такимъ чувствительнымъ сердцемъ... и притомъ...

— И притомъ такими раздражительными нервами, перебилъ Пишô.

— А я, какъ медикъ, не совѣтую тебѣ, мой милый Бертранъ, слишкомъ убивать себя, примолвилъ Лоранъ. Я замѣчаю въ тебѣ перемѣну: въ твои лѣта эта болѣзнь опасна.

— Какая болѣзнь?

— Чахотка.

— Чахотка? Но я замѣчаю, что съ некотораго времени этотъ спортукъ сталъ уже... сказалъ Бертранъ, нѣсколько смутившись.

— Ложная дородность.

— Но пусть я умру въ цвѣтъ лѣтъ, пусть жестокая судьбина уберетъ своего сына,—я радуюсь, что этому виною Тереза, Тереза — это очаровательное существо. Изъ любви къ ней—я готовъ разлюбить ее!..

— Форô!.. славно сказано!.. здоровье Терезы!..

— Моей Терезы!..

А Тереза? Тереза никакъ не могла забыть его. Благовонная роза, она видѣла свѣтъ и людей только изъ окна своего пансіона; тихая дѣвическая жизнь ея текла, какъ серебристый ручеекъ по гладкой полянѣ, не встрѣчая нигдѣ препятствій; никакая другая страсть не волновала младенческой души ея, кромѣ святой любви къ своему отцу; только онъ рисовался въ ея воображеніи, съ своими родительскими ласками, съ своей милой улыбкой. Наполеоновскій гвардеецъ, старшій Шарбô, искусившійся въ жизни, на все смотрѣлъ холоднымъ окомъ равнодушія; только одна дочь поглощала всю любовь его, все его мысли; и утро и вечеръ онъ думалъ объ ея счастіи; только одни воспоминанія о славномъ времени, когда онъ служилъ подъ счастливыми знаменами Франціи, оживляли его глаза, разсказъ являлся рѣчкой изъ устъ его. Но съ печальною улыбкой, почти съ слезой на глазахъ, говорилъ онъ, что ядро, пощадившее его въ великихъ битвахъ въ Европѣ и Африкѣ, въ небольшой схваткѣ при Чортовомъ-мостѣ раздробило ему ногу и заставило его покинуть военную жизнь. Это самое горькое, самое непріятное воспоминаніе изъ его жизни. Чортовъ-мостъ остался у него браннымъ словомъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ женился на бѣдной Гречанкѣ, которая умерла родами Терезы: не мудрено, что Тереза составляла часть его существованія. Она воспитывалась въ пансіонѣ, и часто, кончивъ свои занятія, сидѣла у окна, у котораго подмѣтилъ ее Бертранъ, и влюбился, что называется, по уши. Она смотрѣла на него, какъ на нѣкое чудо, и отъ души хохотала надъ его фигурой. Замѣчая, что онъ идетъ, она зывала подругъ своихъ, и все онъ общимъ голосомъ рѣшали, что Франтъ въ бѣлой шляпѣ очень походить на рѣпу.

Кончивъ операцію надъ свиной головкой, задумевные друзья долго опоражнвали бокалы, поминая святое имя любви. Пишô и Лоранъ отошли въ сторону и долго о чомъ-то говорили; по веселому выраженію ихъ лицъ и по старанію удержать свой смѣхъ, надобно думать, что они говорили не о погодѣ. Оба они посматривали на Бертрана.

— Нынче вечеромъ? ха-ха-ха!..

— Нынче-же вечеромъ, ужъ я все устроилъ! говорилъ Пишô.

— Какъ? уже послано?

— Да.

— Ха-ха-ха!.. Волевилъ!..

Побесѣдовавъ еще немного, наши пріятели разстались. Несмотря на убѣдительнѣйшія просьбы Каннвѣ идти вмѣстѣ въ театръ, Бертрану непременно хотѣлось провести этотъ вечеръ дома, и

одному; будто какой дух нащипывалъ ему на ухо: Эй, «Бертранъ, иди домой: тамъ ждетъ тебя пріятная печальность.» И въ-самомъ-дѣль. Только-что пришолъ онъ домой и надѣлъ свой полосатый халатъ! ему принесли записку... Женскій почеркъ на адресъ, розовая бумажка, какой-то особый родъ усладительнаго благовопія, зеленая облатка — эмблема надежды: Бертранъ еще въривъ этимъ эмблемамъ, — все это, взятое вмѣстѣ и порознь, поразило толстаго юношу. Ему нѣсколько разъ случалось получать презанимательныя записки отъ дамъ, которыя имѣли нужду въ его кошелькѣ; но это совершенно другаго рода: отъ этой невольна затрепещетъ сердце. Дрожащею рукою Бертранъ распечаталъ письмо, взглянулъ на подпись... и упалъ въ кресла. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Господинъ Бертранъ!

• Я замѣчаю, что вы на меня всегда смотрите, когда проходите мимо оконъ; не рѣдко даже останавливаетесь. Это нехорошо. Вы хотите компрометировать меня? Это дурно съ вашей стороны, очень-дурно. Вы злой человѣкъ, господинъ Бертранъ. Прошу васъ, не смотрите на меня болѣе.

Тереза.

Но какъ Тереза была женщина, что очень-ясно изъ ея имени, то и въ письмѣ необходимо долженъ быть P. S., что и дѣйствительно было.

P. S. Если вамъ угодно будетъ отвѣчать мнѣ, то адресуйте свое письмо въ домъ нашего пансіона, на имя Карла. Это мой кузень, и чрезъ него я буду имѣть удовольствіе читать письма одного изъ прекрасныхъ и любезныхъ молодыхъ львовъ Парижа.

Нѣтъ, я не въ-силахъ выразить, что сдѣлалось съ Берtrandомъ, когда онъ прочолъ письмо. Онъ былъ безмолвенъ; если-бы не прижималъ письмо къ губамъ и не переворачивалъ его такъ и этакъ, можно было-бы подумать, что онъ окаменѣлъ. Когда прошолъ первый порывъ восторга, радости, онъ разразился дивною рѣчью.

— Уголно-ль мнѣ будетъ отвѣчать? Боже великій! какъ можетъ такой вопросъ придти въ голову! Сто, тысячу, миллионъ разъ угодно!.. Наконецъ я счастливѣйшій человѣкъ: она узнала мою любовь, она узнала, что я пылаю къ ней... цѣлымъ пожаромъ любви... Чувствительное сердце... и притомъ... притомъ раздражи-

тельные нервы... Этѣ строчки писала ея хорошенькая ручка, а дактовали ея розовыя губки... Diable! что за губки!.. А ея голубые глаза... нѣтъ, не глаза, а очи... очи, звезды полночи!.. Я думаю, она краснѣла когда писала ко мнѣ, сердце билось, а грудь... грудь.. Diable! раздражительные нервы!.. И Бертранъ предавался мечтамъ, цѣловалъ письмо, и снова погружался въ раздражительные монологи.

Это продолжалось до 11-ти часовъ ночи. Въ 11-ть онъ накиннулъ на себя пальто, схватилъ трость и шляпу, и опрометью бросился вонъ изъ квартиры. Было очень-поздно, или, лучше сказать, было очень-рано, когда Бертранъ вернулся домой: онъ цѣлую ночь проходилъ подъ пансионными окнами и пропѣлъ чувствительнѣйшія серенады. Разумѣется, на другой день, онъ написалъ Терезѣ пламенное письмо, украшенное всеми возможными риторическими цвѣтами, съ безчисленнымъ множествомъ междометій, съ чувствительнымъ сердцемъ и раздражительными нервами, съ огнемъ и пожаромъ, однимъ-словомъ, по всемъ правиламъ любовныхъ писемъ, образцы которыхъ онъ, когда-то, читывалъ въ страшныхъ романахъ таинственныхъ замковъ и ужасающихъ привидѣній. Письмо попало въ руки кому слѣдуетъ. Въ отвѣтъ, Бертранъ получилъ съ женской хитростью замаскированное изъясненіе удовольствія. Тереза писала, что, сама не зная причины, не можетъ не вѣрить всему, о чомъ такъ красно писалъ Бертранъ; но вмѣстѣ съ этимъ обнаруживала какую-то боязнь, свойственную неопытной дѣвушкѣ, на-счотъ вѣрности такого прекраснаго и любезнаго льва. Нечего и говорить, что прекраснѣй и любезнѣй молодой левъ, получивъ это письмо, написалъ еще болѣе великолѣпнаго вздора, который, по-обыкновенію, пишется въ письмахъ такого рода. — Такимъ-образомъ время летѣло въ вѣчность, а письма летали въ пансионъ и обратно. Бертранъ ни слова не говорилъ своимъ друзьямъ о начавшейся перепискѣ, не по тому, что хотѣлъ скрыть ее, а такъ, то ему не хотѣлось, то и хотѣлось, да не было времени, то выжидалъ болѣе эффектнаго случая. Однако друзья замѣтили въ немъ перемену: онъ пересталъ почти пить весь вина, исключая шампанскаго, котораго, впрочемъ, выпивалъ теперь вдвое болѣе, и все за здоровье и въ честь мамзель Терезы. Замѣтили, что онъ любилъ вечернія прогулки, и прогулки подъ окнами пансіона. Если случалось ему увидать Терезу, онъ останавливался, снималъ шляпу, и прикладывалъ правую руку къ своему чувствительному сердцу. Смотри на него, Тереза весело ему улыбалась, закрывала свое хорошенькое личико платкомъ — и уходила.

— О царца души моей! восклицалъ тогда пламенный любовникъ: не даромъ забилось мое чувствительное сердце, когда я увидалъ тебя; не даромъ потряслись мои раздражительные нервы, когда ты бросила на меня свой огненный взоръ, и улыбалась, какъ... какъ... какъ май!.. Бертранъ въ сильной пассіи не находилъ лучшаго сравненія. Пансіонскій привратникъ, настоящій церберъ, видя, что толстый франтъ часто останавливается противъ оконъ и дѣлаетъ разные жесты, просилъ его не разыгрывать никакого балета предъ окнами; въ противномъ случаѣ грозилъ употребить силу. Но Бертранъ былъ глухъ къ этимъ угрозамъ; онъ готовъ былъ умереть подъ завѣтнымъ окномъ: чего не заставитъ дѣлать любовь хорошенькой женщины? А Тереза была хороша... очень-хороша...

III. О томъ, какихъ глупостей не дѣлается отъ любви и какія тревоженія ожидаютъ влюбленнаго.

«О, любовь, сія сладчайшая страсть каждаго смертнаго, сія первая радость и первая горестъ въ міръ! какъ сильно, какъ могущественно твое дѣйствіе! Чего не произведешь деспотическими твоими вѣлвіями? Все тебѣ, и все предъ тобою!..» Такъ плодовитая французская писательница начала девятую часть своего безконечнаго романа, въ которой два буколическія существа еще въ первый разъ увидѣли другъ-друга. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, добрые люди, какихъ глупостей не дѣлается отъ любви? Я знаю одного пламеннаго коллежскаго регистратора, который женился на сорокалѣтней деревенской бабѣ, на-зло восемнадцати-лѣтнему сіятельству, которое не раздѣляло его страсти; я зналъ одного армейскаго поручика, который, сраженный несчастнымъ объясненіемъ, вышелъ въ отставку, проигралъ все имѣніе, и потомъ почти каждую недѣлю въ вѣдомостяхъ въ послѣдній разъ вызывалъ желающихъ имѣть опытнаго управляющаго. Да что далеко ходить, — вотъ...

Пшѣ, Канивѣ и Лоранъ сидѣли въ обыкновенномъ своемъ сборномъ мѣстѣ — въ кафѣ, и, покуривая сигары, ожидали Бертрана съ полнымъ кошелькомъ и свиной головки съ фаршемъ. Канивѣ ораторствовалъ о необходимости преобразованія министерства, и въ самомъ патетическомъ мѣстѣ — вдругъ съ шумомъ отворились дверь и является... Взглянувъ на вошедшаго, Пшѣ и Лоранъ захохотали во все горло, а ораторъ, съ поднятою десницею, остановился недвижимъ отъ удивленія.

— Бертранъ! ты-ли это! да это ты!.. Но гдѣ-жѣ твоя грива, усы, борода? Гдѣ твои волосы? Ты обстриженъ, какъ солдатъ!..

Бертрамъ, не говоря ни слова, съ глубокимъ чувствомъ пожалъ руки друзьямъ, и вынулъ изъ кармана пукъ разноцвѣтныхъ записокъ.—Пишо и Лоранъ переглянулись съ улыбкою.

— Друзья! я имѣю чувствительное сердце и притомъ... раздражительные нервы... передъ вами скрывать нечего. Читайте.

Всѣ трое принявъ разбирать записки.

— Нѣтъ, постойте, постойте! овъ у меня подъ номерами: эта первая, эта послѣдняя.

— А! воскликнули весь хоромъ: у него нынче завелись и секреты!.. Вотъ-съ!

— Секреты!.. Diable!.. я давно хотѣлъ. .

— А зачѣмъ-же ты остригся?

— Читайте, читайте!

Канивѣ прочолъ вслухъ послѣднее письмо.

• Милый Жозефъ!

• Я вѣрю вашей любви. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что такой прекрасный и любезный молодой левъ не можетъ говорить неправды; не такъ-ли, мой Бертранъ? Я вся обратилась въ мысль о васъ. Но послушайте: мнѣ такъ страшно смотрѣть на ваши авессаломовскіе волосы, на ваши длинные усы... я такъ не привыкла къ такому роду украшеній, что невольно пугаюсь. Извините, Бертранъ, что говорю такъ откровенно: между нами не должно быть тайнъ. Думаю, къ вамъ гораздо-лучше идетъ прическа à la Вугон, знаете, коротенькіе волосы. Но это только мнѣ нравится; впрочемъ все то, что вы любите, готова любить и

• ваша Тереза.

— Друзья! послѣ этого, что оставалось мнѣ дѣлать съ моимъ пожаромъ любви къ этой... этой... къ этому чуду... то-есть Терезѣ? Я исполнилъ то, чего она хотѣла, видите.

— Видимъ и удивляемся.

— Удивляемся! удивляемся!.. Стало-быть, вы еще не знаете своего Бертрана, не знаете его чувствительнаго сердца...

— Да какимъ-же образомъ затѣялась у васъ эта переписка? спросилъ Лоранъ, и сдѣлалъ мину недоумѣнія.

— Гм! истинная любовь всегда находитъ отголосокъ. Она поняла тайну моего чувствительнаго сердца, и вотъ № 1.

— Ну, а замѣтила-ль мамзель Тереза, что ты остригся?

— Еще-бы вѣтъ! Когда я шолъ сюда, она сядла подь окномъ, подь своимъ любимымъ окномъ. Я остановился, снялъ шляпу,—я уже былъ остриженъ,—и прижалъ руку къ сердцу. О друзья мои! если-бы видѣли восторгъ ея! Она такъ сладко улыбнулась, позвала свою подругу, вѣрно, свою повѣренную,—вѣдь счастливая души не можетъ не подѣлиться своимъ счастьемъ,—позвала свою подругу, и обѣ смотрѣли на меня, и какъ смотрѣли! Милая Тереза закрывала лицо платкомъ: слезы умиленія полились изъ глазъ ея... какая небесная душа! но ея подруга, о ледовитое море! она хохотала надъ ея слезами! Мои раздражительные нервы не вынесли: я палъ на колѣна и простеръ руки къ моей воздушной пери... но...

— Но...

— Но пансіонскій приврагникъ... Diable! чувствительное сердце!.. Я переломаяю ему руки!..

Лоранъ и Пишô улыбались; Канивѣ сълалъ кислую мину, выражая тѣмъ ощущеніе, которое произвела на него эта сцена, и подумалъ: «Вѣдь счастье-же такимъ уродамъ; а вотъ нашему брату, такъ вѣтъ!» Надобно сказать, что Канивѣ почиталъ себя чуть-ли не красавцемъ, потому-что имѣлъ блѣдное лицо; а ужъ известно, что блѣдность еще прежде петербургскаго наводненія очень интересовала женщинъ. Я зналъ только одну дѣвушку, которой нравился краснощокій юноша; но это, можетъ-быть, потому, что онъ былъ ея женихъ.

Прошло нѣсколько дней, самыхъ счастливыхъ для Бертрана. Задушевные пріатели зашли къ своему счастливому другу. Онъ лежалъ на диванѣ, растянувшись во весь ростъ, и, весело улыбаясь, смотрѣлъ на потолокъ, какъ ползали тамъ, одна за другой, двѣ мухи, связанныя тонкой шолковничкой. Въ рукѣ его было письмо, написанное на четвертинкѣ почтоваго листа.

— Здравствуй, нашъ милѣйшій Жозефъ! хоромъ, будто по командѣ, сказали друзья.

Бертранъ протянулъ къ нимъ обѣ руки, не перемѣня своего положенія.

— Чтò еще посланіе? счастливецъ!

— Да. Но, кажется, мое сердце не вынесетъ этого счастья.

Пишô прочолъ письмо.

— Ну, я не вижу тутъ большаго счастья! сказалъ Пишô, закручивая усы... Позвольте, сълайте одолженіе! виноваты! я кажется, не сказалъ, что Пишô носилъ усы, единственно въ память необычайной храбрости, оказанной имъ, въ качествѣ общаго секунданта, при дуэли двухъ братьевъ близнецовъ, сумма лѣтъ кото-

рыхъ — (сирѣчь *равнялась*) 164. — «Знаешь, Бертранъ, это письмо похоже на конецъ твоего любовнаго счастія: оно какъ-то холодно; въ немъ нѣтъ той теплоты, той нѣжности, которыми отличались прежнія письма.

— Э, полно, пожалуйста! Если-бы не чувствительное сердце и притомъ...

— И притомъ, разумѣется, раздражительные нервы, перебилъ Лоранъ; но и мнѣ тоже самое кажется.

— Это вамъ кажется.

Письмо было разобрано по пунктамъ.

— Повѣрь мнѣ, моей опытности, продолжалъ Пишб, что твоя Тереза охладѣла. Для насъ, постороннихъ, это ясно.

— Трижды и четырежды вздоръ! сказалъ, вставая и перечитавъ письмо, толстый юноша.

— Послушай: я, твой покорнѣйшій слуга Генрихъ Лоранъ, держу пари, что послѣ такого холоднаго посланія, ты не получишь ни одного письма, по-крайней-мѣрѣ, три дня.

— Лоранъ! это говоришь ты? Я увѣренъ, что ты проиграешь. О чомъ угодно?

— О чомъ? Каждый день сряду, въ продолженіе двухъ недѣль, завтракать на твой счетъ и сдѣлать пять прогулокъ за городъ.

— Идетъ!

— Прекрасно! нынче... позвольте, что у насъ нынче?.. да, среда. Если въ субботу, въ эти часы, ты не получишь письма, то мы съ этого дня и начинаемъ свои завтраки, а для перваго дебюта начнемъ, пожалуй, съ обѣда. Только сдѣлай милость, не корми насъ такъ часто своей свиной головой: у меня уже оскомина.

— Идетъ!

Канивѣ, какъ дипломатъ, изложилъ всѣ условія на бумагу; Бертранъ подписалъ.

По странному случаю, въ продолженіе условнаго времени, прекрасный и любезный молодой левъ не получилъ ни одной строчки отъ своей возлюбленной. Въ субботу былъ первый проигранный завтракъ-обѣдъ. Раздосадованный, растревоженный Бертранъ, послѣ завтрака, цѣлыхъ два часа проходилъ подъ окнами пансіона. Тереза не показывалась.

— Diable!.. Чувствительное сердце!.. Что я ей сдѣлалъ? за что она сердится? Или разлюбила? Вотъ женское сердце!.. Повѣрь, предайся всею душою — что-жъ изъ этого выйдетъ! проигранные завтраки!.. Раздражительные нервы!.. Пишб говорилъ правду... О, Пишб истинный другъ, примѣрный, рѣдкій... Точно, точно!

говорилъ Бертранъ, вынувъ изъ кармана письмо и перечитавъ его:—точно, отъ него такъ и разить холодомъ, и написано на ключкѣ!.. О мое чувствительное сердце!.. и притомъ... Пишѣ говорилъ правду!..

Гдѣ мои пистолеты? послѣ этого, мнѣ ничего не остается, какъ умереть!.. продолжалъ Бертранъ, входя въ свою комнату. Но передъ его приходомъ только-что принесли письмо отъ Терезы. Отчаяніе превратилось въ радость; пистолеты забыты. Письмо было самое нѣжное, согрѣтое любовію молодаго сердца, Бертранъ ожилъ, ожилъ совершенно. Онъ не показалъ этого письма друзьямъ.

— Тамъ нѣтъ ничего любопытнаго! говорилъ онъ.

А въ письмѣ, между прочимъ, было сказано: «Послѣ-завтра маскарадъ въ Одеонъ. Я употреблю всѣ средства уйти изъ пансіона съ своею подругою, и быть тамъ. Я буду въ домино. А чтобы и васъ не узнали, совѣтую и вамъ замаскироваться. Надѣньте рыжіи парикъ, фальшивые усы, какъ можно побольше, и носъ въ три четверти.»

Бертранъ поцѣловалъ письмо и кинулся на жесткую холостую постель.

IV. О томъ, къ чему пригодны маскарады, какъ опростоволосился Бертранъ и какое злоключеніе постигло его носъ.

Маскарадъ-балъ въ Одеонъ блещетъ во всемъ великолѣпнн. По срединѣ залы, посматривая и туда и сюда, и сюда и туда, ходитъ зеленое домино, въ рыжемъ парикѣ, съ превеликими усами и съ превеличайшимъ носомъ. Нашъ старій знакомецъ, блѣднолицый красавецъ, синьоръ Канивѣ, пробирается между масками и наступаетъ зеленое домино.

— Бертранъ! ты здѣсь?

Зеленое домино смѣрило Канивѣ глазами съ головы до ногъ и пропвщало: «Мосьѣ ошибается?»

— Гм! подумалъ Канивѣ, отходя прочь: вѣтъ въ мнръ другаго толстяка, какъ Бертранъ; стало-быть, этотъ зеленчакъ набить ватой.

Презъ полчаса Канивѣ встрѣтилъ набитаго ватой зеленчака съ двумя дамами; одна была въ черномъ домино, другая въ бѣломъ. Онъ пошолъ въ-слѣдъ за ними, стараясь подслушать что-нибудь изъ разговора.

— Нѣтъ, нѣтъ, прекрасная маска, говорилъ зеленчакъ: не обижайте меня своими сомнѣніями. Конечно, если-бы не было у меня чувствительнаго сердца и притомъ...

— О какъ больно жмете мнѣ руку! пишало черное домино.

— И притомъ мои раздражительные нервы прожжены огнемъ очей вашихъ. Съ первой минуты я полюбилъ васъ.

— А я васъ со второй...

— Со второй! — о моя совершенная! Вся минуты моей жизни посвящены вамъ, единственная.

— Я боюсь вѣрить...

— Мнѣ? послѣ этого нѣтъ въ мірѣ ни одного человѣка, которому можно вѣрить: мое чувствительно...

— Но такой прекрасный и любезный молодой левъ...

— Онъ передъ вами теленокъ...

— Вѣрю, что вы теленокъ... но довольно, пора домой.

— Еще немного: дайте мнѣ пожить такую сладкою жизнію, говорилъ набитый ватой толстикъ, цѣлуя руку.

— Но я боюсь, что послѣ мнѣ будетъ горько... Прощайте, не провожайте насъ.

Зеленое домино съ чувствомъ привяло протянутую ему чернымъ домино руку, и еще съ бѣльшимъ чувствомъ поцѣловало ее. Дамы вмѣшались въ толпу. Канивѣ старался не потерять ихъ изъ виду; она настигъ ихъ въ углу. Оба домино хохотали, что было мочи. Черное сняло съ себя маску? Канивѣ показалось, что верхняя губа этой дамы очень-черна, и черты лица знакомы. Онъ хотѣлъ подойти ближе, но замаскированныя, примѣтивъ его, поспѣшно скрылись. Канивѣ еще около часу покочевалъ изъ угла въ уголокъ, но не встрѣчалъ ни чернаго, ни бѣлаго, ни зеленаго домино, отправившись домой. У подъезда встрѣтили его Пишѳо и Лоранъ.

— Куда?

— Домой. А вы, сюда? что поздно?

— Да онъ былъ на свиданіи, отвѣчалъ Лоранъ, улыбаясь и показывая на Пишѳо: а я... я былъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Ну, счастливый путь! Не найдете-ли вы тамъ зеленое домино въ рыжемъ парикѣ съ преогромнымъ носомъ, да двухъ его спутницъ—одну въ черномъ, другую въ бѣломъ домино: узнайте-ка, кто это.

— Да ты куда? пойдѣмъ назадъ вмѣстѣ.

— А пожалуй!

Кому не случалось изъ васъ, мои снисходительные читатели, быть на балѣ не изъ пустаго желанія губить какъ-нибудь время,

а прїѣхать для той, которой занято ваше сердце? Сколько сладости, сколько очарованія въ этихъ немвогихъ минутахъ! Свѣтскїй разговоръ при свидѣтеляхъ, котораго часто гораздо-краснорѣчивѣе молчаніе, исчезаетъ; каждое слово, каждый взоръ для души и сердца. Упоенные любовію, вы забываете все; балъ блещетъ, музыка гремитъ, чудный звукъ вальса Страуса тонкой волной разливается въ воздухъ, и вы летите... летите... мѣете отъ наслажденія въ упительномъ чадѣ обмана, и уносите ее, уносите на своей рукѣ куда-то далеко отъ ревнивыхъ людей, далеко отъ суеты міра... Сладки, сто разъ сладки эти минуты... каково-то пробужденіе!.. Она уѣзжаетъ, и вамъ остается скука, смертельная скука; зала для васъ пустуетъ; свѣчи горятъ тускло; музыка фальшивитъ; вамъ тошно смотреть на все, и вы невольно приближаетесь къ двери... То же, или почти то же, было и съ влюбленнымъ Бертраномъ: онъ уѣхалъ, какъ-только оставили маскарадъ двѣ его спутницы. Стоя передъ зеркаломъ и снимая съ себя рыжій парикъ и длинные усы, онъ припоминалъ все подробности этого вечера, и восхищался. Тереза, хорошенькая Тереза, для него тихонько ушла изъ пансіона, подвергаясь страшнымъ послѣдствіямъ. И какъ мила, какъ очаровательна была она! сколько граціи въ ея походкѣ, сколько чувства въжатіи руки. Все въ Терезѣ, все безъ исключенія, нравилось толстому юношѣ; только голосъ показался ему не музыкаленъ, въсколько грубевекъ, хотя она не говорила своимъ голосомъ, — вѣщала. Онъ былъ наверху блаженства; всю ночь проворочался съ боку на-бокъ на своей одинокой постелѣ: ему не спалось, а думалось о Терезѣ...

Въ полдень на другой день, Пишѣ и Лоранъ посѣтили своего задушевнаго друга, съ намѣреніемъ вмѣстѣ идти на пропгранный завтракъ. Въ то же время отъ Терезы принесли записку. Не прежде, какъ прижавъ ее къ губамъ разъ двадцать, Бертранъ прочолъ друзьямъ:

«Милый Левъ!

«Со вчерашняго дня я уже не та Тереза. Я не знаю, чтѣ такъ сильно волнуетъ меня, или, лучше сказать, я очень знаю, и вы, *злой*.»
Здѣсь слѣдовала пауза чтеца, для того, чтобы запечатлѣть наивнѣжайшій поцѣлуй на словѣ *злой*.

«Я хочу просить васъ и увѣрена, что вы исполните мою просьбу. Мнѣ-бы хотѣлось имѣть браслетъ изъ волосъ, и уже разумѣется, изъ вашихъ. Въ самомъ скоромъ времени пришлите мнѣ своихъ волосъ,

какъ можно длинныхъ, потому-что браслетъ надѣвается на рукавъ. Я сохранию его памятникомъ на всю *жизнь*.

Тереза.

Слово «жизнь» восхитило Бертрана. Боже! воскликнулъ онъ: какъ видна здѣсь *женщина*! — Надобно думать, что толстый юноша имѣлъ самое тонкое знаніе сердца женщины!

— Что-жь ты намѣренъ дѣлать? спросилъ Пишю.

— Что я намѣренъ дѣлать? Гм! Что намѣренъ дѣлать? странной вопросъ! Я пошлю ей волосъ, и такихъ, какихъ она хочетъ... Чувствительное сердце!..

— Ты такъ голо обстриженъ, Бертранъ!..

— Это все равно, все для нея, по самый корень. Я могу носить парикъ.

— Такой, какъ на балъ въ Одеонъ?

— Diable!.. на балъ въ Одеонъ!.. откуда вы это знаете? кто вамъ сказалъ?..

— И, мой милый! да мы тебя видѣли тамъ.

— Вы меня видѣли тамъ? это не можетъ быть!..

— Да развѣ ты не былъ въ Одеонъ? спросилъ Пишю, улыбаясь.

— Я этого не говорю; но вы все-таки меня не видали.

— А, понимаю! вѣрно, потому, что ты былъ тамъ съ носомъ... Глаза Бертрана засверкали.

— Ну, какъ ты хочешь скрыть? началъ Лоранъ: ты имѣешь такую счастливую фигуру, мой милый, что тебя можно узнать за милю.

Толстякъ улыбнулся съ самодовольствіемъ: онъ счелъ эти слова за комплиментъ.

— Ну, да! восторженно вскричалъ онъ: да, я былъ на балъ, былъ вмѣстѣ съ нею, съ милою Терезою! Она восхитительна! Она дала тысячу доказательствъ въ своей любви! Отъ ея пожатія руки моей пробѣжалъ огонь по моимъ раздражительнымъ нервамъ... и притомъ... сердце... мое чувствительное сердце, готово было выпрыгнуть къ ногамъ первой красавицы всего Стараго-Свѣта!..

— Ну-съ, а ваша голова съ волосами, г. Бертранъ?

— О! она увидитъ, что я всею для нея жертвую!.. При этихъ словахъ съ торжествующимъ видомъ Бертранъ вышелъ вонъ. Другимъ, которые зашли-было къ нему, чтобы вмѣстѣ идти на прогрышный завтракъ, не оставалась ничего, какъ послѣдовать его примѣру, то-есть, отправляться во-свояси. Они положили, что

вмѣсто сегодняшняго завтрака, будутъ на слѣдующій день завтракать дважды. Мнѣ кажется, этимъ они, просто, хотѣли пошмѣяться надъ гемеопатіей.

Черезъ полчаса Бертранъ, съ открытою головою, стоялъ противъ оконъ пансіона. Тереза взглянула, увидѣла совершенно-голую голову Бертрана, и всплеснула руками. Какъ пламенный любовникъ, презвращающій всѣхъ и все, онъ палъ на колѣна, развернулъ листъ бумаги, въ которой были сбриты его волосы, и, простирая къ ней руки, воскликнулъ: «О роза восточная! твой соловей готовъ все для тебя сдѣлать!» Едва онъ произнесъ эти слова, какъ неожиданный ударъ сзади повергъ его на землю, и притомъ такъ неосторожно, что его носъ—о несчастные эти носы!—приплюснулся къ верхней губѣ и испустилъ два обильные потока крови.

— Diable! вскрикнулъ Бертранъ, приподнимаясь и придерживая носъ: передъ нимъ, съ поднятымъ кулакамъ, стоялъ пансіонскій привратникъ.

— Чтѣ? или еще, уродъ толстобрюхой? бормоталъ послѣдній: вѣдь я тебѣ говорилъ, лысая голова, чтобы ты не останавливался передъ нашими окнами!

— Чувствительное сердце!.. Diable!.. Какъ ты смѣешь! И Бертранъ поднималъ свою толстую палку.

Привратникъ, семидесятилѣтній старичишка, предвидя неравную борьбу, заблагоразсудилъ ретироваться и изъ полурастворенной калитки грозилъ ему въ другой разъ переломать объ ноги.

Но дѣлать было нечего: волосы смочены, шляпа замарана, руки тоже, и все это кровію Бертрана, сего злосчастнаго смертнаго. Онъ воротился домой не въ-духъ. Вечеромъ его видѣли съ распухшимъ носомъ и подвязаннымъ лбомъ: онъ ходилъ взадъ и впередъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ днемъ случилось съ нимъ кровавое происшествіе. Два дня не получалъ онъ отъ Терезы писемъ; это чрезвычайно его разстроивало; сверхъ-того у него на лбу, еще до женитьбы, выросъ порядочный рогъ. Но такъ-какъ по тому случаю прекратились Бертрановскіе завтраки, то Лоранъ употребилъ всѣ свои медицинскія знанія. На третій день Жозефъ былъ здоровъ в тѣломъ и душою: лобъ и носъ пришли въ прежнее благосостояніе; отъ Терезы получено письмо.

О томъ, какъ недалеко было Бертрану до совершеннаго счастья, и какъ онъ попалъ сперва на Чортовъ-Мостъ, а послѣ въ грязную лужу.

— Друзья! вскричалъ Бертранъ, входя въ кафѣ, гдѣ уже ожи-

далъ его друзья-пріатели. Друзья! никогда, какъ теперь, вы не можете показать своего ко мнѣ участія! Мое чувствительное сердце разрывается на части...

— Что-такое? въ чомъ дѣло?

— Я теперь на распутьи жизни!..

— Да объяснись! ты съ некотораго времени началъ выражаться въ восточномъ вкусѣ.

— Читайте: это послѣднее письмо Терезы.

Пишѣ развернулъ письмо; оттуда выпала розовая ленточка. — О святотатство! вскрикнулъ Бертранъ, поднявъ ее, поцѣловалъ, поцѣловалъ и привязалъ въ петлячку своего сюртука. Канивѣ прочелъ письмо.

«Жизнь моя, Жозефъ!

«Вы очень-безразсудны, очень, мой другъ; вы не жалѣете ни меня, ни себя. Какъ можно среди бѣлаго дня остановиться на улицѣ, стать на колѣна и... ахъ Боже мой!.. Я не могу вспомнить... Со мной сдѣлался жесточайшій обморокъ; я была больна цѣлыхъ два дня. Нѣтъ, вы хотите смерти своей Терезы.

— Господи! прервалъ Бертранъ, всплеснувъ руками: Господи! какія прогда мысли приходятъ въ голову! Чувствительному-ли моему... Канивѣ не далъ кончить ему монолога и продолжалъ.

«Я видѣла, что вы обрелись и цѣню эту жертву. Велите изъ полось сдѣлать браслетъ; ленточка, которую вы тутъ найдете, — мѣра толщины моей руки...

«Я вполне увѣрена, что такой прекрасный и любезный молодой дѣвъ, какъ вы, не имѣетъ никакихъ въ нашей связи дурныхъ видовъ; благородство должно руководствовать его во всѣхъ дѣлахъ. Я пересказала обо всемъ папашѣ; онъ не хочетъ противиться моему выбору. Въ слѣдующее воскресенье, въ 4 часа, пріѣзжайте къ намъ обѣдать; я и папаша приглашаемъ васъ. Надѣюсь, что скоро наступитъ счастливое для насъ время... Прощайте мое сокровище, мой милый Жозефъ!

«На всю жизнь ваша Тереза.

•PS. Пригласите кого-нибудь изъ своихъ друзей.

Канивѣ, молча, сложилъ письмо и передалъ его Бертрану, который вопрошающимъ взглядомъ посматривалъ на друзей своей.

— Что же вы молчите! Видите, вашъ другъ на распутьи: посоветуйте-же, что мнѣ дѣлать.

— Что! сказалъ Пишѣ: письмо говорить ясно.

- Чего-же яснѣе? прибавилъ Лоранъ: женись.
- Женись!.. признаюсь, эта мысль не приходила мнѣ въ голову.
- Такъ неужели ты цѣлую жизнь думалъ любить подъ окномъ? говорилъ Канивѣ: ну, при твоёмъ-ли чувствительномъ сердцѣ...
- И притомъ при твоихъ-ли раздражительныхъ нервахъ ожидать можно было такого непостоянства? добавилъ Пишô.
- Женись!.. задумавшись, самъ съ собою размышлялъ Бертранъ: женись!.. что-то страшно...
- Ничего нѣтъ страшнаго! Чтò холостая жизнь! — жизнь холодная. То-ли дѣло съ хорошенькой женой...
- Да, съ хорошенькой женой... проговорилъ Бертранъ съ сладкой улыбкой.
- А притомъ хорошенькія дѣти...
- Да... хорошенькія дѣти...
- И тихая семейная жизнь...
- Да... тихая семейная жизнь...
- Исполненная нѣжности, любви, угожденій...
- Да... нѣжности... угожденій... да...
- Проснешься съ сладкими мечтами, уснешь—новыя наслажденія для чувствительнаго сердца...
- И притомъ раздражительные нервы!.. женись! женись!! ей Богу, женись!!! Diable!.. Да это... да это... чудесно... Тереза будетъ женой... то есть... женись!!!! Друзья! ко мнѣ на свадьбу!
- О непременно! воскликнули друзья хоромъ.
- Пишô! ты мой первый другъ, истинный! поѣдемъ со мною къ Шарбо; я тебя назову кузеномъ!
- Нѣтъ, лучше возьми Канивѣ: онъ тебѣ и родственникъ въ въ какомъ-то колѣнѣ, говорилъ Пишô, отклоняя отъ себя это предложеніе.
- Въ-самомъ-дѣлѣ, Канивѣ! ѣдемъ!
- Изволь! нахмуривъ брови, сквозь зубы проговорилъ Канивѣ, и подумалъ: — Счастье-же такимъ уродамъ!»
- Такъ здоровье будущихъ счастливыхъ супруговъ!
- За наше здоровье!..

Друзья пировали далеко за полночь; двое служителей вынесли изъ кафѣ четыре поклажи и уложили на четырехъ извозчиковъ; извозчики разѣхались въ разныя стороны.

Воскресенье приближалось. Въ субботу Бертранъ исправилъ все, чтò нужно для прекраснаго и любезнаго молодаго льва. Но для мима пансіона, онъ не могъ утерпѣть, чтобъ не остановиться про-

тивъ окна, въ которое глядѣла Тереза; онъ только-что хотѣлъ разразиться раздирательнымъ монологомъ, и уже поднялъ руку къ верху, но вдругъ взглянулъ на-лѣво и увидѣлъ, что, о ужасъ! — пансионскій привратникъ съ какимъ-то широкоплечимъ парнемъ подкрадывались къ нему сзади. Видя новую кровавую неприятность, Бертранъ пустился рысакомъ вдоль улицы.

— Ужъ отучу-же я тебя здѣсь останавливаться! раздалось въ слѣдъ его.

— Хорошо!... чувствительное сердце!... думалъ Бертранъ, улетѣвая чѣмъ было мочи: — это уже посланнй разъ!.. Съ завтрашняго дня мнѣ ужъ болѣе не нужно будетъ смотреть на Терезу черезъ окно!...

Онъ угадалъ.

Въ воскресенье, въ четыре часа, Бертранъ и Канивѣ остановились у подъезда очень-красивенькаго домика.

— Постой, Канивѣ; сюда-ли? Бертранъ вынулъ изъ кармана последнее письмо Терезы и посмотрѣлъ на адресъ. Шарбб... такъ... сюда.

Они вошли. Почтенный старикъ, съ выраженіемъ, внушающимъ каждому уваженіе къ его особѣ, сидѣлъ въ большихъ креслахъ, за неизмѣримымъ листомъ журнала, какъ за ширмочками. Два костыля стояли у стѣны.

— Милостивый Государь! сказалъ Бертранъ: честь имѣю свидѣтельствовать вамъ свое глубокое почтеніе! рекомендую вамъ моего кузена, Канивѣ.

— Очень-радъ, господа, познакомиться съ вами; но могу-ли узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? сказалъ старшій Шарбб, поднимаясь съ помощію костылей.

— Я тотъ-самый... чувствительное сердце котораго...

— Ну-съ?

— Я... я, Бертранъ, тотъ-самый... А это мой кузень.

И Бертранъ шаркалъ, и Канивѣ шаркалъ, и оба не знали, что имъ дѣлать предъ грозной физиономіей гвардейца.

— Бертранъ?... Я не помню..

— Какъ? не помните Бертрана?..

— Я даже не слыхалъ этой фамиліи.

— Не слыхали о Бертранѣ?... Позвольте вамъ не повѣрить.

— Чортовъ-Мостъ!.. не повѣрить!..

— Будто м-Не Тереза ничего не говорила вамъ о Бертранѣ.

— Гмъ!.. сказалъ Шарбо, поводя усами: а что-бы такое она могла говорить о васъ?

— Чтò она могла говорить обо-мнѣ?.. Вы говорите это серьёзно?...

— Даже болѣе серьёзно, нежели вы думаете.

— Вы, вѣрно, забыли.. вѣрно м-Не Тереза... говорила вамъ... о Бертранѣ, который...

— Ну-съ, ну-съ??

— Я Бертранъ, который влюбленъ въ вашу дочь, который дышетъ пожаромъ...

— Чортовъ-Мостъ!.. вскричалъ Шарбò, и такъ подернулъ своимъ съдымъ усомъ, что толстякъ отступилъ шагъ назадъ и выразительно взглянулъ на Канвè.

— Но къ-чему такой сердитый видъ?.. оправившись немного, провнесъ Бертрапъ. — Я пришолъ съ благороднымъ намъреніемъ, просить руки вашей дочери; а это мой кузень, который будетъ свидѣтелемъ.

— Но, господа, наконецъ я прошу объяснить мнѣ, чтò значить вся эта комедія.

— Наконецъ и я тутъ ничего не понимаю! разводя руками и подвывая правое плечо, сказалъ Бертрапъ. — Прекрасная м-Не Тереза писала мнѣ...

— Писала?.. Тереза писала вамъ?..

— Да...

— У васъ есть письма моей дочери?.. У васъ есть письма моей дочери?? Чортовъ-Мостъ!! запальчиво кричалъ усачъ, и такъ спльно стукнулъ костылями о полъ, что зазвенѣли стекла: — доказательствъ! доказательствъ!.. или я изъ васъ съдѣлаю битое мясо!..

— Вотъ онъ, письма Терезы; читайте!

Бертранъ, дрожа всемъ тѣломъ, вынулъ изъ кармана всѣ письма Терезы и передалъ отцу ея. Шарбò взглянулъ на письма, наморщилъ брови, задергалъ усами, поправилъ костыли, и дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ проговорилъ, подойдя къ самому носу Бертрана:

— Милостивый государь! Вы не что-иное, какъ гнусной лжецъ, негодяй...

— Но...

— Молчать!.. вы подлецъ!.. эти письма не моей дочери, это не ея рука... я вижу, тутъ чтò-нибудь кроется!.. Вы хотите обмануть меня... но я старый солдатъ, который не позволитъ вамъ ложно безславить имя единственной моей дочери...

— Но, полковникъ, мы, вѣрно, не понимаемъ другъ-друга, проговорилъ Бертранъ, болѣе мертвый, чѣмъ живой.

Канивѣ, отъ природы нехрабраго десятка, взявъ шляпу и приближался къ двери.

— Но я очень понимаю васъ, негодяевъ!.. выходя изъ себя, кричалъ наполеоновецъ: мы сейчасъ всѣ вмѣстѣ отправимся... я знаю куда!.. И стуча костылями, онъ приближался къ Бертрану.

Между-тѣмъ Канивѣ, растворивъ настежь двери, уже былъ на улицѣ; Бертранъ, позабывъ о шляпѣ, которую поставилъ на столъ, когда вынималъ письма, послѣдовалъ примѣру кузена. Они бѣжали безъ оглядки до-тѣхъ-поръ, пока Канивѣ не упалъ, едва переводя духъ, а Бертранъ не наткнулся на какую-то маркизу, выходившую изъ магазина, и повалился вмѣстѣ съ нею въ стокъ грязной воды.

Удружили!

На другой день Канивѣ встрѣтился съ Пишò и Лораномъ.

— Ха-ха-ха! оскаливъ зубы и закручивая усы, хохоталъ Пишò: что ваше вчерашнее путешествіе? ха-ха!..

— Каково васъ принялъ полковникъ Шарбò? ха-ха! то-же помирая со смѣху, прибавилъ Лоранъ.

— Чортъ возьми! да вы-то почему знаете? Жозефъ, что-ли, разсказалъ?

— Ничего не бывало! мы прежде знали, что будетъ.

— А я еще и теперь въ толкъ не возьму — что за чудеса совершились въ подсолнечной! Бертранъ любезничалъ подъ окномъ съ Терезою Шарбò, получалъ письма отъ Терезы Шарбò; а отецъ-Шарбо говоритъ, что это не ея письма, не ея рука...

— Разумѣется, не ея, — говорилъ Пишò, — когда ихъ писала моя кузина подъ мою диктовку...

— Стало-быть...

— Ха-ха-ха!.. Тереза ничего не знаетъ, и не думала ни о какой любви...

— Стало-быть...

— Просто мистификація!

— Гмъ!

Прекрасный и любезный молодой левъ долго сътовалъ на деспотизмъ отцовъ.

— Она любила меня, любила пламенно... но этотъ Гунъ, ея отецъ! О Тереза, несчастная Тереза!.. Какъ она была очаровательна на балъ въ Одеонъ!

Сказывали, что, по совету Пишô, онъ женился на дочери булочника, которая во всемъ околodкѣ славилась своими востренькими глазенками.

— Пишô! ты мнѣ истинный другъ, ты во многихъ случаяхъ доказалъ мнѣ свою привязанность. Я люблю тебя! восклицалъ Бертранъ, обнимая Пишô. — Какъ-бы я хотѣлъ, если у меня родится сынъ, чтобы онъ былъ похожъ на тебя!

По странному стеченію обстоятельствъ, Матильда подарила Бертрану сына, вылитого Пишо.

Терезу Шарбô на другой-же день, послѣ Бертранова визита, взяли изъ пансіона. Она, по склонности, вышла за-мужъ за какого-то литератора.

ДАВЫДЪ ЗЕНКО.

Ш.

ЭКСТРА-ПОЧТА.

РАЗСКАЗЪ ШПИДЛЕРА.

Я окончилъ курсъ въ университетъ. Родители оставили мнѣ значительное состояніе и назначили опекуна, который братски поделѣлся со мною. Если-бъ я не имѣлъ непреодолимаго отвращенія къ ремеслу адвоката, то, навѣрное-бъ, испыталъ первыя юридическія силы свои на почтенномъ опекунѣ. Я оставилъ негодю заграбленную имъ половину и удовольствовался частію, которую университетская жизнь моя порядочно уменьшила.

Тогда я принялся за практическую философію — хотѣлъ до дна изучить физиономію и характеръ людей, и вскорѣ увидѣлъ дно — моего кошелька. Съдые обманщики употребили во зло уваженіе мое къ лътамъ ихъ, такъ-называемые друзья безъ милосердія опускали руку въ открытый кошелекъ мой, безстыдные нищіе, богаче меня, грабили меня во имя состраданія и любви къ ближнему, ловкія кокетки смѣялись надъ невинностью моею. Денежки мои утекали съ неимоверной быстротою, и наконецъ банкротство одного изъ несчастныхъ Пиладовъ моихъ, за котораго я поручился, пало мнѣ на шею. Пиладъ мой умѣлъ такъ распорядиться, что и слѣдъ его простылъ; я долженъ былъ заплатить за него, и сълъ на мель.

Посылались на меня наставленія и совѣты родственниковъ

моихъ—замѣтите, только наставленія и совѣты, тогда я увидѣлъ, что кончили курсъ и практическихъ наукъ. И о собственномъ характерѣ я долженъ былъ имѣть порядочное понятіе, потому—что одна половина города единогласно говорила:

— Глиммеръ дуракъ!

А другая:

— Глиммеръ негодяй!

Такъ-какъ и въ-самомъ-дѣлѣ дуракъ—ни къ чему негодный человекъ, то и выходитъ, что обѣ половины были правы.

По мѣрѣ того, какъ займодавцы приближались, друзья отдалялись отъ меня; обманщики распространяли обо мнѣ самыя гнусныя клеветы; нищіе смѣялись мнѣ въ глаза; кокетки стали презирать меня, обвинявшаго.

О мѣстѣ нечего было и думать: все знали, что въ счастливѣйшія времена я слишкомъ неуважительно отзывался о чиновникахъ. О помощи родственниковъ я уже упомянулъ, следовательно, бѣдный Глиммеръ былъ всеми покинутъ, довольный и счастливый уже тѣмъ, что новое происшествіе дало языкамъ и мыслямъ другое направленіе, и объ немъ забыли.

Самое непріятное въ этомъ дѣлѣ было то, что я ждалъ дядю изъ Вестъ-Индіи. Онъ былъ чрезвычайно-богатъ, и безъ ущерба единственной дочери своей, могъ-бы помочь мнѣ; однако-жъ... любовь къ ближнему лишила меня и этой надежды. Почтенный опекунъ, коммерціи совѣтникъ Триблингъ, узнавъ о прибытіи дяди въ Гамбургъ, поспѣшилъ извѣстить его о моемъ несчастіи и оклеветалъ меня самымъ ужаснымъ образомъ, въ отмщеніе за то, что я нѣсколько разъ напрямки высказывалъ ему мнѣніе свое объ опекѣ его. Дѣйствіе этой клеветы проявилось въ томъ, что дядя на мое весьма-почтительное и жалостное письмо отвѣчалъ весьма-лаконически, что не намѣренъ помогать моту и блудному сыну, и что не только больше писать мнѣ не будетъ, но и видѣть меня никогда не хочетъ.

Утѣшительно!

Я словесно и мысленно проклиналъ индійскаго дядю, у котораго вмѣсто сердца былъ сахарный тростникъ и котораго душа въ Америкѣ страшно загорѣла.

Впрочемъ тихая, уединенная жизнь мнѣ очень понравилась. Я былъ счастливъ, какъ философъ, въ маленькой комнаткѣ, которую вдова Сабина отвела мнѣ въ домикъ своемъ. Добрая старуха не забыла, какъ счастливъ былъ покойный мужъ ея, кучеръ отца моего, и что этотъ самый домикъ былъ подаренъ имъ родителями

моими въ день ихъ свадьбы. Въ-слѣдствіе этого, Сабина, не-смотря на бѣдность мою, обходилась со мною, какъ съ господиномъ своимъ, и дѣлила послѣдній кусокъ свой.

Зная, съ какимъ удовольствіемъ она это дѣлала, я ни отъ чего не отказывался, и окруженный птичками, цвѣтами и книгами, жилъ беззаботно въ маленькой каморкѣ своей. Утро проводилъ я въ маленькомъ садикѣ; въ двѣнадцать часовъ дѣлилъ скромный обѣдъ хозяйки моей; до четырехъ бродилъ по лѣсамъ и полямъ; вечеръ принадлежалъ исключительно литературнымъ занятіямъ, единственному доходу моему. Я писалъ статьи въ ежедневную газету. Въ десять часовъ я засыпалъ на жесткой постели вѣроче, нежели я когда-либо спалъ на прежнихъ роскошныхъ пуховикахъ.

Вскорѣ я замѣтилъ въ одномъ изъ оконъ дома, находившагося прямо противъ квартиры моей, прелестное личико молоденькой дѣвушки, которую звали Розиною и судьба которой имѣла нѣкоторое сходство съ моею. Отецъ ея, достаточный мелочной продавецъ, вздумалъ-было распространить торговлю свою, но идея эта была пагубна. Не удовольствовавшись малымъ, онъ лишился всего, и умеръ съ горя. По-счастію, добрая родственница сожалѣлась надъ дочерью его и взяла ее къ себѣ, гдѣ Розина безъ нужды проводила юность свою, какъ цвѣточекъ въ полѣ.

Прелестная дѣвушка не ускользнула отъ соколинаго взора моего и тогда только я сталъ сожалѣть, что обдѣнялъ. Я былъ-бы невыразимо-счастливъ, если-бъ могъ разделить съ очаровательнымъ существомъ богатство свое; при настоящихъ-же обстоятельствахъ, я могъ только изливать любовную тоску свою въ благозвучныхъ сонетахъ, украшать окно ея красивѣйшими цвѣтами, подарить ей хорошенькую канарейку, и повѣрять старой Сабинѣ чувства свои.

Добрая старуха принимала живое участіе въ любви моей, утѣшала меня, и наконецъ, объявила, что и Розина ко мнѣ неравнодушна, что родственница ея съ большой похвалою отзывается обо мнѣ, и что Розина весьма дорожитъ подарками моими.

Все это наполняло сердце мое неизъяснимымъ блаженствомъ и я былъ-бы вполне счастливъ, если-бъ демонъ чорныхъ заботъ не шепталъ мнѣ безпрестанно на ухо:

— Не радуйся!.. Кто знаетъ, чтѣ еще будетъ!..

Около этого времени случилось, что мнѣ надобно было идти къ покровителю моему, редактору газеты, за полученіемъ слѣдующихъ мнѣ денегъ. Молча отсчиталъ онъ мнѣ довольно-умѣренную сумму, потомъ, къ величайшему изумленію моему, сказалъ:

— Почтеннѣйшій господинъ Глимммеръ! я очень-радъ былъ сно-

шеніямъ нашимъ, тѣмъ прискорбіе мнѣ теперь прервать ихъ и просить васъ — не принимать болѣе участія въ изданіи моемъ.

Я остолбенѣлъ.

— Я не понимаю васъ, отвѣчалъ я довольно-глупо.

— Вотъ въ чомъ дѣло, отвѣчалъ редакторъ и понюхалъ табаку: статьи ваши очень нравились публикѣ и доставили газетѣ моей нѣкоторыя выгоды; но съ нѣкотораго времени вы измѣнились, и какъ прежде подписчики мои жадно читали статьи ваши, точно-такъ они теперь зываютъ, увидѣвъ одно имя ваше.

— Почему-же это? спросалъ я, нѣсколько обиженный.

— Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось; пріятная легкость вашихъ стихотвореній и разказовъ уступила мѣсто какой-то сантиментальности, которая, въ самомъ-дѣлѣ, несносна и не можетъ нравиться читателямъ. Вы или влюблены или напитались мистическимъ духомъ. Последняя повѣсть ваша à la Wegner очень не повинулась, потому-что этотъ родъ теперь не въ модѣ. А стихи ваши!.. Боже! какой избытокъ луннаго свѣта и лилейныхъ благоуханій! Что это за стихи? Посмотрите сами. Вся на одинъ ладъ: *Сонетъ къ Розѣ; Анаграмма огаровательнаго имени; Къ ней; Она; Розабелла; Тебѣ* и множество подобныхъ. Увѣренный въ достоинствѣ сочиненій вашихъ, я отдавалъ эти стихи въ печать не читая ихъ—за то мнѣ послѣ и досталось!.. Итакъ, почтеннѣйшій Глиммеръ, хоть мнѣ крайне жаль, но мы должны разстаться; пишите вы теперь въ-десятеро лучше прежняго, и это не поможетъ: вы потеряли кредитъ и имя ваше сдѣлалось читающему свѣту соннымъ порошкомъ! Да хранитъ васъ Господь!

Я былъ взбѣшонъ. Съ негодованіемъ ушелъ я отъ вандала. Но когда я вышелъ на улицу, то успокоился, увидѣвъ на афишѣ возвѣщеніе о первомъ представленіи большой драмы моей: *Розамунда*.

— Жалкій журналистишка! подумалъ я съ гордостію: вздоръ, который ты мнѣ нагородилъ, не собьетъ меня съ толку. Сегодня ждетъ меня въ театрѣ вѣнецъ славы, и завтра получу я почетную награду, обещанную мнѣ въ случаѣ успѣха!

Злополучная гордость!

Вечеромъ, закутавшись въ плащъ, пробирался я домой, между толпами зрителей, въ такомъ жалкомъ состояніи, въ какомъ только можетъ быть освищенный авторъ. Критики отдѣлали меня въ пухъ... следовательно и литература измѣнила мнѣ! Я-бы погибъ съ отчаяніемъ, если-бъ у меня не были два добрые ангела...

Я успѣлъ уже познакомиться съ соседками, и часто посѣщалъ ихъ, нуждаясь въ утѣшеніи.

— Мужайтесь, говорила мнѣ родственница Розины: не теряйте бодрости, любезный соседъ. Фортуна, какъ шаръ, катится въ ту сторону, куда толкнетъ ее судьба. Вы любите мою Розиночку, и это давно замѣтила; что-жь? я этому очень рада, хотя весь городъ говоритъ, что вы... И она остановилась.

— Знаю, знаю! сказалъ я: продолжайте.

— Вотъ видите-ли, я не обращаю вниманія на весь эти толки, потому-что вы такъ тихи, смиренны и услужливы, что любо смотрѣть! Однакожь Розина бѣдна, вы бѣдны, а жить-то надо-же вамъ чѣмъ-нибудь. Попробуйте еще разъ обратиться къ дядюшкамъ вашему.

Я отказался сухо и рѣшительно.

— Не горячитесь, продолжала она, а выслушайте ка лучше, что я вамъ расскажу. Племянникъ мой, Фрицъ, служить у коммерціи совѣтника Трюблинга въ конторѣ. Сегодня приходитъ онъ къ нему въ кабинетъ съ бумагами. Трюблингъ только-что было сталъ разсматривать ихъ, какъ вдругъ поспѣшно вошелъ какой-то толстый господинъ. Знаете-ли, спросилъ онъ совѣтника, что дѣля Глиммера нашего находится теперь въ Фельтенброннѣ, въ пятнадцать миляхъ отсюда?—Сюда, что-ли, онъ ѣдетъ? спросилъ совѣтникъ.—Не знаю; говорятъ, что онъ ѣдетъ въ Швейцарію, но только вотъ уже двѣ недѣли, какъ онъ проживаетъ въ Фельтенброннѣ; чтобы ему не вздумалось сюда завернуть, отвѣчалъ толстякъ.—Это плохо... началъ совѣтникъ.—Конечно плохо, прервалъ его толстякъ, надо предупредить старика и отклонить отъ намѣренія ѣхать сюда. Это прекрасно, но у меня теперь столько дѣлъ... Я все придумалъ; я самъ поѣду и между-тѣмъ дамъ уже знать во всѣхъ здѣшнихъ гостиницахъ, что если, неравно, придетъ старый Глиммеръ, то чтобы васъ немедленно о томъ уведомили. После этого они стали говорить шепотомъ, такъ-что мой Фрицъ уже ничего не могъ разслышать. Какъ только ему удалось, онъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я пересказала вамъ этотъ разговоръ, потому-что онъ знаетъ, какое участіе мы принимаемъ въ васъ.

— Что-же мнѣ дѣлать? спросилъ я, сердечно поблагодаривъ добрую соседку.

— Предупредить ихъ! Развѣ вы не видите, что тутъ скрывается какія то плутни. Если вы не предупредите клеветниковъ, то отъ дядюшки не ждите помощи!

Общимъ советомъ было положено, что я долженъ ѣхать въ Фель-

тенброннѣ. Старая Сабина даже наставляла, чтобы я непременно ѣхалъ съ экстра-почтой.

— Завтра утромъ въ пять часовъ вы отсюда выѣдете; въ десять часовъ вечера будете въ Фельтенброннѣ, между-тѣмъ—какъ агентъ совѣтника поѣдетъ, вѣроятно, въ своемъ экипажѣ и прибудетъ туда цѣлымъ днемъ позже васъ!

— Прекрасная идея! вскричали остальные члены этого женскаго консилиума.

— Прекрасная идея! повторилъ я, принужденно улыбаясь и судорожно сжимая въ карманъ пустой кошелекъ. Я самъ очень-радъ былъ ѣхать, но гдѣ взять денегъ? Ложный стыдъ не позволялъ мнѣ рассказать о томъ сосѣдкамъ, ни даже хозяйкѣ моей. Чтобы имѣть деньги я долженъ былъ ѣхать; чтобы ѣхать, я долженъ былъ имѣть деньги; не достану денегъ — не поѣду; не поѣду — не достану денегъ! Эти разсужденія вскружили мнѣ голову, и чтобы нѣсколько разсѣяться и придумать какое-нибудь средство, я вышелъ гулять.

Проходя мимо почтоваго двора, я увидѣлъ на табели, что мѣсто въ дилижансѣ экстра-почты стоить пять талеровъ. Эта сумма далеко превышала ту, которая находилась въ кошелекъ моемъ, и я долго не могъ придумать, какъ-бы покрыть дефицитъ казны моей. По-счастью, я вспомнилъ, что многіе изъ прежнихъ друзей моихъ были мнѣ должны. Радостно забилось у меня сердце, когда глаза мои увидѣли идущаго на встрѣчу ассесора, который мнѣ долженъ былъ болѣе другихъ. Само провидѣніе помогало мнѣ!.. Съ искренностью университетской дружбы поспѣшилъ я къ нему на-встрѣчу и привѣтствовалъ его дружескимъ *ты*. Онъ долго смотрѣлъ на меня, какъ будто не узнавая... но наконецъ вступилъ со мною въ разговоръ, употребляя церемонное *вы*, и крайне удивился, когда я напомнилъ ему о ста талерахъ, которые онъ былъ мнѣ долженъ.

— Въ своемъ-ли вы умѣ? вскричалъ онъ съ невомѣрною дерзостью. Я занялъ у васъ деньги? Я, первый ассесоръ при уголовномъ судѣ, стану занимать у недоучонаго студента? Ошибаетесь, любезнѣйшій! Или вы съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ хотите выманить у меня денегъ? Не на того напали, любезнѣйшій! У себя я велѣлъ-бы столкнуть васъ съ лѣстницы, а здѣсь, на улицѣ, я долженъ прибѣгнуть къ полиціи, которая обязана защищать честихъ гражданъ отъ подобныхъ бродягъ!

Я стоялъ, какъ громомъ пораженный. Около насъ собралась толпа. Стыдъ оковалъ мнѣ языкъ и руки, и когда, наконецъ, опомнившись, я замахнулся тростью на негодяя ассесора, то онъ успѣлъ уже ускользнуть въ толпѣ. И я поспѣшилъ удалиться, за-

воротилъ за уголъ, почти бѣгомъ добрался до заставы и тамъ наткнулся на лейтенанта фонъ-Петерлейна, также одного изъ должниковъ моихъ. Онъ привѣтствовалъ меня довольно-ласково, хотя холоднѣе, вежливи прежде; воспользовавшись добрымъ, по-видимому, расположеніемъ его, я напомнилъ ему о долгѣ. Улыбаясь и покачивая головою, выслушалъ меня Петерлейнъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ, что тебѣ за охота вспоминать о прошедшихъ вздорныхъ долгишкахъ? Во-первыхъ я даже не помню, что когда-либо занималъ у тебя; во-вторыхъ вѣрно то, что я заплатилъ, а въ-третьихъ очень-смѣшно, что ты просишь денегъ у военного, который любитъ собакъ, лошадей, вино и женщинъ.

Я не зналъ сначала, что отвѣчать, но наконецъ убѣдительно сталъ просить его, чтобы онъ выплатилъ хоть по частямъ. Петерлейнъ засмѣялся, поклялся, что онъ по горло въ долгахъ, и обернулся ко мнѣ спиною. Я счелъ за лучшее удалиться, но лейтенантъ остановилъ меня и довольно-ласково шепнулъ мнѣ на ухо:

— Хоть денегъ у меня нѣтъ, но я уплачу долгъ свой добрымъ совѣтомъ. Во-первыхъ: не вѣрь никому въ долгъ. Во-вторыхъ: убирайся отсюда по-добру, по-здорову. Губернаторъ узналъ, что ты авторъ сатиры, помѣщонной недавно въ одной изъ вашихъ газетъ или журналовъ. Завтра тебя призовутъ въ судъ. Убирайся-жъ поскорѣе отсюда, я тебѣ говорю. Прощай!..

Я пошелъ къ попечителю богаделенъ, Либереиху, которому я нѣкогда восьмидесятью талерами помогъ выдти изъ весьма-затруднительнаго положенія. Онъ принялъ меня очень-ласково и хотя не отказывался отъ долга, но требовалъ письменнаго доказательства. Но такъ-какъ мнѣ никогда на умъ не приходило брать съ друзей моихъ росписокъ, то онъ пожалъ плечами и очень-вежливо отвѣчалъ:

— Крайне сожалею! но я плачу только по собственноручнымъ роспискамъ... потомъ очень-деликатно вывелъ меня въ переднюю и замкнулъ за собою дверь.

Въ третій разъ обманутый въ надеждахъ своихъ, стоялъ я на улицѣ, зѣвая на звѣзды, и размышляя объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергся...

— Чортъ возьми, братецъ, закричалъ мнѣ кто-то басомъ на-ухо? это ты!... Басъ заключилъ меня въ объятія и поцѣловалъ въ три приѣма въ самыя губы.—Что ты, чортъ побери, звѣзды считаешь? Давно я тебя не видалъ! Ты, говорятъ, въ пухъ промотался! Ахъ, ты кутыла этакой!

Эго былъ университетскій товарищъ мой, Бернхардъ. Онъ sans façon потащилъ меня въ сосѣдній кофейный домъ и тамъ я долженъ былъ разсказать ему про все несчастія свои. Товарищъ почосывался за ушамп, запускаятъ пять пальцевъ въ безконечно-длинную гриву свою, потиралъ лобъ, морщился, и наконецъ сказалъ:

— Добрый мой Глимммеръ, ты невольно собираешь на голову мою горячяя уголья, потому-что я не забылъ еще, что ты одолжилъ мнѣ десять талеровъ, когда я долженъ былъ откупиться за то, что прибилъ университетскаго сторожа... и я, подлець, разбойникъ, негодяй, тебѣ не возвратилъ ихъ еще до-сихъ-поръ! Какъ нарочно я самъ сегодня сижу на мели. Я самъ не имѣю никакого завятія и пользуюсь пока милостями своей матери, которая, мимоходомъ сказать, скуповата. На пуишь, кофе, ликеры и пиво я имѣю здѣсь кредитъ, но не на деньги. Но послушай. Экстра-почта отъѣзжаетъ завтра въ пять часовъ и ты непременно долженъ ѣхать; въ три четверти пятаго ты можешь еще достать мѣсто..,

— Прекрасно, отвѣчалъ я улыбаясь: но экстра-почта въ долгъ не вѣрять.

— Знаю, знаю, возразилъ Бернхардъ — слушай. Сегодня я долженъ идти къ сестрѣ на вечеръ. Терпѣть не могу этихъ водянистыхъ вечеровъ, гдѣ на двадцать человекъ разносятъ одну бутылку рому — просто глупо! Но сегодня тамъ будетъ одна хорошенькая... да хоть-бы и не то, такъ я ради тебя пошолъ-бы туда. Сестра помогаетъ мнѣ иногда. Я приступлю къ ней. Конечно, десять талеровъ она не дастъ, но за пять я тебѣ ручаюсь, и если это можетъ тебѣ пригодиться, то завтра утромъ, въ три четверти пятаго, жди меня въ почтовой конторѣ.

Я радостно принялъ дружеское предложеніе его, и, забывъ все горести, воротился домой; собралъ нѣсколько необходимыхъ вещей, связалъ въ узелокъ, наказалъ Сабинь, чтобы она поклонилась отъ меня сосѣдкамъ и уснулъ самымъ сладкимъ сномъ.

Было еще совершенно темно, когда, на слѣдующее утро, я вступилъ на почтовый дворъ. Все еще спали. Лениво стоялъ у подъѣзда незапряженный дилижансъ. Только дворникъ обметалъ улицу около почтоваго двора. Напротивъ, въ гостиницѣ, гдѣ собирались пассажиры, свѣтился въ окнахъ слабый огонекъ и на шторахъ рисовались тѣни. Я прохаживался взадъ и впередъ, не спуская взора съ улицы, изъ которой долженъ былъ выйти Бернхардъ. Когда глаза мои привыкли къ темнотѣ, то въ нѣкоторомъ отдаленіи, у дома опекуна моего, я увидѣлъ запряженную коляску. Кровь закипѣла въ жилахъ у меня. Я досадовалъ на медленность

почтовыхъ конюховъ, на Бернхарда, и желалъ-бы имѣть крылья, чтобы въ одно мгновеніе перелетѣть въ Фельтенброннъ и предупредить коварные замыслы Трюблинга и компаніи.

Безпокойство мое еще увеличилось, когда часы на почтовомъ дворѣ пробили три четверти пятого, Раздался звонъ. Почтовой дворъ освѣтился. Конюхи засуетились около дилижанса, окруженного некоторыми пассажирами, вышедшими изъ гостиницы, а я все-еще стоялъ въ раздумьи... быть или не быть—въ числѣ пассажировъ?

Съ узелкомъ подъ мышкой бродилъ я изъ одного угла почтового двора въ другой, съ одной стороны улицы на другую, какъ человекъ, гонимый нечистою совѣстью. Бернхардъ не шолъ... Неужели я долженъ былъ воротиться домой! Неужели враги мой должны были одержать побѣду? О, нѣтъ, нѣтъ! Вся будущность моя зависла отъ этой повозки!... Надо было вхвать, но какъ? Какъ?... Медленно пробили башенные часы пять... лошади были запряжены... положеніе мое становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ... а Бернхардъ все-еще не шолъ!...

Быстро прокатила мимо меня коляска Трюблинга. Тысячи невыразимыхъ мученій терзали мнѣ сердце и умъ, какъ вдругъ появленіе полицейскаго чиновника напомнило мнѣ о жалобѣ, которою угрожалъ мнѣ ассессоръ, объ обвиненіи за сатиру, и тысячи черныхъ мыслей овладѣли умомъ моимъ.

Богъ знаетъ, что-бы я далъ, если-бъ могъ взять билетъ, но Бернхардъ не являлся съ несчастными пятью талерами! Вдругъ пришла мнѣ мысль, что онъ, можетъ-быть, давно уже сидитъ въ гостиницѣ и ждетъ меня. Я побѣжалъ туда. Общая зала была пуста; только минуту спустя замѣтилъ я, что на диванѣ кто-то спалъ. Я подошелъ поближе, но увы! то былъ не товарищъ мой!.. Спавшій былъ дородный мужчина, въ дорожномъ платьѣ и одаренный самой злобной физиономіей, которую мнѣ когда-либо въ жизнь мою встрѣчалось видѣть. Во всей фигурѣ и въ самомъ положеніи его выражалось обжорство и эгоистическое благосостояніе. Онъ уснулъ у стола, на которомъ видны еще были остатки геттингенской колбасы и опорожненная бутылка.

Обошедъ всю гостиницу и замѣтивъ изъ оконъ, что пассажиры усаживались уже въ дилижансъ, я, съ самыми горестными мыслями выходилъ на улицу, когда наткнулся на одного изъ почтовыхъ конюховъ.

— Номеръ 6-й, номеръ 6-й! кричалъ онъ и, безъ церемоній схвативъ меня за руку, продолжалъ: торопитесь, а не то опоздаете...

— Любезный другъ, началъ я: я очень-радъ, но деньги...

— Тамъ лишку самая бездѣлица, отвѣчалъ конюхъ; теперь не до слачи; спѣшите, черезъ минуту почта отъѣзжаетъ! Позвольте я снесу вашъ узелокъ. Съ этимъ словомъ выхватилъ онъ у меня изъ-подъ мышки узелокъ и побѣжалъ внизъ.

— Добрый мой Бернхардъ! думалъ я, поспѣшно слѣдуя за-нимъ; какъ я тебя обидѣлъ! Вѣрный другъ, ты еще съ вечера позаботился о мѣсть моемъ! За это я тебя буду вѣчно благодаренъ!

Вызвѣтъ съ тѣмъ я машинально развернулъ билетъ и къ величайшему изумленію и ужасу своему, при свѣтѣ фонаря прочолъ на немъ не мое имя, но какого-то господина Фанъ-Нуйстена. Я не успѣлъ еще придти въ себя, когда хозяинъ гостиницы, зѣвая вышелъ на минутку на порогъ, проговорилъ:

— Вся вышли! Теперь я пойду опять спать! воротился, замкнулъ дверь и погасилъ всѣ свѣчи. Я не зналъ, на что рѣшиться и машинально подходилъ къ экстрэ-почтѣ.

— Номеръ 6-й! ревелъ кондукторъ.

— Номеръ 6-й! повторилъ конюхъ, который уложивъ узелокъ мой въ дилижансъ, потащилъ меня самого туда-же; скорый, скорый, номеръ 6-й!

Я не успѣлъ еще опомниться, какъ сидѣлъ уже въ каретѣ, дверцы захлопнулись, конюхъ шолкнулъ кнутомъ, лошади тронулись, тяжолая машина двинулась съ мѣста, и вскорѣ съ быстротою молніи полетѣла по пустынь улицамъ...

Мною овладѣлъ паническій страхъ: что, если хозяинъ моего мѣста, настоящій номеръ 6-й, который, вѣроятно, былъ инктовной, какъ спавшій на диванъ, проснется? За нами пустятся въ погоню, откроютъ незаконный поступокъ мой... ужасъ! Я живо представлялъ себя, какъ меня поведутъ въ полицію, окружоннаго толпой улчныхъ мальчишекъ и праздныхъ зѣвакъ... а тамъ ассессоръ... сатира... дядя... Трюблингъ... все это до того перемѣшалось въ головѣ моеей, что я готовъ былъ выскочить изъ дилижанса и опустилъ стекло...

Утренній, довольно-холодный воздухъ, освѣжилъ меня. Все было тихо. Мы миновали заставу и ѣхали по дорогѣ, окружонной пріятнымъ мѣстоположеніемъ, освѣщеннымъ первыми лучами восходившаго солнца...

Мало-по-малу разсылся страхъ, оковывавшій философическіе органы мои. Тогда я спокойно сталъ обсуживать поступокъ свой, и мысленно повторилъ извѣстную поговорку про нужду. Вѣдь мнѣ надо-же было ѣхать въ Фельтенброннъ? Отъ этого зависѣла вся жизнь моя! Неужели я долженъ былъ отклонить отъ себя случай,

представленный мнѣ самою судьбою? Такъ, это была воля Провидѣнія, которое, вопреки всѣмъ препятствіямъ, вело меня къ цѣли. Я еще болѣе убѣдился въ томъ, когда вспомнилъ физиономію снавшаго. Этотъ человекъ, вѣроятно, пускался въ путь съ недобрыми намѣреніями. Обдумавъ хорошенько все зло, которое онъ могъ причинить, я почти возгордился, воображивъ себя орудіемъ всевышней воли, которая, казалось, была ко мнѣ особенно благосклонна, потому-что, отъѣхавъ на три мили отъ города, увидѣлъ я на дорогѣ коляску Трюблинга, у которой переломилась ось. Мы на минуту остановились. Люди, окружавшіе коляску, рассказали, что господинъ, сидѣвшій въ ней, опасно вывихнулъ ногу и перенесетъ въ ближайшую деревню. Я мысленно поблагодарилъ всемилосердое Провидѣніе, мало сожалѣлъ о несчастіи, приключившемся съ агентомъ опекуна моего, и оживленный пріятнѣйшими надеждами, сталъ разсматривать товарищей своихъ.

Во внутренности кареты, кромѣ меня, было еще пять пассажировъ. Дама, почтенныхъ лѣтъ, занимала лучшее мѣсто и смотрѣла такой совою, что страшно было сказать ей слово. Не-смотря на то, во всей наружности ея видны еще были притязанія на кокетство; искусственная краска и полнота старались придать давно отцвѣтшимъ прелестямъ ея нѣкоторую свѣжесть. Она говорила мало и то только по-французски съ мужемъ своимъ, занимавшимъ мѣсто возлѣ нея. Возлѣ смиреннаго мужа сидѣлъ павдапъ къ дамѣ, мрачный офицеръ съ загорѣлымъ, сердитымъ лицомъ. Противъ дамы, съ моей правой стороны, сидѣлъ молодой студентъ, въ блузѣ, съ громадной дорожной трубкой, усами, шпорами и въ пестромъ, вязаномъ колпакѣ. Въ воспоминаніе прежнихъ беззаботныхъ лѣтъ моихъ, я-бы охотнѣе всего заговорилъ съ забавнымъ сосѣдомъ своимъ, но теперь, когда всякій веселый разговоръ былъ-бы мнѣ въ тягость, я обратился къ сосѣду моему съ лѣвой стороны, достаточно, какъ казалось, фермеру или управляющему, который въ трудахъ и заботахъ преждевременно состарѣлся. Основаніемъ вѣшнего разговора была погода, урожай, цѣна на хлѣбъ, и выгоды картофеля. Мы такъ разговорились, что честный и прямодушный сосѣдъ мой завелъ даже рѣчь о домашнихъ обстоятельствахъ своихъ. Онъ вспомнилъ о единственномъ сынѣ, и свѣтлыя слезы выступили на глазахъ его. Двадцати-четырёхъ-лѣтній молодой человекъ послѣдовалъ непреодолимому желанію поселиться въ городѣ, взявъ материнское наслѣдство и попался въ руки спекулянту, который безбожно обобралъ его. Съ отчаянія молодой человекъ уѣхалъ въ Америку и проживъ тамъ нѣсколько недѣль въ самомъ

бѣдственномъ положеніи, умеръ съ-горя. Отецъ ничего объ этомъ не зналъ, не получая ни писемъ, ни извѣстій о сынѣ. Теперь только, послѣ смерти молодаго челоувѣка, онъ въ магистратъ столицы узналъ все дѣло.

— Къ чему мнѣ теперь все богатство, которымъ благословилъ меня Господь? продолжалъ старикъ: мнѣ теперь некому оставить наследство свое! — И онъ утеръ слезы. Но, продолжалъ онъ съ жаромъ: подлый развратитель и грабитель сына моего не уйдеть отъ кары небесной! Я хотѣлъ вчера видѣться съ нимъ, показать ему всю горестъ отца, но онъ не принялъ меня, велѣлъ сказать, что дома нѣтъ. Я не знаю, молодъ-ли онъ или старъ, есть-ли у него семейство, но молю Бога, чтобы, если у него есть жена или дѣти, не пало на нихъ наказаніе за то, что этотъ дурной челоувѣкъ сдѣлалъ со мною, сыномъ моимъ и, какъ говорятъ, многими другими честными людьми!

— Oui, c'est affreux! прошипѣла дама.

— En-vérité, affreux, ma bonne, возразилъ мужъ ея очень-равнодушно.

Офицеръ нахмурилъ брови и проворчалъ что-то о бездѣльникахъ и висялицѣ; пестрый студентъ съ дюжимъ словцомъ пожелалъ встрѣтиться съ этимъ патентованнымъ разбойникомъ, и я самъ не могъ не раздѣлить общаго негодованія, которое какъ-бы утѣшало старика.

— У васъ другихъ дѣтей нѣтъ? спросилъ офицеръ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ сельскій житель. Найдутся наследники, которые съ жадностію разберутъ по частямъ трудомъ нажитое состоянье мое. Впрочемъ, родственниковъ моихъ недолго счесть. Годъ за два умеръ у меня двоюродный братъ, который обанкрутился и не могъ пережить стыда своего. У него была дочь, Розина...

Я сталъ слушать внимательнѣе.

— Но, продолжалъ сосѣдъ мой: я до-сихъ-поръ не могъ еще узнать, гдѣ она находится. Я слышалъ, будто-бы она уѣхала съ родственницей въ Голштинію. Если-бы я только могъ узнать, гдѣ она, то, вѣрно, сдѣлалъ-бы ее наследницей своей!

— Вашего двоюроднаго брата звали—Герльманиъ? спросилъ я съ живостию.

— Именно, отвѣчалъ фермеръ.

— Ну, такъ успокойтесь! продолжалъ я радостно: Розинхенъ жива и здорова, она живетъ съ родственницей!

— Чтò вы говорите! вскричалъ онъ: гдѣ? гдѣ? Говорите, бла-

годътель мой! Во всѣхъ газетахъ напечатаю, что желаю имѣть ихъ у себя.

— Не нужно, возразилъ я: вы были у самаго источника и не нашли воды. Газеты къ вашимъ родственникамъ не попадаютъ въ руки, а потому я лучше скажу вамъ ихъ адресъ.

Я написалъ адресъ на бумажкѣ, и отдалъ его ошаставленному старику, который осыпалъ меня благодареніями.

— О, какой я олухъ! восклицалъ онъ, ударяя себя широкою ладонью по лбу: былъ въ столицѣ и ничего не узналъ о тѣхъ, которыхъ ищу и которыя тамъ живутъ! Если-бъ не была пора винограда собирать, то я сейчасъ-бы вернулся назадъ. Но все-равно. Я пошлю за племянницей и родственницей, и законнымъ образомъ съдаю Розочку наследницей своей. Такимъ-образомъ, я умру, окруженный родственниками и въ объятіяхъ дочери!

— Добрая дочеря! повторилъ я, радуясь, что напольшъ милой Розинѣ моей отца и мысленно желая, чтобы и я могъ поладить съ своимъ дядюшкой.

— Благодарю тебя, великій Боже! за радостное извѣстіе, говорилъ старикъ благоговѣнно; благодарю васъ, господинъ... да, какъ бышь васъ зовутъ... я хочу...

Въ это самое время мы подѣхали ко второй станціи. Кондукторъ, который успѣлъ уже соскочить, подошелъ къ дверцамъ и закричалъ:

— Господинъ Нуйстенъ! Номеръ шестой! Вамъ оставлена на этой станціи записочка!

Я сначала было не отвѣчалъ на зовъ кондуктора, но скоро опомнися, и замѣтивъ, что взоры всѣхъ сосѣдей были обращены на меня, долженъ былъ принять записочку. Я вылезъ изъ кареты и отошелъ на нѣсколько шаговъ, притворясь, будто читаю записку и посмотрѣвъ на адресъ, написанный дрожащею рукою на-скоро, опустилъ записку въ карманъ, съ намѣреніемъ сжечь ее. Вошелъ на станцію, выпилъ рюмку кислаго вина и опять влезъ въ карету. Я съ удивленіемъ замѣтилъ нѣкоторую перемѣну. Возлѣ меня сидѣлъ, вмѣсто добраго Герльманна, дюжій льсвичій, прежде занимавшій открытое мѣсто въ дилижанса. Съ любопытствомъ спросилъ я студента о причинѣ этой перемѣны. Студентъ, насмѣшливо и искоса посмотрѣвъ на меня, проворчалъ очень-лаконически:

— Самъ знаетъ!

Это было для меня загадкой, и когда я посмотрѣлъ на лица другихъ пассажировъ, смотрѣвшихъ на меня съ негодованіемъ, даже съ презрѣніемъ, то совсѣмъ растерялся. Чтò случилось? Ужъ не

узнали-ли, что я незаконнымъ образомъ владѣю номеромъ шестымъ? Не собиралась-ли гроза надъ головой моей? И зачѣмъ въ эту самую минуту Герльманнъ, которому я оказалъ услугу и который за-то могъ-бы заступиться за меня, оставилъ свое мѣсто? Я сидѣлъ какъ Даніилъ во львиномъ рвѣ!.. Послѣ тягостнаго молчанія, прерываемаго только стукомъ колесъ, льсничій сказалъ, что въ каретѣ сидѣть гораздо-теплѣе и покойнѣе, нежели сваружи, гдѣ холодный вѣтеръ такъ и продуваетъ насквозь.

— Тѣмъ болѣе я удивляюсь, заговорилъ я, опять обратившись къ студенту, сердито смотрѣвшему на меня: что господишъ Герльманнъ перемѣнилъ мѣсто свое...

— Ничего! проворчалъ студентъ прежнимъ тономъ: этотъ филистеръ правъ. Лучше сидѣть подъ дождемъ, нежели возлѣ...

— Стѣ! произнесъ офицеръ, слегка наступивъ на ногу студента, но не удостоивъ меня и взгляда.

Студентъ замолчалъ, но съ весьма-выразительнымъ движеніемъ плюнулъ за окно кареты. Ясно было, что онъ хотѣлъ оскорбить всѣхъ. Я гордо обратился къ студенту-неучу.

— Къ кому относится грубое обращеніе ваше? спросилъ я.

— Къ вамъ, къ вамъ, душечка! отвѣчалъ онъ насмѣшливо; право ни къ кому другому.

Я вскочилъ и, вѣроятно, сдѣлалъ-весьма выразительное движеніе рукою, потому-что офицеръ протянулъ между нами трость свою.

— Смирно! заръвелъ онъ грозно: вы не одинъ, а намъ дѣла нѣтъ до вашихъ ссоръ. Къ тому-же, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ; ваше поведеніе не дастъ вамъ права возвышать голосъ; а вы, господишъ студентъ, не мѣшайте въ чужія дѣла. Что вамъ за дѣло до вашего соседа? Мало-ли съ какими подозрительными лицами приходится сидѣть въ дилижансахъ!

Слова офицера вывели меня совершенно изъ терпѣнія.

— Вы удерживаете этого молодого невольку отъ оскорбленій, вскричалъ я, сильно-огорченный, а сами осьиваете меня ими! Не знаю, почему я кажусь вамъ подозрительнымъ лицомъ, но, во всякомъ случаѣ, надобно обвинять человека не прежде, какъ выслушавъ оправданія его, которыми я, впрочемъ, вамъ нисколько не обязанъ...

— Да и сохрани насъ Господь отъ вашихъ оправданій! прервалъ меня офицеръ, между-тѣмъ-какъ студентъ злобно смѣялся и все болѣе и болѣе занималъ мѣста, какъ-бы меня тутъ и не было; кому придетъ охота слушать исповѣдь интриганта!

— Умърите выраженія ваши, государь мой! вскричалъ я въ се-

бя: неужели я заслуживаю это название за проступокъ, до котораго вамъ, впрочемъ, и дѣла нѣтъ!

— Ахъ, что тутъ толковать! небрежно произнесъ студентъ: проступокъ вашъ неисправимъ и касается до всего человѣчества!

— Ouil toute l'humanité! прокудахтала дама.

— En vérité, toute l'humanité, ma bonne, повторило супружеское эхо ея.

Тутъ мнѣ показалось, что товарищи мои съ-ума сошли.

— Неужели? я спросилъ съ горькой: если все человѣчество будетъ заботиться о подобномъ...

— О подобномъ злоупотребленіи слабостей человѣческихъ! прервалъ меня студентъ. Прежде можно было узнать волка по шерсти, теперь онъ ходитъ въ панталонахъ, во фракъ и желтыхъ перчаткахъ. Фи, фи! Я-бъ охотнѣе согласился дрова колоть, воду возить, нежели быть такимъ пассажиромъ, отъ котораго честные люди удаляются...

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! прервалъ я его.

— Мнѣ жаль, началъ съ важностію офицеръ, что разговоръ принялъ такой непріятный оборотъ, но коли ужъ дѣло дошло до того, то я не могу и не долженъ скрыть отъ васъ, что вы идете по дурной дорогѣ. Я-бы и говорить не сталъ, если-бъ вы не были такъ молоды, следовательно, есть еще надежда на исправленіе. Подумайте хорошенько и вы согласитесь сами, что въ ваши лѣта заниматься такимъ ремесломъ постыдно!

— Какимъ ремесломъ? Вы, кажется, бредите, милостивый государь! вскричалъ я, довольно-невѣжливо: что это за вздоръ! За кого принимаете вы меня, если смѣю спросить?

— За того, отвѣчалъ офицеръ, разгораясь, отъ одного имени котораго бѣдный отецъ бѣжалъ, какъ отъ грѣха! Онъ охотнѣе согласился промѣнять теплое мѣсто на холодъ и вѣтеръ, нежели сидѣть возлѣ челоука, который укралъ у него сына!

— Какъ?.. спросилъ я съ возраставшимъ изумленіемъ.

— Да, укралъ! подтвердилъ студентъ басомъ. Только адресу, который вы ему дали, вы обязаны тѣмъ, что онъ не вцѣпился вамъ въ волоса. Но, можетъ-быть, адресъ этотъ фальшивый, и вы надѣялись выманить у старика деньжонокъ...

— Нѣтъ, чортъ возьми! вскричалъ я: ужъ это что-то слишкомъ глупо! Знаете-ли, съ кѣмъ вы говорите или вы все съ-ума сошли?

— Нисколько! отвѣчалъ офицеръ холодно и спокойно: вы не кто-инной, какъ аферистъ и интригантъ и... однимъ словомъ Нуйстенъ—

при одномъ этомъ имени, всякой имѣеть право думать о васъ, что ему угодно.

— Нуйстенъ!.. Теперь только я вспомнилъ, что давно уже слышалъ самые дурные отзывы объ этомъ человѣкѣ. Я поспѣшилъ увѣрить всѣхъ пассажировъ, что я со всѣмъ не Нуйстенъ...

— Это еще что? грозно спросилъ студентъ. Ваше имя записано въ спискъ кондуктора и притомъ вы сами приваля записку, адресованную на это имя? Мы очень-хорошо знаемъ, что во всей столицѣ есть только одинъ Нуйстенъ, голландскій душепродавецъ, следовательно, не отговаривайтесь, не увѣряйте, что вы не тотъ человѣкъ, которому я давно-бы оставилъ что-нибудь на память, если-бъ было попросторнѣе въ дилижансѣ.

— Коли въ дилижансѣ мало мѣста, то мы можемъ встрѣтиться лицомъ къ лицу на слѣдующей-же стациі! вскричалъ я съ бѣшенствомъ.

— Ого! да вы не трусь, сказалъ засмѣявшійся студентъ. Тѣмъ лучше. Итакъ на слѣдующей стациі. У меня есть съ собой и шпаги и пистолеты.

— Mon Dieu! un duel! провизжала дама и супругъ повторилъ жалобно:

— En vérité, ma bonne, un duel!

Офицеръ вызвался быть секундантомъ студента; льстивій, ничего непонимавшій въ этомъ дѣлѣ, согласился на просьбу мою быть мнѣ секундантомъ. Только, по требованію военнаго, дуэль была отложена до слѣдующаго утра, и по уговору, никто не смѣлъ упомянуть до того времени о неприятной исторіи.

Я-бъ охотно сложилъ свое инкогнито, но боялся послѣдствій, которыя могли произойти отъ того. Окинувъ смѣлымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, я скрестилъ руки на груди, надвинулъ шапку на глаза и мысленно проклиналъ негодя Нуйстена, за мѣсто котораго я такъ дорого заплатился. Молча доехали мы до деревни, въ которой ждалъ насъ обѣдъ.

— Если-бъ я былъ въ болѣе-пріятномъ расположеніи духа, то могъ-бы сдѣлать въ гостинницѣ самыя интересныя путевыя замѣтки. Самое пестрое общество собралось въ довольно грязныхъ комнатахъ гостинницы, потому-что за нѣсколько минутъ до насъ прибыла туда экстра-почта изъ Фельтенбронна, съ пассажирами, которые тоже собирались, или, лучше сказать, торопились обѣдать. Съ неимоверною быстротою появлялись блюда на столъ и съ тою-же быстротою исчезали—только не въ желудкѣ проезжихъ, а обратно возвращались въ кухню.

Фельтенбронскіе пассажиры только-что начали ссориться съ хозяиномъ за каплуна, промелькнувшаго предъ глазами ихъ, когда кондукторъ, посмотрѣвъ на часы, сталъ кричать, что они пробыли уже лишняхъ пять минутъ, и вызывалъ подчиненныхъ своихъ къ отъезду. Пассажиры вскочили, схватились за шляпы, шинели, узелки и проч., не имѣя даже времени хорошенько рассчитаться съ хозяиномъ, потому-что почтальионъ уже немилосердо трубилъ въ рогъ. Оттого и случилось, что нѣкоторые имѣли удовольствіе, по дорожке заплатить за летучую трапезу, потому-что хозяинъ въ-торопахъ не могъ или, лучше сказать, не хотѣлъ давать имъ сдачи. Шумно вышли Фельтенбронницы изъ гостиницы, между-тѣмъ-какъ мы еще спокойно сидѣли за рыбой, богатой костями, которую хозяинъ нарочно велѣлъ подать, чтобы обуздать голодъ нашъ.

Вдругъ подъехала къ гостиницѣ экстра-почта; экипажъ былъ покрытъ пылью, отъ лошадей валилъ паръ... Секунду спустя распоролась дверь... я остолбнѣлъ... толстый мужчина въ шинели и мѣховой шапкѣ, неиритная физіономія, словомъ, минъ-херъ Нуйстенъ ворвался въ комнату и прямо бросился къ кондуктору!.. Грозный видъ моего двойника... сознание преступленія моего... стыдъ, грозившій мнѣ... все это соединилось, чтобы заставить меня вскочить со стула, забыть объѣдъ, плату, дуэль и обратиться въ бѣгство. Однимъ прыжкомъ очутился я у дверей и набѣжалъ прямо на стараго Герльмана, который въ самое это время входилъ съ нѣкоторыми знакомыми или соседями.

— На одно словечко, господинъ Нуйстенъ, сказалъ онъ мнѣ, съ самымъ инквизиціоннымъ выраженіемъ, которое, какъ и присутствіе людей, провожавшихъ его, показалось мнѣ весьма-подозрительнымъ.

— Вы ошибаетесь! проговорилъ я: настоящій Нуйстенъ вотъ тотъ, что въ мѣховой шапкѣ, а потому и справляйтесь съ нимъ!.. Съ этими словами я вырвался, бросился вонъ изъ комнаты и побѣжалъ прямо къ фельтенбронскому дилижансу, въ который собирались пассажиры. Не раздумывая, вскочилъ я въ дилижансъ, за мною захлопнулась дверь и мы поѣхали...

Вся хитрости мои послужили только къ тому, чтобы доѣхать до половины дороги и воротиться обратно!.. Впрочемъ теперь я даже радовался тому, надѣясь этимъ отдѣлаться отъ Нуйстена и избавиться отъ преслѣдованій его.

Я прижался въ уголокъ, которымъ завладѣлъ почти насильственно, закрылъ глаза и сталъ обдумывать, чѣмъ все это кончится. Когда я опять открылъ глаза, то увидалъ, что взоры всѣхъ пас-

сажировъ съ изумленіемъ были устремлены на меня. Яркая краска выступила на щекахъ моихъ, потому-что я только теперь вспомнилъ, что убѣжалъ безъ шляпы и что, вѣроятно, меня принимаютъ за какого-нибудь бродягу.

Возлѣ меня сидѣли двое дюжихъ лавочниковъ; противъ меня досадно-серьезный мужчина, одѣтый въ черномъ; возлѣ него молодая, дородная, толстогубая и черноглазая креолка, и наконецъ, старичокъ, въ коричневомъ сюртукъ, который не спускалъ съ меня глазъ и провицательный взоръ котораго нѣсколько разъ уже осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. Это дерзкое любопытство было мнѣ крайне-непріятно, и я еще болѣе оскорбился, когда замѣтилъ, что коричневый сюртукъ сталъ перешоптываться съ чернымъ и что моя особа была предметомъ разговора ихъ.

Три пушечные выстрѣла, скоро послѣдовавшіе одинъ за другимъ, прервали тягостное молчаніе. Креолка, которая также стала пристально смотреть на меня, вскочила съ испугомъ. Прочіе пассажиры высунули головы въ окно.

— Не бѣда! закричалъ снаружи кондукторъ: это съ Гамерфельской крѣпости. Видите, арестантъ ушомъ!

Успокоенные пассажиры опять заняли мѣста свои. Сосѣди мои, лавочники, думали сначала, что на насъ напали разбойники, вооруженные пушками. Колокольный звонъ, раздавшійся во всѣхъ сосѣднихъ мѣстечкахъ и деревняхъ, подтвердилъ слова кондуктора.

— Ахъ! бѣдный бѣглецъ! сказала со вздохомъ смуглая дѣвушка, поднявъ огненные глаза къ небу: если его поймають...

— Тогда онъ получитъ заслуженное наказаніе, прервалъ ее черный сюртукъ: къ бѣглецамъ, бродягамъ и подозрительнымъ людямъ я не имѣю состраданія!

При этихъ словахъ онъ бросилъ на меня взглядъ, который мнѣ самому показался подозрительнымъ и заставилъ меня покраснѣть. Мнѣ бы спокойнѣе было сидѣть на острыхъ иглахъ, нежели на кожаныхъ подушкахъ дилижанса, и я нетерпѣливо ожидалъ приѣзда на станцію, откуда навѣялся найти случай ускользнуть непримѣтнымъ образомъ и продолжать путь свой другимъ способомъ. Наконецъ—наконецъ подѣхали мы и къ станціи. Громко затрубилъ почтальионъ, когда мы въехали въ маленькій городокъ... дилижансъ остановился у почтоваго двора... я хотѣлъ выскочить...

— Потрудитесь войти! сказалъ въ то-же мгновеніе кондукторъ

какому-то старому путешественнику, закутанному въ шинель: у насъ есть еще одно незапаятое мѣсто.

Дверцы растворились: новый пассажиръ, готовившійся влѣзть въ карету, остановился съ изумленіемъ.

— Да вѣдь тутъ все занято! закричалъ онъ съ досадою кондуктору: биткомъ набито!

— Вотъ тебѣ нѣ! сказалъ кондукторъ: да у насъ всего семь пассажировъ; двое сидятъ снаружи, въ кабриолетъ, а пятеро внутри, следовательно должно же быть одно пустое мѣсто!.. и съ этимъ словомъ почтовой деспотъ всунулъ голову, обрамленную густыми бакенбардами, во внутрь кареты.

По тому-ли, что на лицѣ моемъ безпрестанно измѣнялась краска, или потому, что всѣ взоры съ вопросительнымъ любопытствомъ были обращены на меня, но кондукторъ тотчасъ замѣтилъ меня.

— Кто вы? спросилъ оно довольно-грубо; мнѣ кажется, что васъ въ списокъ нѣтъ.

Я обдумывалъ, которое изъ моихъ именъ открыть, честное-ли или не честное, и даже хотѣлъ просить кондуктора переговорить со мною наединѣ, когда къ намъ подошло новое лицо, а именно жандармъ, который отворилъ дверцы съ другой стороны и спросилъ:

— Никого и ничего подозрительнаго?

— Ничего, другъ мой, отвѣчалъ чорный сюртукъ злобно: только вотъ этотъ молодой человекъ—онъ указалъ на меня—вскочилъ къ намъ на послѣдней станціи безъ шляпы и поклажи, и кондукторъ его не знаетъ...

— Ваше имя? закричалъ строго жандармъ.

— Онъ, кажется, самъ не можетъ припомнить его, замѣтилъ чорный сюртукъ, злобно улыбаясь.

— Скоро-ли? заръвелъ кондукторъ.

— Глимеръ! отвѣчалъ я смѣло, рѣшившись во всемъ признаться.

— Глимеръ! повторили оба сюртука и креолка.

— Гринеръ! вскричалъ жандармъ, весело поглаживая усы: это намъ и надо! Попалась птичка—недолго гуляла.

— Но кто-же этотъ человекъ? спросилъ кондукторъ.

— Бѣглець, котораго мы ищемъ, отвѣчалъ жандармъ: Гринеръ, изъ третьей артиллерійской бригады. Выходи, дружокъ, мы сейчасъ-же отправимся въ Гаммерфельскую крѣпость.

Попался я изъ огня въ полымя. Я рѣшился отдѣлаться, во что-

бы-то не стало. Честное имя навлекло на меня бѣду, нечестное должно было выпутать меня изъ нея.

— Я ошибся! кричалъ я, размахивая руками и ногами, какъ де-кламирующій Итальянецъ: ошибся! Проклятое имя, съ которымъ мнѣ съ нѣкотораго времени много хлопотъ, соскользнуло у меня съ языка, самъ не знаю какъ. Меня зовутъ Нуйстеномъ. Я честный адвокатъ, и вотъ почтовый билетъ мой. А что на послѣдней станціи я по ошибкѣ попалъ въ этотъ дилижансъ, такъ это несчастіе, въ которомъ никто не смѣетъ упрекнуть меня.

— Нуйстенъ! вскричали оба сюртука.

— Да, отвѣчалъ я смѣло: и если вы не вѣрите билету, который кондукторъ разбираетъ теперь по складамъ, то вотъ записка, которую я сегодня получилъ и не успѣлъ еще прочесть.

Черный сюртукъ посмотрѣлъ на записку, вырвалъ ее у меня изъ рукъ и вскричалъ, показывая ее коричневому сюртуку:

— Это Трюблинга рука. О чомъ биться, что мы откроемъ всѣ шашни этихъ господъ. Теперь потрудитесь вынуть бумаги, которыя у васъ съ собой.

Коричневый сюртукъ, къ которому обращались эти слова, вынулъ изъ бокового кармана большой запечатанный пакетъ, и передавая его жандарму, сказалъ:

— По повелѣнію высшаго фельдгенеральскаго суда, требую, чтобы этотъ господинъ Нуйстенъ былъ немедленно арестованъ. Онъ обвиненъ въ обманъ, въ низкихъ спекуляціяхъ, въ присвоеніи сиротскихъ суммъ, а потому исполняйте обязанность вашу.

Я сидѣлъ, какъ громомъ пораженный. Жандармъ вѣжливо попросилъ меня вылезть изъ кареты, и объявилъ, что обвинители мои должны непременно идти вмѣстѣ съ нами въ ратушу. Незнакомые преслѣдователи мои согласились и въ слѣдъ за мною вышли изъ кареты. Креолка преслѣдовала за ними, бросивъ сострадательный взглядъ на меня, пристыженного и провожаемаго всеми проклятіями кондуктора, который очень-непочтительно отзывался о слѣпыхъ пассажирахъ и честныхъ адвокатахъ.

Меня заперли въ особой комнаткѣ почтоваго двора, между-тѣмъ какъ обвинители мои, имена которыхъ мнѣ все еще были неизвѣстны, пошли въ магистратъ, чтобы очернить меня. Смуглая дѣвушка была однакожъ до того сострадательна, что прислала мнѣ холоднаго цыпленка и вина; я принялъ это съ благодарностію и во-время обѣда размышлялъ о томъ, какъ-бы лучше выпутаться изъ непріятной восторѣ. Теперь, когда мнѣ нечего было страшиться преслѣдованій Нуйстена и жандарма, я рѣшился открыть судъ-

ямъ все дѣло и пристыдить непріятелей своихъ, которые нѣсколь-
ко минувъ спустя вошли ко мнѣ.

— Готовьтесь, сказалъ коричневый, послѣдовать за нами и подѣ
присмотромъ двухъ полицейскихъ чиновниковъ, въ столицу.
Тамъ будетъ произведенъ надъ вами судъ.

— Но зачѣмъ—же вы не хотите выслушать оправданій моихъ?
зачѣмъ не хотите сказать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Не нужно, отвѣчалъ черный: вы сами назвали фамилію свою,
наши фамиліи вы еще успеете узнать; эта записка, которую я по-
зволилъ себѣ прочесть, открываетъ намъ именно тѣ плутни, ко-
торыя намъ знать хотѣлось...

Я скоро взглянулъ на записку и увидѣлъ, что она была написа-
на рукою бывшаго опекуна моего; вотъ содержаніе ея:

«Любезнѣйшій Нуйстенъ.

«Вѣроятно вы еще во-время получите записку эту. На дорогѣ
къ имѣнію моему, Вейденау, куда я ѣхалъ для приведенія въ ис-
полненіе того, о чомъ мы условились, со мною случилось несча-
стіе—коляска моя опрокинулась и я переломилъ себѣ ногу. Пере-
ломъ этотъ такъ опасенъ, что я долженъ остаться на нѣсколько
«времени въ жалкомъ гнѣздѣ, куда меня перенесли. А потому, воз-
«вратившись изъ Фельтенбронна, повѣжайте вмѣсто меня въ Вей-
«денау. Въ верхнемъ ящикѣ черного письменнаго стола, вы, между
«многими другими важными бумагами, найдете и документы Глим-
«мера. Бросьте ихъ въ огонь. Я прежде не успокоюсь, потому-
«что—мнѣ предчувствуется что-то недоброе. Уроните только хоро-
«шенько Глиммера во мнѣніи дяди его, и надѣйтесь на друга вашего,
«Трюблинга. Хотя управляющій мой въ Вейденау не знаетъ васъ,
«но покажите ему мою записку и онъ тотчасъ исполнитъ весь при-
«казаніи ваши.»

— О, проклятое инкогнито! вскричалъ я: тутъ что-то скрывается!
зачѣмъ я прежде не прочелъ записки!

— Я думаю, что досадно! сказалъ черный: если-бъ прочли, такъ
вѣрно бѣ, ушли отъ насъ.

— Господа! сказалъ я такъ серьезно, какъ могъ: пора окончить
эту комедію. Вы спасли меня изъ рукъ грубаго кондуктора... вы
избавили меня отъ жандарма, который чуть не упряталъ меня въ
тюрьму—за подобныя услуги я вамъ крайне-обязанъ. Но наконецъ
вы меня сами арестовали, какъ негодяя и обманщика, противъ это-
го я долженъ *in optima forma* протестовать. Хотя я самъ нѣкогда

учился быть адвокатомъ, однакожь не дошолъ до этого званія; назвавъ себя Нуйстеномъ, я немилосердо солгалъ, потому что я-то и есть прямой антиподъ этого Нуйстена и компаніи, а именно Людвигъ Глиммеръ, противъ котораго сговорились отъявленные мошенники, какъ то явствуетъ изъ письма достопочтеннаго опекуна моего.

— Глиммеръ? вскричали опять незнакомцы. Возможно-ли!

— Въ этомъ бумажникъ вы можете найти ясное доказательство истинны словъ моихъ, сказалъ я, положивъ бумажникъ на столъ.

Чорный сюртукъ громко захохоталъ, а коричневый съ особенною поспѣшностью бросился на письмо, выпавшее изъ бумажника и написанное ко мнѣ умиравшею матерью моею.

— Боже мой! вскричалъ онъ, съ чувствомъ прижавъ письмо къ губамъ своимъ: это точно рука незабвенной сестры моей! Ахъ ты негодный, негодный племянникъ! Позволь-же хорошенько обнять тебя въ наказаніе за инкогнито!

— Какъ? проговорилъ я, не вѣря ушамъ своимъ: сестра, племянникъ? что это значитъ?

— Не говорилъ-ли я вамъ въ дилижансѣ, любезный зятюшка? продолжалъ коричневый съ сильной радостью: не говорилъ я, что эти черты... сходство... мнѣ такъ и хотѣлось обнять его!

Итакъ я лежалъ на груди дядюшки моего изъ Вестъ-Индіи, потомъ перешолъ въ объятія креолки, дочери его, и наконецъ поцѣловалъ Гофрата Фрондгейма, нареченнаго жениха кухни моей!

— Я долженъ просить у тебя прощенія, сказалъ наконецъ дядюшка: но я хочу все исправить. Письмо опекуна твоего, который описывалъ мнѣ тебя, какъ величайшаго вѣтренника и мотыгу, отклонило отъ тебя сердце мое. Я, можетъ-быть, никогда не увидался-бъ съ тобою, еслибъ обанкрутившійся пріятель твой, лишившій тебя послѣдняго, не пріѣхалъ въ Гамбургъ. Случай, который управляетъ всеми обстоятельствами жизни нашей, познакомилъ меня съ нимъ; онъ признался мнѣ, что вовлекъ тебя въ несчастіе и прибавилъ, что Трюблингъ, съ агентомъ своимъ, негодяемъ Нуйстеномъ, всячески старался и старается запятнать доброе имя твое и даже овладалъ незаконнымъ образомъ частію имѣнія твоего. Легкомысліе твое помогло негодяю привести намъреніе свое въ исполненіе. Тогда я рѣшился самъ войти хорошенько въ это дѣло, пріѣхалъ въ Фельтенброннъ, собралъ о Трюблингъ и Нуйстена самыя вѣрныя свѣдѣнія, выхлопоталъ позволеніе арестовать его, гдѣ-бы ни встрѣтился, и благодаря этому позволенію, познакомился съ тобою. Мы тайкомъ и безъ всякихъ приготовленій выѣ-

вхали изъ Фельтенбронна, чтобы какой-нибудь шпионъ не предувѣдомилъ негодасвѣ и чрезъ то не доставилъ-бы имъ возможности уничтожить доказательства плутней ихъ. Я душевно радъ, что случай свелъ насъ и доставилъ намъ эту записку, изъ которой видно, что документы твои еще существуютъ и что, следовательно, половина твоего имѣнiя можетъ еще воротиться къ тебѣ.

— Следовательно, я вторично буду всѣмъ благосостоянiемъ своимъ обязанъ вашей добротѣ! вскричалъ я радостно.

— Я исполняю долгъ свой, отвѣчалъ ласково дядя: а потому начинаю съ того, что возвращаю тебѣ всю сумму, которую остался тебѣ долженъ обанкрутившiйся прiятель твой.

— Какимъ это образомъ? спросилъ я съ изумленiемъ.

— Я сдѣлалъ его главноуправляющимъ моихъ плантацiй по ту сторону океана, отвѣчалъ дядя, улыбаясь: и взялся заплатить тебѣ за него.

Съ признательностию поцѣловалъ я щедрую руку.

— Жаль, продолжалъ дядя, что дочь моя уже помолвлена, а не то я женилъ-бы тебя на ней и далъ-бы въ приданое пару милiоновъ...

— Ахъ, дялюшка, возразилъ я со вздохомъ: сердце мое уже принадлежитъ бѣдной дѣвушкѣ, которой я тоже сего-дня доставилъ богатаго дялю...

Креола и Гофратъ улыбулись, дядя громко засмѣялся.

— По рукамъ! вскричалъ онъ: какъ настоящiй и добрый дядя я берусь быть твоимъ сватомъ. Однако-же смеркается, надо вхать, сегодня-же должны мы добыть документы, находящiеся въ Вейденау.

Бумаги были точно пайдены, и изъ нихъ оказалось, что Трюблингъ присвоилъ себѣ болѣ 12,000 талеровъ изъ моихъ денегъ. Вооруженные этими документами, мы заставили Трюблинга возвратить деньги, и онъ охотно исполнилъ требованiе, будучи уже доволенъ тѣмъ, что мы не обвинили его въ судъ. Нуйстенъ, прочонный старымъ Герльманномъ, счолъ за лучшее удалиться въ другое мѣсто, гдѣ продѣлки его не были еще извѣстны.

Сдѣлавшись господиномъ порядочнаго имѣнiя, я поскорѣ женился на Розинѣ, и мы поселились въ одномъ домѣ съ старымъ Герльманномъ, назначившимъ молодую жену мою полной наследницей порядочнаго состоянiя своего.

Я великодушно подарилъ должникамъ моиѣ суммы, которыхъ они мнѣ впрочемъ и не отдали-бъ, но немилосердо стребовалъ съ хвастуна и обманщика Бернхарда десять талеровъ и подарилъ ихъ тому почтовому служителю, которой почти насильно посадилъ меня въ дилижансъ. Едва-ли когда-либо бѣдвякъ получалъ такую щедрую награду, и еще за неосторожность, но... говорятъ въ свѣтъ часто такъ бываетъ!

II. ФУРМАННЪ.

МУЖЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ *

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Балра и Вальи.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦА.

Фердинандъ Коломбе	Г-нъ Максимовъ 1-й.
Агнесса, его жена	Г-жа Куликова.
Г-жа Жювенель, мать Агнессы	Г-жа Валберхова.
Полина, сестра Фердинанда	Г-жа Самойлова 1-я.
Г-жа де-Субиранъ	Г-жа Дюръ.
Адольфъ Полиньи	Г-нъ Григорьевъ 1-й.
Густавъ Клервиль	Г-нъ Смирновъ 2-й.
Мутонне, другъ дома г-жи Жювенель	Г-нъ Каратышичъ 2-й.
Лиза, горничная г-жи де-Субиранъ	Г-жа Васильева.
Франсуа, слуга г. Коломбе.	

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната, хорошо меблированная; по-сторонамъ по двѣ двери, и дверь въ срединѣ. Впереди, на-лѣво, ломберный столъ, покрытый салфетою; на немъ журналы, бумаги, чернильница и все нужное для письма.

* Комедія эта играна въ бенефисъ г-на Шемаева, 3-го октября, подъ названіемъ *Дома Ангелъ съ женой, въ людяхъ смотритъ сатаной*.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мутонне, Коломбе, г-жа Жювенель, Агнесса. (При поднятїи занавѣса г-жа Жювенель, Агнесса и Коломбе сидятъ у стола; первыя двѣ заняты работой, а послѣдній пишетъ; Мутонне, развалившись въ большихъ креслахъ, держитъ въ рукахъ бумагу и читаетъ.)

МУТОННЕ (диктуя). Это воззваніе относится къ чувствительнымъ сердцамъ... благочестивыя дамы, посвятившія свою жизнь благотворительности, примутъ на себя сборъ подаяній...

АГНЕССА. Конечно, и съ нынѣшняго-же вечера... даже прежде обѣда... мы вмѣстѣ побѣдемъ, маменька...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Позволь, мой другъ... дай ему кончить...

МУТОННЕ (диктуя). Вотъ имена тѣхъ особъ, которыя извѣстны уже сколько по своей добродѣтели, столько и по испытанной ревности... г-жа Амалія Жювенель...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Ахъ! вы помѣстили мое имя первымъ!.. добрый другъ...

АГНЕССА. Позвольте, маменька... потомъ?..

МУТОННЕ. Агнесса Коломбе...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Прекрасно!.. не думайте, однако-жь, чтобъ я находила въ этомъ какое-нибудь тщеславіе... во мнѣ его вовсе нѣтъ. (Обращаясь къ Коломбе) Вы слышали, мой другъ... напишите-же имя мое первымъ... (Замѣчая, что Коломбе, наклонясь надъ бумагой, спитъ). Боже милосердый! да онъ не пишетъ! онъ спитъ!

АГНЕССА. Фердинандъ

МУТОННЕ (вставая). Г. Коломбе! (Подходя къ нему). Что-же вы...

КОЛОМБЕ (просыпаясь). Что?.. что такое?.. да!.. (Какъ бы вспомнилъ послѣднюю строку). Старое общество лишилось своихъ средствъ, но оно надѣется...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Такъ вы только до этого дошли?.. Ужъ скоро часъ, какъ вамъ это диктовали.

КОЛОМБЕ. Неужели?..

АГНЕССА. Да, мой другъ! это очень-дурно...

(Всѣ встаютъ).

КОЛОМБЕ. Не брани меня, мой ангель!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Да, это очень-дурно... вы нарушили всякое ува-

женіе къ г-ну Мутонне... который такъ преданъ намъ... который имѣетъ полное право на наше вниманіе...

мутонне. О, сударыня!

г-жа живенель. На нашу признательность...

мутонне. Сударыня!..

коломбе. Виноватъ! Г. Мутонне, я знаю очень-хорошо, чѣмъ я вамъ обязанъ... но всему виною сегодняшній холодъ... утромъ, провозжая нашихъ дамъ слушать проповѣдь, я немножко простудился...

г-жа живенель. Кажется, вы сожалеете, что были нашимъ кавалеромъ!

коломбе. О, какія мысли!.. нисколько!.. но согласитесь... что циркуляръ г-на Мутонне отчасти длиненъ...

агнесса. Длинненъ!

коломбе. Да... мнѣ показались въ немъ длинны немного примѣчанія... впрочемъ онъ прекрасно составленъ, весьма-назидателенъ...

мутонне. Я сдѣлалъ все, что могъ... одушевленный ревностнымъ желаніемъ дамъ, я хотѣлъ разбудить чувство благотворительности въ пользу нашего богоугоднаго общества... если вы думаете что-нибудь переизвинить...

г-жа живенель. Нѣтъ, нѣтъ... все прекрасно, неподобно!

коломбе. Только требуетъ много времени для переписки...

агнесса. Кажется, мой другъ, для васъ не можетъ быть лучшаго занятія...

г-жа живенель. Особенно теперь, когда вы безъ мѣста...

коломбе. Да, это правда!

мутонне. Въ этомъ случаѣ вы гораздо-счастливѣе меня... я принужденъ служить противъ воли, и получать по пятнадцати тысячъ франковъ содержанія отъ такихъ людей, которыхъ ненавижу.

г-жа живенель. Какъ мнѣ жаль васъ!

агнесса. Какое пожертвованіе съ вашей стороны!

коломбе. Пятнадцать тысячъ франковъ!.. Да, истинное пожертвованіе!.. Однакожъ, я и забылъ... Развѣ я не побѣду сегодня въ деревню?..

агнесса. Нѣтъ, сегодня вамъ не возможно!

г-жа живенель. Вы знаете, что вамъ до двѣнадцати часовъ должно быть въ приходскомъ собраніи...

коломбе. Опять!

мутонне. Да, сегодня будетъ замѣчательное собраніе... Добрый другъ! милый сынъ! мы надѣмся, что скоро, быть-можетъ, даже

сегодня, вы возвыситесь до того достоинства, которое такъ прилично добродѣтелямъ вашего семейства!

КОЛОМБЕ. Моего семейства! о, это мнѣ чрезвычайно-пріятно!.. (*Въ-сторону*). Я хотѣлъ-бы лучше ѣхать въ деревню.

АГНЕССА. Ахъ, какъ бьется мое сердце! вы будете товарищемъ г-на Мутонне!

г-жа Жювенель. Если-бъ вы знали, какъ это меня восхищаетъ! И вы говорите, сегодня?

МУТОННЕ. Да, я надѣюсь!.. пусть это будетъ, г. Коломбе, хоть нѣкоторымъ возмездіемъ за то, что вы согласились отдать руку вашей сестрицы моему племяннику.

г-жа Жювенель. Я отъ всей души желала-бы ускорить этотъ бракъ.

АГНЕССА. Вашъ племянникъ прекрасный молодой человекъ! какъ онъ хорошо воспитанъ!

МУТОННЕ. Да, онъ воспитанъ въ нашихъ правилахъ... въ нашихъ добрыхъ правилахъ!

г-жа Жювенель (*Фердинанду*). Боже мой, какъ вы равнодушно все это слушаете! право, можно подумать, что доброта г-на Мутонне нисколько васъ не трогаетъ!

АГНЕССА. Неужели вы такъ нечувствительны!

КОЛОМБЕ. О, нѣтъ!.. я такъ счастливъ!.. Добрый г-нъ Мутонне, какъ я вамъ благодаренъ!.. (*Въ-сторону*). Нѣтъ, я лучше желалъ-бы ѣхать въ деревню!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Полина, Франсуа.

ПОЛИНА (*вбѣгая въ комнату*). Ахъ! братецъ! милый братецъ! если-бъ ты зналъ!.. (*Увидя прочихъ останавливается*). Ахъ!

г-жа Жювенель. Чтò такое случилось? Развѣ такъ входятъ въ комнату?.. или вы не видите г-на Мутонне?

ПОЛИНА (*присѣдала*). Извините... я незнала... это потому, что тамъ пріѣхалъ... пріѣхалъ одинъ человекъ... онъ спрашиваетъ брата...

КОЛОМБЕ. Меня?

АГНЕССА. Моего мужа?

г-жа Жювенель. И это вы его приняли?

ПОЛИНА. Нѣтъ... Франсуа принесъ карточку... ему отдалъ ее этотъ молодой человекъ!

МУТОННЕ. Это молодой человекъ?

ПОЛИНА. Да-съ... молодой человекъ... другъ брата.

(Агнесса беретъ у Франсуа карточку)

Г-жа Жювенель. И вы его знаете?

ПОЛИНА. Очень-хорошо знаю, тетушка.

АГНЕССА (читая карточку). Адольфъ Полинъ!

КОЛОМБЕ. Адольфъ! неужели! (Обращаясь къ Франсуа, который стоитъ въ глубинѣ сцены). Проси его!

ФРАНСУА (Агнессѣ). Вы прикажете, сударыня?

АГНЕССА (г-жѣ Жювенель). Матушка, что вы скажете?

(Г-жа Жювенель смотритъ на Мутонне).

КОЛОМБЕ. О, конечно, просить! Это другъ моего дѣтства! Вы знаете, Агнесса, этого молодого человека... я такъ часто вамъ говорилъ о немъ... вы увидите, какъ онъ веселъ, любезенъ!

АГНЕССА. Ахъ, такъ это тотъ повѣса!

КОЛОМБЕ. Вотъ ужъ два года, какъ онъ былъ въ вояжѣ! два года я его не видалъ! Ахъ, какая радость! (Обращаясь къ Франсуа). Что-жь ты не идешь, негодяй!

ФРАНСУА (г-жѣ Жювенель). Прикажете-ли, сударыня?

Г-жа Жювенель (послѣ утвердительнаго знака г-на Мутонне). Проси!

ПОЛИНА. О, какъ я довольна! наконецъ я его увижу!.. пойду...

Г-жа Жювенель. Вы пойдете въ свою комнату и будете тамъ ждать, пока васъ позовутъ... (Увидя, что Полина хочетъ говорить). Идите!.. (Агнессѣ). А мы, Агнесса, займемся работой... нехорошо, если незнакомый человекъ застанетъ насъ праздыми...

МУТОННЕ. Да, съ перваго-же взгляда необходимо дать о себѣ доброе мнѣніе!

(Г-жа Жювенель и Агнесса садятся за работу; Мутонне у стола разсматриваетъ циркуляръ. Полина медленно идетъ въ свою комнату, дѣлая знаки Фердинанду, который не обращаетъ на нее вниманія.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Мутонне, г-жа Жювенель, Агнесса, Адольфъ, (въ дорожномъ костюмѣ), Коломбе. (Коломбе идетъ на-встрѣчу Адольфу, который бросается въ его объятія).

Адольфъ. Другъ мой!

Коломбе. Милый Адольфъ!

Адольфъ. Ахъ, я давно уже не чувствовалъ такой радости! (Обращаясь къ дамамъ). Извините... послѣ такого долгаго отсутствія, и встрѣтить стараго товарища... это такое удовольствіе!..

Коломбе. О, милый другъ мой!

Адольфъ. Г-жа Коломбе?

Коломбе. Вотъ она!

Адольфъ. Позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и похвалить выборъ моего друга! (Весело) Мы, моряки, извѣстны своей откровенностію, и правда нашъ левизъ... Поздравляю тебя, Фердинандъ, твоя жена прелестна!

Агнесса (вставая въ половину). Г. Полинъ!..

Адольфъ. Прекраснѣе невозможно быть! (Г-жа Жювенель мѣлется взглядомъ съ Мутонне).

Коломбе (тихо, дергая Адольфа за платье). Гмъ! гмъ!

Адольфъ. Помилуй! надобно быть слѣпымъ, чтобъ не удивляться г-жѣ Коломбе! Гдѣ ты встрѣтишь такіе глаза, такую стройность...

Агнесса. О, это...

Г-жа Жювенель (тихо). Не отвѣчай ни слова!

Коломбе (также тихо Адольфу). Ты ужъ слишкомъ преувеличиваешь, мой другъ...

Адольфъ. А что-жъ я не вижу твоей милой сестры, Полинъ?

Коломбе. Сестры?

Г-жа Жювенель. Она занята въ своей комнатѣ...

Адольфъ. А!.. (Тихо Фердинанду). Кто эта дама?

Коломбе. Моя теща.

(Адольфъ кланяется г-жѣ Жювенель, которая едва привстаетъ съ кресла).

Адольфъ (тихо). Какой строгій взглядъ!.. а этотъ безмолвный господинъ?.. не тесть-ли твой?

Коломбе (кашляя). Гмъ! гмъ!.. (Вслухъ. Г. Мутонне! другъ нашего дома!..

Агнесса. Нашъ добрый, лучший другъ!

(Адольфъ кланяется, Мутонне едва встаетъ).

Адольфъ. Послушай, Фердинандъ! я вѣдь съ тобой намѣренъ обращаться безъ церемоніи, какъ обращался прежде, въ то время, когда мы вмѣстѣ съ тобою жили, когда у насъ все было общее... слово, какъ морякъ, какъ другъ твой и товарищъ!

Г-жа Жювенель. Вы, вѣрно, товарищъ его по университету?

КОЛОМБЕ. Нѣтъ, по школѣ матушка.

Адольфъ. Итакъ приступимъ къ дѣлу... я думалъ, что погрѣшу противъ нашей старой дружбы, если забуду последнее твое письмо, въ которомъ ты извѣщалъ меня о своей свадьбѣ и, въ случаѣ пріѣзда моего, приглашалъ остановиться у тебя!

КОЛОМБЕ (съ нѣкоторымъ затрудненіемъ). Да, конечно...

(Г-жа Жювенель мѣняется взглядомъ съ Мутонне).

Адольфъ. Теперь я съ удовольствіемъ принимаю твое предложеніе...

КОЛОМБЕ (забывшись). Очевъ-радъ! и какъ кстати... у насъ есть премилевкая свободная комната! (Опомнясь и обращаясь съ смущеніемъ къ Агнессѣ). Да... если я не ошибаюсь... скажи, мой дружокъ, вѣдь у насъ есть свободная комната?..

Агнесса. Кажется, есть.

Адольфъ. Извините мою дерзость... но я не желалъ-бы никого безпокоить...

Агнесса. О, помиуйте...

Г-жа Жювенель (тихо Агнессѣ). Не отвѣчай ему.

КОЛОМБЕ. Напротивъ, мы такъ довольны, такъ рады... не правдали, мой дружокъ?

Адольфъ. Благодарю васъ отъ души!.. И такъ вы позволите перевезти сюда мою поклажу... и надѣюсь, что примите отъ меня кой-какія бездѣлки, которыя я привезъ вамъ въ поларокъ.. въ нихъ одно достоинство: онѣ издалека!.. Для тебя, Фердинандъ, я привезъ чудесныхъ сигаръ!

КОЛОМБЕ (испугавшись). Для меня!.. но я не курю!..

Адольфъ (смотря на Агнессу). Ты не куришь?.. понимаю: и прекрасно дѣлаешь. Но если ты дашь мнѣ пріютъ, такъ ужъ одно

къ одному... Дружба позволяетъ нѣкоторую откровенность... Скажи, ты еще не завтракалъ?

(*Новые взгляды г-жи Жювенель и Мутонне*).

КОЛОМБЕ. НѢТЬ... нѢТЬ еще!..

АДОЛЬФЪ. И прекрасно! я умираю съ голода! Этотъ злой кондукторъ изволилъ разбудить меня къ завтраку, почти ночью... въ четыре часа утра!.. можешь представить, какъ я взбѣсился и куда его отправилъ... (*Опять взгляды г-жи Жювенель и Мутонне; Коломбе, смотря на жену, старается улыбнуться; но Агнесса не обращаетъ на нихъ никакого вниманія*). Но теперь завтракъ былъ-бы очень-кстати... вы, вѣрно, будете завтракать въ столовой?..

КОЛОМБЕ (*съ затрудненіемъ*). НѢТЬ... вотъ видишь... для насъ еще рано... мы не завтракаемъ ранѣе двѣнадцати часовъ.

АДОЛЬФЪ (*смильсь*). НѢТЬ, это не по моему... это слишкомъ ужъ поздно, и даже вредно для здоровья. (*Смотря на часы*). Еще придется ждать цѣлый часъ. Я не хочу разстроивать вашихъ обыкновеній... пожалуйста, безъ церемоній... (*Въ полъ-голоса*). Но, воля твоя... я не въ-состояніи терпѣть такъ долго... ты-бы очень обя-заль меня, если-бъ велѣлъ...

КОЛОМБЕ. Какъ?.. сію минуту?..

АДОЛЬФЪ. Да, что-нибудь... безъ лишнѣхъ приготовленій... кусокъ холодной говядины или паштета... что у тебя есть...

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Ай, ай!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ (*улыбалсь*). Вы, вѣрно, забыли, что теперь у насъ постъ.

АДОЛЬФЪ. Точно, виноватъ, я совсѣмъ забылъ... а вы поститесь?.. (*Фердинанду*). Вѣрно и ты, мой другъ?.. Ну, нечего дѣлать! Впрочемъ я человекъ снисходительный и готовъ съ удовольствіемъ приняться за постныя блюда, если нѣтъ въ виду другихъ... Только прикажи мнѣ дать бутылку вина... я увѣренъ, что у тебя доброе вино... ты былъ всегда большой любитель...

АГНЕССА. Мой мужъ?.. но онъ не пьетъ ничего кромѣ воды!..

КОЛОМБЕ. Да.. по приказанію .. доктора.

АДОЛЬФЪ. А! это другое дѣло. Скажи мнѣ, пожалуйста, какъ зовутъ твоего доктора?

КОЛОМБЕ. Къ чему тебѣ?

АДОЛЬФЪ. А къ тому, чтобъ не пригласить его, когда я буду боленъ.

(*Агнесса и г-жа Жювенель встаютъ*).

г-жа Жювенель. Если вы не можете уже ждать... такъ Агнессой распорядиться для васъ завтракомъ...

Адольфъ. Ахъ, какъ вы свисходительны!..

г-жа Жювенель. Фердинандъ, надѣюсь, что вы не забудете... этого циркуляра...

Мутонне. Нѣтъ, я вижу, что если мнѣ не принятыя за работу, такъ мы никогда не кончимъ.

Коломбе. Вы хотите мнѣ помочь?.. О, какъ вы добры!

г-жа Жювенель. Ужъ слишкомъ-добрь... Какая мавера, какія привычки! Фи!.. (Агнессъ) Пойдемъ, Агнесса.

АГНЕССА (слыдуя за г-жою Жювенель, Фердинанду). Какія ужасныя правила!

(Объ уходитъ, Мутонне начинаетъ писать).

КОЛОМБЕ. (въ сторону). Кажется, моему бѣдному Адольфу не почастливилось у васъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мутонне (у стола), Коломбе и Адольфъ.

АДОЛЬФЪ. Я замѣтилъ, что твоя жена, мой другъ, очень-добра и чистосердечна!...

КОЛОМБЕ (не видя Мутонне). Да, дѣйствительно, она очень-добра... Ты, кажется, прежде ее не зналъ... Ея отецъ былъ моимъ опекуномъ...

АДОЛЬФЪ. Понимаю... ты женился по приличію.

КОЛОМБЕ (смѣясь). Да, для окончанія счетовъ... Ахъ, мой милый Адольфъ! Я думаю, какъ ты удивился моей женитьбѣ!

АДОЛЬФЪ (смѣясь также). Ну, представляй себѣ! И можно-ли было ожидать отъ тебя такого подвига, послѣ той жизни, какую ты велъ, повѣса!

КОЛОМБЕ (также). Да, признаюсь!

АДОЛЬФЪ. Вѣдь ты былъ первымъ шалуномъ въ нашемъ обществѣ... ты изобрѣталъ наши удовольствія... былъ грозой и врагомъ всѣхъ несчастныхъ мужей!...

КОЛОМБЕ. Смертельнымъ врагомъ!.. веселое было время... тогда... (Увидя Мутонне, который пишетъ, подслушивая ихъ). Ай, ай!

АДОЛЬФЪ. Чтò?

КОЛОМБЕ (перемѣняя тонъ). Я... я говорю, мой другъ... что ты преувеличиваешь... Если ты хочешь, я былъ добрый мальчикъ... но у

меня всегда была идея... всегда... то-есть... самое воспитаніе приучило уже меня къ приличію... къ разсудительности... (*Возвысивъ голосъ*). И признаюсь тебѣ, моя Агнесса примирила меня съ жизнью женатыхъ людей... она такъ добра!

АДОЛЬФЪ. И такъ мила, такъ скромна... Небольшая похвала заставила ее покраснѣть.

КОЛОМБЕ (*смѣясь*). Да; ты ее ужасно сковфузиль!... вздумалось-же тебѣ говорить о ея красотѣ, о ея глазахъ... и при комъ-же? при ея матерн (*Останавливается при движеніи Мутонне*). Чортъ-бы взялъ этого ханжу!

АДОЛЬФЪ (*смѣясь*). Мнѣ кажется, что всякая женщина, хороша-ли, дурна-ли она, очень-любитъ, когда ее хвалятъ!... Но, быть-можетъ, въ твоихъ дамахъ есть частичка лицемѣрія...

КОЛОМБЕ. О, нѣтъ!.. Гмъ!.. гмъ!.. Нѣтъ, напротивъ... вы, моряки, слишкомъ ужъ всѣмъ восхищаетесь... И ты можешь судить, что такая женщина, какъ моя жена... такая женщина, какую-бы я желалъ...

АДОЛЬФЪ. Чтò ты хочешь сказать?

КОЛОМБЕ. Но это не потому, чтобы она... то-есть... Боже мой! она очень-хорошо понимаетъ, что въ свѣтъ невозможно... и я... если я тебя предупреждаю, то это только для бôльшей увѣренности...

АДОЛЬФЪ. Признаюсь, я не понялъ ни одного слова... повѣрь, я никогда не забудусь предъ дамами... предъ вами я всегда скромнѣе и почтительнѣе... но теперь здѣсь, между мужчинами, кажется, можно дозволить отступленіе отъ приличія... (*Обращаясь къ Мутонне, который перебираетъ бумаги*). Не правду-ли я говорю!... Я терпѣть не могу Гартюфовъ!

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Какъ тутъ попалъ!

МУТОННЕ. Извините... я не дослышалъ.

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Да, только не проронилъ ни одного слова. (*Въ-слухъ*). Адольфъ говоритъ о моей женѣ, о моемъ счастіи.

МУТОННЕ (*вставая*). А вы еще неженаты?

АДОЛЬФЪ. Къ-счастію, нѣтъ!

КОЛОМБЕ (*нампкая*). Гмъ! гмъ!

АДОЛЬФЪ (*не обращая на него вниманія*). Потому-что если-бъ исполнились мои намѣренія и я женился, то у меня была-бъ жена ужасная кокетка и измѣнница... но за то какъ-бы она была хороша... А ты знаешь, какъ мы оба любили хорошенькихъ женщинъ!

КОЛОМБЕ. Кто, я?.. (*тихо*). Замолчишь-ли ты!

АДОЛЬФЪ. Какъ? развѣ ты ихъ ужъ больше не любишь?

КОЛОМБЕ (*тихо*). Сдѣлай милость, замолчи!.. (*Въ-слухъ*). Такъ ты хотѣлъ жениться?

АДОЛЬФЪ. Да, годъ тому назадъ, нѣсколько прежде твоей свадьбы.
КОЛОМБЕ. Между нами была симпатія...

АДОЛЬФЪ. О, если-бъ ты зналъ, какъ пламенно любилъ я ее... и эта страсть лелѣла сердце мое самыми упоительными надеждами, какъ-бы для того, чтобъ сильнѣе разтерзать его и всю жизнь мою наполнить печалью и огорченіями!

МУТОННЕ. Чѣмъ-же это кончилось?

АДОЛЬФЪ. Ударомъ шпаги!

КОЛОМБЕ. Неужели?

МУТОННЕ. Вы дрались?

АДОЛЬФЪ. И я былъ раиень... какъ мужъ! Это очень-натурально... я былъ обманутъ!... О, я былъ слишкомъ-глупъ!... но и теперь я еще не поумнѣлъ... ни время, ни разлука съ тою, которую я такъ любилъ, не могутъ еще исцѣлить меня отъ этой любви!.. вотъ почему я пріѣхалъ въ Парижъ... здѣсь я хочу разсвѣяться, подурачиться... и ты, вѣрно, мнѣ поможешь!

КОЛОМБЕ. Я?...

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ, г-жа Жювенель.

Г-жа Жювенель. Г. Поляны, вамъ сейчасъ подадутъ завтракъ.

АДОЛЬФЪ. Ахъ, какъ вы добры! Мнѣ, право, совѣстно... Если ты, милый другъ, не хочешь завтракать, то, по-крайней-мѣрѣ, побесѣдуй со мной... вспомнимъ старину... она, вѣрно, развеселитъ насъ.

МУТОННЕ (*въ-сторону*). Да... это будетъ преназидательный разговоръ.

КОЛОМБЕ. Съ большимъ удовольствіемъ, милый Адольфъ!

Г-жа Жювенель. Не забудьте, Фердинандъ... сегодняшнего собранія...

АДОЛЬФЪ. Собраніе?

КОЛОМБЕ. Позвольте, матушка, ѣхать мнѣ туда нѣсколько позже.

МУТОННЕ. Это никакъ невозможно... Прежде васъ никто не подастъ голоса.

Г-жа Жювенель. Слышите! вамъ надобно поспѣшить.

КОЛОМБЕ. Нечего дѣлать... Извини меня, мой другъ, я принужденъ тебя оставить...

АДОЛЬФЪ. О, сдѣлай милость... Дѣла прежде всего... Ступай-же, ступай въ твое собраніе... Когда-нибудь и я туда съ тобой отпра-

влюсь... Это меня разсѣетъ... ваши собранія должны-быть очень-забавны!

г-жа Жювенель. Милостивый государь!

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Онъ, кажется, смѣется надо мною?

АДОЛЬФЪ. Когда возвратишься, надѣюсь, ты посвятишь мнѣ хоть одинъ часъ; мы отправимся вмѣстѣ... Я съ нетерпѣніемъ хочу увидѣть нашихъ прежнихъ друзей и товарищей.. вечеромъ мы, вѣрно, найдемъ ихъ въ Оперѣ.

МУТОННЕ. Въ Оперѣ!

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Боже мой! Какъ онъ неостороженъ.

АДОЛЬФЪ (*г-жѣ Жювенель*). У васъ, вѣрно, есть ложа?

г-жа Жювенель. Нѣтъ! я никогда не бываю въ Оперѣ!

АДОЛЬФЪ. О! вы, вѣрно, предпочитаете комедіи!.. Помнишь, Коломбе, какъ часто бывали мы прежде въ театрѣ... но я любилъ музыку... а ты, злодѣй, ужасно пристрастенъ былъ къ танцамъ!...

КОЛОМБЕ (*поспѣшию*). Опять! Ступай, мой другъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Агнесса

АГНЕССА. Ахъ, Фердинандъ! Какой вы сдѣлали мнѣ сюрпризъ!

КОЛОМБЕ. Сюрпризъ? я?

АГНЕССА. Ну, да!.. Мнѣ сейчасъ принесли твой прекрасный букетъ.

КОЛОМБЕ. Мой букетъ!.. ахъ, да... да... точно... (*въ-сторону*).

ЗЛОДѢИ... они ошиблись...

г-жа Жювенель. Букетъ! это къ чему?..

АДОЛЬФЪ. Ну, Фердинандъ, теперь я вижу, что ты прелюбезный мужъ!.. вы, вѣрно, идете сегодня на балъ!

г-жа Жювенель (*строга*). Нѣтъ, вы ошибаетесь!

АДОЛЬФЪ. Я думалъ это потому, что Коломбе прежде любилъ безъ-ума балы!

КОЛОМБЕ. Кто? я?.. я этого не помню...

АДОЛЬФЪ. Но, быть-можетъ, сегодня день рожденія...

АГНЕССА. Только не мой?

КОЛОМБЕ, (*взявъ букетъ*). Агнесса любить цвѣты, и вотъ почему я ихъ прислалъ ей... (*Въ-сторону*). Я достану другой букетъ и мы поживаемся.

АГНЕССА. Онъ ужъ слишкомъ-хорошъ для меня...

АДОЛЬФЪ. Совершенно бальный букетъ!

Г-жа Жювенель. Опять!

КОЛОМБЕ. До-свиданія, мой другъ. Ступай завтракать, а я поѣду.
(Въ-сторону). Глупецъ!

АДОЛЬФЪ. Что?

КОЛОМБЕ. Прощай, прощай!

АДОЛЬФЪ (раскланиваясь). Извините... (Въ-сторону). Я что-то
здѣсь не все понимаю...

(Адольтъ и Коломбе уходятъ въ разные
стороны).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Г-жа Жювенель, Мутонне и Аггесса.

МУТОННЕ. Слава Богу! Наконецъ, отправились!

Г-жа Жювенель. Какъ вы находите, г. Мутонне; мнѣ кажется,
что знакомство моего зятя съ этимъ молодымъ человѣкомъ...

МУТОННЕ. Ужасно! .. Какой нестерпимый характеръ!

Г-жа Жювенель. Я не видывала подобной вѣтренности.

АГГЕССА. У него на умѣ одни балы и спектакли...

МУТОННЕ. Это еще ничего!

АГГЕССА. Боже мой!

Г-жа Жювенель. Въ-самомъ-дѣлѣ, вы здѣсь оставались съ ними...
вѣрно, вы что-нибудь слышали?

МУТОННЕ. Да, я долженъ-былъ слышать совершенно противъ воли...
Признаюсь, у нихъ были не совсемъ назидательные разговоры... не
приличные воспоминанія о юности... любовь къ какой-то измѣнни-
цѣ... дуэль... предположенія къ разсыанью... Этотъ господинъ прѣ-
халъ сюда для того только, чтобъ исцѣлиться отъ своей несчастной
страсти среди удовольствій парижской жизни... и эти удовольствія
онъ намѣренъ раздѣлить съ г. Коломбе.

Г-жа Жювенель. Сохрани Боже!

АГГЕССА. Вы меня пугаете!

Г-жа Жювенель. Онъ погубить моего зятя!

МУТОННЕ. А что еще хуже, онъ того и гляди вскружить голову По-
линѣ.

Г-жа Жювенель. Боже мой, наканунѣ ея свадьбы... тогда-какъ, по
милости этого вѣтренника Густава, вамъ стоило такихъ трудовъ у-
строить этотъ бракъ!... О, молодость, молодость! какъ все это не
прочно, какъ необдуманно... не даромъ-же меня бросило точно въ

лихорадку, когда я узнала, что этотъ гость поселится въ нашемъ домѣ.

АГНЕССА. Боже мой! что будетъ!...

МУТОННЕ. Несчастіе, истинное несчастіе! больше я ничего не могу сказать.

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Ахъ, Агнесса, ты много тутъ виновата!

АГНЕССА. Какъ, маменька!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Да! Когда Фердинандъ спрашивалъ, свободна-ли комната, кто заставилъ тебя отвѣчать такъ, какъ ты отвѣчала?...

АГНЕССА. Но, маменька, я думала, что истина...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Истина хороша въ такомъ только случаѣ, если она необходима!

МУТОННЕ. Матушка ваша совершенно-справедлива! Все зависитъ отъ обстоятельствъ... мы дѣлаемъ большое различіе, когда, смотря по цели и намѣренію, говоримъ то, чего нѣтъ и не говоримъ того, что есть... въ этомъ заключается высокая нравственность.

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. И потому, нужно было избавить Фердинанда отъ такого человѣка...

МУТОННЕ. Котораго примѣры и вѣроломные совѣты могутъ ввернуть его въ пучину золь!

АГНЕССА. Ахъ, маменька!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Дурные совѣты такъ опасны!

МУТОННЕ. А сердце человѣческое такъ слабо, мои добрые друзья!... Вы слышали... они хотятъ вмѣстѣ посѣщать товарищей, этихъ университетскихъ грѣховодниковъ, съ которыми вы разорвали всѣ связи вашего мужа... Онъ такъ слабъ... его могутъ увлечь... и тогда...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. И тогда...

АГНЕССА. Бѣдный Фердинандъ!.. Но нѣтъ, я не позволю, чтобъ кто-нибудь осмѣлился измѣнить его мысли... и чтобъ спасти его... Ради Бога, помогите мнѣ... скажите, что я должна дѣлать?...

МУТОННЕ. Теперь ужъ немного поздно...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Я нахожу одно средство... попросить учтиво... этого господина.

АГНЕССА. Оставить нашъ домъ.

МУТОННЕ. Да, учтивымъ образомъ!...

АГНЕССА. Но какъ это сдѣлать?... Я едва его знаю... и никогда не осмѣлюсь... Если-бъ вы, маменька, взяли на себя?...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Нѣтъ, это невозможно... это вовсе не мое дѣло...

МУТОННЕ. Точно, это не ваше дѣло... но мы какъ-нибудь поможемъ...

агнесса. Ахъ, мы вамъ будемъ обязаны новой услугой... добрый г. Мутонне.

мутонне. Помилуйте!... А всему виной нынѣшнее воспитаніе... Оно ужасно портитъ молодыхъ людей!... Замѣтили-ли вы, какъ грубы манеры у этого молодаго челоуѣка... такъ и боишься, чтобъ онъ не сдѣлалъ какой-нибудь дерзости... о, вамъ надобно непременно его удалить... Какъ жаль, что я не могу взять этой комиссіи на себя... мнѣ кажется, было-бы приличнѣе всего, если-бъ вашъ супругъ принялъ на себя трудъ избавить насъ отъ своего школьнаго друга.

г-жа живенель. А для бѣльшей увѣренности, чтобъ Фердинанлъ съ нимъ не встрѣтился и избѣжалъ опасностей парижской жизни, мы отправимъ его на нѣсколько дней по дѣламъ въ деревню.

агнесса. Онъ и такъ часто уже туда ѣздитъ.

г-жа живенель. Это необходимо... между-тѣмъ, будемъ совершенно холодно къ нашему несносному гостю... увидите, что онъ пойметъ насъ... слѣдается осторожнѣе и ни за что не останется въ домѣ, гдѣ все такъ несогласно съ его правилами... Я увѣрена, что черезъ два часа, когда вы возвратитесь сюда, по обыкновенію, для нашего реверси, онъ будетъ уже изгнанъ отъ насъ!

агнесса. Мнѣ кажется, это будетъ трудно.

мутонне. А! вотъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ, Адольфъ.

адольфъ (*не видя окружающихъ*). Теперь я могу ждать спокойно... (*Увидя ихъ и обращаясь къ г-жѣ Живенель*). Виновать... я можеть-быть, помѣшалъ вамъ... но...

г-жа живенель. Извините... я должна отдать кой-какія приказанія...

(*Кланяется ему и уходитъ*).

адольфъ (*Агнессѣ*). Я не знаю, какъ благодарить за вашъ радушный пріемъ...

агнесса. Извините... мнѣ нужно исполнить нѣкоторыя порученія... но мой мужъ... извините...

адольфъ. Позвольте.... (*Агнесса уходитъ*). Что это значить?... Скажите г. Мутонне, отчего эти дамы оставили насъ? неужели я причиною?

мунтоне (*смотря на часы*). Извините... мнѣ пора... прежде собранія я долженъ еще побывать въ канцеляріи.

Адольфъ И этотъ!... (*Въ-сторону*). Чтѣ съ ними случилось?
мунтоне. Прощайте, желаю быть здоровымъ!

(*Уходитъ*).

Адольфъ. Чтѣ это!... Они никакъ смѣются надо мной!... Самъ Коломбе какъ-будто наложилъ на себя обѣтъ молчанія!... Матушка своей особой обдастъ меня холодомъ... Г-въ Коломбе запинается на каждомъ словѣ... Этотъ ханжа Мунтоне корчитъ какія-то рожи... даже лакей, который служилъ мнѣ за столомъ, чуть не захохоталъ, увидя мое удивленіе при сухости моего завтрака... Право, можно подумать, что мое присутствіе не очень ихъ радуетъ,

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Адольфъ, Полина.

Полина (*входя таинственно*). Ахъ, Боже мой! онъ одинъ! одна надежда на его защиту!

Адольфъ. Кто тамъ?.. а? хорошенькая дѣвушка! (*Подходитъ къ Полинь*.) Извините; я не имѣю чести...

Полина. Какъ г. Адольфъ, мы меня не узнаете?

Адольфъ. Чтѣ это? Полина! это вы?

Полина. Слава Богу, наконецъ догадались... Вотъ я, такъ сейчасъ васъ узнала!

Адольфъ. Это большая разница... Но вы...

Полина. Развѣ я такъ измѣнилась? (*Въ-сторону*.) А все причиною разлука съ Густавомъ... (*Въ-слухъ*.) Вотъ чтѣ значать печали... онъ не красятъ, а убиваютъ!

Адольфъ. Помилуйте, напротивъ!.. Когда я васъ оставилъ, вы были маленькая дѣвочка и общали только быть хорошенькой!.. Но теперь вы вполне прекрасная дѣвица!.. вы такъ похорошѣли...

Полина. О, вы мнѣ льстите!

Адольфъ. Нѣтъ, клянусь!.. вы, просто, очаровательны!

Полина. Если такъ, то слава Богу!.. Судя по моей скукѣ и страданіямъ, я должна была-бы очень подурнѣть!

Адольфъ. Неужели?.. Но отъ чего-же эта скука? эти страданія?..

Полина. Тише! если насъ услышатъ — бѣда...

Адольфъ. Ахъ, скажите, отвѣчайте мнѣ... какъ вашему другу, какъ брату... Помните, вы всегда называли меня братомъ!

полина. Да! тогда у меня было два брата... оба они любили меня... но теперь остался у меня одинъ... и это вы!

адольфъ. Что это значить?

полина. Да, вы одинъ!.. Ахъ, если-бы вы знали, какъ я обрадовалась, когда узнала о вашемъ прїездѣ! Я подумала: теперь у меня есть другъ, теперь, быть-можетъ, я найду защитника!.. Судите-же, что должна была я чувствовать, когда г-жа Жювенель приказала мнѣ идти въ свою комнату, чтобъ я не встрѣтилась съ вами!.. Я сѣла къ окну, надѣясь хоть издали взглянуть на васъ, когда вы выйдете отсюда... и плакала, какъ дитя!..

адольфъ. О, этотъ домъ окружонъ какой-то тайною! Скажите мнѣ, милая Полина, что у васъ здѣсь происходитъ?

полина. Къ-несчастью, рѣшительно ничего новаго и прїятнаго... у васъ все дни одинаковы... наставленія, проповѣди, выговоры и тоска... Ахъ, мнѣ скучно, очень-скучно здѣсь!

адольфъ. Г-жа Жювенель должна быть строга...

полина. Чрезвычайно-строга!

адольфъ. Но за-то, по-крайней-мѣрѣ, ваша сестра, г-жа Коломба, любезна, какъ вы...

полина. Нѣтъ, вы ошиблись... конечно, она могла-бы быть любезна, если-бъ захотѣлъ этого братецъ... но ему все-равно... ему-бы только играть въ реверси съ г-мъ Мутонне... Это единственное здѣсь удовольствіе... играютъ всякой вечеръ, и даже иногда по утрамъ... вотъ вы увидите сами сегодня... Впрочемъ, это дозволяется только тогда, если нѣтъ другихъ, болѣе важныхъ занятій... на-примѣръ, если ему не нужно провожать г-жу Жювенель въ церковь или читать какое-нибудь нелѣзное сочиненіе... а я между-тѣмъ должна все это видѣть, слышать... и остерегаться, чтобъ не заснуть надъ своею работою... вотъ все его занятія, вотъ все, чего онъ желаетъ!

адольфъ. Фердинандъ! трудно повѣрить... о, я съ нимъ поговорю... Однако-жъ, еще въ молодости, съ своими друзьями, онъ обличалъ уже большую слабость въ характерѣ; боялся споровъ, избѣгалъ затруднительныхъ отвѣтовъ, и никогда не рѣшался поддержать своего мнѣнія.

полина. Онъ и теперь такъ... Его часто посылаютъ въ деревню.

адольфъ. Въ наказаніе...

полина. Все это лучше, чѣмъ оставаться здѣсь... а я всегда дома.

адольфъ. Но это не можетъ долго продолжаться... вотъ вы выйдете за-мужъ.

полина. Нѣтъ, нѣтъ!.. этого-то я болѣе всего и страшусь... нѣтъ, я никогда не выйду за-мужъ.

адольфъ. Боже мой! неужели васъ хотятъ принудить!

полина. Къ-несчастью! Они требуютъ, чтобъ я вышла за племянника г. Мутона... за какое-то страшилище!.. Вообразите себѣ: длинное, блѣдное, худое существо... на лицѣ вѣчное уныніе... глаза опущены, не говоритъ ни слова, и также безобразенъ, какъ его дядюшка!.. Но какъ они хотятъ, я никогда не буду его женою... нѣтъ, нѣтъ, ни за-что въ свѣтъ!

адольфъ. Но неужели и вашъ братецъ согласенъ...

полина. Онъ согласенъ на все!.. Ужъ если онъ позволилъ отказаться отъ своего дома бѣдному Густаву, который такъ меня любилъ...

адольфъ. Густаву!

полина. Да! прекрасный, прелюбезный молодой человекъ... какъ мнѣ было съ нимъ весело!.. онъ всегда находилъ сказать мнѣ что-нибудь приятное... о, только-бы мнѣ его видѣть, я готова все забыть.

адольфъ. А вы его любили?..

полина. Тихе! (*Понижая голосъ.*) Не знаю... Я такъ была счастлива... въ одинъ день мнѣ приказали идти въ свою комнату... онъ хотѣлъ сказать что-то по секрету г-жѣ Жювенель и брату.

адольфъ. Вѣрно, объ васъ?

полина. Я думаю... но когда я возвратилась, его уже не было... и съ-тѣхъ-поръ я его болѣе не видала... Теперь, когда я заговорю о немъ, мнѣ приказываютъ молчать... по-всему видно, что ему запрещенъ входъ въ нашъ домъ!.. Бѣдняжка! онъ также, какъ я, умретъ съ печали, если ужъ не умеръ!

адольфъ. Умеръ нѣтъ, не безпокойтесь... Лучше будемте дѣйствовать вмѣстѣ, чтобъ открыть снова сюда дорогу Густаву, и принудить Фердинанда составить ваше счастье!

полина. О, я лучшаго не желаю! (*Испугавшись.*) Ахъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Полина, Адольфъ, Коломбъ.

коломбъ. Вотъ я и свободенъ.

адольфъ (*Полинѣ*). Не пугайтесь...

полина. Ахъ я думала, что это кто-нибудь другой...

КОЛОМБЕ. Слава Богу! наконецъ я могу съ тобой побесѣдовать... я нарочно поспѣшилъ окончить дѣла въ нашемъ собраніи...

АДОЛЬФЪ. А ты бываешь тамъ очень-занятъ?

КОЛОМБЕ. Да, иногда.

ПОЛИНА. Его хотятъ сдѣлать церковнымъ старостой.

АДОЛЬФЪ. Что? тебя?..

КОЛОМБЕ. Но я еще не выбранъ...

АДОЛЬФЪ. Староста?.. о, да ты сдѣлался честолюбивъ!

КОЛОМБЕ. Развѣ это тебя удивляетъ?

АДОЛЬФЪ. О, нѣтъ, нисколько, послѣ того, что мнѣ сейчасъ разсказала твоя сестра.

КОЛОМБЕ. Какъ! ужъ эта болтуня успѣла пересказать тебѣ что-нибудь!.. *(Возвышая голосъ)*. Но я увѣренъ, что это все пустяки! все вздоръ!

АДОЛЬФЪ. Ты напрасно кричишь... тебя никто не хочетъ слушать... что до меня, то объявляю тебѣ...

КОЛОМБЕ. Объявляю тебѣ, что я ничего не хочу... я спокоенъ, я счастливъ!

ПОЛИНА. Имѣю честь поздравить!

КОЛОМБЕ. Прошу васъ замолчать!

ПОЛИНА. Ну, посмотрите, какой онъ злой!

КОЛОМБЕ. Но на что она можетъ жаловаться?

ПОЛИНА. На все!

КОЛОМБЕ. Развѣ я не люблю ее?.. Развѣ жена моя не привязана къ ней, какъ къ сестрѣ?.. Развѣ наша матушка не заботится о ней, какъ о своей дочери?

АДОЛЬФЪ. Это-то намъ и не нравится! Но-примѣръ, мы вовсе не хотимъ, чтобъ г-жа Жювенель выбирала намъ мужа, потому-что мы сами его можемъ выбрать... не правда-ли?

ПОЛИНА. Продолжайте... вы прекрасно говорите.

АДОЛЬФЪ. Напримѣръ, она совсѣмъ не любитъ племянника г-на Мутонне...

КОЛОМБЕ. Такъ пускай ее объяснится.

ПОЛИНА. Но меня не хотятъ слушать.

АДОЛЬФЪ. Въ такомъ случаѣ долженъ защитить ее братъ... а такъ какъ насъ любитъ г. Густавъ... вѣдь онъ насъ любитъ?

ПОЛИНА. Очень.

АДОЛЬФЪ. И какъ мы его тоже любимъ... не правда-ли, вѣдь и мы его любимъ?

ПОЛИНА. Правда.

АДОЛЬФЪ. То и слѣдуетъ насъ выдать за него за-мужъ.

ПОЛИНА. Да... это ясно!

КОЛОМБЕ. Конечно... Густавъ милый молодой человекъ... по-крайней-мѣрѣ, я такъ думаю... и я ни за что въ свѣтъ не рѣшил-ся-бы препятствовать этому браку, если-бъ была моя воля...

АДОЛЬФЪ. Какъ, неужели ты не имѣешь воли?

ПОЛИНА. Въ этомъ-то и бѣда!

КОЛОМБЕ. Папротивъ...

АДОЛЬФЪ. А если такъ... почему-жъ ты не поможешь сестрѣ?

КОЛОМБЕ. Но чтѣ-жъ ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ?

АДОЛЬФЪ. Я хочу, чтобъ ты рѣшительнѣе объяснился... ты дол-женъ сказать твоей тещѣ и женѣ, что Полина не любитъ племянни-ка г-на Мутонне.

ПОЛИНА (*возвышая голосъ*). Я его терпѣть не могу.

АДОЛЬФЪ. Что она желала-бы быть женою Густава.

ПОЛИНА. Да, это въ тысячу разъ лучше! Но онъ никогда не осмѣ-лится...

КОЛОМБЕ. Замолчишь-ли ты!.. я никого не боюсь... и если ты хо-чешь, я буду говорить... хоть впрочемъ она и сама-бы могла объ-ясниться... но я докажу тебѣ... Тише, вотъ матушка!

ПОЛИНА. Ахъ прощайте!..

(*Уходитъ*).

АДОЛЬФЪ. Нѣтъ, это твоя жена... оставляю тебя... поговори съ нею... а я между-тѣмъ прикажу принести сюда мои вещи, чтобъ со-вершенно у тебя устроиться... Прощай... прощай! будь-же посмѣ-лѣе... покажи, что ты мужъ и хозяинъ въ домѣ!..

(*Кланяется Агнессѣ и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

КОЛОМБЕ, АГНЕССА.

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Они справедливы! зачѣмъ мнѣ дѣлать се-стру несчастною? Она не любитъ племянника Мутонне и не должна быть его женою.

АГНЕССА (*въ-сторону*). Если маменька находитъ, что присутствіе нашего гостя опасно для Фердинанда, то онъ непременно долженъ оставить нашъ домъ.

КОЛОМБЕ. Милая Агнесса!

АГНЕССА. Чтѣ, мой другъ?

КОЛОМБЕ. Какъ я радъ, что вы пришли сюда... Мнѣ надобно поговорить съ вами о весьма-важномъ дѣлѣ.

АГНЕССА. И мнѣ тоже... Я боялась васъ обезпокоить.

КОЛОМБЕ. Также какъ я... но какъ дѣло идетъ о счастіи...

АГНЕССА. Да, конечно...

КОЛОМБЕ. Мы-же съ вами такъ во всемъ согласны...

АГНЕССА. О, я знаю, какъ вы разсудительны...

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Кажется, я могу теперь смѣло говорить...

АГНЕССА (*также*). Минута самая благоприятная.

КОЛОМБЕ. Вотъ видишь, милая Агнесса...

АГНЕССА (*перебивая его*). Вы знаете, мой другъ, что, живя съ кѣмъ-нибудь, очень трудно всегда нравиться, угождать...

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Какъ кстати... она сама мнѣ помогаетъ. (*Въ-слухъ*). Конечно, конечно, мой ангелъ.

АГНЕССА. А есть особы...

КОЛОМБЕ. Даже заслуживающія уваженіе...

АГНЕССА. Которыхъ нравъ...

КОЛОМБЕ. Характеръ.

АГНЕССА. И привычки не могутъ быть согласны съ нашими...

КОЛОМБЕ. Совершенная правда... ихъ не можешь терпѣть, самъ не понимая отъ-чего.

АГНЕССА. Такъ и вы находите?

КОЛОМБЕ. Боже мой, да весь свѣтъ съ этимъ согласенъ... еще сію-минуту я объ этомъ разсуждалъ здѣсь съ Адольфомъ.

АГНЕССА. Что?

КОЛОМБЕ. Я говорю, что разсуждалъ здѣсь объ этомъ съ моимъ другомъ, Адольфомъ.

АГНЕССА. И г. Адольфъ вамъ сказалъ...

КОЛОМБЕ. То-же самое, что вы сейчасъ говорили... а онъ всегда разсуждаетъ очень-здорово, справедливо...

АГНЕССА. Такъ онъ понимаетъ самъ.

КОЛОМБЕ. Очень-хорошо понимаетъ.

АГНЕССА. Какъ я рада!.. Я боялась, что вамъ не совсѣмъ будетъ пріятно дать ему почувствовать...

КОЛОМБЕ. Что?

АГНЕССА. Что его присутствіе для насъ непріятно...

КОЛОМБЕ. Какъ?..

АГНЕССА. Но теперь, когда онъ сказалъ вамъ самъ...

КОЛОМБЕ. Кто? Адольфъ?.. вы ошибаетесь... онъ говорилъ мнѣ о племянникѣ г-на Мутоине... потому-что его не любитъ моя сестра... и не хочетъ выйти за него за-мужъ.

АГНЕССА. О, объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать ни вамъ, ни мнѣ...

КОЛОМБЕ. Однакожь...

АГНЕССА. Это зависитъ отъ маменьки...

КОЛОМБЕ. Однакожь...

АГНЕССА. А что до г. Адольфа, то я увѣрена, что вы ему скажете...

КОЛОМБЕ. Однакожь, позвольте...

АГНЕССА. О, вы, вѣрно, сдѣлаете это для меня... если вы только меня любите...

КОЛОМБЕ. Люблю-ли я тебя, Агнесса?.. Но развѣ я не могу доказать тебѣ мою любовь чѣмъ-нибудь другимъ... (*Беретъ ее за руку*).

АГНЕССА. Фердинандъ!

КОЛОМБЕ. Не отнимай у меня этой милой ручки...

АГНЕССА (*стыдливо отжимаетъ у него руку*). Фердинандъ!.. вы сегодня-же должны сказать ему...

КОЛОМБЕ. Невозможно!.. старый товарищъ... другъ... мы съ малолѣтства привыкли жить какъ братья... онъ до-сихъ-поръ никогда ни въ чемъ мнѣ не отказывалъ.

АГНЕССА. Такъ, вѣрно, онъ не откажетъ вамъ и въ этой просьбѣ!

КОЛОМБЕ. Въ какой?

АГНЕССА. Чтобы онъ выѣхалъ отъ насъ и поселился гдѣ-нибудь въ другомъ домѣ... Здѣсь, кажется, довольно гостинницъ... тамъ, по крайней-мѣрѣ, онъ никого не обезпокоитъ.

КОЛОМБЕ. Но...

АГНЕССА. Подумайте сами, долго-ли до неприятностей... онъ обезславить, погубить васъ.

КОЛОМБЕ. О, если только по-этому...

АГНЕССА. Что вы говорите?

КОЛОМБЕ. Я говорю, что вы ошибаетесь... и если нѣтъ другихъ причинъ...

АГНЕССА. О, есть и другія... напимѣръ, развѣ это прилично, что молодой человекъ будетъ жить въ одномъ домѣ со мною.

КОЛОМБЕ. Вы шутите...

АГНЕССА. Въ особенности, когда вы ѣдете отсюда...

КОЛОМБЕ. Я ѣду?

АГНЕССА. Да, вы сегодня должны ѣхать въ деревню...

КОЛОМБЕ. А! я долженъ ѣхать въ деревню!

АГНЕССА. Такъ угодно маменькѣ.

КОЛОМБЕ (*съ радостью*). Правомъ!.. ей угодно... о, такъ это дѣло другое!.. А! я ѣду въ деревню.

АГНЕССА. Право, можно подумать, что вы этимъ очень-довольны!
КОЛОМБЕ. Я? о, нисколько!.. я только обязанъ повиноваться...

АГНЕССА. Въ такомъ случаѣ, вы отправитесь сегодня-же вечеромъ...

КОЛОМБЕ. Тѣмъ лучше.

АГНЕССА. Какъ, тѣмъ лучше?

КОЛОМБЕ. Да, тѣмъ лучше... потому-что Адольфъ скорѣе можетъ понять... но если-бъ я вѣхалъ завтра, тогда совсѣмъ другое дѣло!..
(*Въ-сторону*). Какое счастье!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже, г-жа Жювенель, Полина.

г-жа Жювенель (*Полинь*). Приготовьте все для реверси...

ПОЛИНА. Сію-минуту. (*Тихо Фердинанду*). Какъ идутъ наши дѣла?.. говорилъ-ли ты

КОЛОМБЕ (*тихо Полинь*). Я ѣду въ деревню.

АГНЕССА. Наконецъ, Фердинандъ разсудилъ самъ, матушка. Онъ чувствуетъ, что вовсе неприлично помѣстить здѣсь съ нами своего друга...

ПОЛИНА (*въ-сторону*). Ахъ, Боже мой!

г-жа Жювенель. Не поздно-ли онъ одумался?.. его пріятель ужъ успѣлъ здѣсь совсѣмъ расположиться...

КОЛОМБЕ. Я самъ это говорилъ... конечно, теперь уже поздно...

г-жа Жювенель (*строго*). Но мнѣ кажется, никогда не поздно исполнить свою обязанность.

КОЛОМБЕ. Ваша правда... никогда не поздно...

г-жа Жювенель. Вы слишкомъ умны, Фердинандъ.

КОЛОМБЕ. Чтò-сь?

г-жа Жювенель. Вы слишкомъ хорошо знаете приличія...

КОЛОМБЕ. Конечно...

г-жа Жювенель. И потому должны были понять съ первой-же минуты, что молодой человѣкъ безъ всякихъ правилъ... безъ малѣйшаго... но какъ вашего друга, я пошажу его.

КОЛОМБЕ. Вы слишкомъ добры, матушка...

г-жа Жювенель. Вы должны были понять, что подобный человѣкъ не можетъ оставаться въ обществѣ трехъ добродѣтельныхъ женщинъ...

ПОЛИНА. Напротивъ, онъ такъ добръ, такъ...

г-жа жювенель (*Полинъ*). Извольте приготовить столъ... (*Фердинанду*). По-этому вы должны непременно сказать ему, что онъ не можетъ здѣсь остаться.

агнесса. Это рѣшено...

коломбе. Но, я не знаю...

агнесса. Боже мой! мы имѣемъ тысячу причинъ... надобно только найти предлогъ.

полина. Братецъ не любитъ лгать.

г-жа жювенель. Полина!

коломбе. Бѣдный Адольфъ!.. Нѣтъ, я никогда не рѣшусь сказать ему... я не въ-силахъ, что хотите!

г-жа жювенель. Фердинандъ!..

полина (*тихо*). Прекрасно, братецъ!

агнесса. Фердинандъ!.. неужели-же ты хочешь, чтобъ я... но нѣтъ, я не хочу взять на себя это дѣло...

коломбе. А я не могу!

г-жа жювенель. Хорошо-же! если вы не рѣшаетесь... я беру на себя.

коломбе. Вы!.. вотъ и безподобно... Послѣ этого я ничего уже не могу сказать... вы приведете все въ порядокъ...

полина. Вотъ онъ (*Тихо брату*). Это ужасно!.. предать своего стараго друга...

коломбе (*также Полинъ*). Чего ты еще хочешь отъ меня!.. кажется, я сдѣлалъ все, что могъ!

ЯВЛЕНЕ XIII.

Тѣ же, Адольфъ.

адольфъ (*въ дверяхъ*). Подождите здѣсь... (*Входя*). Извините... тамъ привезли мою поклажу и я сей-часъ приказывалъ!.. (*Тихо Полинъ*). Ну что, возвращонъ-ли намъ Густавъ?.. (*Въ-слухъ*). Ахъ, другъ мой, Фердинандъ, прикажи, пожалуйста, показать мою комнату.

коломбе. Что? твою комнату... да!.. я такъ занялся здѣсь съ сестрою... мы готовимъ реверси, я и забылъ...

адольфъ. Не безпокойся-же, мой другъ... (*Агнессъ*). Я попрошу твою супругу... вѣрно, она будетъ такъ добра.

г-жа жювенель. Позвольте мнѣ.

Адольт. Какъ? вы хотите принять на себя трудъ... нѣтъ, я никакъ не соглашусь...

г-жа живенель. Позвольте мнѣ отвѣчать вамъ на это.

КОЛОМБЕ (вз-сторону). Бедняжка!

ПОЛИНА (Утирая глаза). Бѣдный Адольтъ!

г-жа живенель. Фердинандъ очень-огорченъ однимъ затрудненіемъ, котораго онъ вовсе не ожидалъ... какъ онъ, такъ и мы, всѣ желали доставить вамъ удобное помѣщеніе въ нашемъ домѣ...

АДОЛЬФЪ. О, самую маленькую комнатку.

г-жа живенель. У насъ есть только одна, вы знаете, въ Парижѣ невозможно жить просторно...

АДОЛЬФЪ. О, мнѣ болѣе ничего не нужно... удовольствіе быть съ вами, съ моимъ другомъ Фердинандомъ.

г-жа живенель. Но вотъ что его огорчаетъ... онъ думалъ, что эта комната свободна...

АГНЕССА. И мы думали, что она свободна.

АДОЛЬФЪ. А выходить, что нѣтъ?

г-жа живенель. Да... не правда-ли, Фердинандъ?

КОЛОМБЕ. Чтò-сь? да, да... любезный Адольтъ и... я точно думалъ... но вышло напротивъ.

(Оборачивается къ столу, чтобы приготовить все къ реверси).

ПОЛИНА (вз-сторону). Боже мой! какъ онъ всѣ лугутъ!

АДОЛЬФЪ. Стало-быть, я долженъ возвратиться въ гостиницу...

г-жа живенель. Да, я сама такъ думаю... мнѣ, право, такъ досадно.

АДОЛЬФЪ. О вы слишкомъ добры. (Вз-сторону). Я хотѣлъ-было ввести сюда другаго, а между-тѣмъ меня самого гонять вонъ. (Вз-слушъ). Точно, мнѣ болѣе ничего не остается... и если тоже самое думаетъ хозяинъ дома... мой другъ Фердинандъ... надѣюсь, вѣдь онъ хозяинъ здѣшняго дома?..

г-жа живенель. Конечно!.. я никогда не вмѣшиваюсь въ дѣла моихъ дѣтей... особенно, въ дѣла моего зятя.. Здѣсь во всемъ одна воля... его... и я только передаю вамъ его волю... не правду-ли я говорю, Фердинандъ?

КОЛОМБЕ. Совершенную правду, матушка!.. Но, мой другъ, мы увидимся... можетъ-быть, въ-послѣдствіи... вѣдь ты, вѣрно, будешь посѣщать насъ часто?

АГНЕССА. По возвращеніи моего мужа...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Да, Фердинандъ уѣзжаетъ чрезъ четверть часа изъ Парижа... а въ его отсутствіе...

АДОЛЬФЪ. Вы никого не принимаете!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Вы поняли меня!..

АДОЛЬФЪ. Совершенно!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ (въ сторону). Слава Богу!

АГНЕССА. А! вотъ и г. Мутонне!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢЖЕ, МУТОННЕ.

МУТОННЕ (поспѣшно входя). Друзья мои!.. милый другъ мой!.. Я принесъ вамъ самую пріятную новость... но извините... я такъ спѣшилъ, что едва могу дышать отъ усталости!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Фердинандъ... кресла!.. Агнесса... сахарной воды! (Агнесса идетъ на-льво). Что жъ вы стойте, Полина... (Полина бѣжитъ къ камину; Коломбе приноситъ кресла, на которыхъ садится Мутонне). Добрый другъ нашъ! у него можетъ слѣзаться воспаленіе въ груди.

АДОЛЬФЪ (въ сторону). Бѣдняжка!

МУТОННЕ, (выпивъ стаканъ воды, которой принесла ему Агнесса). Благодарю!.. ничего, не беспокойтесь... вотъ мнѣ и лучше!.. ахъ, все это отъ радости... отъ внезапной радости... милый Коломбе... торжествуйте!.. мы одержали побѣду!..

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Неужели!..

АГНЕССА. Какое счастье!..

МУТОННЕ. Вы староста!

АГНЕССА и Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Староста!

МУТОННЕ. Онъ избранъ единогласно!

КОЛОМБЕ. Ахъ, какъ я доволенъ!..

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Другъ мой, Фердинандъ!.. обнимите меня!.. (Обнимая его). Староста!

МУТОННЕ. Юный другъ мой, позвольте и мнѣ!.. Староста!

(Обнимаетъ его).

АГНЕССА (*также обнимаетъ Фердинанда*). Милый другъ!
ПОЛИНА (*отворачивается*). О, для меня такъ все-равно!

АДОЛЬФЪ. Другъ мой, Коломбе и вы добрые его родные! позвольте и мнѣ поздравить васъ съ новымъ для васъ счастьемъ... теперь съ радостнымъ сердцемъ могу я удалиться отсюда... но уходя, не могу не сказать вамъ, какъ глубоко тронуло мою душу и это торжественное событіе, и это сердечное участіе, которымъ вы платите за дружбу... г-на Мутонне...

(Кланяется всѣмъ и ему отвѣчаютъ тѣмъ-же).

ПОЛИНА (*тихо Адольфу*). Боже мой! вы оставляете меня!.. Кто-жь меня защититъ?..

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Фердинандъ! теперь можно начать реверси!

(Они садятся къ столу).

КОЛОМБЕ. До свиданія, мой другъ! (*Тихо*). Сегодня вечеромъ, около четырехъ часовъ, будь въ Пале-Ройяль, у Ротонды!.. (*Движеніе Адольфа*). Тихе! молчи!

АГНЕССА. Коломбѣ.

КОЛОМБЕ. Я готовъ, матушка!

(Садится къ столу. Адольфъ останавливается на минуту, чтобъ бросить взглядъ на эту картину).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Богатая комната; дверь въ срединѣ и двѣ двери по бокамъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луиза, потомъ г-жа де-Субиранъ.

Луиза (*устанавливая цвѣты*). Сегодня, для нашего праздника, кажется, опустошили въ Парижѣ всѣ сады... такъ всѣ на-перерывъ и хотятъ понравиться моей барынь... но оно и немудрено: умная, богатая и молодая вдова кого съ ума не сведетъ! (*Г-жа де-Субиранъ входитъ съ лѣвой стороны и, увидя Луизу, смѣется.*)

г-жа де-Субиранъ. Чтò ты здѣсь дѣлаешь, Луиза?.. Боже мой, да ты точно въ цвѣтникѣ!

Луиза. Всѣ эти цвѣты присланы вамъ сегодня въ подарокъ... я хочу ихъ оставить такъ, чтобъ вечеромъ, во-время бала, всякій могъ узнать свой букетъ... Хотя это не ведетъ ни къ чему, но, по-крайней-мѣрѣ, льститъ самолюбію...

г-жа де-Субиранъ. И вознаграждаетъ людей за убытки... Пусть эта выставка будетъ отвѣтомъ на всѣ скучныя записки, которыя принуждена я была сегодня прочесть.

Луиза. Признаюсь, я сама терпѣть не могу этихъ записочекъ! Ну, чтò въ нихъ толку!

г-жа-де-Субиранъ, (*въ-сторону*). А отъ него, до-сихъ-поръ, ни слова... рѣшительно ничего!.. (*Въ-слухъ*). Луиза!.. Ты послала сегодня утромъ въ гостинницу Лондонъ?

Луиза. Какъ-же, послала-съ... Но г. Фердинандъ...

г-жа де-Субиранъ. Отдали-ли ему мое письмо?

луиза. Его тамъ не наши... Странно, онъ никогда не бываетъ дома... вѣрно, онъ часто уѣзжаетъ отсюда... Онъ ббльшею частію живетъ въ деревнѣ, и г. Густавъ, его другъ, говорилъ вчера, что у него премаленькая квартира въ гостинницѣ...

г-жа де-субиранъ. Однакожь, онъ непременно долженъ быть теперь въ Парижъ... Меня удивляетъ, что его до-сихъ-поръ здѣсь нѣтъ...

луиза. О, онъ не похожъ на тѣхъ людей, которые такъ надоѣдаютъ вамъ своей вѣжностью и любезностями... Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ искуснѣе... заставляетъ ждать и надѣяться... не безпокойтесь... онъ скоро будетъ... Нашъ праздникъ безъ него не можетъ состояться... Онъ одинъ только можетъ оживить его и развеселить нашихъ гостей.

г-жа де-субиранъ. Это правда... но все-таки онъ могъ-бы быть учтивѣе, любезнѣе... хоть для нынѣшняго дня... (*Въ-сторону*). Ахъ, я страшусь, чтобъ онъ не обманулъ меня!

луиза. Безъ него трудно намъ обойтись... Напримѣръ, кто безъ него распорядится у насъ обѣдомъ... а онъ такой на это молодець... право, можно подумать...

г-жа де-субиранъ. Чтѣ?

луиза. Я хотѣла сказать, что и мы всѣ охотно готовы ему повиноваться... только-бы доставить вамъ удовольствіе... Да оно и натурально... вы, сударыня, вдова... можете располагать собою свободно... и если-бъ рѣшились выйти за-мужъ, я-бы первая порадовалась...

г-жа де-субиранъ. Благодарю, добрая Луиза!

луиза. Выйти за-мужъ... сдѣлать человека счастливымъ!.. О, да чтѣ можетъ быть этого пріятнѣе!

г-жа де-субиранъ. Бракъ, Луиза, дорога къ ревности... а я ея не люблю... (*Въ-сторону*). Право она, кажется, справедлива!.. Этимъ средствомъ я, можетъ-быть, отплачу неблагодарному...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Коломбе.

КОЛОМБЕ. (*за кулисами*). Это не такъ... говорю тебѣ, не такъ!

ЛУИЗА. Вотъ онъ!

г-жа де-субиранъ. Фердинандъ.

КОЛОМБЕ (*показываясь въ среднихъ дверяхъ*). Надобно поставить шампанское въ ледъ, чтобъ оно совершенно заморозилось!

г-жа де-субиранъ, *(смѣясь)*. Ха, ха, ха!
 коломбе *(также смѣясь)*. Ха, ха ха! Ахъ, извините, я никакъ не ожидалъ, чтобъ вы были такъ близко... Я далъ кое-какіе совѣты этому глупому Жозефу... онъ совсѣмъ не умѣетъ обращаться съ шампанскимъ.

г-жа де-субиранъ. И вотъ что васъ занимало при первомъ входѣ.
 коломбе. О, это не мѣшаетъ мнѣ замѣтить и сказать вамъ, что вы сегодня восхитительны... прекраснѣе даже, чѣмъ обыкновенно... Я не забылъ, что вы обѣщали дать предпочтеніе моему букету въ день вашего рожденія... *(Подаетъ ей букетъ)*. Извините, что онъ вручается вамъ нѣсколько поздно... Онъ заблудился дорогой...

г-жа де-субиранъ *(подавая ему руку)*. Благодарю, что вы явились съ нимъ сами!

(Отдаетъ букетъ Луизѣ).

коломбе. Здравствуй, Луиза... Пожалуйста, не смѣшай моего букета съ другими... Да! еще обещаніе... вы мнѣ дали слово танцовать со мною первую кадрили и первый вальсъ... не забудьте!.. О, я сегодня, весь радость и восторгъ!.. Я такъ давно уже не имѣлъ никакихъ удовольствій... рѣшительно, умираю со скуки... не-видя васъ!.. Но за то, этимъ днемъ вознагражу себя за все... Повѣрьте, нашъ балъ будетъ такъ веселъ и пріятенъ, что всѣ ваши соперницы должны умереть отъ зависти!

г-жа де-субиранъ. Ахъ, я сама... я сегодня такъ весела, такъ счастлива!..

луиза. Ахъ, сударыня, а я забыла вамъ сказать... Эта дама, что живетъ внизу, присылала сегодня утромъ...

г-жа де-субиранъ *(смѣясь)*. Узнать наши новости...

луиза. Нѣтъ-съ... она проситъ, чтобъ вы не позволили танцовать до утра... ей мѣшаютъ спать.

коломбе. Этому можно помочь... Пошлите ей приглашеніе...

луиза. Сохрани Боже!

коломбе. Если она не можетъ спать, такъ будетъ танцовать... тогда не на-что и жаловаться...

г-жа де-субиранъ *(смѣясь)*. Помилуйте! вы хотите заставить танцовать шестидесяти-лѣтнюю женщину... ханжу...

коломбе. А! въ такомъ случаѣ нечего и говорить... пускай она страдаетъ!.. Сдѣлай одолженіе, Луиза, поди скажи Жоржу, если онъ еще не ушелъ, что мое порученіе не терпитъ отлагательствъ...

луиза. Сю-минуто!...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Коломбе, г-жа де-Субиранъ.

г-жа де-Субиранъ. Какое порученіе?

КОЛОМБЕ. Извините... я посылаю его отыскать одного моего прія-теля... я назначилъ ему свиданіе въ Пале-Ройяль, у Ротонды... но когда затъжалъ туда, его еще не было... между-тѣмъ, въ нетерпѣніи скорѣй увидѣть васъ, я не могъ ждать... Я хотѣлъ просить позволенія представить его вамъ.

г-жа де-Субиранъ. Очень-рада... ваши друзья вѣкогда не могутъ быть мнѣ непріятны...

КОЛОМБЕ. Какъ вы добры... я долженъ вамъ сказать, что мой прія-тель, очень-умный, любезный и чувствительный человекъ, хоть, можетъ-быть, я дѣлаю глупость, что ввожу его въ вашъ домъ...

г-жа де-Субиранъ. Это почему?

КОЛОМБЕ. Я увѣренъ, что у меня будетъ еще новый соперникъ!

г-жа де-Субиранъ. А! вы ревнивы?.. но это не вѣроятно... при ревности трудно не видѣть такъ долго той, которую любишь...

КОЛОМБЕ. Ахъ, я былъ такъ занятъ!

г-жа де-Субиранъ. Я посылала нѣсколько разъ въ Лондонскую го-стинницу... но васъ никогда нельзя тамъ найти...

КОЛОМБЕ (*весело*). Это потому, что за мною не посылаютъ въ то время, когда я дома.

г-жа де-Субиранъ. Вы завтра будете у г-жи Лепинѣ?

КОЛОМБЕ. А она даетъ балъ?.. Буду, безъ всякаго сомнѣнія!

г-жа де-Субиранъ. Слава Богу!. Признаюсь, мнѣ чрезвычайно-уди-вительно, отчего я нигдѣ васъ не встрѣчаю... ни въ обществахъ, ни на гуляньяхъ...

КОЛОМБЕ. Это точно странно... мы, какъ нарочно, никогда не встрѣчаемся.

г-жа де-Субиранъ. Только одинъ разъ я васъ видѣла... вы слу-шали проповѣдь...

КОЛОМБЕ. Я?.. нѣтъ, вѣрно, вы ошиблись.

г-жа де-Субиранъ. О, напротивъ... я васъ тотчасъ узнала.

КОЛОМБЕ. Но когда это?.. Я что-то не помню.

г-жа де-Субиранъ. Это было... позвольте... въ тотъ самый день, когда говорили проповѣдь... о подаяніи... для одного богоугоднаго общества, въ которомъ я принимаю участіе...

КОЛОМБЕ. Какъ, вы?.. вы были тамъ, вы принимаете участіе?..

г-жа. ДЕ-СУБИРАНЪ. Чтò-жъ тутъ удивительнаго... и я была очень-довольна, увидя васъ въ этой толпѣ.

КОЛОМБЕ. Да точно... я теперь вспомнилъ... Я проходилъ мимо... и зашолъ...

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. Напротивъ... мнѣ кажется, вы были тамъ нарочно... потому-что вы вели подь руку.

КОЛОМБЕ. О, вы ошиблись...

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. Извините... вы вели подь руку какую-то пожилую даму...

КОЛОМБЕ. Ахъ, да!.. пожилую даму... точно... Я вспомнилъ.. я проходилъ мимо... и меня почти силою схватили... Ха, ха, ха!.. Такъ вы меня видѣли?.. воображаю, какъ я былъ забавенъ...

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. Нѣтъ, вы были очень серьезны...

КОЛОМБЕ. Да, я самъ хотѣлъ это сказать...

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. И это было мнѣ очень-пріятно... Привыкнувъ васъ считать шалуномъ, повѣсой... я очень была удивлена... и съ этого дня я сдѣлалась къ вамъ довѣрчивѣе... съ этого дня я стала даже вѣрить вашей любви...

КОЛОМБЕ (*съ-стороны*). Это мы примемъ къ свѣдѣнію... (*Въ-слухъ*). Какъ... не ужели вы сомнѣвались?

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. Да, немножко... я думала, что вы меня посѣщаете только для того, что можете здѣсь видѣть своихъ знакомыхъ... можете безъ стѣсненія веселиться...

КОЛОМБЕ. И вы могли думать, что слово любовь для меня игрушка...

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. Прежде, признаться, я думала такъ... Но съ того дня, какъ увидѣла въ васъ новое достоинство, я отдала вамъ полную справедливость и сдѣлалась вашей защитницей... Доказательствомъ, что это не ложь, можетъ служить Луиза, которая съ того времени стала думать...

КОЛОМБЕ. Чтò?

г-жа ДЕ СУБИРАНЪ. Я вамъ скажу это послѣ... когда-нибудь.

КОЛОМБЕ. Если эта новость пріятна... отчего-жъ не сказать сегодня?

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. Нѣтъ, она слишкомъ серьезна... лучше всего мы поѣдемъ когда-нибудь вмѣстѣ слушать того самого проповѣдника...

КОЛОМБЕ. Съ вами!.. нѣтъ, нѣтъ!

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ. Почему-же?

КОЛОМБЕ. То есть.. ха, ха, ха!.. это...

г-жа ДЕ-СУБИРАНЪ (*вынимая письмо*). Мнѣ кажется, эти бесѣды испѣляютъ насъ, успокоиваютъ нашу совѣсть... Недавно, меня при-

глашали быть участницей одного добраго дѣла... и если-бъ вы знали, какъ я этимъ довольна... посмотрите!

КОЛОМБЕ. Чтò я вижу!.. это письмо... да!.. (*Въ-сторону*). Это моя рука...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЪ. Это приглашеніе къ пожертвованію... циркуляръ...

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Это наша работа!

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЪ. Чтò-жъ вы находите въ немъ?..

КОЛОМБЕ. Я... я нахожу, что оно прекрасно написано!.. ха, ха, ха!

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЪ. Но чтò съ вами?

КОЛОМБЕ. Ничего... право, ничего... мнѣ показалось страннымъ, что вы... то-есть... я не ожидалъ, чтобъ попало къ вамъ подобное приглашеніе!.. И вы готовы подписать...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЪ. О, конечно... дѣлать добро—это наше счастье!.. Къ-сожалѣнію, я не такъ богата, чтобъ могла пожертвовать столько, сколько-бы желала... но я надѣюсь, что мои друзья примутъ участіе... напиримѣръ вы... вы, вѣрно, подпишетесь?

КОЛОМБЕ. О, съ-удовольствіемъ!.. (*Въ-сторону*). Это ужъ придется во второй разъ.

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЪ. Кто знаетъ... быть-можетъ, посреди нашихъ удовольствій, нашихъ шалостей, это доброе дѣло породить и въ васъ такія-же серьезныя мысли, какія пришли въ голову Луизъ...

КОЛОМБЕ. Опять!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ, Луиза.

ЛУИЗА. У насъ собираются ужъ гости, сударыня... Пріѣхало въ-сколько дамъ, и г. Густавъ...

КОЛОМБЕ. А! Густавъ ужъ здѣсь!

ЛУИЗА. Жозефъ спрашиваетъ васъ, сударь, сколько поставитъ бутылокъ въ ледъ.

КОЛОМБЕ. Я приду сію минуту.

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЪ. До свиданія!.. я иду къ гостямъ...

(*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Коломбе, Луиза, Жозефъ, потомъ Адольфъ.

КОЛОМБЕ (въ-сторону). Не понимаю, что она хотѣла сказать!.. (Вслушь). Луиза, послушай!..

ЛУИЗА. Извините, мнѣ некогда слушать ваши шутки.

КОЛОМБЕ. Постой на-минуту!.. Говорятъ, у тебя рождаются какія-то мысли?..

ЛУИЗА. Очень-часто!..

КОЛОМБЕ. И ты передаешь ихъ иногда твоей госпожѣ?

ЛУИЗА. Случается!..

КОЛОМБЕ. Какія-же это мысли!.. Скажи пожалуйста!..

ЛУИЗА. Да бываютъ разныя... вотъ, на-примѣръ, сегодня, предъ самымъ вашимъ прїѣздомъ, я говорила барынь!..

КОЛОМБЕ. Что? что ты говорила?..

ЛУИЗА. Что она и вы... что вы и она... какъ-будто созданы другъ для друга, и что если-бъ васъ обвѣнчать, такъ вышла-бы прекрасная парочка!

КОЛОМБЕ. Обвѣнчать!.. а моя жена!..

ЛУИЗА. Что?

КОЛОМБЕ. Что?

ЛУИЗА. Вы сказали, мол жена.

КОЛОМБЕ. Ахъ, да... я говорю, что я былъ-бы очень-счастливъ, если-бъ г-жа де-Субиранъ была моя жена!

ЛУИЗА. Такъ вотъ, сударь, какія пришли мнѣ въ голову мысли!..

КОЛОМБЕ. Чудесныя мысли!.. за нихъ стоить тебя поблагодарить!.. (Цѣлуетъ ее; въ это время показывается въ глубинѣ сцены Адольфъ).

ЛУИЗА. Перестаньте, какъ вамъ не стыдно... вѣдь сегодня не мое рожденіе!..

(Входитъ Жозефъ).

КОЛОМБЕ. Чортъ-бы тебя взял! вотъ не кстати!.. (Не видя Адольфа). Любезный Жозефъ... поставь въ ледъ десять бутылокъ... да только лучшаго шампанскаго... и верти бутылки, какъ форму съ мороженымъ... (Увидя Адольфа). Адольфъ!.. милый Адольфъ! да иди сюда! я тебя давно ожидаю. (Жозефу и Луизѣ). Ступайте, друзья мои!.. я васъ не держу!.. у васъ есть свои занятія!.. Ахъ,

Луиза... скажи Жоржу, чтобъ онъ поставилъ приборъ для г. Полиньи, подлѣ хозяйки, съ правой стороны... (*Адольфъ*). Прелестная женщина, мой другъ! вотъ ты увидишь... я буду сидѣть по лѣвую сторону... близъ ея сердца... (*Жозефу и Луизѣ*). Ступайте-же... вы мнѣ болѣе не нужны!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Адольфъ, Коломбѣ.

АДОЛЬФЪ. Я смотрю на тебя и удивляюсь... тебя трудно узнать... КОЛОМБЕ. А! это, вѣрно, потому, что здѣсь вмѣсто унынія одно удовольствіе... Да, здѣсь совсѣмъ другое дѣло!.. давай шампанскаго... разноси пуншъ... начинай вальсъ... и да здравствуетъ веселье!

АДОЛЬФЪ (*смѣясь*). Ха, ха, ха!.. но объясни, съдѣлай одолженіе... КОЛОМБЕ. Нечего и объяснять... ты приглашонъ сюда для того, чтобъ веселиться—и веселись... это разсѣтъ твои мрачныя мысли и заставитъ тебя хоть на-время забыть твою несчастную любовь... здѣсь неизвѣсты печали... здѣсь обитають одни надежды и радости!

АДОЛЬФЪ. Счастливы-же здѣсь домъ!.. Но, по-крайней-мѣрѣ, скажи, гдѣ я, у кого?

КОЛОМБЕ. У женщины самой любезной, самой обворожительной... но вмѣстѣ съ тѣмъ строгой, какъ добродѣтель... и недоступной... (*Смѣется*). Ха, ха, ха! вѣдь выдумала-же эта Луиза...

АДОЛЬФЪ. Но она меня не знаетъ...

КОЛОМБЕ. Все-равно, я тебя знаю... я тебя представлю, и дѣло съ концомъ.

АДОЛЬФЪ. Но что-жъ такое ты здѣсь?

КОЛОМБЕ. Я?.. мнѣ, любезный другъ, здѣсь недурно... даже очень-недурно... я здѣсь почти какъ дома... то есть, какъ-бы слѣдовало мнѣ быть дома.

АДОЛЬФЪ. Какъ? а твоя жена?

КОЛОМБЕ. Тише!.. здѣсь у меня нѣтъ жены!.. здѣсь я свободенъ, независимъ... Это тебя удивляетъ... такъ степененъ утромъ и такъ вѣтренъ теперь!.. во мнѣ, мой другъ, заключаются два существа... одно, скучный и несносный рабъ... это мужъ; другое, свободный, веселый человекъ, безъ жены и въ особенности безъ тещи... это существо ты видишь теперь предъ собою!

АДОЛЬФЪ. Боже мой! мнѣ казалось, что ты былъ счастливъ и дома.

КОЛОМБЕ. Да, очень-счастливъ!.. Тамъ я играю роль такого человека, каковъ оты, вѣрно, не встрѣчалъ ни въ одномъ своемъ вояжѣ... тамъ я окружонъ скукою, закованъ въ цѣпи, какъ невольникъ и не вижу даже улыбки счастья... Другъ мой! ты не можешь представить, что я перенесъ съ того дня, который люди называютъ лучшимъ днемъ нашей жизни!

АДОЛЬФЪ. Съ твоей свадьбы?

КОЛОМБЕ. Этого я не могъ сказать тебѣ дома... тамъ подсматриваютъ за каждымъ моимъ шагомъ, пошедушиваютъ каждое мое слово!

АДОЛЬФЪ. Какъ, неужели и жена твоя?

КОЛОМБЕ. Жена!.. о, если-бъ она была одна со мною, я, навѣрное, обратилъ-бы ее къ разсудку... нѣтъ, это ея мать, моя теща, которая такъ учтиво попросила тебя...

АДОЛЬФЪ. Да... это у меня на сердцѣ!

КОЛОМБЕ (смѣясь). Ха, ха, ха, бѣдный Адольфъ! теперь гляжу на твою постную физиогномію... какъ ты былъ смѣшонъ, какъ ты раскланивался... ха, ха, ха! (Перемѣняя тонъ) Да, мой другъ, я живу точно въ аду!

АДОЛЬФЪ. Но если ты имѣлъ уже несчастье такъ невыгодно жениться, за чѣмъ-же ты не предостерегъ себя отъ дальнѣйшихъ неприятностей... Теща! развѣ она такъ тебѣ необходима!.. кажется, въ Парижѣ довольно домовъ.. можно-бы было держать ее на почтительномъ разстояніи...

КОЛОМБЕ. Ты не знаешь, мой другъ, какъ люди бываютъ слабы и недалековидны въ медовый мѣсяцъ своей жизни... въ это время не видишь ничего, кромѣ настоящаго, а это настоящее такъ очаровательно... все кажется въ какомъ-то радужномъ цвѣтѣ... все нравится въ той особѣ, которую любишь... Жена моя была очень-молода, я радовался, что у нея будетъ подпора, Менторъ, и подчиняясь незаметно вѣвъ правиламъ моей тещи, этой ужасной женщины, самъ возвелъ ее на степенъ царицы въ нашемъ домѣ, и сдѣлаюся ея рабомъ. Послѣ я спохватился, хотѣлъ-было поправить дѣло, но было уже поздно... слезы, крики, наставленія, спазмы и тому подобные маневры отняли у меня всякую охоту къ спорамъ, до которыхъ, ты и самъ знаешь, я никогда не былъ охотникомъ... и чтобъ водворить миръ и тишину, я рѣшился подчиниться волѣ моей тещи... я весь принадлежу ей... она командуетъ мною, какъ солдатомъ: велитъ идти на-право, на-лѣво, и я иду... я ѣмъ, когда она прикажетъ... разсуждаю, какъ ей угодно... читаю, что она любитъ... ты скажешь, это дурно, скучно, невыносимо... но за то я живу спокойно, играю ея довѣренностью... и имѣю удовольствіе, хоть въ

душѣ своей, отправлять ее ежеминутно въ адъ, къ ея собратамъ, демонамъ... согласишься, вѣдь и это утѣшеніе!

Адольфъ. Но неужели нѣтъ никакихъ уже средствъ поправить твои обстоятельства? Ты самъ говоришь, что жена твоя сговорчивѣе... употреби надъ ней власть мужа, уговори ее, и общими силами свергни съ царства твою тещу!

Коломбе. Моя жена!.. Да, она добра и чистосердечна въ такихъ только случаяхъ, которые не выходятъ изъ предѣловъ ея мнѣній... а эти мнѣнія очень-ограниченны. Но матушка очертила ея жизнь такимъ-то таинственнымъ кругомъ и, по ея мнѣнію, за этимъ кругомъ нѣтъ ничего болѣе, кромѣ пропастей и хаоса... Она живетъ, зажмури глаза; все, что выходитъ изъ его обыкновеній — смущаетъ ее; малѣйшее разбѣжаніе ова считаетъ тяжкимъ грѣхомъ... даже не поверишь, до какой степени мнѣнія ея нелѣпы... у нея даже своя спальня, и я не имѣю права войти въ нее безъ ея позволенія... то есть, безъ позволенія моей тещи, которая располагаетъ ея поступкамъ... или лучше, безъ позволенія г. Мутонне, этого ханжи, этого правителя, и виновника всѣхъ ея страстей и занятій... этого демона нашего дома... онъ все — и ничего... онъ хозяинъ—я не имѣю никакой воли!

Адольфъ. Но это невыносимо!

Коломбе. Ужасно!.. но наконецъ я не вынесу!.. Однажды я успѣлъ ускользнуть изъ дома, не сказавъ никому ни слова... всѣ думали, что я отправился на духовную церемонію... а между-тѣмъ судьба завела меня сюда... Одинъ изъ нашихъ товарищей, ты знаешь, Боко, ввелъ меня сюда и представилъ подъ-видомъ богатаго провинціала, живущаго въ гостиницѣ Лондонъ, гдѣ я дѣйствительно нанялъ комнатку и живу свободнымъ холостякомъ. Съ-тѣхъ-поръ, куда бы меня не послали, слушать-ли поученія или по дѣламъ въ деревню, куда въ особенности довольно-часто меня отправляютъ,— я непремѣнно уже здѣсь!

Адольфъ. Такъ ты для этого пожертвовалъ и мною, сегодня утромъ?

Коломбе. Я готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобъ только отдѣлаться отъ моихъ мучителей... Скуку и страданія оставляю я дома, и отправляюсь сюда, чтобъ встрѣтить удовольствія и радости... На-примѣръ, нынѣшній день, это мой праздникъ... завтра также у меня въ виду праздникъ... балъ у другой прекрасной женщины... два праздника въ оба дня, которые я долженъ провести въ деревнѣ...

Адольфъ. Ты сумасшедшій!

Коломбе. О, ты не можешь понимать этого счастья, этихъ удоволь-

ствій, какія доставляетъ мнѣ моя хитрость... я самъ не цѣнилъ ихъ, когда не былъ женатъ... чтобъ понять сладость свободы — надобно выдти изъ темницы... чтобъ почувствовать удовольствія, чтобъ узнать счастье, — надобно провести цѣлую недѣлю съ моей женой, тещей и почтеннымъ другомъ моимъ г. Мутонне, играть съ ними въ реверси и слушать наставленія... испытай, и ты увидишь...

Адольфъ. Нѣтъ, благодарю... Такъ у тебя отрицательная смѣлость... ты вездѣ господинъ, а дома невольникъ... нѣтъ, ты слишкомъ ужъ себя унижилъ!.. ты дошелъ до того, что не смѣешь сказать слова въ пользу твоихъ пріятелей... ты позволилъ запереть двери своего дома для всѣхъ своихъ друзей и товарищей!..

Коломбе. Чтѣ-жъ дѣлать, мой другъ, я не люблю бури...
Адольфъ. Мало этого... ты жертвуешь счастьемъ своей бѣдной сестры!.. нѣтъ, она не заслуживаетъ такой участи!..

Коломбе. Я и не говорю ничего противъ этого!..

Адольфъ. Но ты могъ-бы говорить, могъ-бы однимъ словомъ составить ея счастье!

Коломбе. Однимъ словомъ!.. Я скажу тысячу — и они ни къ чему не послужатъ!.. Это не то, что здѣсь... здѣсь я говорю, смѣюсь, сколько хочу... чтѣ я ни скажу — прекрасно, чтѣ ни сдѣлаю — безподобно!.. Посмотри, на-примѣръ, сегодня, какъ мы будемъ веселиться!.. Сначала чудный обѣдъ! упонительное вино! потомъ балъ, танцы, кадрили, вальсъ!.. о, вальсъ!.. вообрази только себѣ, я, который не смѣю брать руки моей жены, я вальсирую! вальсирую, мой другъ! обнимаю талію прекрасной женщины!.. нѣтъ, я сойду съ-ума, рѣшительно, сойду съ-ума!

Адольфъ. Ха, ха, ха! ты противъ воли заставляешь меня смѣяться!..

ЯЗВЕНІЕ VII.

Адольфъ, Коломбе, Густавъ,

Густавъ. Фердинандъ! Фердинандъ!.. а! вы здѣсь не одни!

Коломбе. Да... это лучший мой другъ!

Адольфъ. Фердинандъ!.. Скажи, тебя здѣсь не называютъ Коломбе?

Коломбе. Нѣтъ... Фердинандъ... это пріятнѣе, приличнѣе... и не можетъ подвергнуть меня неприятностямъ.

Густавъ. Я только сію минуточку узналъ, что вы пріѣхали! какъ я давно васъ не видалъ! Здорова-ли ваша сестрица Полина?.. не забы-

да-ли она меня?.. Не поручила-ли вамъ сказать мнѣ что-нибудь... о, говорите, говорите...

КОЛОМБЕ. Но вы сами не даете мнѣ отвѣчать.

АДОЛЬФЪ. Извините... или я обманываюсь, или это г. Густавъ.

КОЛОМБЕ. Онъ самый!

ГУСТАВЪ. Почему вы знаете меня? кто вамъ сказалъ мое имя?

АДОЛЬФЪ. Поливал.. не пугайтесь, я не соперникъ вашъ, а другъ... она довѣрила мнѣ вашу тайну... и я очень-радъ, что увидалъ васъ... Полина васъ любить по-прежнему, и я далъ слово, что вы будете ея мужемъ!

ГУСТАВЪ. О, если-бъ вы знали, какое счастье доставляютъ мнѣ ваши слова!.. Я не знаю васъ, но вижу по вашему лицу, что вы честный человекъ.

КОЛОМБЕ. И такой-же несчастный любовникъ, какъ вы!.. между вами есть симпатія...

ГУСТАВЪ. Вы несчастный, какъ я?..

АДОЛЬФЪ. О, нѣтъ!.. васъ, по-крайней-мѣрѣ, любятъ!.. Но я никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь, съ этимъ повѣсой!..

ГУСТАВЪ. Г. Коломбе представилъ меня здѣшней хозяйкѣ, и я очень-радъ былъ этому знакомству, потому что могу видѣться съ нимъ хоть здѣсь и говорить о Полинь, которую я такъ много люблю!.. Онъ одинъ принимаетъ участіе въ моемъ несчастіи, одинъ говоритъ съ ней обо мнѣ... и защищаетъ меня предъ своими домашними...

АДОЛЬФЪ (*смѣясь*). Какъ?.. онъ?.. и вѣрно, онъ-же и рассказываетъ вамъ...

КОЛОМБЕ. Ну, ну, полно!.. мы поговоримъ объ этомъ послѣ... (*тихо Адольфу*). Сдѣлай милость, не выдай меня!.. я надѣюсь на твою скромность...

АДОЛЬФЪ (*также*). Не безпокойся... но я еще тебя побраню... (*въ-слухъ*). Не хорошо, однакожъ, что ты обманываешь свою жену, въ которой я принимаю такое-же участіе, какъ и въ сестрѣ твоей, какъ и въ васъ, г. Густавъ... это дурно...

ГУСТАВЪ. Я самъ говорилъ ему не разъ...

КОЛОМБЕ. Прочь! дайте мнѣ сегодня погрѣшить, завтра я буду на покаяніи... Ссы! вотъ хозяйка, приготовься къ моей рекомендаціи... ты увидишь, какъ принимаютъ здѣсь моихъ друзей!..

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Адольфъ, Коломбе, г-жа де-Субиранъ, Густавъ.

Адольфъ (*въ сторону*). Онъ пропащій человекъ... жаль!.. но нельзя поправить...

г-жа де-Субиранъ. Господа! что вы здѣсь дѣлаете!

Адольфъ. Боже мой! этотъ голосъ...

г-жа де-Субиранъ. Вы вамъ необходимы, г. Фердинандъ... безъ васъ ничто не ладится.

Коломбе. О, сию-минуту!.. Позвольте мнѣ представить вамъ моего друга, о которомъ я давеча говорилъ вамъ.

г-жа де-Субиранъ. Вы знаете, что ваши друзья... (*взглянувъ на Адольфа, въ сторону*). Боже мой! Адольфъ!

Адольфъ. (*Кланяется*).

Коломбе. Адольфъ Полинья, прекрасный малый, но несчастный сердцемъ... здѣсь, у васъ только, онъ надѣется забыть свои печали...

Адольфъ. Да... здѣсь, я увѣренъ, скоро забывается прошлое...

г-жа де-Субиранъ. Да... если оно неприятно!

Коломбе. Здѣсь должны мы думать только о настоящемъ!.. Но извините, я спѣшу исполнить ваше приказаніе... (*тихо Адольфу*). Не правда-ли, какъ она хороша?

Адольфъ. Да... да...

Коломбе (*Адольфу*). Надѣюсь, что здѣсь сердце твое залечитъ эту ужасную рану, которую такъ безжалостно нанесла ему твоя жестокая кокетка!

г-жа де-Субиранъ. Г. Полинья, вѣрно, придерживается философіи?

Коломбе (*Адольфу*). Да, не забудь, мой другъ; здѣсь мы все философы! (*Уходитъ*).

Густавъ (*тихо Адольфу*). Кромъ меня! я надѣюсь только на васъ!

(*Уходитъ за Коломбе*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Адольфъ, г-жа де-Субиранъ.

Адольфъ. Вы хотите сдѣлать меня философомъ!... счастливъ тотъ,

кто можетъ быть имъ... потому-что въ вашемъ обществѣ болѣе не жели гдѣ-нибудь необходима философія!

г-жа де-субиранъ. Я была увѣрена, что для продолженія послѣдняго нашего разговора, вы начнете ссорой...

Адольфъ. Извините!.. повѣрьте, если-бъ я зналъ, что меня приглашаютъ къ вамъ...

г-жа де-субиранъ. Вы ни за что-бъ сюда не явились? вѣрю!.. и надѣюсь, что вы не будете уже, какъ прежде, подсматривать за моими поведеніемъ и преслѣдовать меня подозрѣніями.

Адольфъ. О, я не имѣю уже никакого права быть ревнивымъ!

г-жа де-субиранъ. Мнѣ кажется, вы и никогда не имѣли этого права?.. Ревность можетъ родиться отъ одной любви...

Адольфъ. Итакъ, по мнѣнію вашему, я никогда не любилъ васъ?.. Да! это правда!.. Конечно, у меня было одно удовольствіе — видѣть васъ; одно желаніе — вамъ нравиться; одно счастье — встрѣчать вашъ приветливый взглядъ, услышать ласковое слово; одно бѣдствіе — лишиться васъ; конечно я готовъ былъ отдать вамъ мое сердце, имя, жизнь... но развѣ это доказательства любви!.. развѣ это любовь?.. О, нѣтъ!.. вотъ, на-примѣръ, Фердинандъ — это другое дѣло... его любовь смиренна, постоянна... въ ней нѣтъ и тѣни обмана...

г. де-субиранъ. Да, это правда!.. Фердинандъ честный человекъ... Онъ такъ уважаетъ меня, что не рѣшится мучить свою ревностью, какъ...

Адольфъ. Какъ!.. неправда-ли? да, я былъ виноватъ, что вѣрилъ вашимъ клятвамъ... вы увѣрили меня въ вѣчной, неизмѣнной любви и между тѣмъ огорчали меня ежеминутно, терзали это бѣдное сердце, которое билось только для васъ!.. и эти терзанія вознаграждали насмѣшливой улыбкой, и для чего?.. для торжества моихъ соперниковъ.

г-жа де-субиранъ. Но развѣ у васъ были соперники! Подумайте лучше, что вы сдѣлали со мною!... ваши ссоры унижали меня безпрерывно... ваша дуэль едва не обезславилла меня... и въ то время, когда объявленъ былъ нашъ бракъ, вы уехали, оставили меня на жертву насмѣшкамъ и клеветѣ... согласитесь, что всѣ эти поступки скорѣе походятъ на ненависть, чѣмъ на любовь!

Адольфъ. Я считалъ мое присутствіе наказаніемъ для васъ...

г-жа де-субиранъ. Кто-жъ вамъ это сказалъ?

Адольфъ. Я думалъ, что мы никогда не можемъ быть счастливы... и уехалъ, чтобъ забыть васъ! Къ-несчастью, я не предвидѣлъ, какъ это трудно!.. но, быть-можетъ, я достигну когда-нибудь до этого...

начало уже есть... эта неожиданная встрѣча... эти признаки вашего счастья...

г-жа де-субиранъ. Да, если только шумъ и блескъ бальной жизни можетъ доставлять счастье... такъ я дѣйствительно счастлива!... Я нашла въ Парижѣ людей, которые меня любятъ, друзей, которые мнѣ вѣрны!... я бросилась въ вихрь удовольствій, чтобъ восторжествовать надъ своими печальми, чтобъ искоренить тяжкія воспоминавія о васъ...

адольфъ. Неужели?..

г-жа де-субиранъ. Это было выше силъ моихъ, но, кажется, я достигла уже цѣли... Я позволяю порицать себя тѣмъ, кто меня не понимаетъ... лишь понималъ-бы онъ...

адольфъ (*улыбаясь*). Мой другъ, Фердинандъ!

г-жа де-субиранъ. Да, вашъ другъ... теперь я вижу, что въ дружбѣ могутъ существовать противоположности... Ему неизвѣстны ни подозрѣніе, ни ссоры; онъ не боится соперниковъ, не страшится за мою разсѣянную жизнь... онъ вѣритъ моей любви, раздѣляетъ со мною и удовольствія, и радости.

адольфъ. О, это совершенный человекъ въ мірѣ!

г-жа де-субиранъ. Я не говорю этого... Совершенство въ мужчинахъ не существуетъ!

адольфъ. Да, вы въ этомъ имѣете надъ нами преимущество.

г-жа де-субиранъ. Но онъ нравится мнѣ тѣмъ, что никогда ни въ чемъ мнѣ не противорѣчитъ... постоянно милъ, любезенъ, доверчивъ... словомъ, онъ имѣетъ все тѣ достоинства, какихъ нѣтъ въ васъ... Согласитесь, что мнѣ невозможно найти лучшаго мужа..

адольфъ (*удерживаясь отъ смѣха*). Мужа!.. Онъ будетъ вашимъ мужемъ?..

г-жа де-субиранъ. Да... если я захочу... вы сомнѣваетесь... по это-то сомнѣніе и заставитъ меня скорѣе рѣшиться..

адольфъ. Позвольте васъ поздравить...

г-жа де-субиранъ. Поздравьте лучше вашего друга... и скажите ему, что я, отдавая ему мое сердце и руку, вознаграждаю...

адольфъ. За тѣ достоинства, которыхъ нѣтъ во мнѣ...

г-жа де-субиранъ. Вы меня повяли!... (*Въ-сторону*). Я увѣрена, что онъ съ-ума сойдетъ отъ досады!... тѣмъ лучше!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тъ же, Луиза.

ЛУИЗА. Извините, что я помѣшаю вамъ сударыни... Тамъ прѣѣхали двѣ дамы...

Г-жа де-субиранъ. Чтò-жь? Проси ихъ въ залъ!..

ЛУИЗА. Онъ, изволите видѣть, не приглашены на балъ... имъ нужно о чомъ-то поговорить съ вами...

Г-жа де-субиранъ. А! сейчасъ... Г. Полинья...

АДОЛЬФЪ. Я васъ оставляю...

Г-жа де-субиранъ. Вы не будете ревновать?..

АДОЛЬФЪ (*улыбался и въ-полголоса*). О, нѣтъ... даже къ вашему мужу!..

Г-жа де-субиранъ. Г. Полинья!..

АДОЛЬФЪ (*въ сторону*). Чтò-бы ни было... я очень-радъ, что прѣѣхалъ сюда.

(*Уходитъ*).

Г-жа де-субиранъ. Какой насмѣшливый взглядъ!.. что это значить!.. (*Луиза*). Проси!.. А! это, вѣрво, наши благотворительныя дамы... онѣ не теряютъ времени...

ЯВЛЕНИЕ XI.

Луиза, г-жа де-Субиранъ, г-жа Жювенель, Агнесса.

Г-жа Жювенель. Извиняте, что мы васъ беспокоимъ... Вы должны знать, что васъ привело къ вамъ .. Вы получили нашъ циркуляръ...

Г-жа де-субиранъ. Получила...

АГНЕССА (*въ-сторону*). Она меня не видитъ.

Г-жа де-субиранъ. Очень-благодарна вамъ, что вы меня не забыли и доставили мнѣ случай къ доброму дѣлу... Но что это?... я не обманываюсь .. Агнесса!

АГНЕССА. Она меня узнала... Генриетта!

Г-жа Жювенель. Вы знаете мою дочь.

Г-жа де-субиранъ. Давно... мы были вмѣстѣ въ пансіонъ... я всегда ей удивлялась... съ самымъ юныхъ лѣтъ, она была примѣромъ необыкновенной скромности...

АГНЕССА. А помните, какъ васъ любили всѣ за вашъ умъ и веселость...

г-жа де-субиранъ. Когда я прочтала на вашемъ листѣ имя г-жи Жювенель... я сейчасъ вспомнила васъ...

Агнесса. Теперь какъ я... я не забыла, что Гевриетта съѣдалась г-жей де-Субиранъ... и была увѣрена, что вы охотно согласитесь принять участіе въ этомъ благотвореніи...

г-жа де-субиранъ. О, безъ сомнѣвіи и съ большимъ удовольствіемъ... Но что вы не сядете... Луиза!...

г-жа Жювенель. Нѣтъ, не безпокойтесь... мы заѣхали къ вамъ на минуту... и должны зайти еще въ этотъ домъ къ маркизъ д'Аркуръ...

г-жа де-субиранъ. Къ моей соседкѣ... Почтенная дама!... кажется, она не совсѣмъ любитъ свѣтскія удовольствія...

Луиза (*въ-сторону*). Ну, эта женщина, вѣрно, ужъ не похвалитъ имъ насъ!

г-жа Жювенель. Ей должны уже сказать о нашемъ пріѣздѣ... и потому намъ надобно поспѣшить...

г-жа де-субиранъ. Такъ скоро.. Ахъ, прошу васъ, оставьте здѣсь Агнессу... хоть на то время, пока вы будете у маркизы...

г-жа Жювенель. Но...

Агнесса. Маменька, позвольте...

г-жа Жювенель. Если вамъ такъ угодно...

г-жа де-субиранъ. А между-тѣмъ къ вашему возвращенію, я приготавливаю вамъ деньги, которыя жертвую я съ моими друзьями... Луиза! проводи г-жу Жювенель.

(Г-жа Жювенель уходитъ съ Луизой).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Агнесса, г-жа де-Субиранъ

г-жа де-субиранъ (*въ-сторону*). Эта г-жа Жювенель нисколько не измѣнила своей физиономіи... по-прежнему также сурова... (*Въ-слухъ*) Какъ я жалѣю, милая Агнесса, что намъ такъ мало придется побесѣдовать съ вами... Скажите, вы за-мужемъ?

Агнесса. Да...

г-жа де-субиранъ. Какъ вы говорите это печально... Я даже не знаю, поздравить-ли васъ или сожалѣть...

Агнесса. О, мой мужъ очень-добрый человекъ... я его люблю... люблю всей душой... но маменька находитъ, что онъ очень-вѣтренъ... слишкомъ привязанъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ... къ-счастью, что при добрыхъ совѣтахъ...

Г-жа де-сувиранъ. Ха, ха, ха! вы все тѣже... по-прежнему проповѣдуете...

Агнесса. И вы, кажется, по-прежнему любите смѣяться... Скажите, счастливы-ли вы, Генриетта!

Г-жа де-сувиранъ. Я... я вдова!

Агнесса. Какъ вы говорите это весело!

Г-жа де-сувиранъ. Я поплакала въ свое время о мужѣ, и довольно... Сказать вамъ по-правдѣ, онъ былъ честный человѣкъ... но постоянно скучень, сердить... и непрерывно укорялъ меня за мою веселость, за мою привязанность къ удовольствіямъ...

Агнесса. Можетъ-быть, это были непозволительныя удовольствія!

Г-жа де-сувиранъ (*смѣясь*). Развѣ балы, спектакли, общество, непозволительныя удовольствія?

Агнесса. Можетъ-быть, онъ имѣлъ причины...

Г-жа де-сувиранъ. Чтò это?... но вы сами...

Агнесса. Я вовсе не знаю этихъ удовольствій!

Г-жа де-сувиранъ. Не знаете? И это нравится вашему мужу?

Агнесса. Нѣтъ, не совѣмъ... Онъ всегда желалъ, чтобъ я взидала съ нимъ на балы... тѣмъ-болѣе, что самыя средства позволяютъ ему дѣлать мнѣ пышные варяды, покупать дорогія вещи.

Г-жа де-сувиранъ. Право?... о, да это не мужъ, а ангелъ! Какъ-бы я была счастлива съ такимъ мужемъ!

Агнесса. Ахъ, если-бъ васъ услышала маменька!... Но я очень боялась этихъ удовольствій... я чувствовала, что не могу отказать въ его желаніи, но что эта жертва будетъ мнѣ стоить большихъ усилій... Къ-счастью, ему дали понять, что подобная жизнь вовсе не прилична... съ-тѣхъ-поръ онъ совѣмъ перемѣнился... и живетъ теперь также, какъ мы...

Г-жа де-сувиранъ. Нѣтъ, я не выдержала-бы этого... мой мужъ измучилъ меня своими наставленіями, но не могъ убѣдить... онъ слѣлалъ меня несчастною, за то и самъ не былъ счастливѣе... возставая противъ моей любви къ свѣту и удовольствіямъ, онъ не замѣчалъ, что увеличиваетъ только эту страсть... и если теперь я бываю иногда вѣтрена и безразсудна... то этимъ обязана единственно ему...

Агнесса (*съ некоторымъ страхомъ*). Неужели вы позволяете себѣ?...

Г-жа де-сувиранъ. Но это ничего... я испѣлюсь, когда выйду опять за-мужъ... мнѣ нужна полпора, нуженъ другъ... теперь ужъ я выберу такого мужа, который-бы не зналъ ни злобы, ни ревности... который любилъ-бы свѣтъ и удовольствія также, какъ я... словомъ,

не походилъ-бы нисколько на перваго... и это сокровище я уже нашла.

АГНЕССА. Нашли?... и вы его любите?...
Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. Люблю-ли?... признаюсь, я въ этомъ не совсемъ еще увѣрена... но часъ тому назадъ... въ то время.. (*Движеніе Агнессы*). Вы, кажется, боитесь за меня... но не опасайтесь!... я скоро выйду за-мужъ... и тогда мы, вѣрно, будемъ видѣться чаще.

АГНЕССА. Нѣтъ, не думаю... маменька не очень-любитъ разстѣяную жизнь... Боже мой! какъ она долго не идетъ!...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. Чего вы боитесь?... я надѣялась, что вы продлите мое удовольствіе... и если-бъ не было поздно пригласить васъ на мой сегодняшній балъ...

АГНЕССА (*испугавшись*). Балъ!... у васъ бываютъ балы!...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. Каждую недѣлю...

АГНЕССА (*со страхомъ*). Прощайте!... кажется, я слышу...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. Нѣтъ... вы меня такъ не оставите... я предложу въ моемъ залѣ подписку и докажу вамъ, что и посреди нашихъ радостей, нашихъ удовольствій, присутствуетъ таже добродѣтель, какъ и у васъ...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ, АДольфъ.

АДольфъ (*въ-сторону*). Нѣтъ! ихъ веселость для меня невыносима!

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. Г. Полиньи! куда вы!

АГНЕССА. Боже мой!... это онъ!

АДольфъ. Чтѣ я вижу!... вы... вы здѣсь!

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. Чтѣ это?... вы знаете Агнессу!...

АДольфъ. Да... знаю... и признаюсь, мое удивленіе... (*Въ-сторону*). Несчастный!...

АГНЕССА. Г. Полиньи, другъ моего мужа!

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. О, послѣ этого я не удивляюсь, что строгія правила...

АДольфъ (*въ-сторону*). Чтѣ она хочетъ сказать?...

АГНЕССА (*въ-сторону*). Она, вѣрно, еще не знаетъ...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ (*тихо Агнессы*). Это одинъ изъ ревнивцевъ, котораго я нѣкогда любила... одинъ изъ несчастныхъ моихъ обожате-

лей... (*Движеніе Агнессы. Въ-слухъ*). Извините меня, мой другъ... я васъ оставлю на минуту съ г. Поливи, чтобъ пригласить моихъ гостей къ благотворенію... Надѣюсь, что въ то время, когда я буду занята добрымъ дѣломъ... онъ не рѣшится говорить слишкомъ-дурно обо мнѣ...

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Адольфъ, Агнесса,

АГНЕССА (*въ-сторону*). Строгія правила у Поливи... я этого не понимаю...

АДОЛЬФЪ. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ...

АГНЕССА. Что вамъ угодно?

АДОЛЬФЪ. Скажите, г-жа де-Субиранъ знаетъ вашу фамилію... фамилію вашего мужа?...

АГНЕССА. Моего мужа?... Нѣтъ, кажется, она не спрашивала...

АДОЛЬФЪ. Еще скажите... зачѣмъ вы здѣсь?..

АГНЕССА. Я пріѣхала съ маменькой!

АДОЛЬФЪ. Съ г-жою Жювенель?

АГНЕССА. Она въ здѣшнемъ домѣ... у одной дамы... я ее ожидаю...

АДОЛЬФЪ. Г-жа Жювенель... она сюда будетъ!... (*Въ-сторону*).

Что если она съ нимъ встрѣтится! (*Въ-слухъ*). А вашъ мужъ?

АГНЕССА. Онъ въ деревнѣ.

АДОЛЬФЪ. Въ деревнѣ! и вы увѣрены?

АГНЕССА. Да... но къ чему намъ это?..

АДОЛЬФЪ. Мнѣ издали показалось, что онъ здѣсь... совершенно его лицо, его фигура... но, вѣрно, я ошибся.

АГНЕССА. Конечно, ошиблись.

АДОЛЬФЪ. А я думалъ, что онъ воспользовался минутою свободы.. чтобъ стать въ Парижъ... и вознаградитъ себя за то тиранство, съ какимъ обращаются съ нимъ его супруга и ея матушка...

АГНЕССА. Г. Поливи!

АДОЛЬФЪ. Я говорю правду... всѣ роды тиранствъ похожи одно на другое... они дѣлаютъ насъ или несчастными людьми или лицемерами

АГНЕССА. Я васъ не понимаю.

АДОЛЬФЪ. Выслушайте же меня!... (*Въ-сторону*). Это единственное средство спастись намъ отъ бѣды. (*Въ-слухъ*). Если Ферди-

нанѣ дѣйствительно воспользовался свободою, чтобъ быть въ этомъ свѣтѣ, куда запрещонъ ему входъ вами и вашей матушкой... если онъ хотѣлъ найти удовольствіе, которое при запрещеніи получаетъ всегда въ глазахъ нашихъ большую цѣну... если, наконецъ, по милости окружающей его скуки, нашолъ вдали отъ васъ то счастье, которымъ-бы долженъ наслаждаться дома... (*Агнесса смотритъ на него*) въ такомъ случаѣ, еще слава Богу!... Фердинандъ не испортился!

АГНЕССА. Г. Полинья.. я исполняю свои обязанности...

АДОЛЬФЪ. Прекрасно! но видите, въ жизни нашей требуется кой-что и другое. Бракъ не отшельничество... ваша жизнь прилична для монастыря, но прогивна свѣту... вы съ малолѣтства привыкли къ этой жизни, какую ведете... но и у Фердинанда были свои привычки... до свадьбы своей онъ испыталъ удовольствія, разстянность... и неужели вы думаете безнаказанно лишить его всего этого? Запереть его въ своемъ домѣ? предать на съденіе вашей матушкѣ и г. Мутонне?

АГНЕССА. Г. Поливья... я не понимаю, что вы хотите сказать.... Мнѣ кажется, мужъ мой слишкомъ любитъ меня, и не можетъ жаловаться...

АДОЛЬФЪ. А кому-жъ, скажите, можетъ онъ жаловаться? вамъ?.. но сами вы то-ли для него, чѣмъ должны-бы быть?.. Послѣ того, что я видѣлъ... послѣ того, что говорилъ мнѣ Коломбе...

АГНЕССА. Какъ? онъ вамъ говорилъ?...

АДОЛЬФЪ. Да, онъ говорилъ, что вы преданная дочь... что воля вашей матушки превосходить волю вашего мужа... Конечно, у него прекрасная, молодая жена... (*Движеніе Агнессы*), Извините... я ска- залъ это не для того, чтобъ привести васъ въ смущеніе... Повто- ряю, у него прекрасная, молодая жена, которую онъ могъ бы любить страстно... съ которою-бы онъ жилъ примѣрно, если-бъ не было тутъ третьей особы, вашей матушки... Его лишили всего... до- вели до того, что даже хотятъ отнять любовь вашу... это един- ственное удовольствіе, которое замѣняетъ ему теперь все другія... но, страшитесь... удовольствія, которыхъ онъ ищетъ въ своемъ до- ма, могутъ заставить его забыть вашу любовь...

АГНЕССА. Нѣтъ, это невозможно... онъ слишкомъ-умень и че- стень .. слишкомъ-счастливъ для того, чтобъ рѣшился искать внѣ своего дома, какъ вы говорите...

АДОЛЬФЪ. Я предостерегаю только васъ... говорю вамъ объ опа- ностяхъ, которыя могутъ послужить урокомъ...

АГНЕССА. Онъ теперь въ деревнѣ... онъ думаетъ обо мнѣ... о своихъ обязанностяхъ...

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢЖЕ, Коломбе (*входитъ весело, не видя Агнессы, которая закрыта отъ него Адольфомъ*).

КОЛОМБЕ (*въ дверяхъ*). Къ столу!.. Къ столу!... Кто меня любитъ, тотъ слѣдуй за мной!.. Густавъ! Адольфы!... (*Адольфу*). Ступай же, саго шіо... взгляни, какой восхитительный видъ!..

АГНЕССА. Нѣтъ, я, вѣрно, обманываюсь... это не онъ...

КОЛОМБЕ (*поетъ*).

«Сто рабовъ приготовляи
Этотъ чудный пиръ...»

АГНЕССА (*показываясь*). Мой мужъ!

КОЛОМБЕ. Чтò это?... моя...

АГНЕССА. Фердинандъ... Фердинандъ... зачѣмъ вы здѣсь?..

КОЛОМБЕ. Извините... мой другъ... это самое и я хотѣлъ у васъ спросить...

АДОЛЬФЪ. Г-жа Коломбе пріѣхала для богоугоднаго дѣла...

КОЛОМБЕ. А! вы здѣсь для... какъ это странно... я самъ пріѣхалъ сюда, чтобъ собрать...

АГНЕССА. Нѣтъ, нѣтъ... я знаю, вы меня обманываете...

КОЛОМБЕ. О, не вѣрьте... я имѣю причины... нравственныя причины...

АГНЕССА. Я не спрашиваю васъ объ нихъ... Увезите только меня домой... ради Бога; я задыхаюсь въ этомъ домѣ... Поѣдемте!..

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢЖЕ, Густавъ и г-жа де-Субиранъ (*входитъ съ кошелькомъ, наполненнымъ золотомъ*).

Г-жа де-Субиранъ Кто это... кто хочегъ вхатъ?

ГУСТАВЪ. Я запру всѣ двери!..

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Г-жа де-Субиранъ!

АДОЛЬФЪ (*въ-сторону*). Прекрасно!... Ея только не доставало!

ГУСТАВЪ. Что я вижу! г-жа Коломбе!

АГНЕССА. Г. Густавъ!... (*Въ-сторону*). Боже мой! здѣсь я не вижу никого, кромѣ вѣтренниковъ...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ (*смотря на вѣхъ*). Но что здѣсь случилось?...

АГНЕССА. Это я... я хочу вѣхать... хочу оставить этотъ домъ.

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ. Но здѣсь, кажется, одни ваши друзья... я принесла вамъ кошелекъ, наполненный золотомъ...

КОЛОМБЕ (*г-жѣ де-Субиранъ*). Позвольте... позвольте ей вѣхать... и я...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ (*тихо Агнессѣ*). Вотъ онъ... этотъ молодой человекъ, о которомъ я вамъ говорила... который хочетъ на мнѣ жениться...

АГНЕССА. Мой мужъ!...

Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ (*смотря на Коломбе*). Ея мужъ!

КОЛОМБЕ. Выслушайте...

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ЛУИЗА, КОЛОМБЕ, АГНЕССА, Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ, Г-ЖА ДЕ-СУБИРАНЬ, АДОЛЬФЪ, ГУСТАВЪ.

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ (*Луизѣ*). Не говори никому... я вѣду...

ГУСТАВЪ. Г-жа Жювенель!

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Я умеръ!...

ЛУИЗА. Но повѣрьте, сударыня, это чистая клевета... эта старая маркиза вамъ солгала...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Оставь меня... (*Подходитъ къ Агнессѣ*). Поѣдьте, поѣдьте скорѣй!... здѣсь балъ, соблазнъ... и если-бъ ты еще знала, что мнѣ сейчасъ сказали... Боже мой! мой зять!

ЛУИЗА (*въ-сторону*). Ея зять!

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Я даже не могу ускользнуть отъ нихъ...

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Вы въ Парижъ... здѣсь!...

КОЛОМБЕ. Точно такъ... это я... я здѣсь я... (*Въ-сторону*). Какъ трудно лгать съ-глазу на-глазъ!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Но зачѣмъ... объясните-ли вы мнѣ?...

КОЛОМБЕ. Очень-обыкновенный случай... Я шолъ мимо... и проходя... вы понимаете...

АГНЕССА. Да, маменька... Ферлинадъ, проходя мимо этого дома, увидѣлъ нашу карету и зашолъ, чтобъ проводить насъ домой...

КОЛОМБЕ (*поспѣшно*). Да, именно...

АДОЛЬФЪ. (*въ сторону*). Она лжетъ... недурно!..

Г-жа Жювенель (*Агнесса*). Но отъ-чего-жъ ты такъ разстроена?.. Чтѣ я вижу! здѣсь этотъ господинъ... (*Адольфъ ей кланяется*) и Густавъ!.. да немудрено... танцоры!..

Густавъ. Да-съ... я прѣехалъ... я такъ счастливъ... (*Въ-сторону*). Не знаю, чтѣ и сказать...

Адольфъ. (*въ-сторону*). Трусъ!..

Г-жа Жювенель. Какія все счастливыя встрѣчи... и мой зять... Коломбе (*г-жѣ де-Субиранъ*). Вамъ, можетъ-быть, странно, что я... противъ ожиданія.., но если все объяснить... надѣюсь, что вы меня простите...

Г-жа де-Субиранъ. За чтѣ?.. я очень-рада, что случай доставилъ мнѣ удовольствіе увидѣть мою милую Аггессу и познакомиться съ ея мужемъ... (*Тихо Адольфу*). Какъ это дурно... скрыть отъ меня...

Г-жа Жювенель. Фердинандъ, поѣдмте .. мы мѣшаемъ только г-жѣ де-Субиранъ... вспомните, у нея сегодня балъ... балъ постомъ...

Г-жа де-Субиранъ. Вы забыли вашъ кошелекъ... вы найдете въ немъ наши пожертвованія... надѣюсь, что несчаствіе не откажется отъ него...

Адольфъ (*вложивъ золотую монету*). Присовокупите и мою долю... а вы, г. Густавъ...

Густавъ. Съ удовольствіемъ... примите и отъ меня... быть-можетъ, это принесетъ счастье...

Адольфъ (*смотря на всѣхъ*). Не вамъ одному, а намъ всѣмъ!

Коломбе (*въ-сторону*). Я возвращусь чрезъ минуту, и узнаю...

Агнесса. Фердинандъ!

Г-жа Жювенель. Г. Коломбе!.. дайте руку вашей женѣ...

Г-жа де-Субиранъ (*тихо Адольфу*). Оставайтесь!

(Луиза, улыбаясь, подаетъ шляпу г-ну Коломбе, котораго уводитъ Агнесса. Адольфъ смотритъ на г-жу де-Субиранъ, на лицъ которой замѣтно смущеніе, и цѣлуетъ ея руку. Густавъ кланяется г-жѣ Жювенель, которая глядитъ на него съ презрѣніемъ. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та-же декорация, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Полина (*одна*). Все конечно... Братецъ меня совершенно оставил!.. Агнесса заперлась въ своей комнатѣ... и Адольфъ навсегда оставилъ насъ!.. Кто теперь защититъ меня?.. Надобно быть большому чуду, чтобъ не состоялась моя свадьба!.. Боже мой, Боже мой?.. и я должна быть женою племянника г. Мутонне!.. что мнѣ дѣлать! какъ спастись отъ такого несчастія!.. Еслибъ, по-крайней-мѣрѣ, былъ здѣсь Густавъ... онъ, навѣрное, утѣшилъ-бы меня... но мнѣ не суждено болѣе его видѣть!

ЯВЛЕНІЕ II.

Полина, Адольфъ.

Адольфъ. Неужели я долженъ буду воевать съ цѣлымъ домомъ... (*Увидя Полину*). Полина.

Полина. Г. Адольфъ!.. Сама небо посылаетъ васъ!.. Но какъ вы рѣшились пріѣхать къ намъ, послѣ того, что происходило вчера?..

Адольфъ. О, это необыкновенный случай!.. впрочемъ нашъ братъ, морякъ, не боится такихъ бурь... Скажите лучше, что здѣсь происходило послѣ моего отъѣзда?..

Полина. Превудивительныя вещи!.. просто, я ничего не понимаю!

Вчера вечеромъ братецъ, вмѣсто того, чтобъ быть въ деревнѣ, вдругъ явился съ нашими дамами... Агнесса сказала, что она ни за что не пуститъ его туда... чрезъ это произошла у нея небольшая ссора съ матушкой... это еще первая...

Адольфъ. Прекрасно!.. надобно когда-нибудь быть началу... потомъ?

полина. Потомъ Агнесса, вся въ-слезахъ, ушла въ свою комнату и увела съ собою Фердинанда, который былъ что-то не въ духъ.

Адольфъ. Неблагодарный!

полина. Г-жа Жюневель осталась играть въ пикетъ съ г-мъ Мутонне, и была весь вечеръ очень-зла! Чтò до него, то онъ изволилъ скушать полную тарелку пирожковъ, выпилъ пять или шесть стакановъ сахарной воды, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько наставленій... а когда я уходила спать, у нихъ завязался очень-жаркой споръ... за то я была, противъ обыкновенія, очень-весела и счастлива, потому-что при спорахъ меньше занимаютъ мною, да и самый этотъ шумъ какъ-то занимательнѣе для меня... это показалось мнѣ новостью... точно, какъ будто случилась у насъ какая-нибудь перемена.

Адольфъ. Чтò-же было сегодня... утромъ?..

полина. Агнесса сегодня ужъ не такъ печальна!.. только въ то время, когда не было дома брата... онъ уезжалъ раза три...

Адольфъ. Знаю...

полина. А, вы знаете... я замѣтила въ ней какое-то безпокойство...

Адольфъ. Браво...

полина. Она написала записку...

Адольфъ. Я получилъ ее...

полина. Въ?..

Адольфъ. Далѣе... чтò-же матушка?..

полина. О, она провела очень-дурно всю ночь... и сегодня все бранится... сию минуту она сказала мнѣ, что моя свадьба рѣшена, и чтобъ назначить день, мы обѣдаемъ сегодня у сестры г-на Мутонне, матери моего жениха...

Адольфъ. Который не будетъ вашимъ мужемъ!

полина. Можетъ-ли быть?..

Адольфъ. По-крайней-мѣрѣ, я надѣюсь... я явился сюда, чтобъ во-дворить у васъ миръ и счастье...

полина. Ахъ, г. Адольфъ, какъ вы добры! Богъ наградитъ васъ за это!.. но мнѣ кажется, вамъ будетъ стоить большихъ трудовъ.

Адольфъ. Это правда... и потому вы должны мнѣ помогать...

полина. О, отъ всего сердца!.. говорите, чтò я должна дѣлать?

Адольфъ. Повиноваться мнѣ во всемъ безпрекословно... и для на-

чала... когда принесутъ вамъ бальное платьѣ, которое должно уже быть здѣсь, тотчасъ-же надѣть его.

полина. Бальное платьѣ!.. Боже мой! да такихъ чудесъ у насъ еще никогда не случалось!.. до-сихъ-поръ если я и танцовала, такъ только сама съ собой, противъ зеркала!.. а болѣе нигдѣ!

адольфъ. Ну, такъ вы будете танцовать съ однимъ человѣкомъ, котораго вы любите!

полина. Съ Густавомъ!..

адольфъ. Какъ вы гадливы!

полина. О, вы обманываете!.. Ну, можно-ли говорить такія вещи!.. это не хорошо!

адольфъ. Я вамъ говорю, вы будете танцовать съ нимъ.

полина. Но когда-же?..

адольфъ. Сегодня вечеромъ...

полина. Гдѣ?

адольфъ. Здѣсь!

полина. Ну, видите!.. вѣдь вы смѣетесь надо мной! Можетъ-ли это быть?

адольфъ. Трудно... это правда... но очень-возможно... мы моряки упрямы... если намъ придетъ что въ голову, такъ ужъ мы поставимъ на своемъ!

полина. То-есть, вы человѣкъ съ характеромъ... это прекрасно!

адольфъ. Я далъ слово, что другъ мой Фердинандъ будетъ счастливъ...

полина. Вы дали слово?.. кому-же?

адольфъ. Это мой скрегъ... я далъ слово и исполню!.. я обещалъ, что г-жа Коломбе дастъ своему мужу балъ... и этотъ балъ состоится!

полина. И, вѣрно, его откроетъ г-жа Ювенель?

адольфъ. Очень можетъ-быть... особенно, если ей придется танцовать съ г-мъ Мутонне...

полина. Нѣтъ, что хотите—я не повѣрю этому до тѣхъ-поръ, пока не увижу собственными глазами...

адольфъ. Ну, такъ-обернитесь, и для начала взгляните на вашего кавалера!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Густавъ, Полина и Адольфъ.

полина. г. Густавъ!

густавъ. Полина! милая Полина! наконецъ, я васъ вижу!..

полина. Я едва вѣрю... вы здѣсь, у насъ... Боже мой, какъ давно!..

густавъ. Нѣтъ, я видѣлъ васъ нѣсколько разъ... когда вы отпра-
влялись съ вашими родными на богомолье, я прятался за колонной
и издали любовался вами...

полина. Видите... а они говорятъ, что у него нѣтъ правилъ...

густавъ. И вы меня еще любите? не-смотря на то, что племянникъ
г. Мутона...

полина. На-зло ему, я еще больше... еще больше думаю объ васъ!..
и вы не боитесь быть здѣсь?

густавъ. Мнѣ бояться!.. когда я вижу васъ... о, теперь я никого не-
стрѣшусь... готовъ на все!..

адольфъ. Вотъ г-жа Жювенель!..

(Полина и Густавъ хотятъ убѣжать, но Адольфъ ихъ удержи-
живаетъ).

адольфъ. Оставайтесь, мой герой!.. и чтобъ опять не обратились вы
въ бѣгство отъ дѣйствительнаго появленія вашихъ непріятелей, по-
спѣшите рассказать мнѣ, что вы успѣли сдѣлать?..

густавъ. Приказанія ваши исполнены въ точности... ваши пригла-
шенія разосланы еще вчера... все будетъ готово не далѣе, какъ че-
резъ часъ... и вы увидите, какой будетъ у васъ прекрасный балъ!

полина. Балъ! такъ это точно справедливо?

адольфъ. А вы все еще мнѣ не вѣрили?..

полина. О, нѣтъ, нѣтъ... теперь я вѣрю всему... вы такъ хорошо
начали...

густавъ. Вы не откажетесь танцевать со мною первую кадрили?

полина. Я готова танцевать съ вами всѣ...

адольфъ. А мороженое?

густавъ. Заказано.

адольфъ. Музыка?

густавъ. Будетъ та самая, подъ которую танцовали мы вчера у
г-жи де-Субиранъ.

полина. Танцовали!.. какъ, вы танцовали!.. безъ меня!.. въ то вре-
мя, когда я такъ сучала...

густавъ. Ахъ, Полина! я танцовалъ съ отчаянія... думая о васъ!

адольфъ. Да, дѣйствительно!.. Онъ этимъ не дѣлалъ ничего дур-
наго... онъ только утѣшалъ себя!... А видѣли-ли вы сегодня г-жу де-
Субиранъ?

густавъ. Да! я и забылъ... вотъ ей отвѣтъ.

адольфъ. Дайте скорѣе! (Беретъ у Густава записку и читаетъ).

густавъ. Отправляясь къ ней, я встрѣтился съ Фердинандомъ...

онъ былъ, просто, въ отчаяніи... вообразите, она его не приняла!
полина. Братца!

Адольфъ (*читая*) Да, это правда!.. прекрасно! безподобно! Она
общается сдержанно, если я сдержу свое!.. хоть мое обещаніе
труднѣе... но я исполню его, исполню непременно!.. или я не
Адольфъ Полинѣ!

густавъ. Фердинандъ хочетъ сегодня быть на балу у г-жи Ле-
пине...

Адольфъ. Нѣтъ, этому не бывать!.. мы примемъ всѣ мѣры!

полина (*уидя Агнессу*). Ахъ, Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ IV.

тѣ-же, и Агнесса.

Агнесса. Нѣтъ, его еще не видать... Гдѣ Полина?.. Ахъ г. Густавъ!
густавъ. Г-жа Коломбе!.. извините... я надѣлся... это угодно бы-
ло г-ну Адольфу...

Адольфъ. Вы, вѣрно, насъ простите... меня привела сюда дружба, а
его нѣчто болѣе!..

Агнесса. Но я страшусь...

Адольфъ. Не бойтесь ничего... мнѣ нужно поговорить съ вами о
весьма-важномъ дѣлѣ... о вашемъ супругѣ!..

Агнесса. О моемъ мужѣ!.. Полина, подите... тамъ принесли вамъ
картону...

полина. Мнѣ?..

Адольфъ (*тихо*). Это ваше бальное платье!.. (*Густаву*). Не за-
будьте, что мнѣ нужны кавалеры для танцевъ... вы-бы позабо-
тились!..

густавъ. Будьте покойны... они лягутся!.. Прощайте, Полина... до
вечера!

полина. До вечера... ахъ, какъ мнѣ будетъ весело!

Агнесса (*смотря имъ въ слѣдъ*). Чтѣ она говорить?

(*Густавъ уходитъ въ среднюю дверь, Полина на-право*).

ЯВЛЕНИЕ V.

АДОЛЬФЪ И АГНЕССА.

АДОЛЬФЪ. Она говорить, что сегодня вечеромъ здѣсь будетъ балъ!

АГНЕССА. Чтò!..

АДОЛЬФЪ. Извините... я немного поторопился... но нельзя было терять времени... опасность наша одинакова... и собственная польза должна соединить насъ.

АГНЕССА. Чтò вы хотите сказать?.. я васъ не понимаю!

АДОЛЬФЪ. Вчерашнее происшествіе у г-жи де-Субиранъ должно пояснить вамъ мои слова... и если вѣрить тому, что вы мнѣ писали сегодня утромъ...

АГНЕССА. О, говорите тише... я такъ несчастна!.. Я теперь боюсь всего... вижу во всемъ опасность... сомнѣнія мучать меня!.. и, если вѣрить тому, что вы мнѣ сказали...

АДОЛЬФЪ. Чтò-же это?.. не тò-ли, что препятствія увеличиваютъ цѣну удовольствій?.. Да! вспомните, что съелъ запрещенный плодъ, и вы согласитесь со мною, вы увидите, почему и вашъ супругъ не можетъ выдержать искушенія...

АГНЕССА. Мой мужъ!.. о я знаю... вы одни причиною всѣхъ его предосудительныхъ поступковъ!.. До пріѣзда вашего въ Парижъ...

АДОЛЬФЪ. Вы подозреваете меня... меня!.. тогда, какъ я огорчонъ не менѣ васъ его поведеніемъ!.. Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь!.. не я причиною его предосудительныхъ поступковъ, а эта строгая жизнь, на которую онъ былъ осужденъ вами... Я другъ его... и по долгу этой дружбы, хочу обратить его къ священнымъ обязанностямъ супруга!.. Вы не знаете еще всего! Г-жа де-Субиранъ, которую онъ такъ ужасно обманывалъ, которая такъ была къ нему доверчива и видѣла уже въ немъ будущаго своего мужа... (*Движеніе Агнессы*) слишкомъ-близка къ моему сердцу!.. я люблю эту женщину! да, люблю!.. Вы можете судить о положеніи Фердинанда по тѣмъ опасностямъ, которыхъ не могъ избѣжать я... Меня ужасало ея кокетство, я далъ слово не видѣть ее... и вчера, при первой встрѣчѣ, снова любовь и ревность возвратились въ мое сердце... и въ этомъ сердцѣ снова ожива та же страстная любовь, для которой я хотѣлъ посвятить ей всю мою жизнь!.. Вѣрите-ли вы послѣ этого,

чтобъ я помогаль Фердинанду обманывать васъ?.. чтобъ я управляль его поступками, его удовольствіями?

АГНЕССА. Но отъ-чего-же я нашла васъ тамъ... вмѣстѣ съ нимъ?

АДОЛЬФЪ. Это объяснить вамъ нетрудно.. здѣсь, покорный какъ рабъ, пожертвовавъ своей волею для спокойствія, онъ не могъ видѣть меня... и я долженъ былъ найти его въ чужомъ домѣ, гдѣ окружають его удовольствія, гдѣ предупреждаются всѣ его желанія!.. Казалось, сама судьба завела меня туда, чтобъ спасти и мое и ваше достояніе! Да, эта встрѣча должна послужить намъ вѣсьмъ урокомъ, и теперь мы вполне можемъ быть счастливы, если только г-жа де-Субиранъ, увидя свое заблужденіе, закроетъ двери своего дома для безумной страсти, которая едва ее не погубила... и если вы откроете свой домъ для удовольствій, которыя возвратятъ вамъ сердце вашего мужа!

АГНЕССА. Его сердце?.. Но развѣ оно не принадлежитъ мнѣ?

АДОЛЬФЪ. Да! вы едва его не лишились... Еще сегодня утромъ я опасался, чтобъ оно не было совсѣмъ потеряно...

АГНЕССА. Сегодня утромъ!

АДОЛЬФЪ. Какъ вы думаете, гдѣ онъ былъ въ десять часовъ?

АГНЕССА. У обѣдни?..

АДОЛЬФЪ. Не думаю!.. а въ одиннадцать?

АГНЕССА. Въ собраніи?

АДОЛЬФЪ. Не думаю!.. а въ два часа?

АГНЕССА. У г. Мутона?

АДОЛЬФЪ. Не думаю!..

АГНЕССА. Боже мой! гдѣ-же онъ былъ?

АДОЛЬФЪ. Въ девять часовъ онъ ѣздилъ къ той, которую такъ жестоко обманулъ... но она его не приняла... въ одиннадцать затасилъ меня завтракать къ Везуру, гдѣ всѣ наставленія мои и совѣты изволилъ орошать шампанскимъ!.. въ два часа былъ онъ у г-жи Лепиве и просилъ ее замолвить за него слово г-жѣ де-Субиранъ!..

АГНЕССА. Кто эта г-жа Лепиве?

АДОЛЬФЪ. Свѣтская дама... она даетъ сегодня балъ, на которомъ долженъ быть и Фердинандъ!

АГНЕССА. Онъ не поѣдетъ!

АДОЛЬФЪ. Напротивъ, поѣдетъ! онъ такъ любитъ танцы!

АГНЕССА. Неужели онъ танцуетъ?..

АДОЛЬФЪ. И прекрасно танцуетъ... особенно вальсъ... онъ его любитъ безъ ума!

АГНЕССА. Мой мужъ вальсируетъ!

АДОЛЬФЪ. И г-жа де-Субиранъ тоже... къ-несчастью!

АГНЕССА. Но, г. Полинъ...

АДОЛЬФЪ. Но, г-жа Коломбе... вы видите, что нашъ союзъ необходимъ... дѣло идетъ о нашемъ общемъ спокойствіи... и мы должны употребить все мѣры, чтобъ обратить вашего мужа на путь истинный... я боюсь только, не опоздали-ли мы...

АГНЕССА. Но скажите, что я должна дѣлать? какія средства принять?..

АДОЛЬФЪ. Я ужъ думалъ объ этомъ... Прежде всего, вамъ надобно отказаться отъ этой строгой, монотонной жизни, которая угрожаетъ вамъ ежеминутной опасностью и несчастьемъ!.. Въ свѣтъ есть удовольствія, которыя не противны ни нравственности, ни добродѣтели... ни даже нашей религіи... которыхъ требуетъ благоразуміе и политика... эти удовольствія необходимы для нашей домашней жизни... они дѣлаютъ ее пріятнѣе и облегчаютъ исполненіе нашихъ обязанностей... они доставляютъ средство отцу семейства удержать при себѣ сына, котораго увлекаютъ другія приманчивыя наслажденія отъ его нѣжнаго надзора... это-же должна дѣлать и молодая жена, которой угрожаетъ опасность потерять сердце своего мужа... этимъ-же я посоветую воспользоваться и самому Фердинанду, когда онъ увидитъ хоть тѣнь удынія на вашемъ лицѣ... когда подозрѣнія его найдутъ хоть признакъ скуки въ вашемъ чистомъ сердцѣ!.. Скука! вы еще не знаете всѣхъ ужасовъ этого слова... скука!.. это смертельный ядъ для семейной жизни... она не щадитъ ни любви, ни дружбы, она ослабляетъ чувство добродѣтели, заставляетъ забывать нашъ долгъ... Скука! она жестока, какъ пытки!.. вы найдете ее вездѣ... подъ благовидной наружностью г. Мутоше... въ правоученіяхъ матери семейства... въ холодности скромной жены... и въ этомъ непрерывномъ реверси... и въ этихъ бесполезныхъ наставленіяхъ... и въ этихъ обязанностяхъ, которыя такъ унизительны въ ледяной набожности и такъ легки, такъ пріятны для скромной добродѣтели! Скука, это непримиримый врагъ нашей жизни!.. для нея путь нигдѣ преградъ... закройте дверь, она войдетъ въ окно... берегитесь, чтобъ не поступилъ также и вашъ мужъ!..

АГНЕССА. Боже мой!.. что вы мнѣ сказали... я никогда не могла думать... Но что-жъ я въ силахъ сдѣлать?.. Если онъ не любитъ меня болѣе... если онъ бѣжитъ изъ этого дома?..

АДОЛЬФЪ. Не любите васъ!.. развѣ это возможно!.. Бѣжать изъ этого дома! но онъ долженъ остаться въ немъ съ радостью!.. И для того-то необходимо, чтобъ этотъ домъ былъ для него пріятнѣе, чѣмъ до-сихъ-поръ... необходимо, чтобъ въ обществѣ своей милой жены онъ находилъ дружбу, которую удалили отсюда нестерпимая

правоученія... находилъ удовольствія, которыхъ немилосердная власть заставила его искать въ другомъ мѣстѣ!.. И эту дружбу, эти удовольствія, онъ найдетъ здѣсь, у васъ, сегодня-же вечеромъ...

АГНЕССА. Сегодня!

АДОЛЬФЪ. Да, если вы не хотите, чтобъ онъ выскочилъ въ окно и не убѣжалъ къ г-жѣ де-Субиранъ!

АГНЕССА. Нѣтъ... нѣтъ... все, что вы хотите... только-бы онъ не былъ у ней!

АДОЛЬФЪ. Этого и я желаю... сознаюсь, я въ этомъ случаѣ эгоистъ!.. Всѣ его друзья и товарищи, о которыхъ онъ такъ жалуетъ и которые остались ему вѣрны... всѣ они лягутъ сюда вечеромъ на балъ... и этотъ балъ даете вы... эти друзья приглашены мною отъ вашего имени...

АГНЕССА. Здѣсь будетъ балъ!.. но подумали-ли вы?

АДОЛЬФЪ. Думаю... думалъ... и все сообразилъ!.. Времени нельзя было терять и, какъ видите, я его не потерялъ! Всѣ приказанія отданы... теперь одно слово ваше, и чрезъ минуту все будетъ готово!

АГНЕССА. Балъ! здѣсь!.. Боже мой! но куда-жъ я скроюсь!

АДОЛЬФЪ. Куда?.. Вы явитесь въ вашъ залъ... чтобъ принимать гостей... чтобъ, въ глазахъ вашего мужа, затмить собою всѣхъ другихъ дамъ, которыя какъ-бы ни были прекрасны, но не могутъ имѣть той прелести, того чистосердечія и доброты, какими надѣлила васъ природа!.. Повѣрьте, если всѣ эти достоинства пріятно видѣть въ васъ другимъ, то мужу должно быть вдвое пріятнѣе...

АГНЕССА. Но это невозможно!.. моя маменька...

АДОЛЬФЪ. Но вы, кажется, у себя, дома... вы здѣсь хозяйка... и никто не заставляетъ ее остаться на нашемъ праздникѣ... Если будетъ необходимость, ее можно даже будетъ попросить... (*Въ сторону*). Какъ вчерашній день меня!..

АГНЕССА. Нѣтъ, нѣтъ... невозможно!.. я не могу быть на этомъ балу...

АДОЛЬФЪ. Такъ вы рѣшительно...

АГНЕССА. Во-первыхъ ужъ взять то, что у меня нѣтъ бального платья...

АДОЛЬФЪ. О, если вы заговорили о бальныхъ платьяхъ, такъ мы еще можемъ надѣяться...

АГНЕССА. Нѣтъ, что хотите, я не могу...

АДОЛЬФЪ. Въ такомъ случаѣ, нечего и говорить... теперь, если и случится какое-нибудь несчастіе...

ЯВЛЕНИЕ VI.

АГНЕССА, АДольФЪ, КОЛОМБЕ.

КОЛОМБЕ (за кулисами). Не угодно-ли вамъ, г. Мутонне, пройти къ матушкѣ...

АДОЛЬФЪ (въ-сторону). Вотъ и онъ! (Въ-слухъ). Фердинандъ! милый Фердинандъ! поди сюда...

КОЛОМБЕ (не видя Агнессы). Адольфъ!.. ты здѣсь!.. и не бойся... Скажи, ты не позавтракалъ-ли сегодня въ другой разъ, и по моему примѣру, не захватилъ-ли бодрости у вдовы Клико?

АДОЛЬФЪ. Да, да... Послушай!.. въ которомъ часу ты ѣдешь сегодня къ г-жѣ Лепинѣ?

КОЛОМБЕ. Въ восемь часовъ!

АГНЕССА. Какъ? вы ѣдете къ г-жѣ Лепинѣ?..

КОЛОМБЕ (оборачиваясь, въ-сторону). Моя жена!.. (Въ-слухъ). Лепинѣ... я не знаю никакой г-жи Лепинѣ... я не понимаю, о комъ ты спрашиваешь, мой другъ?.. (Въ-сторону). Онъ, просто, съ-ума сошолъ!

АДОЛЬФЪ. Ну, къ чему притворяется!.. всѣ знаютъ, что г-жа Лепинѣ прекрасная женщина... что у нея собирается лучшее общество...

КОЛОМБЕ. Конечно, общество отличное!..

АГНЕССА. Такъ вы ее точно знаете?

КОЛОМБЕ. Я?.. о, нѣтъ... я не говорю этого...

АДОЛЬФЪ. Помилуй! да не ты-ли самъ звалъ меня съ собою къ ней!

КОЛОМБЕ. Къ ней? вотъ это неподобно!..

АДОЛЬФЪ. Ну, къ чему ты лжешь?.. право, напрасно... твоя супруга знаетъ все... не бойся, здѣсь нѣтъ матушки...

КОЛОМБЕ. Въ-самомъ-дѣлѣ, чего я боюсь!.. Ну, да... это правда... я ѣду къ г-жѣ Лепинѣ... я далъ ей слово...

АГНЕССА. Нѣтъ, я не позволю... я не хочу, чтобъ вы къ ней ѣхали!.. Насъ ждетъ къ обѣду сестра г-на Мутонне... мы проведемъ вечеръ у нея...

АДОЛЬФЪ (смѣясь). И будете играть въ реверси съ г. Мутонне...

КОЛОМБЕ. Да, нечего сказать, пріятное удовольствіе!.. Нѣтъ, ужъ если скучать, такъ лучше я поѣду въ деревню!

АДОЛЬФЪ. Какъ вчера!.. Полно, мой другъ! будь откровененъ, не обманывай свою жену!..

КОЛОМБЕ. Развѣ я обманываю... я тду въ деревню...

АГНЕССА. Нѣтъ... вы, вмѣсто деревни, поѣдете къ этой дамѣ!

АДОЛЬФЪ. Это ясно!

КОЛОМБЕ. Ну, что-жь, если и такъ... ну, поѣду!..

АГНЕССА. Чтобъ встрѣтиться тамъ съ г-жой де-Субиранъ!

КОЛОМБЕ. Нѣтъ, она тамъ не будетъ.

АДОЛЬФЪ. Будетъ!

КОЛОМБЕ. Нѣтъ!

АДОЛЬФЪ. Будетъ!.. я приглашонъ быть ея проводникомъ!

АГНЕССА. Вотъ видите!

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Не понимаю, что случилось съ этимъ сумасшедшимъ!.. онъ рѣшительно рѣжетъ меня...

АГНЕССА. Нѣтъ, вы не поѣдете! я васъ не пушу!.. я не отожду отъ васъ ни на шагъ!

АДОЛЬФЪ. Ужь это, просто, тиранство!

КОЛОМБЕ. Нестерпимое тиранство!.. Я не въ-силахъ болѣе переносить!.. меня убьетъ эта ужасная скука...

АДОЛЬФЪ (*тихо, Агнессѣ*). Скука!.. слышите!

КОЛОМБЕ. Что это въ-самомъ-дѣлѣ!.. Я самъ себя господинъ! у меня есть своя воля!.. Если я захочу ѣхать къ г-жѣ Лепинѣ, такъ и поѣду къ г-жѣ Лепинѣ! Я не хочу сидѣть въ тюрьмѣ!.. я не позволю, чтобъ меня терзали, какъ преступника!..

АГНЕССА. Но, мой другъ...

КОЛОМБЕ. Я поѣду на балъ... поѣду непременно, хоть-бы пришлось выскочить въ окно!

АДОЛЬФЪ. (*Агнессѣ*). Слышите!.. что я вамъ говорил!

АГНЕССА. Такъ вы ѣдете на этотъ балъ, чтобъ увидѣть г-жу де-Субиранъ!..

КОЛОМБЕ. Да, тду на этотъ балъ, чтобъ увидѣть г-жу де-Субиранъ!

АДОЛЬФЪ (*въ-сторону*). Онъ помѣшался!

АГНЕССА. И вы хотите на ней жениться?

КОЛОМБЕ. Хочу на ней жен... что?.. что я сказалъ?..

(*Адольтъ начинаетъ хохотать*).

АГНЕССА (*тихо Адольту*). Г. Поиньи!.. дѣлайте, что хотите!.. я согласна на все... только-бы онъ остался!

АДОЛЬФЪ (*въ-сторону*). Наша взяла!

КОЛОМБЕ (*прохаживаясь съ торжествомъ*). Чортъ возьми!..

я покажу имъ себя!.. я докажу имъ все!.. (Толкаетъ ногой стулъ, и въ это самое время, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ 2-жою Жювенель, останавливается въ изумленіи).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, г-жа Жювенель, Мутонне.

г-жа Жювенель. Чтò это значить, Фердинандъ?.. чтò здѣсь случилось?..

КОЛОМБЕ. Ничего, матушка... я поставилъ на мѣсто стулъ...

г-жа Жювенель. Я побѣду впередъ, Агнесса... а г. Мутонне (*увидя Адольфа*). Ахъ, вы здѣсь...

АДОЛЬФЪ (*кланяясь*). Позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ почтеніе...

г-жа Жювенель. Г. Мутонне дождется тебя, Агнесса, и Полину... вы тоже, Фердинандъ, побѣдете съ ними...

КОЛОМБЕ. Но, матушка... я...

АДОЛЬФЪ. Бѣдный Фердинандъ! онъ нездоровъ... и по-неволѣ долженъ остаться дома...

г-жа Жювенель. Г. Полины...

АДОЛЬФЪ (*кланяясь*). Г. Жювенель!..

МУТОННЕ. Г. Коломбе нездоровъ?.. этого однакожь незамѣтно по его лицу!..

КОЛОМБЕ. Лицо мое обманываетъ васъ, г. Мутонне... я чувствую себя что-то очень-дурно...

АДОЛЬФЪ. Сію минуту онъ говорилъ это и г-жѣ Коломбе...

АГНЕССА. Да... точно... онъ мнѣ говорилъ...

АДОЛЬФЪ. Ему надобно лечь въ постель... не правда-ли, г-жа Коломбе?..

АГНЕССА. Да... дѣйствительно... надобно!..

МУТОННЕ. Но помилуйте! вы должны обѣдать съ нами...

КОЛОМБЕ. Нѣтъ, добрый г. Мутонне... я былъ-бы пренепріятнымъ гостемъ... Сдѣлайте одолженіе, извините меня предъ вашей сестрицей... я очень-нездоровъ... мнѣ непременно пужно полежать...

МУТОННЕ. Какъ, г. Коломбе?

г-жа Жювенель. Фердинандъ!

КОЛОМБЕ. Да... я пойду, лягу...

(Уходитъ).

г-жа Жювенель. Агнесса, поди, вороти твоего мужа... я поѣду съ нимъ сама...

АГНЕССА. Но онъ нездоровъ, маменька!

МУТОННЕ. Не троньте его! пускай онъ остается, если ему такъ угодно... Мы отправимся безъ него...

г-жа Жювенель. Агнесса! повъзжай-же съ г. Мутонне...

АДОЛЬФЪ. Я увѣренъ, что г-жа Коломбе слишкомъ любитъ своего мужа, и не рѣшится оставить его въ такую минуту!..

г-жа Жювенель. Чтò такое?

АДОЛЬФЪ. Чтò прикажете?

АГНЕССА. Точно, маменька, г. Полинья говоритъ правду... обязанность моя требуетъ, чтобъ я осталась съ Фердинандомъ... Сдѣлайте одолженіе, г. Мутонне, извините меня предъ вашей сестрицей.. согласитесь, могу-ли я ѣхать къ ней, когда меня такъ беспокоитъ положеніе Фердинанда?..

г-жа Жювенель. Агнесса!

АГНЕССА. Нѣтъ, чтò хотите... я никакъ не могу ѣхать!

(Уходитъ).

МУТОННЕ. Г-жа Коломбе!.. (Адольту, съ гнѣвомъ). Это, вѣрно, вамъ угодно...

АДОЛЬФЪ. Какъ? вы хотите, чтобъ я ѣхалъ съ вами, г. Мутонне?

МУТОННЕ. Чтò?..

АДОЛЬФЪ. Но, право я не могу... сдѣлайте одолженіе, извините меня предъ вашей сестрицей... я ѣду сегодня на балъ!

г-жа Жювенель. Безподобно!.. повъзжайте-же скорѣе, не опоздайте! Желаю вамъ всевозможныхъ удовольствій...

АДОЛЬФЪ. Покорнѣйше васъ благодарю... но я не уѣду прежде, пока не узнаю о положеніи нашего больного...

(Садится).

г-жа Жювенель. Очень-рада!.. я ѣду, г. Мутонне, а вы дожидитесь Полинья и привезите ее... (Тихо). Не увъзжайте, пока онъ будетъ здѣсь... (Въ-слухъ) До свиданія!..

АДОЛЬФЪ (вставая). До радостнаго свиданія!

г-жа Жювенель. Я говорю съ г-мъ Мутонне, а не съ вами...

(Уходитъ).

Адольфъ (въ сторону). Bravo! вотъ мы и господа въ домѣ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Мутонне, Адольфъ.

Мутонне (возвышая голосъ). Чтò-жъ это нейдетъ Полина!.. надо бно ей сказать...

Адольфъ. Позвольте мнѣ прежде поговорить съ вами, г. Мутонне.

Мутонне. Чтò вамъ угодно?

Адольфъ. Я не рѣшился объясняться съ г-жой Жювенель... она наводитъ на меня какой-то страхъ... Но вы другое дѣло... Мужчины понимаютъ другъ друга лучше.

Мутонне. Я не вижу, милостивый государь, какія отношенія могутъ существовать между нами?

Адольфъ. Весьма-обыкновенныя отношенія существуютъ между всѣми честными людьми... а, кажется, и мы принадлежимъ къ числу ихъ.

Мутонне. Милостивый государь...

Адольфъ. По-крайней-мѣрѣ, я считаю васъ очень-честнымъ человекомъ... и чтобъ упредить счастье самыхъ близкихъ друзей нашихъ, я именно надѣялся на васъ... ваше влiянiе здѣсь такъ значительно!..

Мутонне. Мои друзья счастливы.

Адольфъ. Вотъ чтò значитъ привычка быть вѣчно вмѣстѣ... вы ничего не замѣчаете... вы не видите, что вашъ другъ Коломбе живетъ не совсѣмъ согласно съ своей супругой... а съ своей почтенной тещей еще менѣе того.

Мутонне. Вы, можетъ-быть, судите по теперешнему случаю... но это произошло отъ того, что онъ боленъ...

Адольфъ. Напротивъ! онъ слава-Богу, совершенно здоровъ... Потомъ, вы не видите, что бѣдная Полина постоянно скучна, безпокойна...

Мутонне. Ничего нѣтъ удивительнаго... это случается съ каждой дѣвушкой, которая готовится къ замужеству...

Адольфъ. Да, за такого человека, котораго не любить!

мутовне. Позвольте...

адольфъ. Хоть ея женихъ и вашъ племянникъ, но я все-таки долженъ сказать, что она его не любитъ... А если молодая дѣвушка не любитъ своего жениха, это значитъ, что она любитъ кого-нибудь другаго!

мутовне (смотря на нею). А! я догадываюсь...

адольфъ. Нѣтъ, вы не догадались... можетъ-быть, она выбрала и хуже... но только не меня!.. Это, милостивый государь, одинъ молодой человекъ, принадлежащій къ тому обществу, въ которомъ Полина должна занять мѣсто и къ которому всей душой желаетъ принадлежать и нашъ Коломба.

мутовне. А! теперь я понимаю, кто здѣсь всѣхъ перемутвилъ!.. До вашего прїезда наслаждались въ этомъ домѣ спасительной тишиной; но едва вы появились, и тотчасъ-же закрались сюда эти нечистыя, бурныя помышленія того свѣта, въ которомъ вы блуждаете!

адольфъ. Дурно, очень-дурно, если такъ!.. послушать васъ, такъ этотъ свѣтъ, который вы называете моимъ, не что-иное, какъ адъ!.. Скажите, вы часто бываете въ этомъ свѣтъ, г. Мутонне?

мутовне. Никогда!.. и я этимъ горжусь!

адольфъ. Напрасно! вы худо дѣлаете!.. вамъ непременно нужно побывать въ немъ, чтобъ понять то, что вы такъ преследуете!.. Кто знаетъ? быть-можетъ вы найдете, что этотъ бѣдный свѣтъ и нетакъ чоренъ, какъ вамъ о немъ сказали... Поверьте, тамъ есть недурныя вещи... тамъ находятъ удовольствіе въ семейной жизни и въ дружескихъ связяхъ... тамъ талантъ ведетъ ко всему; добродѣтель въ уваженіи, и порокъ скрывается со стараніемъ... тамъ благотворительность и благочестіе никогда не выставляются на-показъ... не требуютъ явно горячихъ, ревностныхъ поклонниковъ, и не налегаютъ на себя маски лицемѣрія...

мутовне. Милостивый государь!.. Вы не намекаете-ли уже на мой счетъ...

адольфъ. О, какъ можно! развѣ вы лицемѣръ!.. Напротивъ, я считаю васъ добрымъ человекомъ...

мутовне. Извините... я вовсе не добрый человекъ!

адольфъ. Полноте шутить!.. Нѣтъ, будемте говорить серьезно... Послушайте, я налябюсь на васъ, какъ на каменную стѣну... вы, вѣрно, поможете мнѣ убѣдить г-жу Жювенель...

мутовне. Я не привыкъ никого убѣждать.

адольфъ. Я не спрашиваю вашихъ секретовъ...

мутовне. Какъ? какихъ секретовъ?

адольфъ. Я только прошу васъ избавить отъ нея Фердинанда и его

жену, чтобъ они могли свободно открыть свой домъ для удовольствій, которыя такъ приличны ихъ склонностямъ и лѣтамъ...

мутонне. Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла!

адольфъ. И если Полина предпочитаетъ Густава вашему племяннику!..

мутонне. Густава! этого повѣсу!.. вѣтъ, Полина слишкомъ хорошо воспитана... слишкомъ уважаетъ наши наставленія, и не рѣшится промѣнять моего племянника... Она ждетъ меня!.. она съ сердечной радостью готова вѣхать со мной туда, гдѣ непорочный вкусъ и строгая нравственность...

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же, Полина.

полина (*выбѣгая въ бальномъ платьѣ*). Г. Адольфъ! г. Адольфъ!.. посмотрите... идетъ-ли ко мнѣ это платье?.. (*Увидя Мутонне*). Ахъ!

мутонне. Что это значить?

адольфъ. Чрезвычайно идетъ!.. но васъ ждетъ здѣсь г. Мутонне... онъ хочетъ отвезти васъ къ своей сестрѣ, если вы не хотите остаться дома...

мутонне. Позвольте...

адольфъ. Позвольте, г. Мутонне... должно ей самой отвѣчать... (*Полинѣ*). Вы свободны выбирать то или другое...

полина. Въ такомъ случаѣ, я остаюсь на балу...

мутонне. На балу!.. но гдѣ?..

адольфъ. Здѣсь, г. Мутонне!..

мутонне. Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. это невозможно!.. г-жа Жювенель никогда не позволитъ.

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же, Густавъ.

густавъ. Г. Адольфъ! все готово къ нашему балу... залъ убранъ, люстры зажжены, и... (*увидя Мутонне*). Ахъ!..

мутонне. Милостивый государь! это соблазнъ!

АДОЛЬФЪ. Нѣтъ, просто балъ... ничего болѣе!

МУТОННЕ. Въ этомъ домѣ!.. гдѣ всегда обитала чистая добродѣтель!..

АДОЛЬФЪ. Что дѣлать, г. Мутонне... вы отказываетесь посѣщать вашъ свѣтъ... надобно-же, чтобъ хоть этотъ свѣтъ нашолъ васъ... Помогите лучше намъ уговорить г-жу Жювенель... рѣшитесь...

МУТОННЕ. Я рѣшусь... я помогу... выгнать васъ всѣхъ изъ этого дома, и возстановить здѣсь, го-прежнему, миръ и спокойствіе!.. Г-жа Коломбе не потерпитъ... гдѣ она? гдѣ она?

ПОЛИНА. Она одѣвается къ балу... къ ней не приказано пускать...

МУТОННЕ (*внѣ себя*). И она!.. она тоже!.. Милостивый государь!.. это низко! это... Но мы еще увидимся съ вами! Полина! извольте вѣхать со мною! мнѣ приказали отвезти васъ.

ПОЛИНА. Нѣтъ! нѣтъ!.. я остаюсь здѣсь!..

МУТОННЕ. Вы поѣдете!..

АДОЛЬФЪ (*становясь между ними*). Г. Мутонне! прошу васъ замѣтить, что она находится подъ покровительствомъ моряка, и потому, прошу васъ успокоиться и выслушать хладнокровно...

МУТОННЕ (*задыхался*). Нѣтъ... я не хочу ничего слышать... вы... вы, милостивый государь... но я вамъ покажу себя... я расскажу все г-жа Жювенель... и вы увидите!.. (*Хочетъ идти и возвращается*). Если вы не откажетесь отъ этихъ адскихъ удовольствій... я откажусь отъ васъ... (*Уходитъ и возвращается*). Откажусь отъ всѣхъ васъ!.. слышите, отъ всѣхъ!..

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПОЛИНА, АДОЛЬФЪ, ГУСТАВЪ.

ПОЛИНА. Мы пропали!.. Если г-жа Жювенель возвратится, бѣда.

ГУСТАВЪ. Боже мой!.. что намъ дѣлать!

АДОЛЬФЪ. Полноте!.. не бойтесь ничего!

ПОЛИНА. Ахъ, г. Адольфъ! мнѣ кажется, вы ни въ чемъ не успѣете... Фердинандъ заперся въ своей комнатѣ, подъ видомъ болѣзни... не пустилъ къ себѣ Агнессы, и теперь одѣвается потихоньку, чтобъ вѣхать на балъ!

АДОЛЬФЪ. Нѣтъ, этому не бывать!.. мы его не пустимъ!

полина. Агнесса ужасно разстроена... хотя она и готовится къ балу, но я боюсь, чтобъ не оставила ее смѣлость... она не рѣшится...

адольфъ. Этого я только и боюсь... Подите скорѣе къ ней, у меня одна надежда на нее... А вы, Густавъ, оставайтесь здѣсь и удержите Фердинанда... Не отчаивайтесь... будьте веселы и приготовьтесь смѣлѣе встрѣтить врага, если онъ осмѣлится явиться сюда!

(Уходитъ съ Полиной въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Густавъ, потомъ Коломбе.

густавъ. Да, хорошо ему говорить!.. если-жа Жювенель пожалуетъ сюда съ г-мъ Мутонне, тогда не останется ничего болѣе, какъ бѣжать безъ оглядки изъ этого дома... Коломбе никогда не рѣшится быть здѣсь господиномъ, и чтобъ водворить миръ, пожертвуетъ рукой Поины... Ахъ, вотъ онъ!

КОЛОМБЕ. Матушка и г. Мутонне уѣхали... теперь я могу ускользнуть... Густавъ! вы здѣсь... несчастный! зачѣмъ вы пріѣхали сюда?..

густавъ. Какъ видите... я пріѣхалъ... я пріѣхалъ...

КОЛОМБЕ. Вѣрно за мной?.. такъ отправимтесь скорѣе...

густавъ *(удерживая его)*. Нѣтъ... позвольте... я хотѣлъ поговорить съ вами.

КОЛОМБЕ. Вѣрно, о сестрѣ?.. хорошо, хорошо, мы поговоримъ дорогой.

густавъ. Нѣтъ, я хотѣлъ объясниться здѣсь, съ вами.

КОЛОМБЕ. О, въ такомъ случаѣ желаю вамъ успѣха... извините, мнѣ некогда, я спѣшу... меня ожидаютъ удовольствія.

густавъ. Оставайтесь, прошу васъ...

КОЛОМБЕ. Прощайте! *(Хочетъ идти и встрѣчается съ Агнессой, которая является въ глубинѣ сцены, въ бальномъ платьѣ)*. Боже мой! что я вижу!

густавъ. Надѣюсь, что г-жа Коломбе будетъ имѣть болѣе средствъ, чѣмъ я... *(Въ-сторону)*. Бѣдняжка! Какъ она жалка въ этомъ бальномъ нарядѣ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АГНЕССА, Коломбе.

КОЛОМБЕ (*въ-сторону*). Моя жена разодѣта, какъ на бадѣ! что это значитъ?

АГНЕССА (*въ-сторону*). Я боюсь, онъ будетъ смѣяться надо мной!
КОЛОМБЕ. Скажите, мой другъ, что значитъ этотъ нарядъ? я понять не могу... никогда еще не видалъ я васъ такой интересной!

АГНЕССА. Если это правда... я очень-довольна.

КОЛОМБЕ. Но куда вы хотите ѣхать! Я не думаю, чтобъ вы нарядились такъ для сестры г-на Мутонне.

АГНЕССА. Нѣтъ, я хочу остаться съ вами, Фердинандъ!

КОЛОМБЕ. Со мной! Извините... я общалъ... меня ждуть... (*Въ-сторону*). Право, какъ она мила! какъ стройна!

АГНЕССА (*подойдя къ нему и взявъ его за руку*). Фердинандъ!

КОЛОМБЕ. Агнесса!

АГНЕССА. Я хочу побранить васъ!.. (*Коломбе хочетъ отойти отъ нея*). Нѣтъ, нѣтъ... не бойтесь... я хочу побранить васъ, какъ друга... вы недоверчивы ко мнѣ!.. Скажите, могла-ли я думать, чтобъ вы были несчастны?.. чтобъ васъ убивала скука?.. Вы никогда не говорили мнѣ...

КОЛОМБЕ. Правда, были минуты... (*Въ-сторону*). Къ чему все это ведетъ?

АГНЕССА. Вы сами виноваты: вы видѣли сами, какъ я была несчастна! Меня приучили повиноваться маменькѣ... и я слушалась ее во всемъ... весь свѣтъ заключался для меня въ этомъ домѣ... удовольствія для меня составляли мои обязанности... я не подозрѣвала, чтобъ для васъ могли существовать другія удовольствія... я не знала, что есть другой свѣтъ и что этотъ свѣтъ можетъ похитить сердце моего мужа... котораго я всегда любила... и люблю всей душой!..

КОЛОМБЕ (*съ волненіемъ, въ-сторону*). Это волненіе!.. этотъ голосъ.. я не узнаю ея!

АГНЕССА. Вы должны были мнѣ сказать... вы должны были разтолковать мнѣ то, чего я не знала... я испугалась сначала и этихъ удовольствій, и этого свѣта... но скоро помирилась съ ними... Когда я сравнила обязанности дочери и жены... тогда увидала, что одному тебѣ мнѣ должно принадлежать! Я увидѣла, что и мнѣ можно пока-

заться въ этомъ свѣтъ... что и я могу тебѣ нравиться... могу быть также хороша, какъ другіа!.. И я рѣшилась покориться твоимъ желаніямъ... пожертвовать всѣмъ, чтобъ сохранить того, кто такъ мнѣ дорогъ и любезенъ!.. Фердинандъ! доволенъ-ли ты теперь мною?..

КОЛОМБЕ. Агнесса! я не вѣрю себѣ! Ты никогда еще не говорила такъ со мною... никогда не была такъ добра... Я готовъ упасть къ твоимъ ногамъ и просить у тебя прошенія за мою скрытность... Всему виновой матушка... она довела меня до того, что я боялся ее... и видя, что она располагаетъ твоей участью, не рѣшился разстревожить тебя, передать тебѣ мои страданія...

АГНЕССА. И рѣшился лучше обманывать меня, и сдѣлать меня несчастною!.. Но не будемъ болѣе говорить о минувшемъ... забудемъ все. Теперь ты не долженъ уже меня оставлять... я окружу тебя людьми, которыхъ ты любишь, удовольствіями, которыя ты предпочитаешь... и эти удовольствія буду раздѣлять съ тобою... Конечно я буду смѣшна и неловка сначала... но, при твоихъ совѣтахъ, я скоро могу исправиться... я буду танцовать, чтобъ нравиться тебѣ... буду даже вальсировать, если нужно...

КОЛОМБЕ. Ты! ты, Агнесса!..

АГНЕССА. Да, я буду вальсировать... рѣшусь даже сегодня вечеромъ...

КОЛОМБЕ. Сегодня!.. но это, просто, сонъ!..

АГНЕССА. Нѣтъ, мой другъ... теперь настало время нашего пробужденія... Въ эту самую минуту собираются уже злѣсь всѣ твои друзья... тѣ самыя друзья, которыхъ отдала отъ тебя маменька и которыхъ ты не имѣлъ смѣлости удержать при себѣ... Я призвала ихъ всѣхъ сюда... они явятся праздновать вмѣстѣ со мною возвращеніе моего мужа... первый день нашей довѣренности и счастья!.. О, ты, вѣрно, останешься съ нами... ты не унесешь съ собою этого сердца, которое принадлежитъ мнѣ... этой любви, которою я хочу владѣть нераздѣльно...

КОЛОМБЕ. О, ты ангелъ Агнесса... тебя оставить... бѣжать отъ блаженства... никакъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢЖЕ, Адольфъ, Полина.

КОЛОМБЕ. Другъ мой! Адольфъ! Полина! подите сюда... взгляните на мою жену... взгляните, какъ она прекрасна!

ПОЛИНА. А я, братецъ... какъ вы меня находите?..

КОЛОМБЕ. И если-бъ вы знали, какая покорность, какая доброта... И ко всему этому у насъ сегодня балъ... она даетъ мнѣ балъ!..

АДОЛЬФЪ. Знаю!.. наши друзья ужъ здѣсь и желаютъ тебя видѣть...

ОРКЕСТРЪ ждетъ только знака...

АГНЕССА. Фердинандъ! я приглашаю васъ на первый кадрили...

КОЛОМБЕ. И на второй, на всѣ остальные... и на вальсъ!.. Ахъ, я съ-ума сойду отъ радости!..

АДОЛЬФЪ. Мы спасены!

ЯВЛЕНИЕ XV.

ТѢЖЕ, Густавъ, потомъ г-жа Жювенель, Мутонне.

ГУСТАВЪ (*вбѣгал*). Г-жа Жювенель!

КОЛОМБЕ. Мы погибли!

АГНЕССА. Маменька!

ПОЛИНА. Боже мой! гдѣ я спрячусь!..

АДОЛЬФЪ. Полноте, какъ вамъ не стыдно! чего вы боитесь?.. Теперь нужна вся ваша храбрость... И кто осмѣлится сказать вамъ что-нибудь?.. Вы здѣсь хозяйева... вы дома!.. Будьте-же тверды, не поддавайтесь!

КОЛОМБЕ. Именно! насъ теперь двое противъ одной!.. (*Адольфъ*) Не бойся ничего, я постою за себя... Только, пожалуйста, не оставь меня! (*Г-жа Жювенель показывается въ глубинѣ сцены; г. Мутонне слѣдуетъ за нею и принимая участіе во всей послѣдующей сценѣ, не говоритъ ни слова.*)

Г-жа Жювенель. Что это?.. Что здѣсь происходитъ? хохотъ, музыка, толпа всякаго народу... Кто это осмѣлился сдѣлать здѣсь такой безпорядокъ?..

ПОЛИНА (*въ-сторону*). Она называетъ балъ безпорядкомъ!

АДОЛЬФЪ. Позвольте мнѣ...

Г-жа Жювенель. Я не съ вами говорю, а съ моею дочерью!.. Боже всемогущій!.. Что это? да онъ разряжены,—и Полина, и моя дочь!.. Агнесса, объяснишь-ли ты мнѣ?

АГНЕССА. Что-же вамъ объяснить, маменька?.. Вы сами видите, что здѣсь балъ!..

ГУСТАВЪ. Г. Коломбе самъ...

Г-жа Жювевель. Я не съ вами говорю... Фердинандъ! Скажите-ли хотѣ вы мнѣ, что все это значить?

КОЛОМБЕ (*запинаясь*). Это значить, матушка, что...

АДОЛЬФЪ (*тихо Фердинанду*). Ну, и струсиль!.. Какъ нестыдно... КОЛОМБЕ (*смѣло*). Это значить, что послѣ скуки настало время удовольствій, и что пришла пора познакомиться съ ними и моею жень!

Г-жа Жювевель. Аггесса!

АГГЕССА. Этотъ балъ даю я моему мужу!

КОЛОМБЕ. Этотъ балъ даю я моею жень!

АДОЛЬФЪ. Кажется, ясно!

Г-жа Жювевель. Балъ!.. и вы думаете, что я позволю?

КОЛОМБЕ. Мы нисколько не думали объ этомъ, матушка, и вовсе не были намѣрены просить вашего позволеніи... Если этого хотѣть моя жена...

АГГЕССА. Если это нравится моему мужу...

АДОЛЬФЪ. Такъ и дѣло съ концомъ!

Г-жа Жювевель. Не думаете-ли вы, что я соглашусь быть на этомъ демонскомъ праздникѣ?..

КОЛОМБЕ. О, нѣтъ, матушка... мы нисколько васъ не принуждаемъ!

АГГЕССА. Вѣдь танцовать будутъ не въ вашей комнатѣ, маменька!

Г-жа Жювевель. Этого талько не доставало!.. Но я теперь все понимаю!.. Это заговоръ!.. Чистый заговоръ!.. Знаю, чьи это выдумки!.. зять мой не посмѣлъ-бы самъ никогда этого сдѣлать!.. У него нѣтъ ни воли, ни характера!..

АДОЛЬФЪ. Ого!

(*Коломбе гордо поднимаетъ голову.*)

Г-жа Жювевель. Эти затѣи, зашли сюда вмѣстѣ съ нѣкоторыми господами... за то эти господа сейчасъ-же отправятся отсюда вонъ...

Или я не останусь ни минуты въ этомъ домѣ!

КОЛОМБЕ (*оскорблсь*). Васъ никто и не удерживаетъ, матушка!

АГГЕССА. Фердинандъ!

Г-жа Жювевель. Что?.. И вы смѣете сказать! вы забываете, что вы здѣсь...

КОЛОМБЕ. У себя, дома! И мнѣ нѣтъ никакой необходимости, чтобы вы были въ моемъ домѣ!.. У васъ свой вкусъ... а у меня свой!.. вы свободны и я хочу быть свободенъ!

Г-жа Жювевель. Но...

КОЛОМБЕ (*перевѣвая се*). У меня есть своя воля!.. И потому я

хочу, чтобъ мои друзья были со мною... Я буду приглашать ихъ каждую недѣлю... и предупреждаю васъ... у насъ будетъ очень-весело!

г-жа Жювенель. Но...

КОЛОМБЕ (*также*). Я хочу, чтобъ жена моя танцевала!.. и увѣренъ, что она будетъ танцевать и полюбитъ наши удовольствія!..

г-жа Жювенель. Но...

КОЛОМБЕ. Я не хочу видѣть вокругъ себя этихъ унылыхъ лицъ, которыя заставляли меня бѣгать изъ дома... и я ихъ не увижу!..

г-жа Жювенель. Но...

КОЛОМБЕ. Я хочу, чтобъ меня окружали радость и счастье!.. Вотъ что мнѣ нравится! вотъ чего я хочу! И желанія мои должны быть исполнены... потому-что у меня есть своя воля!.. потому, наконецъ, что я господинъ въ своемъ домѣ!.. Я никого не принуждаю, никого не удерживаю... оставляю каждому свои привычки, удовольствія и свободу!..

г-жа Жювенель. Фердинандъ!..

ПОЛИНА (*въ-сторону*). Прекрасно!.. Нѣтъ, у брата есть характеръ!

г-жа Жювенель (*задыхалась отъ гнѣва*). Ахъ! мнѣ дурно!.. (*г-ну Мутонне*). Другъ мой!.. Поддержите меня!.. (*Фердинанду*). Вы смѣли мнѣ сказать... я должна... но нѣтъ!.. предвѣщаю вамъ... вы погибнете, погубите себя!.. вы... но мы увидимъ! Пойдемъ, пойдемъ, дочь моя!..

АГНЕССА (*подойдя къ Коломбе*). Нѣтъ, маменька... я не оставлю моего мужа... Онъ желаетъ моего счастья... и его удовольствія будутъ моими!.. Повѣрьте, онъ не погибнетъ, не погубитъ себя!.. Я буду подлѣ него и спасу его отъ несчастія!

г-жа Жювенель. Агнесса!

АГНЕССА. Вы сами приказывали мнѣ повиноваться мужу... А вѣдь онъ — мой мужъ!

г-жа Жювенель. Агнесса!.. Несчастливая жена!.. Но у меня осталась еще дочь... Полина!.. У нея нѣтъ мужа...

КОЛОМБЕ. Напротивъ... То-есть нѣтъ теперь, но скоро будетъ... Зѣнь ея женихъ, который можетъ заставить ее танцевать... и она будетъ его женою, потому-что я этого хочу! потому-что у меня есть своя воля!.. Вотъ онъ, вотъ этотъ женихъ... Густавъ!

(*Соединяетъ руки Полины и Густава; потомъ съ гордостію становится между г-жою Жювенель и Агнессой*).

ПОЛИНА. Густавъ!
 ГУСТАВЪ. Какое счастье!
 АДОЛЬФЪ. Bravo!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Полина! и вы смѣете...

ПОЛИНА, (показывая на Коломбе). Я должна повиноваться моему опекуну! моему брату!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ. Это явное возмущеніе!..

АДОЛЬФЪ, (весело). Нѣтъ!.. Это только приведеніе въ порядокъ дѣлъ!.. (Становясь между г-жой Жювенель и г-мъ Мутонне). Что скажете, г. Мутонне? (Мутонне смотритъ на него. Вдали слышна музыка). Господа! слышите!.. первая кадрили!..

ГУСТАВЪ (Полину). Пойдете скорѣе!

КОЛОМБЕ. Аггесса!

Г-ЖА ЖЮВЕНЕЛЬ (останавливая ихъ). Аггесса! сегодня ты танцуешь съ мужемъ. . а завтра...

АГГЕССА. Завтра я буду собирать подаваніе съ вами, маменька! (Коломбе уводитъ Аггессу, а Густавъ Полину; г-жа Жювенель и г. Мутонне смотрятъ съ отчаяніемъ имъ въ слѣдъ; на лицѣ Адольфа видна радость).

ПЕРЕВ. П. ФЕДОРОВЪ.

УЧОНОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Когда увижусь съ вами я
И съ вами говорю порою —
Какой-то странною тоскою
Душа наполнится моя.
Я не изъ тѣхъ, кто ненавидитъ
Учоность въ женщинахъ, кто въ нихъ
Однѣхъ кухарокъ, нянекъ видитъ,
Существовъ наивныхъ и пустыхъ;
Кто на наукахъ выставляетъ,
Смѣшную надпись: «не для дамъ!»
И передъ ними затворяетъ
Гостепріимный знанья храмъ.
Я самъ люблю, когда свергая
Условныхъ предразсудковъ гнетъ,
Свой путь терпѣнъ пробивая,
Къ познанью женщина идетъ, —
Итакъ терниста и опасна
Ея тяжолая тропа,
И на удѣлъ ея прекрасный
Глядитъ завистливо толпа.
Но видя васъ, вступаю съ вами
Въ диспутъ, досадно видѣть мнѣ,
Что вы и сердцемъ и мечтами
Наукъ предались вполне.
И, что она лишь занимаетъ
Нашъ долгій, темный разговоръ,
Что голосъ вашъ лишь разсуждаетъ,

Что философствуетъ вашъ взоръ,
 Что отвлеченныхъ мыслей бремя
 Одно васъ радуетъ подь-часъ,
 Что такъ умны вы въ это время,
 Что я такъ глупъ, смотря на васъ.

В. 3—ВЪ.

КАПЕЛЛА.

(изъ Уланда).

Храмъ Господень надъ долиной,
 А въ долинь, у ручья,
 Рѣзвится въ игрѣ невинной
 Беззаботное дитя.
 Звонъ раздакъ колокольной:
 Отпѣвають мертвеца...
 И дитя глядитъ невольно
 Въ даль, гдѣ слышны голоса:
 Надъ долиной — вѣсть разлуки,
 А въ долинь смѣхъ живой.
 Ахъ, дитя! вѣдь эти звуки
 Прозвучать и надъ тобой!

В. ЗОЛОТНИЦКІЙ.

ТАМБУРЪ - МАЖОРЪ

или

СВОБОДЕНЪ ОТЪ ПОСТОЯ.

водевиль въ одномъ дѣйствіи.

дѣйствующія лица.

Дромадеръ, Тамбуръ-мажоръ	Г-нъ Григорьевъ 1-й.
Фанфаръ, трубачъ гусарскаго полка.	Г-жа Самойлова 1-я.
Бертранъ, рыбакъ.	Г-нъ Прусаковъ.
Тереза, жена его.	Г-жа Шелехова 1-я.
Пьеро, крестникъ Бертрана	Г-нъ Мартыновъ.
Жоржета, племянница Бертрана.	Г-жа Леонова.

Дѣйствіе въ 1804 году, близъ моря, не вдалекѣ отъ Булоня.

Театръ представляетъ рыбацкую хижину; на первомъ мѣстѣ, по обѣмъ сторонамъ, двери, съ круглыми наверху окнами; подлѣ нихъ еще по одной двери, въ срединѣ выходъ. Шкафъ, столъ, стулья.

* Представленъ 31 октября, въ бенефисъ г-на Каратыгина 2-го.

ЯВЛЕНИЕ I.

БЕРТРАНЪ, ТЕРЕЗА, и ЖОРЖЕТА.

БЕРТРАНЪ (*осматривая съти*). Ну, слава Богу, на-силу я починил свои большія съти... негодный Пьеро вся ихъ перерывалъ и перепуталъ.

ТЕРЕЗА. Я также поправила свой праздничный корсетъ... тутъ съ лъвой стороны было что-то неловко.

ЖОРЖЕТА (*встряхивая салатъ*). Вотъ и мой салатъ тоже со всѣмъ готовъ.

ТЕРЕЗА. Тише, тише, ты меня всю забрызгала.

ЖОРЖЕТА. Извините, тетушка.

БЕРТРАНЪ. Ну, что за важность? Женъ рыбака воды нечего бояться.

ТЕРЕЗА. Да, да, балуй ее больше... Она безъ глупости ни на часъ. Право, если-бы я знала, что она будетъ такъ безтолкова, я-бы никогда не взяла ее къ себѣ въ домъ.

БЕРТРАНЪ. Вотъ прекрасно! не бросить-же ее на улицу, безъ куска хлѣба... она дочь бѣднаго моего брата, который умеръ смертью лихаго рыбака, во-время ужасной бури. Онъ оставилъ и дочь, и долги на мое попеченіе... долги его я заплачѣ, а племянницу пристрою: это ужъ будетъ мой собственный долгъ.

ЖОРЖЕТА. Добрый дялюшка!

БЕРТРАНЪ. Да, да, Жоржета... тетка пошутила. Конечно, хоть умомъ и грѣхъ тебя поклепать, но все-таки надо вести себя не мвожко поумнѣе... особливо теперь, когда подлѣ насъ поселился военный лагерь: это сосѣдство очень-опасно.

ТЕРЕЗА. Ну, тебѣ-то, кажется, нечего на это жаловаться... ты одинъ изъ всего нашего околodka избавленъ отъ постоя.

БЕРТРАНЪ. Да, за то мнѣ это недешево и обходится: каждое воскресенье у нашего мера бываетъ отличная рыба, въ знакъ моей благодарности.

ТЕРЕЗА. И это все изъ ревности!.. а по-сіе-время мимо насъ не прошло: еще не одинъ солдатъ.

ЖОРЖЕТА. Нѣтъ, тетушка, я вчера и третьяго-дня видѣла двухъ военныхъ.

ТЕРЕЗА. Видѣла? ну, что-жъ, каковы они собой?

ЖОРЖЕТА. Одинъ такой толстый, высокой, а другой маленькой,

худенькой и прехорошенькой... онъ нѣсколько разъ прошолъ мимо и все оглядывался на меня, и я тоже смотрѣла на него.

ТЕРЕЗА. Прошу покорно! Дѣвушка никогда не должна смотрѣть на военныхъ; вотъ, замужняя другое дѣло.

БЕРТРАНЪ. Напротивъ, напротивъ, сударыня, замужняя еще меньше... да скажите, пожалуйста, куда дѣвался мой крестникъ? съ котораго времени онъ все пропадаетъ и возвращается всегда такой скучный и безтолковѣе обыкновеннаго.

ЖОРЖЕТА. Вотъ, кажется, и онъ идетъ.

БЕРТРАНЪ. Такъ и есть... опять съ той стороны, гдѣ военный лагерь... Зачѣмъ его туда носить?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Пьеро.

БЕРТРАНЪ. А, вотъ и ты, лѣнтяй!

ПЬЕРО. Вотъ и я, крестный.

БЕРТРАНЪ. Откуда ты!

ПЬЕРО. Откуда?... ахъ! оттуда!

БЕРТРАНЪ. Куда ты исчезаешь каждый вечеръ?

ЖОРЖЕТА. Ты такой бѣдный, Пьеро... что съ тобой? не боленъ-ли ты?

ПЬЕРО. Не знаю.

ТЕРЕЗА. Ха, ха, ха! посмотрите, у него сегодня лицо еще глубѣе... ужъ не влюбленъ-ли ты, чего добраго?

ПЬЕРО. Да, крестная, вы угадали.

ТЕРЕЗА. Право?... въ кого-же это?

ПЬЕРО. Въ кого?... смѣйтесь надо мною, бравите меня, а со мною случилось необыкновенное дѣло! Знаете-ли, въ кого я влюбился?

ТЕРЕЗА. Вѣрно въ женщину?

ЖОРЖЕТА. Или въ дѣвушку?

ПЬЕРО. Ни въ ту, ни въ другую, а, просто, въ мужчину.

всѣ. Въ мужчину?

ПЬЕРО. Да, да, въ военнаго мужчину. Ахъ, если-бъ вы его видѣли! мундиръ весь вышитъ, на плечахъ золотыя лепешки, на головѣ мѣховая шапка, на шапкѣ индѣйскій пѣтухъ, а какая палка съ золотомъ шарикомъ. О! чудо!.. чудо!

БЕРТРАНЪ. Что онъ такое говоритъ?

пьеро. Ахъ не спрашивайте, пожалуйста; недавно я встрѣтилъ на улицѣ удивительнаго тамбуръ-мажора... о!.. какой красавецъ!.. Орлиный взглядъ, гусиная походка и что за ростъ! о, гораздо-выше меня, и вчетверо толще!.. увы, съ тѣхъ-поръ, какъ я его увидѣлъ, все кончено!.. Я не могу быть больше рыбакомъ. . поведу на лодкѣ, такъ и тянетъ на берегъ, а на землѣ, голова идетъ кругомъ: такъ-бы и бросился въ воду! Рыба и сонъ бѣгутъ отъ меня, устрицы щиплются, съѣты путаются и сердце разрывается на части! Я началъ вдвое ѣсть, чтобы хоть не множко потолстѣть, какъ мой удивительный тамбуръ-мажоръ, но, увы! все напрасно! Я передъ нимъ, какъ плотва передъ акулой, а онъ... онъ всегда передо мной!

БЕРТРАНЪ. Прошу покорно! Что онъ тутъ напоролъ. Вотъ я отучу тебя отъ тамбуръ-мажоровъ. Ступай негодай, принимайся за работу; надо приготовить съѣты для завтешней ловли.

пьеро. Боже мой, каждый день одно и то же: рыбы, устрицы, кресгный, раки, фу! какая сухая матерiя!

(Слышны трубы).

БЕРТРАНЪ. Что это, трубятъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ И ФАНФАРЬ.

всѣ. Солдаты!

БЕРТРАНЪ. Что тебѣ надобно? кто ты такой?

ФАНФАРЬ. Гильомъ Фанфаръ, трубачъ втораго эскадрона четвертаго гусарскаго полка.

ЖОРЖЕТА (въ-сторону). Ахъ! это тотъ самый, котораго я видѣла вчера и третьяго-дня.

ФАНФАРЬ. Вотъ мой билетъ на постой.

БЕРТРАНЪ. Что, что такое? нѣтъ, братъ, постой: здѣсь ненужно вашей брати.

ФАНФАРЬ. Не бойся, хозяинъ, я васъ не стѣсню: вы видите, я не великъ, не толстъ, много-ли мнѣ мѣста надобно.

ТЕРЕЗА. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ еще ребенокъ; его можно оставить.

БЕРТРАНЪ. Оставить? какъ-бы не такъ — наше начальство избавило меня отъ постоя и я ничего знать не хочу!

ФАНФАРЪ. Стало быть, вы мнѣ отказываете?
ЖОРЖЕТА. Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка этого не говоритъ.

(За кулисами барабанъ).

всь. Чтò это? Барабанъ?

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Дромадеръ.

ДРОМАДЕРЪ. Вольно ребята, вольно... маршь по своимъ квартирамъ!

всь. Еще солдаты!

ЖОРЖЕТА. Ахъ это тоже вчерашній!

ПЬЕРО. Чтò я вижу! вотъ онъ, крестный, вотъ онъ, мой удивительный тамбуръ-мажоръ! посмотрите, каковъ мой красавецъ!

ДРОМАДЕРЪ. Здравія желаемъ всей честной компаніи!

ПЬЕРО. Чтò за картина! загляденье!

ДРОМАДЕРЪ. Позвольте васъ обнять, прекрасная одалиска!

БЕРТРАНЪ. Тсъ... тсъ... не такъ близко! Рукамъ воли не давать: здѣсь не обнимаются.

ТЕРЕЗА. Да-съ, здѣсь не обнимаются.

БЕРТРАНЪ. Чтò вамъ надобно?.. господинъ... господинъ...

ДРОМАДЕРЪ. Дромадеръ, тамбуръ-мажоръ седьмой полубригады, которая недавно возвратилась изъ Египта, которая разбила свой побѣдоносный лагерь у пирамидъ и била на-повалъ Мамелюковъ, видѣла крокодиловъ и другихъ разныхъ чудовищъ, прошла огонь и воду и проч. и проч... брр... бр... брамъ... тамъ...

БЕРТРАНЪ. Да мнѣ до всего этого дѣла нѣтъ, а зачѣмъ вы сюда пожаловали?

ДРОМАДЕРЪ. Вотъ билетъ на жительство.

БЕРТРАНЪ. Еще постоялецъ! Нѣтъ ужъ это сляшкомъ!.. одного-бы еще можно было взять, но двоихъ, слуга покорный, я не позволю здѣсь остаться ни тому, ни другому.

ФАНФАРЪ. Ай—худо!

ДРОМАДЕРЪ. Чтò, Египетская мумія?

ТРУБАЧЪ. Я первый пришолъ.

ДРОМАДЕРЪ. А я первый не уйду отсюда!

ТЕРЕЗА. Мой другъ, не упрямясь, надо взять одного изъ нихъ.

Т. УШ.

ЖОРЖЕТА. Этого толстяка не берите дялюшка: я думаю, онъ очень-много вѣсть.

ПЬЕРО. Крестный, съдай милость возьми хоть для меня тамбуръ-мажора—посмотри, какой молодець!

БЕРТРАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, ни того, ни другаго... Пойдемте къ меру...

Пускай онъ разсудитъ. Милости прошу, извольте отправляться.

ДРОМАДЕРЪ. Пожалуй, пойдемъ къ вашему меру.

ФАНФАРЪ (*смотря на Жоржета*). Она вблизи еще лучше! ка-кая досада, здѣсь—бы мнѣ было очень-выгодно!

ПЬЕРО. Онъ уходитъ, пойду за нимъ любоваться по дорогѣ.

ФАНФАРЪ. До свиданія, прекрасная хозяйка, я не теряю еще надежды увидѣть васъ.

БЕРТРАНЪ. Ну, ну, трубачъ, не отставай отъ насъ, и не приставай къ нашимъ.

Мэ Пойдемте къ меру, онъ рѣшитъ
И будетъ между насъ судьбою,
И вамъ формально подтвердитъ,
Что я избавленъ отъ постою!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ, ЖОРЖЕТА И ФАНФАРЪ.

А мы знать мера не хотимъ!

Повиноваться васъ заставимъ:

Здѣсь нашъ постой мы отстоимъ

И, вѣрно, на своемъ поставимъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЕРЕЗА И ЖОРЖЕТА.

ЖОРЖЕТА (*въ-сторону*). Несносный дялюшка! за что онъ выгналъ этого маленькаго трубача?

ТЕРЕЗА. Сумасшедшій Бертранъ!.. ревнуетъ меня къ встречному и поперечному... Надо однако правду сказать, что трубачъ гораздо-лучше тамбуръ-мажора, не правда-ли Жоржета?

ЖОРЖЕТА. Не знаю тетушкѣ, я и не взглянула на него хорошенько... По моему тамбуръ-мажоръ молодцоватѣе!

ТЕРЕЗА. Ты еще слишкомъ молода, сударыня, чтобъ разбирать мужчинъ.

ЖОРЖЕТА. Въдъ вы меня спрашивали, тетушка?

ТЕРЕЗА. Пустяки, пустяки, васъ никто не спрашиваетъ. Ты бери примѣръ съ своей тетки... видишь, какъ я себя хорошо веду: меня тамбуръ-мажоръ нисколько не прельщаетъ своимъ шитьемъ и пышнымъ нарядомъ, а если ты будешь такъ разборчива, такъ никогда не найдешь себѣ хорошаго мужа, я это знаю по себѣ.

ЖОРЖЕТА. Вотъ мило! Да чѣмъ-же не хорошъ мой дялюшка?

№ 2. Скажите, что-жъ дурнаго въ немъ?

Вы мужа лучше не нашли-бы.

ТЕРЕЗА.

Да, жить со старымъ рыбакомъ
Быть надо холоднѣе рыбы!

ЖОРЖЕТА.

Онъ угождаетъ вамъ вполне,
Къ другому ничему несроденъ.

ТЕРЕЗА.

Онъ точно угождаетъ мнѣ,
Да самъ-то никуда не годенъ!

ФАНФАРЪ (*входя*). Онъ однѣ, впередъ!

ОВЪ. Это онъ!

ТЕРЕЗА. Жоржета, ты, кажется, сегодня еще утокъ не кормила ..
Ступай-же отсюда.

ЖОРЖЕТА. Сейчасъ, тетушка. Понимаю, она хочетъ съ нимъ остаться.

ТРУБАЧЪ (*тихо*). Не уходите отсюда.

ЖОРЖЕТА. Я сейчасъ ворочусь. Отстаньте сударь, отстаньте...
тетушка не велитъ мнѣ говорить съ военными мужчинами (*Тихо*)
Тетушка, вы, вѣрно, его прогоните отсюда.

ТЕРЕЗА. Ступай, ступай, не твое дѣло.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ФАНФАРЬ И ТЕРЕЗА.

ФАНФАРЬ. Смѣлѣе, смѣлѣе; надо остаться здѣсь, во что-бы то ни стало. Извините, прекрасная дѣвица, что я осмѣлился...

ТЕРЕЗА. Ахъ, сударь, я ужъ давно не дѣвица.

ФАНФАРЬ. Неужели? Какъ это странно. Вы такъ свѣжи,⁴ такъ прекрасны.

ТЕРЕЗА. Благодарю васъ. Какой умный мальчикъ! Но отъ чего же вы такъ скоро воротились?

ФАНФАРЬ. Здѣшній хозяинъ повелъ насъ къ меру; но тамбуръ-мажоръ завелъ его на-перепутьи въ трактиръ... а какъ у меня нѣтъ ничего за душой, кромѣ трубы, такъ я принужденъ былъ вернуться, а они остались тамъ втроемъ

ТЕРЕЗА. Какъ и мужъ мой тоже?

ФАНФАРЬ. Вашъ мужъ?.. этотъ морской ракъ вашъ мужъ?.. Я думалъ, что вы его дочь.

ТЕРЕЗА. Негодай, онъ не можетъ пройти мимо трактира.

ФАНФАРЬ. Я увѣренъ, что они выйдутъ оттуда готовыми друзьями, и тамбуръ-мажоръ останется здѣсь, а я долженъ буду ночевать подъ открытымъ небомъ, если вы не сжалитесь надо мною, прекрасная хозяйка!

ЛѢ 3. О бѣдномъ гусарѣ замолвите слово;

Вашъ мужъ не пускаетъ меня на постой,

Но женское сердце добрѣе мужскаго,

И, вѣрно, смягчится оно надо мной...

Я вашего здѣсь не нарушу покоя;

Скромнѣе меня не найти изъ полка.

И если свободенъ вашъ домъ отъ постоя,

Такъ нѣтъ-ли хоть въ сердцѣ у васъ уголка!

ТЕРЕЗА. Бѣдный молодой человекъ... такъ и быть, я вамъ помогу; вы здѣсь останетесь.

ФАНФАРЬ. Ахъ, какъ мнѣ васъ благодарить.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢЖЕ, ЖОРЖЕТА, ПОТОМЪ БЕРТРАНЪ, ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ И ПЬЕРО.

ЖОРЖЕТА. Тетушка, тетушка, дялюшка ужъ воротился съ тамбуръ-мажоромъ и съ Пьеромъ. Они вся трое что-то очень развеселились.

ФАНФАРЪ. А гдѣ хозяинъ шатается, тамъ хозяйка поставитъ на своемъ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ (*аходитъ*). Трамъ,—трамъ—тамъ—тамъ.

БЕРТРАНЪ И ПЬЕРО. Тамъ, тамъ, тамъ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Стой, ровняйся, бррръ!.. (*Бертранъ и Пьеро тоже дѣлаютъ*).

ТЕРЕЗА. Прекрасно, прекрасно, вы воротились точно вареный ракъ.

БЕРТРАНЪ. Да здравствуетъ тамбуръ-мажоръ!

ПЬЕРО. Да здравствуетъ тамбуръ-мажоръ!

ТЕРЕЗА. Гдѣ вы это изволили быть?

БЕРТРАНЪ. Мы немножко погуляли съ добрымъ товарищемъ... я-было пошолъ жаловаться къ меру... да завернули въ трактиръ, а тамъ, что называется, душа мѣра! выпили по другой, по третьей, и все забыто... рѣшено, одинъ изъ нашихъ постояльцевъ долженъ быть у насъ, понимаешь?

ФАНФАРЪ. Я ужъ здѣсь!

БЕРТРАНЪ. А маленькій бѣсенокъ—ты ужъ забрался сюда, да нѣтъ, братъ, убирайся къ чорту!

ТЕРЕЗА. Пустяки, пустяки; онъ здѣсь останется.

БЕРТРАНЪ. Ни за тысячу морскихъ раковъ... Я оставляю тамбуръ-мажора.

ТЕРЕЗА. А я этого не хочу.

ФАНФАРЪ (*тихо ей*). Прекрасно, не уступайте.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ (*тихо ему*). Хозяинъ, держись.

БЕРТРАНЪ. О не безпокойся, надѣйся на меня, какъ на каменную стѣну — я стою на одномъ себѣ и беру тамбуръ-мажора; понимаешь? а трубоча мнѣ ненадо. Я здѣсь хозяинъ и больше ничего!

ТЕРЕЗА. Я хозяйка, а ты самъ ничего.

БЕРТРАНЪ (*тамбуръ-мажору*). Какъ ничего? что это она говоритъ?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ничего, ничего, не подавайся назадъ.

БЕРТРАНЪ. Трубачъ, ступай на всѣ четыре стороны.

ТЕРЕЗА. Нѣтъ, нѣтъ, онъ останется здѣсь.

БЕРТРАНЪ. Пьеро, приготовь лучшую комнату подлѣ чулана, для г. тамбуръ-мажора.

ПЬЕРО. Ура, наша взяла!

ТЕРЕЗА. Жоржета! убери эту комнату для г. трубача.

ЖОРЖЕТА. Сію-минуту, тетушка.

БЕРТРАНЪ. Будь здѣсь, какъ у себя въ казармахъ.

ТЕРЕЗА. Будьте у насъ, какъ дома.

БЕРТРАНЪ. Чортъ возьми, я этого не позволю.

ЛѢ 4 Полно-же со мною спорить!

ТЕРЕЗА.

Полно пустяки болтать!

БЕРТРАНЪ.

Трудно мужа переспорить!

ТЕРЕЗА.

А жену перекричать!

БЕРТРАНЪ.

Я беру тамбуръ-мажора!

ТЕРЕЗА,

Трубача беру я въ домъ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ И ФАНФАРЪ.

Чтобы кончить все безъ спора:

Мы останемся вдвоемъ!

ТЕРЕЗА.

И прекрасно!

БЕРТРАНЪ.

Вотъ и дѣло!

ПЬЕРО.

Двое вмѣсто одного!

ТЕРЕЗА.

Вышло такъ, какъ я хотѣла.

БЕРТРАНЪ.

Я добился своего!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ И ФАНФАРЬ.

Непріятель нашъ сдается,
Мы добились своего,
Ужъ куда солдатъ вотрется,
Такъ не выживешь его.

ТЕРЕЗА И ЖОРЖЕТА.

Здѣсь трубачъ мой остается,
Я добилась своего;
Ужъ куда солдатъ вотрется,
Такъ не выживешь его.

БЕРТРАНЪ И ПЬЕРО.

Мой пріятель остается
Мы добились своего;
Ужъ куда солдатъ вотрется,
Такъ не выживешь его!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ И ФАНФАРЬ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ (смотря на Фанфара). Гмъ!

ФАНФАРЬ (тоже). Гмъ!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ты легкая кавалерія! ты ужъ, кажется, успѣлъ подбитися къ хозяйской женушкѣ.

ФАНФАРЬ. Почему-жъ не такъ? вѣдь вы-же успѣли закачать музенька.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Не худо, если-бъ ты повернулъ отсюда на-право-кругомъ.

ФАНФАРЬ. Не хотите-ли вы прежде попробовать.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Да что тебя присушило къ этой сырой лапшкѣ?

ФАНФАРЬ. А вы что нашли хорошаго?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Я неразборчивъ; въ Египтѣ мы уживались и съ крокодилами.

ФАНФАРЬ. А мы, кавалеристы, зачастую почуемъ и въ конюшнѣ.

Признайтесь-ко лучше, попросту, вы, кажется, хотите здѣсь приволокнуться.

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Ага! плутишка догадался!

ФАУФАРЪ. За здѣшней хозяйкой?

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Вотъ выдумалъ!

ФАУФАРЪ. А! такъ за племянницей?

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Нашъ грѣхъ! Ну, а ты, кавалерійскій бѣсенокъ, кажется, хочешь вывести рыбака на свѣжую волю, и подъѣзжаешь къ самой хозяйкѣ.

ФАУФАРЪ. Можетъ-быть.

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. По-рукамъ, молодежь! я готовъ тебѣ пособить, въ случаѣ нужды.

ФАУФАРЪ. И я вамъ тоже.

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Мнѣ?.. не безпокойся, мы не вмѣемъ нужды ни въ чьей помощи. Чортъ возьми, съ этой ловкостью, съ этой молодецкой закачкой, съ этими лихими усами, съ этимъ ростомъ — осмотри-ка меня хорошенько — посторонись. (*Проходя мимо*) Какъ?

ФАУФАРЪ. Молодецъ, и смотрѣть нечего!

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Тото-же! мы на своемъ вѣку много сдѣлали несчастныхъ!

ФАУФАРЪ. Ахъ, какой счастливецъ!

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Жаль мнѣ тебя, пиголица: только я думаю, что ты при мнѣ здѣсь ни въ чомъ не успѣешь.

ФАУФАРЪ. Почему знать? иная птичка не велика, да ноготокъ востеръ.

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Смотри, чтобъ тебѣ не подрѣзали крылышковъ.

ЖОРЖЕТА (*за кулисами*). Хорошо, тетушка, сію-минуту.

ФАУФАРЪ. Жоржета.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Жоржета.

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. Куда это вы идете, моя красавица?

ЖОРЖЕТА. Я хочу нарвать цвѣтовъ въ саду для комнаты г. трубака.

ТАМЕУРЬ-МАЖОРЪ. А, понимаю. (*Фанфару*). Она не хочетъ сказать, что это для меня.

ЖОРЖЕТА. Только я не знаю, какіе цвѣты ему больше нравятся.
(Тихо) Онъ, вѣрно, пойдетъ со мною въ садъ.

ФАНФАРЬ. Помилуйте... я...

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Я знаю, какіе ему нравятся; пойдемте вмѣстѣ, я вамъ покажу.

ЖОРЖЕТА. Оставьте меня, сударь. Я и безъ васъ обойдусь. Этотъ трубачъ премиленькой, только очень безтолковъ. (Уходитъ).

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Смотри, ничего не видя, боится меня. Погоди погоди, это еще цвѣточки; она, вѣрно, пошла ожидать меня въ саду.

ФАНФАРЬ. Да вѣдь она пошла рвать цвѣты для меня.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Для тебя?.. ха, ха, ха! Дѣвушка никогда въ глаза не скажетъ того, что думаетъ: она говорила о тебѣ, а смотрѣла на меня... ну-да гдѣ тебѣ это понимать? вѣдь не вѣсмы-же родиться молотцамъ... Прощай, жалкій трубачъ... сыграй-ко здѣсь что-нибудь отъ скуки...

Въ гвардіи Французской
Милой мой служилъ!

(Уходитъ).

ФАНФАРЬ. Долговязый хвостунъ, онъ пошелъ занять мое мѣсто, а я здѣсь остался дуракъ—дуракомъ... проклятая робость, чортъ-возьми! придется съ-горя заниматься тетужкой за невмѣніемъ племянницы... такъ и быть, это будетъ мнѣ вмѣсто практики—вотъ и она.

ЯВЛЕНИЕ X.

ФАНФАРЬ и ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА. Жоржета! Жоржета!

ФАНФАРЬ. Она одна... хорошо! возьмемъ первый урокъ для храбрости.

ТЕРЕЗА. Какая безтолковая дѣвчонка. Ахъ, вы здѣсь!

ФАНФАРЬ. Здѣсь, сударыня, и очень-счастливъ, что имѣю случай... случай...

ТЕРЕЗА. А! это не дурно на первый случай! Онъ, кажется, что-то

хочетъ этимъ сказать. Ваша комната совсѣмъ готова, посмотрите.

ФАНФАРЬ. Покорно васъ благодарю, ого какая роскошь... чортъ-возьми, другой-бы здѣсь на моемъ мѣстѣ спалъ, какъ убитый, а я, вѣрно, глазъ не сомкну во всю ночь.

ТЕРЕЗА. Отчего-же?

ФАНФАРЬ. Оттого, что здѣсь есть одна особа, которая меня лишаетъ и сна и покоя.

ТЕРЕЗА. Право? кто-же это?

ФАНФАРЬ. Ахъ! Я никогда не осмѣлюсь признаться.

ТЕРЕЗА. Не осмѣлитесь? Онъ совсѣмъ не похожъ на гусара!.. Почему-же? въ ваши года это очень-простительно.

ФАНФАРЬ. Неужели? и вы мнѣ позволяете?

ТЕРЕЗА. Да, мнѣ-бы хотѣлось знать, такъ, изъ любопытства.

ФАНФАРЬ. Ну, если-бъ это была вы?

ТЕРЕЗА. Какъ? что-такое? вы забываетесь!

ФАНФАРЬ. Ну, ну, ну, вотъ я этого ожидалъ — я зналъ, что вы разсердитесь. Впрочемъ, вѣдь это не вы (оно такъ и правда). Я сказалъ только, если-бы...

ТЕРЕЗА. А если-бы...

ФАНФАРЬ. Да-съ, если-бъ я въ-самомъ-дѣлѣ въ васъ влюбился, что-бы мнѣ тогда надо было дѣлать?..

ТЕРЕЗА. Ахъ, какіе смѣшные вопросы?

ФАНФАРЬ. Если-бы, напримѣръ, я взялъ васъ за руку.

ТЕРЕЗА. Ну что-жъ, это, я думаю, позволительно.

ФАНФАРЬ. А если-бъ поцѣловалъ ее?

ТЕРЕЗА. Ну, и это небольшое преступленіе.

ФАНФАРЬ. Если-бъ приложилъ ее къ своему сердцу?

ТЕРЕЗА. Ну, положимъ такъ, а потомъ...

ФАНФАРЬ. Потомъ поцѣловалъ-бы васъ... и сказалъ-бы вамъ...

ТЕРЕЗА. Скажите, пожалуйста, онъ въ-самомъ-дѣлѣ цѣлуется, какіе гусары дерзкіе! Ну, а если-бъ въ это время вошелъ мой мужъ.

ФАНФАРЬ. Но такъ, какъ его нѣтъ здѣсь, такъ я-бы васъ поцѣловалъ еще разъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ и Тамбуръ-мажоръ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Bravo, молодежь!

ТЕРЕЗА (*убѣгал*). Ахъ я пропала!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Не безпокойтесь, я ничего не видалъ — я близорукъ — ай-да легкая кавалерія!

ФАУФАРЪ. А нелегкая васъ принесла сюда!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ты, кажется, здѣсь по-хозяйскіи распоряжаешься...

ФАУФАРЪ. Ну, а какъ идутъ ваши дѣла?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Пока не очень-хорошо; я не отыскалъ моей красавицы ни въ саду, ни въ огородѣ.

ФАУФАРЪ. Вотъ видите, стало-быть, она не для васъ туда пошла.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Какъ-бы не такъ... это все хитрости. А, да-вотъ она идетъ изъ саду... вѣрно, соскучилась дожидаться меня...

Ну, труба, убирайся отсюда, мы обойдемся безъ музыки.

ФАУФАРЪ. Да куда-же я пойду?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Куда хочешь, только не мѣшай намъ.

ФАУФАРЪ. А вы, небось, мнѣ помѣшали.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ну, ну, безъ возраженій... музыкантъ долженъ слушаться тамбуръ-мажора! Ступай, займись своей музыкой!

ФАУФАРЪ. Но я хочу...

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ступай-же, ступай, когда тебѣ говорятъ.

ФАУФАРЪ. Хорошо-же, я не дамъ тебѣ объясниться съ Жоржетой! Я буду трубить во все горло!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тамбуръ-мажоръ и Жоржета (съ букетомъ).

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Смѣлый Дромалеръ, не зъвай — тихимъ шагомъ марш!

ЖОРЖЕТА (входя). Какая досада! опять онъ здѣсь, а трубачъ точно нарочно прячется отъ меня. Я оборвала для него лучшіе цвѣты изъ нашего сада; а онъ не думаетъ объ этомъ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Позвольте васъ спросить, бенгальская роза, для кого вы приготовили этотъ роскошный букетъ?

ЖОРЖЕТА. Не для васъ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Но это коротко, но неясно! Куда-же вы идете?

ЖОРЖЕТА. Оставьте меня.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Одну минуточку.

ЖОРЖЕТА. За чѣмъ?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Вы должны меня выслушать.

ЖОРЖЕТА. Какой несносный!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Неужели, жестокая красавица, вы будете равнодушны? (*Слышна труба*). О, проклятый Фанфаръ.

ЖОРЖЕТА. Ахъ, это милый трубачъ! какъ онъ прекрасно играетъ!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Неужели вамъ нравится эта раздрающая музыка? Посмотрите лучше на меня; неужели эта блестящая фигура, эти глаза, горящіе египетскимъ зноемъ... этотъ... этотъ чертенокъ меня взбѣситъ; онъ нарочно фальшивитъ, не на-животъ, а на-смерть, чтобъ заглушить мое объясненіе... Выслушайте меня, прекрасная Жоржета!

ЖОРЖЕТА. Пойдите, пойдите, вы мнѣ мѣшаете слушать.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Какъ вамъ не стыдно! Если вы любите музыку, то завтра-же приведу сюда весь нашъ полковой оркестръ, только теперь позвольте сказать вамъ... Ахъ, разбойникъ, онъ меня заржетъ своей трубой... Одно слово, жестокая красавица, одно слово... и все кончено... (*Выстрѣлъ за кулисами*). Это что еще?

ЖОРЖЕТА. Ахъ, Боже мой, кто это стрѣляетъ?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Это, вѣрно, все онъ изводитъ потѣшаться?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ, БЕРТРАНЪ, ПЬЕРО, ТЕРЕЗА, *потомъ* ФАНФАРЪ.

БЕРТРАНЪ (*входя*). Что это значитъ? что за шумъ? кто здѣсь стрѣляетъ?

ТЕРЕЗА. Что такое? что случилось?

ФАНФАРЪ. Не безпокойтесь, любезный хозяинъ, это я... Я возвращаюсь съ охоты... Вы-бы, вѣрно, насъ поподчивали рыбой, а мы, военные, не охотники до постнаго, и я убилъ вамъ на ужинъ двухъ дикихъ утокъ.

БЕРТРАНЪ. Что я вижу? какія къ-чорту дикія, это мои домашнія утки...

ФАНФАРЪ. Ха, ха, ха! неужели! извините, любезный хозяинъ.

ПЬЕРО. Ахъ, Боже мой! Это зизи и зозо, которыхъ хозяинъ берегъ для своего рожденя.

БЕРТРАНЪ. Вотъ хороши попались мнѣ постояльцы! Они этакъ, пожалуй, за всѣмъ моимъ домашнимъ добромъ будутъ охотиться.

ТЕРЕЗА. Ну, что за важность, что мальчикъ подстрѣлилъ старыхъ утокъ.

ПЬЕРО. Какъ старыхъ! одной было шесть, а другой семь лѣтъ. Это совершенно дѣтскіе года.

БЕРТРАНЪ. Нечего дѣлать, придется ихъ зажарить прежде времени. Приготовляйте-же столъ, а я пока распоряжусь ужиномъ.

(Уходитъ).

ТЕРЕЗА. Помогите мнѣ, господа.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. О, я весь къ вашимъ услугамъ.

ЖОРЖЕТА (тихо Фанфару). Какіе вы жестокіе! За что вы убили этихъ бѣдныхъ утокъ?

ФАВФАРЪ (тихо). Чтobъ помѣшать этому гусю объясняться съ вами... Да, я съ досады-бы все здѣсь перебилъ и переломалъ!

ЖОРЖЕТА. А! такъ это вотъ для чего? О, такъ вы добрые!

ФАВФАРЪ. Мнѣ непременно надобно сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ; согласитесь придти меня выслушать.

ЖОРЖЕТА. Какъ это можно? никогда, никогда... а гдѣ вы будете?

ФАВФАРЪ. Я не знаю, назначьте сами мѣсто.

ЖОРЖЕТА. Послѣ ужина, я буду здѣсь...

ТЕРЕЗА. Что ты тамъ дѣлаешь, Жоржета?

ЖОРЖЕТА. Я вижу тарелокъ, тетушка.

ТЕРЕЗА. Да онъ ужъ на столъ, поставь-ка лучше стаканы.

ЖОРЖЕТА. Сейчасъ, тетушка, сейчасъ.

ТЕРЕЗА (тихо). Вы, кажется, уронили какую-то записку.

ФАВФАРЪ. Нѣтъ-съ, у меня никакой не было.

ТЕРЕЗА. Тсъ!

ФАВФАРЪ (протя записку). А! понимаю!.. Вотъ тебѣ разъ; еще свиданіе... не могу-же я быть на двухъ въ одно время... что мнѣ дѣлать?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ (тихо Жоржетѣ). Послушайте, моя красавица, если вы бонтесъ по ночамъ, такъ я буду ходить дозоромъ около вашего окошка.

ЖОРЖЕТА. Не нужно, я сплю очень-спокойно.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ну, все-равно... куда выходитъ ваше окно, въ садъ?

ЖОРЖЕТА. Да, въ садъ, противъ большаго каштана.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Противъ большаго каштана, прекрасно!

ФАВФАРЪ (тихо). Ахъ, какая счастливая мысль! Послушай, любезный!

ПЬЕРО. Что прикажете?

ФАНФАРЬ. Поди сюда; послѣ ужина отдай тихонько эту записку тамбурь-мажору—и скажи ему, что вельно отдать отъ одной женщины...

ПЬЕРО. А! прекрасно! отъ женщины моему красавцу?.. отдамъ, непременно отдамъ.

ФАНФАРЬ. Только, чтобъ никто не зналъ объ этомъ.

ПЬЕРО. О, я съумѣю молчать, какъ ряпушка.

БЕРТРАНЬ (входя). Садитесь, садитесь ужинать... Вотъ уха изъ живой рыбы.

всѣ. За столъ, за столъ!

(Садятся).

ПЬЕРО. Что это? мнѣ сегодня и мѣста нѣтъ.

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ. Постой, я тебѣ сыщу: становись здѣсь, ты будешь намъ прислуживать.

ПЬЕРО. Для васъ, прекрасный тамбурь-мажоръ, я готовъ быть и за столомъ, и подъ столомъ, и гдѣ вамъ угодно,

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ. Здоровье добраго хозяина!

БЕРТРАНЬ. Твое здоровье, храбрый тамбурь-мажоръ!

ФАНФАРЬ. Здоровье прекрасной хозяйки!

ТЕРЕЗА. Благодарю васъ!

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ. Рыбакъ, наливай полнѣе.

ПЬЕРО. Пейте черезъ край, тамбурь-мажоръ.

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ. Ну, водяной хозяинъ, у тебя славное вино, гдѣ ты его выкопалъ?

БЕРТРАНЬ. О, для добрыхъ пріятелей, мы достанемъ хоть со дна морскаго...

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ. Ужинъ безъ вина не вкусенъ, а вино безъ пѣсни не весело. Я вамъ спою любимую пѣсню, которую мнѣ сочинилъ въ Египтѣ одинъ изъ нашихъ полковыхъ стихотворцевъ. Онъ ее сложилъ, ѣхавши на верблюдѣ, во-время похода.

ФАНФАРЬ. Ну, послушаемъ вашу верблюжью пѣсню.

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ.

Кто впереди воинственныхъ полковъ,
Какъ грозный левъ величественъ и страшень,
Ведетъ на бой гвардейскихъ молодцовъ,
Весь золотомъ и перьями украшенъ?
Вертитъ своей блестящей булавою,
Горятъ огнемъ убійственные взгляды,

За нимъ штыки и барабанный бой...
Тамбуръ-мажоръ седьмой полу-бригады!

Кто на пиру, въ кругу своихъ друзей
Душа бесѣдъ и братскаго веселья,
Кто пьетъ другихъ и больше и скорѣй,
И никогда не чувствуетъ похмѣлья!
Кто неудачъ не встрѣтилъ никогда,
Въ любви, въ войнѣ не знаетъ ретирады?
Гроза мужей, а женщинамъ бѣда...
Тамбуръ-мажоръ седьмой полу-бригады!

БЕРТРАНЪ и ПЬЕРО. Славно, лихо!

ТЕРЕЗА. Однако-жъ завтра, рано утромъ, у васъ большая ловля, и потому сегодня надо пораньше лечь, а то ты опять проспшишь.

БЕРТРАНЪ. Да, да, въ-самомъ-дѣлѣ. Ну, друзья мой, по квартир-рамъ, на боковую!

ЖОРЖЕТА. Тетушка!.. вы сегодня запрете мою комнату, а то мнѣ что-то страшно.

ТЕРЕЗА. Да, да, этакъ тебѣ будетъ покойнѣе. *(Тихо)* И мнѣ тоже.

ФАНФАРЪ *(тихо)*. Какъ-же вы общали мнѣ...

ЖОРЖЕТА. Тихе, тихе, это мое дѣло... Прощайте, дялюшка, прощайте господа...

ТЕРЕЗА *(затирала за нею двери)*. Прощай, прощай, спи спокойно. Ну, что-же, скоро-ли кончите?

БЕРТРАНЪ. Еще по послѣднему стаканчику, и концы въ воду.

ТЕРЕЗА. Ваша комната здѣсь, г. трубачъ, а ваша тутъ — прощай те... у меня что-то слипаются глаза.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Прощайте, добрая хозяйюшка!

ФАНФАРЪ. Ну, и я отправлюсь, — у меня тоже ноги подгибаются.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ха, ха, ха! Ноги подгибаются! О, избалованная кавалерія... они привыкли путешествовать на четырехъ ногахъ, а мы пѣхотные молодцы цѣлый вѣкъ на своихъ на двоихъ.

ФАНФАРЪ Прощай; хозяинъ, благодарю за угощенье.

(Уходитъ).

БЕРТРАНЪ. Ну, Пьеро, убери ужинъ, а я зайду къ сосѣдямъ, условиться о завтрашней ловлѣ.

ТАМБУРЬ-МАЖОРЪ. А я пойду сниму свой парадный мундиръ и закурю походную трубку.

БЕРТРАНЪ. Ну, до свиданія!

(Уходитъ).

ТАМБУРЬ-МАЖОРЪ. До свиданія! Запремъ на всякій случай трубача, чтобъ онъ не помъшалъ намъ; этакъ будетъ вѣрнѣе; теперь отправимся на часы у большаго каштана.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПЬЕРО (одинъ).

Ай-да военные! такъ славно убрали нашъ ужинъ, что мнѣ кромѣ пустыхъ тарелокъ и бутылокъ нечего больше убирать; особенно тамбурь-мажоръ, молодець, ѣсть какъ быкъ, и пьетъ какъ рыба... ну, а этотъ маленькій трубачъ — такъ себѣ ни рыба, ни мясо... Ахъ я, кривая камбала... и забылъ объ его порученіи! онъ мнѣ велѣлъ отдать записку тамбурь-мажору послѣ ужина... ужъ не потерялъ-ли я ее... нѣтъ, нѣтъ, вотъ она. Эй! г. тамбурь-мажоръ, воротитесь, воротитесь! Послушайте! Мнѣ вѣрно вамъ отдать потихоньку любовную записочку... чтобъ никто не слышалъ. (Кричитъ громко). Слышите-ли, потихоньку! Нѣтъ, и слѣдъ простылъ! Этакій счастливецъ!... Сколько, я думаю, онъ, на своемъ вѣку получилъ такихъ записокъ... а вотъ со мной женщины и говорить-то не хотятъ, а ужъ записки не дождешься. Да впрочемъ, оно справедливо, я почти совсѣмъ читать не умѣю. Попробую однако... не разберу-ли какъ-нибудь по складамъ. Письмо не запечатано, посмотримъ... Вотъ тебѣ разъ... Откуда-же начать?.. Отсюда или отсюда—попробую сверху.

ЯВЛЕНІЕ XV.

БЕРТРАНЪ и ПЬЕРО.

БЕРТРАНЪ. Чортъ возьми... если это правда. Попался-же я въ тиски... Этотъ проклятый тамбурь-мажоръ перемѣнилъ уже двѣнадцать квартиръ, какъ говорятъ мои сосѣди, и его нигдѣ больше двухъ дней не держали.

ПЬЕРО. «Я буду». А вотъ тутъ какая-то закорючка... Охъ, эти женщины! говорить мастерицы, а пишутъ ни на что не похоже, ничего не поймешь.

БЕРТРАНЪ. Что такое? женщины!

ПЬЕРО. А! это ты, крестный?

БЕРТРАНЪ. Что ты тутъ дѣлаешь?

ПЬЕРО. Читаю любовную записку.

БЕРТРАНЪ. Записку? отъ кого?

ПЬЕРО. Ну, ужъ объ этомъ спроси того, кто ее писалъ.

БЕРТРАНЪ. А кто ее писалъ?

ПЬЕРО. Объ этомъ спроси тамбуръ-мажора, потому-что записка къ нему.

БЕРТРАНЪ. Къ нему? А кто тебѣ ее отдалъ?

ПЬЕРО. Объ этомъ спроси трубача: онъ велѣлъ сказать, что это отъ одной женщины.

БЕРТРАНЪ. Подай сюда... Чортъ возьми, ничего не вижу. Принеси свѣчку.

ПЬЕРО (*уходя*). Ахъ, Боже мой! а вѣдь я не догадался со свѣчкой попробовать.

БЕРТРАНЪ. А, проклятый тамбуръ-мажоръ! ты ужъ двѣнадцать мужей обманулъ... Хорошо-же, тринадцатый раздѣляется съ тобою за всѣхъ... я тебѣ задамъ дружбу.

ПЬЕРО (*возвращается со свѣчкой*). Вотъ огонь!

БЕРТРАНЪ. Давай, давай, скорѣй... Что я вижу! Неужели!.. въ глазахъ потемнѣло.

ПЬЕРО. Не привести-ли другую свѣчку?

БЕРТРАНЪ (*въ-сторону*). Это рука моей жевы... Свиданіе, свиданіе въ десять часовъ.

ПЬЕРО. А свиданіе!.. я такъ и думалъ.

БЕРТРАНЪ. Гдѣ онъ? Гдѣ этотъ египетскій крокодилъ?

ПЬЕРО. Онъ, кажется, пошолъ переодеться.

БЕРТРАНЪ. Поди, отыщи его, и отдай ему эту записку.

ПЬЕРО. Сю-минуту... Ахъ, крестный, какой ты добрый.. вѣдь поди-ко другой-бы на твоёмъ мѣстѣ... а отъ кого эта записка?

БЕРТРАНЪ. Не твое дѣло... ступай скорѣй!

ПЬЕРО. Бѣгу... бѣгу... Такъ ты сказалъ, что это свиданіе...

БЕРТРАНЪ. Да, чортъ возьми!

ПЬЕРО. Въ которомъ часу?

БЕРТРАНЪ. Въ десять часовъ.

ПЬЕРО. Гдѣ?

БЕРТРАНЪ. У насъ въ саду.

ПЬЕРО. Прекрасно... попытаюсь на счастье!...

БЕРТРАНЪ. Ты еще не ушолъ?

ПЬЕРО. Ушолъ, ушолъ.

(Убѣгаетъ)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

БЕРТРАНЪ одинъ, потомъ ПЬЕРО.

А египетскій разбойникъ, ты добираться до тринадцатаго мужа... нѣтъ погоди, погоди, пойду подговорю сосѣдей мнѣ пособить... возьму свои сѣти, подкараулю, наброшу ихъ на него, онъ въ нихъ запутается, и тутъ то мы его примемъ со всѣхъ сторонъ. О, оскорбленные мужа должны имѣть мужество... Мы его славно отдѣлаемъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось ловить сѣтями на сухомъ пути, но за то я избавлю весь околотокъ отъ этого сухопутнаго чудовища.

Страшисъ меня, двуногій звѣрь!

Иду на варварскую ловлю...

Ты не предчувствуешь теперь,

Какую штуку я готовлю.

Нѣтъ, ты не на того напалъ!

Ужъ отъ меня не увернешься:

Ты женамъ сѣти разставлялъ

И въ мужу въ сѣти попадешься!

Когда-жъ удастся совлалать

Съ такимъ соперникомъ опаснымъ,

Такъ буду сѣти отдавать

Я на-прокатъ мужьямъ несчастнымъ!

(Уходитъ).

ПЬЕРО (*переодѣтый въ платье тамбуръ-мажора*). Вотъ и я... Тамбуръ-мажоръ переодѣлся въ свой сюртукъ и, вѣрно, ушолъ въ садъ, а я пошеголяю въ его нарядъ... Этотъ мундиръ точно на меня сшитъ... нигдѣ не жметъ... шапка немножко велика, за то палка въ-самую-пору. Какъ досадно, что я не могу видѣть свою воинственную фигуру. Мнѣ кажется, я выросъ на полъ-аршина. Трамъ, трамъ, трамъ. Въ-потьмахъ никто не узнаетъ меня. Оправлюсь же за него на свиданіе... Посмотримъ, кто прислалъ ему эту лю-

бовную записку. О, я увѣренъ, что не въ своемъ видѣ, я неуремненно поправляюсь этой неизвѣстной красавицѣ.

На свѣтъ много нашей братьи
 Берутъ наружностью одной;
 Вотъ я надѣлъ чужое платье
 И сдѣлался ужъ самъ не свой.
 Конечно хотъ воронѣ стыдно
 Въ павлиньихъ перьяхъ щеголять,
 Да, благо ничего не видно,
 Такъ тутъ себя и показать.
 Впередъ! впередъ! я расхотѣлся,
 И вплоть до завтра не уймусь.
 Я такъ ужасно расхрабрился,
 Что дажеза себя боюсь!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Фанфаръ, въ окошкѣ и Жоржета тоже.

ФАНФАРЪ. Ничего не слышно!

ЖОРЖЕТА. Ничего нѣтъ.

ФАНФАРЪ. Тс.... тс...

ЖОРЖЕТА. Тс... тс...

ФАНФАРЪ. Кто идетъ?

ЖОРЖЕТА. Это я... Жоржета...

ФАНФАРЪ. Ахъ, какое счастье! Всѣ спать... и мы можемъ видѣться въ этой комнаткѣ, выходите...

ЖОРЖЕТА. Ахъ это невозможно... я заперта.

ФАНФАРЪ. Зачѣмъ-же вы сами просили объ этомъ вашу тетюшку.

ЖОРЖЕТА. Какіе вы недогадливые... вы отоприте мнѣ... она всегда кладетъ ключъ на шкафъ.

ФАНФАРЪ (исчезаетъ). А, это прекрасно, я сію минуту его достану.

ЖОРЖЕТА. Поскорѣе, поскорѣе, чтобъ кто-нибудь не помѣшалъ.

ФАНФАРЪ. Чортъ возьми! я не могу выйти, меня тоже заперли.

ЖОРЖЕТА. Ахъ, Боже мой, кто-же васъ заперъ?

ФАНФАРЪ. Это, вѣрно, проклятый тамбуръ-мажоръ; но все-равно, я выломаю двери.

ЖОРЖЕТА. Какъ можно, вы нашумите, и тогда все пропало.

ФАНФАРЬ. Ваша правда, тѣмъ-болѣе, что у меня и силы не хватитъ на эту штуку. Короче всего, я вылезу въ это окошко.

ЖОРЖЕТА. Да вы не пролезете.

ФАНФАРЬ. Попробуемъ!

ЖОРЖЕТА. Тѣше, тише, не ушибитесь.

ФАНФАРЬ (*вылезая*). О, для васъ, я на все готовъ... Ура! наша взяла, шкафъ долженъ быть здѣсь, а! вотъ онъ... вотъ и ключъ. (*Отпираетъ дверь*). Побѣда!

ЖОРЖЕТА (*выходитъ изъ комнаты*). Ахъ, какіе вы ловкіе.. тсъ.. тише, тише, у тетушки въ комнату что-то шумить.

ФАНФАРЬ. Это, вѣрно, она изволитъ отправляться на свиданіе, которое назначила мнѣ.

ЖОРЖЕТА. Неужели! ай, ай, замужняная женщина!.. какъ это нехорошо. (*Разбиваютъ стекло за кулисами*).

ФАНФАРЬ. Постойте, постойте, кажется, кто-то разбилъ окошко въ моей комнатѣ..

ЖОРЖЕТА. А! это, вѣрно, тамбуръ-мажоръ; онъ принялъ вашу комнату за мою; онъ давеча спрашивалъ, куда выходить мое окно, и я ему сказала, что оно противъ большаго каштана.

ФАНФАРЬ. Прекрасно, прекрасно, онъ заперъ меня на свою голову и самъ не выйдетъ оттуда, а черезъ это окно онъ до завтра не пролезетъ.

ЖОРЖЕТА. Тише, тише, вотъ тетушка.

ФАНФАРЬ. Спрячемся. (*Прячутся за шкафъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢЖЕ И ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА. Это не понятно, сейчасъ я видѣла изъ своего окна длинную тѣнь, которая лезла на большой каштанъ.

ФАНФАРЬ (*тихо*). Ха, ха, ха! Это тамбуръ-мажоръ.

ТЕРЕЗА. Хорошо, что я заперла Жоржету, а то этотъ шумъ разбитаго стекла... Однакожъ прежде чѣмъ уйти, надо увѣриться, спитъ-ли она. Боже мой, ключъ въ замкъ, дверь отперта.. Ахъ негодная, что это значитъ, посмотримъ. (*Идетъ въ комнату*).

ФАНФАРЬ. Bravo, она тоже сама попалась въ западню.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ (*въ окошкѣ*). Кой чортъ, куда я попалъ, здѣсь никого нѣтъ и кажется, я въ засадѣ.

ТЕРЕЗА (*тоже въ другомъ окошкѣ*). Ея здѣсь нѣтъ, куда она исчезла, здѣсь тоже ничего не видно. (*Фанфаръ хохочетъ*).

ЖОРЖЕТА. Тише, тише.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Тамъ кто-то шепчетъ.

ТЕРЕЗА. Здѣсь кто-то ходитъ.

ТАМБУРЪ МАЖОРЪ. Я ни за что не пролѣзу въ это окно. Чортъ возьми, въ первый разъ въ жизни мнѣ досадно на свою толщину,

ТЕРЕЗА. Ничего не видно, зажгу свѣчку. (*Исчезаетъ*).

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Пойду достану огня. (*Тоже*).

ЖОРЖЕТА. Ну, говорите скорѣе, что вы давеча хотѣли сказать.

ФАНФАРЪ. Тѣ, что я васъ ужъ давно люблю; я цѣлыхъ двѣ недѣли ходилъ мимо вашего дома и просилъ сержанта, чтобъ онъ назначилъ здѣсь квартиру.

ЖОРЖЕТА. Неужели? Я сама тоже давно васъ замѣтила. Вы вчера, кажется, здѣсь проходили?

ФАНФАРЪ. Ахъ, каждый день, каждый день. Такъ вы меня замѣтили?.. О, какъ я счастливъ! Позвольте-же мнѣ на радости поцѣловать васъ.

ЖОРЖЕТА. Какъ это можно.

ФАНФАРЪ. Здѣсь никто не увидитъ. (*Цѣлуетъ ее; въ это время тамбуръ-мажоръ и Тереза выглядываютъ изъ окошекъ со свѣчками, въ среднія двери входитъ Бергранъ*).

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Кто здѣсь?

ТЕРЕЗА. Кто тутъ?

БЕРГРАНЪ. А, попались!

ЖОРЖЕТА и ФАНФАРЪ. Ахъ! ахъ! (*Разбѣгаются*).

ТЕРЕЗА. Ахъ, мой мужъ! (*Задуетъ свѣчу*).

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Рыбакъ! (*Тоже*).

ЯВЛЕНИЕ XIX.

БЕРГРАНЪ, ЖОРЖЕТА и ФАНФАРЪ. (*Спрятавшись*).

БЕРГРАНЪ (*съ большой палкой*). Попались голубчики! Кто здѣсь? отвѣчайте, а не то убью, непременно убью, если только подъ руку попадется — молчать! А! трусы!.. Испугались! Вы не выйдете отсюда. Ничего не слышно и визги не видно. Это не можетъ быть тамбуръ-мажоръ... Мы его сію-минуту только отколотили — всѣ 12-ть обиженныхъ мужей и даже съ будущимъ. Я на свою руку охулки не положилъ! Онъ перемѣнилъ голосъ, разбойникъ, нарочно

слезился и бросился бѣжать, за нимъ погнались всѣ двѣнадцать мужей!.. Они его славно отдаютъ... Но кто-же здѣсь цѣловался. Ну, кто-бы ни былъ, запру здѣсь этихъ цѣловальниковъ и пойду за фонаремъ. (*Уходитъ*).

ФАВФАРЪ. Теперь намъ нѣтъ спасенія; онъ придетъ съ огнемъ и тогда все пропало.

ЖОРЖЕТА. Не бойтесь, есть еще одно средство: я отпру дверь у тетушки, а вы у тамбуръ-мажора. Станемъ кажлый у своей двери, и лишь только они оттуда выйдутъ, мы тотчасъ туда войдемъ.

ФАВФАРЪ. О, лучше этого ничего нельзя придумать, но мы такъ перепугались, что я не знаю гдѣ правая, гдѣ лѣвая сторона; моя комната была на-право.

ЖОРЖЕТА. А моя на-лѣво... Кажется здѣсь.

ФАВФАРЪ. Вотъ какая-то дверь, вотъ и ключъ, прекрасно!

ЖОРЖЕТА. Я тоже отыскала.

ФАВФАРЪ. Отопремъ-же вмѣстѣ.

ТЕРЕЗА (*выходя изъ комнаты*). Дверь отворяется...

ФАВФАРЪ (*проскакивая въ комнату*). И запирается.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Ага? меня кто-то выпускаетъ, я выхожу.

ЖОРЖЕТА. И я ухожу. (*Уходитъ въ комнату*).

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ, ТЕРЕЗА, потомъ БЕРТРАНЪ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Теперь надо добраться до своей казармы.

ТЕРЕЗА. Войду въ свою комнату. (*Сходятся на серединѣ*).

БЕРТРАНЪ (*возвращается съ фонаремъ*). Вотъ теперь я все узнаю!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Куда теперь идти, ничего не видно.

ТЕРЕЗА. Гдѣ-же моя комната?

БЕРТРАНЪ. А! голубчики попались!

ТЕРЕЗА и ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Мужъ! опять эта проклятая акула!

БЕРТРАНЪ. Какъ! Тамбуръ-мажоръ!.. что я вижу? когда-же вы успѣли переодѣться... Тамъ только доколачивали, а вы ужъ за старую замашку.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Что такое? Доколачивали? Какая дерзость! Это можно сдѣлать со мной только зочно.

БЕРТРАНЪ. Это колдовство! Тамъ его бьютъ, а онъ здѣсь цѣлуетъ съ моей женой!

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Что? Цѣлуется... да я ее въ глаза не видалъ.

БЕРТРАНЪ. Вѣрю, вѣрю, вы цѣловались въ-потемкахъ.

ТЕРЕЗА. Съ чего ты берешь? Я только сію минуту пришла сюда.

БЕРТРАНЪ. Какъ-же вы здѣсь очутились вмѣстѣ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Позвольте, позвольте, на счетъ нравственности я ужасный человекъ: я здѣсь обходилъ дозоромъ и хотѣлъ посмотреть, на своемъ-ли мѣстѣ трубачъ.

ТЕРЕЗА. А я вышла заглянуть, спить-ли Жоржета?

ЯВЛЕНИЕ XXI.

ТѢЖЕ, ФАНФАРЪ, и ЖОРЖЕТА.

ФАНФАРЪ. Кто меня спрашиваетъ? Я здѣсь и никуда не выходилъ отсюда.

ЖОРЖЕТА. Я... я тоже спала безъ просыпу.

ВСѢ. Что я вижу!

БЕРТРАНЪ. Еще новое колдовство — племянница заснула въ своей комнатѣ, а проснулась въ другой, а трубачъ тоже переѣхалъ на другую квартиру — это что за путаница!

Вдѣлѣ { ФАНФАРЪ. Ай-ай, я попалъ на-лѣво.

ЖОРЖЕТА. Ай-ай, мы ошиблись дверями!

ФАНФАРЪ. Теперь мудрено вышутаться... Тамбуръ-мажоръ, вступитесь за насъ.

БЕРТРАНЪ. Что-же это все значитъ? Растолкуйте мнѣ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Позвольте, дѣло очень-ясное. Храбрый рыбакъ, ты кстати принесъ свой фонарь, ты теперь все ясно увидишь. Слушай хорошенько. Когда непріятель думаетъ сдѣлать засаду, онъ употребляетъ хитрость; противникъ его тоже съ своей стороны разставляетъ сѣти. Когда правое крыло занимаетъ непріятельскую позицію, лѣвое старается ударить его въ голову—непріятель отступаетъ, барабаны бьютъ, трубы трубятъ, и дѣло кончено. Вотъ причина, по которой они попали въ разныя комнаты.

БЕРТРАНЪ. Что онъ тутъ набарабанилъ: крыло ударило въ голову... Я ничего не понимаю. Кончится тѣмъ, что я прогоню васъ обоихъ въ три-шеи! Это будетъ всего короче.

ЖОРЖЕТА. Пойдите дядюшка, я вамъ все лучше расскажу: ви-

дите-ли, какъ было дѣло: тетушка давеча немного захворала и уступила свою комнату г. трубочу, а сама заняла его комнату, чтобъ быть подлѣ меня въ случаѣ нужды. Лучше-ли вамъ, тетушка!

ТЕРЕЗА. Да, да, мой другъ, это правда. Теперь я совсѣмъ здорова! О, плутовка! вотъ за это у нея хватило ума.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЬЕ.

ТѢЖЕ И ПЬЕРО.

ПЬЕРО. Ай-ай помогите, помогите! Доктора! Костопрва! Зубнаго врача! Пявокъ, ромашки, летучей мази, спирту, лечите, лечите меня!

всь. Что съ тобой:!

БЕРТРАНЬ. Какъ это ты въ этомъ нарядѣ?

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ. Мой мундиръ! Онъ весь разорванъ! какое безчестіе!

ПЬЕРО. Да, я хотѣлъ за васъ пофрантить, а меня за васъ отколотили со всѣхъ четырехъ сторонъ!

БЕРТРАНЬ. Какъ, негодяй, такъ мы тебя колотили?!

ПЬЕРО. Вотъ еще говорятъ: рыбакъ рыбака видитъ издалека... ничего не бывало: наши сосѣди въ двухъ шагахъ не узнали меня и отколотили, какъ сухую треску... Какой-то мошенникъ накинулъ еще на меня сѣти... я въ нихъ запутался и не могъ подняться на ноги!

БЕРТРАНЬ. Ахъ, негодяй... Это я тебя подкараулилъ.

ПЬЕРО. Такъ я запутался въ своихъ сѣтяхъ? Спасибо, крестный, славно ты окрестилъ меня, вѣкъ не забуду этого.

БЕРТРАНЬ. Да зачѣмъ ты надѣлъ это платье?

ПЬЕРО. Да всему причиной эта дявольская записка: вотъ она, возьмите.

ТАМБУРЬ-МАЖОРЬ. Какая записка?

БЕРТРАНЬ. Эта записка отъ тебя, сударыня?

ТЕРЕЗА. Я пропала!

ФАНФАРЬ. Позвольте, эта записка ко мнѣ.

БЕРТРАНЬ. Къ тебѣ... это что еще?

ЖОРЖЕТА. Пойдите, тетушка, я все поправлю. Вотъ въ чомъ дѣло дядюшка... Тетушка ни въ чомъ невиновата, г. Фанфарь меня любитъ, и просилъ ее, чтобъ она выпросила у васъ согласіе на нашу свадьбу... Здѣсь имъ мѣшали... Тетушка и написала ему, чтобъ

онъ пришолъ въ садъ переговорить объ нашей свадьбѣ, не такъ-ли тетушка?

ТЕРЕЗА. Да, да, мой другъ, это совершенно справедливо.

БЕРТРАНЪ. Вотъ что!.. а я, дуракъ, воображалъ чортъ знаетъ что-такое?

ЖОРЖЕТА. Такъ вы согласитесь на нашу женитьбу, дялюшка?

БЕРТРАНЪ. Да, да, соглашусь, когда у него выростутъ усы...

ФАНФАРЪ. О, до этого не далеко...

ЖОРЖЕТА. Вотъ, тетушка, давеча вы говорили, будто я такъ глупа, что никогда не найду мужа, я я вотъ нашла, да еще въ-потьмахъ.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Тутъ точно дѣло темное. Кажется, рыбака вывели на чистую воду. И такъ дѣло кончено, завтра я перемѣню квартиру.

БЕРТРАНЪ. Ну, слава Богу, стало-быть у насъ все теперь въ порядкѣ, и я опять свободенъ отъ постоя?

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ. Все въ порядкѣ, кромѣ моего параднаго мундира, по милости этого дурака.

ПЬЕРО. Да, да, а какво меня отдѣлали по вашей милости!

Х О Р Ъ .

Пусть вашъ военный приговоръ
 Намъ дастъ рѣшенье роковое:
 Останетсяя Тамбуръ-мажоръ,
 Или свободенъ отъ постоя?

II. КАРАТЫГИНЪ.

ЮМОРИСТИКА.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗЪВАКИ.

Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ.

Наполеонъ.

§ I.

Вступленіе.—Значеніе слова «зѣвака».—Опредѣленіе юмора.—Исторія его.—Юморъ древнихъ.—Шекспиръ.—Юморъ въ Англіи.—Байронизмъ.—Юморъ въ Германіи.—Жанъ-Поль.—Фаустъ.—Юная Германія.—Школа Гегелистовъ.—Юморъ въ Италіи.—Сервантесъ.—Юморъ во Франціи.—Вольтеръ.—Наполеонъ.—Девизъ Юмористики.—Юльская революція.—Школа серьёзныхъ писателей.—Школа писателей юмористическихъ.—Иллюстрированная юмористика.—Журнальный юморъ.—Альфонсъ Каррь.—Юморъ въ Россіи.—Каптемиръ.—Екатерина II.—Новиковъ.—Карамзинскій періодъ.—Пушкинъ.—Крыловъ.—Горе отъ ума.—Гоголь.—Лермонтовъ.—Современные русскіе юмористы.—Обязанность и цѣль юмориста.—Заключеніе.—

...Изо всѣхъ должностей, изобрѣтенныхъ человечествомъ для своего собственнаго удовольствія, должность *зѣваки*, безъ всякаго сомнѣнія, есть самая пріятная и интересная. Счастливъ тотъ, кому судьба позволила заниматься исключительно этою аркадскою

должностью, кто можетъ быть зрителемъ странной комедіи, которую люди разыгрываютъ всякой день между собою, съ разными вариациями, на одну и ту же тему. Актеръ—всегда актеръ. Есть минуты, когда онъ забываетъ о своей роли, увлекается самъ и увлекаетъ другихъ, но минуты эти скоро проходятъ, и онъ становится опять тѣмъ-же, чѣмъ былъ: т. е. человѣкомъ, повторяющимъ чужія мысли и выражающимъ то, чего онъ не чувствуетъ. По этому ремесло зрителя очень-завидно; а зѣвака тотъ-же зритель, и даже больше, чѣмъ зритель, потому-что онъ не только *зритъ*, но и наблюдаетъ. Конечно, слово *зѣвака* не вполне выражаетъ то, что должно понимать подъ этимъ словомъ. Оно даже чаще употребляется въ унизительномъ значеніи. Слово *наблюдатель* гораздо лучше выражаетъ идею независимаго созерцанія жизни, но оно, въ последнее время, опошлилось однимъ журналомъ, скончавшимся смертью жалкой, во цвѣтъ надеждъ и молодости; поэтому мы рѣшились замѣнить его кореннымъ, народнымъ выраженіемъ, которое ничѣмъ не хуже французскаго *badaud* , равносильнаго нашему *ротозлю* .

Принадлежа, по счастливой судьбѣ и воли всевластнаго случая, къ числу зѣвакъ, которыхъ весьма-немного, особливо въ нашей столицѣ, я вздумалъ подѣлиться съ читающей публикой разными наблюденіями, мыслями и замѣтками, сдѣланными мною, въ часы досуга или,—что все одно и то же — во-время занятія моею должностью. Форма изложенія этихъ замѣтокъ, по самому существу дѣла, должна быть юмористическая, потому-что человѣкъ угрюмый и холодный, темперамента флегматическаго, не можетъ быть зѣвакою.

При этомъ случаѣ мы считаемъ необходимымъ поговорить о самой юмористикѣ, и выказать передъ другими нашу учоность и начитанность. Впрочемъ, да не вытягиваются при этомъ случаѣ уста читателя, привыкшія къ одной тихой и спокойной улыбкѣ, въ неприятную форму буквы *О*. Разсужденіе это будетъ весьма-коротко и безъ цитатъ, хотя-бы я могъ привести ихъ множество, даже на китайскомъ языкѣ, котораго я совсѣмъ не знаю, но котораго за то не знаютъ и мои почтенные читатели. Слово *юморъ* (*humour*) родилось у Англичанъ. Имъ первымъ принадлежитъ честь введенія въ словесность новаго юмористическаго рода. Унасъ очень-часто смѣшиваютъ этотъ родъ съ комическимъ, тогда-какъ между ними есть существенная разница. Комизмъ есть способность подмѣчать смѣшную сторону въ человѣчествѣ; юморъ есть особенная наклонность духа, говорить о серьезныхъ предметахъ

съ ироніей на устахъ и горечью на сердць. Юморъ, это слезы, смѣшанныя съ улыбкой, насмѣшка съ глубокимъ чувствомъ, важная мысль, таящаясь подъ беззаботнымъ смѣхомъ, шутовская маска, скрывающая лицо, изрытое морщинами глубокихъ думъ, по которому не разъ катились горькія слезы сожалѣнія о людскихъ порокахъ. Юморъ—это побочный сынъ чувствительности и злости, это задумчивая острога и плачущая радость. Говорятъ, что Рубенсъ одною чертою изъ веселаго лица дѣлалъ грустное и задумчивое. Если это правда, то *черта* эта чисто юмористическая. Генрихъ Блазъ, одинъ изъ лучшихъ критиковъ Франціи, называетъ юморъ *романтизмомъ въ комизмъ*—опредѣленіе очень-вѣрное. Главное свойство юмора состоитъ въ томъ, что онъ никогда не унижается до личностей; цѣль его гораздо-выше и благороднѣе. Не дураковъ преслѣдуетъ онъ между людьми, а дурачество; онъ караетъ идею, а не лицо. Если онъ находитъ смѣшную сторону и въ важныхъ предметахъ, то не для того, чтобы на ихъ счетъ возвысить низость, но потому, что въ сравненіи съ вѣчною идеею всѣ земныя условія равны. Послѣ этого не удивительно, что юмористы носятъ на лицахъ отпечатокъ какой-то непонятной грусти, что они родились между народомъ холоднымъ и задумчивымъ, въ странѣ сплина и тумановъ, стоическихъ самоубійствъ и биржевыхъ спекуляцій.

Древніе не знали юмора—и не мудрено: онъ не могъ родиться во времена юношескаго возраста человечества; ему должна была предшествовать философія исторіи, ближайшее и точнѣйшее изслѣдованіе судебъ вѣковъ и народовъ. Юноша не можетъ быть юмористомъ. Онъ или сдѣлается вѣдкимъ насмѣшникомъ, какъ Вольтеръ, или станетъ презирать людей, какъ Руссо; онъ будетъ или надо всѣмъ смѣяться или всѣмъ гнушаться. Много надобно пережить и перечувствовать, чтобы возвыситься до благороднаго юмора, не увлекаясь ни насмѣшкою, ни досадою. Одна исторія можетъ развить юморъ, а древніе не писали, а дѣлали исторію. Одна философія можетъ укрѣпить его, а вся философія древнихъ заключалась въ словахъ: «Наслаждайся жизнью, не думая ни о прошедшемъ, ни о настоящемъ». Аристофанъ былъ простымъ пасквилянтомъ, осмѣивавшимъ въ комедіяхъ все высокое и прекрасное; Гомеръ, въ своей *Ватрахоіомэхіи* наивнымъ фабулистомъ, столпившимъ вѣскольکو ниже Езопа; Менандръ, Теренцій и Плавтъ простыми историками человѣческихъ глупостей; Горацій въ сатирахъ и Марціалъ въ эпиграмахъ только смѣялись надъ пороками. Ювеналъ и Лукіанъ (въ «Разговорахъ боговъ») умѣли возвыситься до ироніи; Апулей веселою формою разсказа прикрылъ самую

скучную мораль и панегирикъ Элевзинскимъ-таинствамъ матери-Цереры. У нѣкоторыхъ историковъ, въ особенности у Светонія и Тита Ливія, есть мѣста, согрѣтыя глубокимъ чувствомъ и въ то же время горькою насмѣшкою, какъ-будто юморъ противъ воли ихъ прорасталъ изъ историческаго взгляда на событія; но мѣста эти немногочисленны и исчезаютъ въ массѣ холодныхъ возгласовъ и риторическаго краснорѣчія. Въ ораторахъ не видать ни вскрыя юмору. Цицеронъ когда не льстилъ, то бранился.

Но когда, подъ угрюмымъ небомъ Англіи, на шаткихъ подмосткахъ, передъ грязнымъ кускомъ холстины, на одной сторонѣ которой писалось углемъ *льсъ*, а на другой *дворецъ*, передъ толпою лондонскихъ пивоваровъ и уличныхъ боксёровъ, заговорилъ въ первый разъ удивительный юморъ *Шекспира*, не поняли его вельможи и герцоги въ бархатныхъ камзолахъ и фрезахъ изъ брабантскихъ кружевъ. Одни жилистыя руки черни изъ Сити и лондонскихъ предмѣстій рукоплескали поэту, открывшему новую, чудную сторону духа человѣческаго, новый элементъ народности правнуковъ Джонъ-Булля. Поняла угрюмага Вильяма еще одна женщина, приходившая не разъ инкогнито смотреть его Фальстафа и *блага демона Яго*, въ которомъ юморъ холоднѣе желѣза и язвительнѣе яда. Не разъ отъ всей души пожимала эта женщина руку скучному поэту *веселой Англіи* (*merry England*), но она дѣлала это украдкой, въ Виндзорскомъ паркѣ или полутемныхъ комнатахъ Уайтъ-галля, для того, чтобы ее не обвинили въ нарушеніи приличій и придворнаго этикета, ее, которая, носивши имя *британской двѣстленицы*, приказывала отрубить голову бѣдному Эссексу за то, что онъ ласки бѣлокурой Сутамаптонъ предпочиталъ ей королевскимъ объятіямъ. И Европа во всемъ этомъ не видала юмора, и два столѣтія спустя послѣ этого, она все еще восхищалась напомаженными и завитыми Римлянами Расина и завитыми каррикатурами Мольера, нисколько не подозревая существованія этого заморскаго чудака, говорившаго языкомъ простымъ и неизъисканнымъ, а не александринскимъ ямбомъ французскихъ трагиковъ, не раздушонною прозою отеля Рамбулье.

И едва-родившійся юморъ занялъ вдругъ въ литературу почетное мѣсто. Шекспиръ имѣлъ множество послѣдователей. *Марлоузъ*, *Вебстеръ*, *Деккеръ*, *Флетчеръ*, въ своихъ пьесахъ, развили еще больше юмористическое направленіе. Въ ихъ время юморъ имѣлъ уже определенную цѣль, и этого было слишкомъ много въ эпоху безсознательныхъ дѣлъ и необдуманныхъ поступковъ. Вотъ что говорить *Мессиджеръ*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ юмористовъ шекспировской школы, теперь почти всеми забытый, жив-

шій во время Іакова I-го, болѣе Генриха VIII преслѣдовавшаго писателей и литературу: «Нѣтъ сомнѣнія, что мы живемъ въ самомъ несчастномъ вѣкѣ. Распутство нравовъ и низость правительственныхъ лицъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Если вы пойдете по Оксфордской улицѣ съ одного конца ея до другаго, и всякаго, попавшагося вамъ на встрѣчу, будете бить по щекамъ, то можете быть увѣрены, что не ударите ни одного человѣка, который бы этого не заслуживалъ. Въ наше время благонамѣренный писатель долженъ быть безошаднымъ сатирикомъ. Смѣясь надъ всѣмъ и браня все подрядъ, можно если не исправить людей, то, по крайней-мѣрѣ, сдѣлать пороки омерзительными. Все-же лучше браниться, чѣмъ угождать низостямъ. Надобно только, чтобъ бранью водила не причудливость (*humour someness*), но доброе намѣреніе. Не намъ, такъ потомкамъ нашимъ, это можетъ принести пользу. Намъ смѣшка, какъ собака, если не укуситъ, то привлечетъ на обляннаго всеобщее вниманіе.» Слова эти очень-замѣчательны, хотя очевидно, что цѣль юмора не можетъ быть одинакова во всякое время и у всѣхъ народовъ.

Юмористическая литература быстро развилась у Англичанъ. На сценѣ поддержали ее *Вейерле*, *Фаркюгаръ*, *Ваибругъ* и *Рошеттеръ*. *Свифтъ* развилъ ее въ своемъ фантастическомъ путешествіи, *Стеризъ*—въ сантиментальномъ, *Ламъ*, въ своихъ политическихъ памфлетахъ, *Аддисонъ* въ философскихъ диссертаціяхъ своего *Зрителя* (*Spectator*). Но всѣ эти отдѣльные юморы поглотились огромнымъ, всеобъемлющимъ талантомъ *Байрона*. Этотъ человѣкъ возвысилъ до такой степени едкой и жолчный юморъ, что онъ показался людямъ чѣмъ-то новымъ, и они прозвали его *байронизмомъ*. Онъ ввелъ его въ моду и всѣ молодые люди принялись *байронствовать* самымъ отчаяннымъ образомъ, оправдывая свое жалкое бездѣйствіе презрѣніемъ къ человѣчеству. Они и не подозревали, что истинно-великіе люди, по словамъ Луи Блана, одного изъ лучшихъ юмористовъ нашего времени, не тѣ, которые оказываютъ услуги человѣчеству, ожидая отъ него похвалъ и наградъ, но тѣ, которые жертвуютъ ему собою, презирая его. Эта байронствующая молодежь опошлала юморъ, унизила его, и едва только въ настоящее время онъ могъ занять въ литературѣ мѣсто, ему принадлежащее. Въ наше время *Теодоръ Гукъ* и *Чарльсъ Диккенсъ*, болѣе другихъ писателей, преслѣдуютъ жалкую и низкую сторону челоуѣчества въ своихъ романахъ.

Послѣ Англии, юморъ болѣе всего развился въ Германіи. Въ странѣ самыхъ высокихъ и самыхъ сумазбродныхъ идей, онъ быстро привился къ холодному и нѣсколько скептическому характе-

ру Ньмцевъ и создалъ истинно-удивительныя произведенія. Въ головѣ этой школы стоятъ *Жанъ-Поль Рихтеръ*, эксцентрикъ, которому не было подобныхъ даже въ Германіи. Въ другой сторонѣ и между другимъ народомъ Жанъ-Поль не могъ родиться. Понимать его можно только тѣмъ, кто сроднился съ жизнью Германіи, ея идеями и привычками. Для другихъ странъ имя Жанъ-Поля — божество Изиды, скрытое подъ непроницаемымъ покрываломъ, которому поклоняются люди, не понимая его. *Зибенкесъ* и *Квинтусъ-Фикслейнъ* прототипы самаго удивительнаго юмора. Восторженный Шиллеръ, въ которомъ рыцарскій мистицизмъ смѣшивался съ пластико-эллиническимъ взглядомъ на жизнь, не могъ быть юмористическимъ писателемъ. Въ *Фаустъ* есть много чисто-юмористическихъ мѣстъ, но всѣ они не согрѣты необходимымъ огнемъ и одушевленіемъ, которыхъ чужда была холодная, эгоистическая душа Гёте. У Жанъ-Поля есть нѣсколько строкъ, превосходно-характеризующихъ этого Тайнаго-Совѣтника, который, какъ въ свое время Вольтеръ, приковывалъ къ себѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія вниманіе всей Европы. «Гёте, — говорилъ Рихтеръ, — похожъ на языческаго бога, который также равнодушно смотритъ на паденіе міра, какъ на смерть воробья. Это ему (Гёте) тѣмъ легче дѣлать, что онъ не создалъ ни того, ни другаго». Въ наше время въ Германіи появились даже ученыя книги, имѣвшія чисто-юмористическое направленіе. Молодой приватъ-доцентъ Кильскаго университета, *Лудвигъ Винбаргъ*, издалъ курсъ эстетики, подъ страннымъ названіемъ *Эстетическіе Походы* (*Estetische Feldzüge*), въ которой безъ пощады осмѣиваетъ устарѣлый образъ преподаванія наукъ и университетскіе предрасудки. *Сафиръ*, издатель «Гумориста», и въ особенности *Гейне*, въ его превосходныхъ стихотвореніяхъ, развиваютъ ту же идею необходимости литературнаго преобразованія. *Лаубе*, *Мундтъ* и *Вилькоммъ* съ самымъ язвительнымъ юморомъ нападаютъ на предрасудки нѣмецкаго общества. Мундтъ, въ романѣ *Мать и Дочь* (*Mutter und Tochter*) и Вилькоммъ, въ романѣ *Люди, утомленные Европой* (*Europa-müden*), которые они называютъ сценами изъ обыкновенной жизни (*modernes Lebensbild*), впали въ чудовищную крайность, выведя на сцену такія лица, въ сравненіи съ которыми герои всѣхъ всевозможныхъ *Тайнъ* — скромныя овечки. Несмотря на подобное преувеличеніе, изученіе этой школы весьма-любопытно. У насъ вообще очень-мало обращаютъ вниманія на современную нѣмецкую литературу, а въ ней есть много замѣчательныхъ талантовъ. Школа эта, вооружающаяся противъ Гегеля, создала особое слово, взятое ею себѣ въ девизъ, ясно обозначающее ея направленіе и почти непереводаемое: *Weltschmerz*, нѣчто въ

родъ тоски по міру. Глава и представитель этой школы и самый рѣзкій юмористъ, *Карлъ Гуцковъ*, гремитъ по всей Германіи. Его драма *Неронъ*, романы *Валли* и *Мага-Гуру*, исторія одного бога, сводятъ съ-ума флегматическіе характеры. Въ последнее время, въ сороковыхъ годахъ, возникла въ Германіи школа публицистовъ, точно съ такимъ-же юморомъ возставшая на образъ университетскаго преподаванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявившая себя врагомъ Гуцкова и его послѣдователей, и защитникомъ Гегеля. Она издаетъ *Галльскія лѣтописи* (*Annalen*) и считаетъ въ главѣ своей людей съ замѣчательнымъ талантомъ, каковы: *Бруно Бауеръ*, *Руне*, *Фей-ербальтъ*, *Гервегъ*, *Рауверкъ*, *Эхтермейеръ*, *Коппенъ* и др.

Въ другихъ странахъ юморъ не достигъ до такого развитія. Въ Италіи онъ развился болѣе всего въ непечатной литературѣ, въ нестарѣющемъ типѣ Пульчинелло, въ пасквиадахъ и арлекинадахъ, скрывающихъ часто самую якую злость подъ шутовской гримасой. Много юмору и въ Италіи, но трудно доискаться до него. Онъ долженъ скрываться по-неволь, и послѣ грубыхъ, но полныхъ остроумія сатиръ *Аретина*, причудливыхъ фантазій *Аріосто* и мекистофелевскихъ привциповъ *Макиавелл*, проявляется только въ площадныхъ піесахъ театра маріонетокъ и въ *Iazzi* талантливаго и сумозброднаго *Гоцци*.

Родивъ *Сервантеса* довольно одного этого имени, чтобы Европа смотрѣла на нее съ уваженіемъ. Воинъ-писатель не раздѣляетъ своей высокой славы ни съ кѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, хотя многіе изъ нихъ шли по одному пути съ нимъ. Въ комедіяхъ *Лепе-де-Веги* есть много сатирической наблюдательности и колкой веселости. Но юморъ Испанцевъ пахнетъ Кастильской гордостью, какъ юморъ Германцевъ мистическою утопіею, какъ юморъ Англичанъ холодными выходками въ вопросахъ жизни и чести.

Со-временн рожленія юмора, Франція бросилась на него, какъ на свою добычу, усвоила его себѣ, сроднилась съ нимъ, и какъ всегда и во всемъ, начала споръ о томъ, кто первый ввелъ юморъ въ литературу, разумется, приписывая себѣ честь его изобрѣтенія. Не-смотря на непостоянство и нѣкотораго рода восторженность національнаго характера, юморъ всего лучше привился къ Франціи. Въ ея исторіи и политикѣ, въ ея непрерывныхъ переломкахъ и сумазбродной конституціи, онъ могъ найти много грустно-смѣшныхъ сторонъ. Кто пережилъ революцію, имперію и реставрацію, тому трудно не слѣзаться юмористомъ. Но еще въ до-вольтеровское время, положившее такую рѣзкую границу между старыми и новыми понятіями, Франція, не зная юмора или, лучше

сказать, не имѣя для него опредѣленнаго слова, возвышалась часто выше ѣдкой сатиры и простаго пасквиля. Мы не ставимъ въ число юмористовъ ни хитраго циника Рабеле, ни грознаго Скаррона, ни даже знаменитаго Мольера, который какъ-то легко глядѣлъ на людскія низости, и скорѣе осмѣивалъ, чѣмъ каралъ и преслѣдовалъ ихъ. Примѣры чистаго юмора мы можемъ видѣть въ тогдашнихъ памфлетахъ и сатирахъ, начиная отъ превосходной сатиры *Menippée* до скандалѣзныхъ хроникъ о жизни Людовика XIV-го. Со времени *Вольтера* юморъ сдѣлался одною изъ главныхъ отраслей французской литературы. Онъ началъ проявляться и въ исторіи, и въ наукахъ, и въ политикѣ, началъ гремѣть съ трибуны и кафедръ. Достигшій до отвратительнаго неистовства во-время Республики, онъ, и безъ того униженный и ослабѣвшій, былъ придавленъ желѣзною рукою Наполеона, прощавшаго скорѣе заговоры, чѣмъ пасквили. Но онъ самъ-же, въ-послѣдствіи, далъ поводъ къ возвышенію юмора своею судьбою. «Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ!» сказалъ онъ, съ грустной улыбкой, въ критическія минуты своей жизни, и юмористика взяла своимъ девизомъ эти полныя глубокаго значенія слова, вырвавшіяся прямо изъ сердца титаническаго лица, для какой-то непостижимой цѣли посланнаго въ міръ, даващаго людямъ неполный, недосказанный урокъ, темный и сверхъестественный, какъ вымыслы сна, туманный и громадный, какъ фантазмагорія.

Преслѣдуемый старшею линіею Бурбоновъ, юморъ не мало способствовалъ къ ея паденію. Знаменитые *три-дня* июльской революціи были самымъ юмористическимъ происшествіемъ послѣдняго десятилѣтія. Какимъ образомъ совершился этотъ странный переворотъ? За что и изъ-за чего дрались и гибли эти люди? Гдѣ были въ эти три дня корифеи послѣдующихъ событій и куда дѣвались потомъ герои этихъ трехъ-дней? Самые жаркіе поборники гуманитарныхъ идей не могутъ не созваться, что революція эта была самая смѣшная изъ всѣхъ человѣческихъ глупостей, которыми такъ богаты лѣтописи и исторіи, и политики всѣхъ народовъ.

Въ настоящее время юморъ во Франціи почти совершенно оставилъ политическое поприще и принялъ обще-человѣческое направленіе. Вообще писателей Франціи можно раздѣлить на два класса, изъ которыхъ одинъ смотритъ на человѣчество съ серьезной, а другой съ юмористической стороны. Въ главѣ первой стоятъ *Викторъ Гюго*, проповѣдникъ идеи всего прекраснаго; *Жоржъ Зандъ*, распространительница социальныхъ идей фурьеристовъ, бредящихъ о какомъ-то аркадско-утопическомъ обществѣ; *Ламар-*

тинъ—проповѣдывавшій (до статей своихъ въ защиту свекловицы и таможенного тарифа) поклоненіе духовнымъ силамъ природы и человека; пресловутый *Еженъ Сю*, берущій по 120,000 франковъ за свои романы съ человеколюбивою и безкорыстною цѣлью, и наконецъ—романистъ и историкъ, драматургъ и рецензентъ, политикъ и философъ, г-нъ *Александръ Дюма*, проповѣдующій все, что вамъ угодно, смотря по цѣвѣ, какую вы предложите. Юмористическая школа гораздо-многочисленнѣе. Изъ корифеевъ ея можно назвать знаменитаго *Фредерика Су гге*, который своими «Записками дьявола» нѣсколько преувеличенными, нанесъ сильный и меткій ударъ пороку, гордо поднимавшему свою голову изъ среды большаго свѣта; *Асонъ Гозланъ*, *Альфредъ де Мюссе*, лирикъ *Беранже*, сатирикъ *Барбье*, романистъ *Мери*, поэтъ и вувеллистъ *Теофиль Готье*, туристъ *Мериме*, *Сталь*, царь фельетонистовъ, и перлъ разскащиковъ *Жюль Жаненъ*, вувеллисты *Бовуаръ*, *Роге*, *Мишель Ремонъ*, антикварій *Поль Лакруа*, и самъ безсмертный *де-Бальзакъ*, въ своихъ первыхъ романахъ—высказали много новаго, сильнаго, върнаго и полезнаго въ юмористическихъ выходкахъ. Въ самое последнее время карриатура открыла юмору свои альбомы, и иллюстрація юмористики еще болѣе содѣйствуетъ ея распространенію. Въ юмористической живописи составили себѣ имя *Grandville*, *Tony Johannot*, *Gavarni* и *Monnier*. Изъ прекрасныхъ юмористическихъ изданій, гдѣ богатство фантазіи спорить съ изобрѣтательностью колкаго ума, замѣчательны кромѣ бездны физіологій: *Les Français peints par eux-mêmes*, *Les petites misères de la vie humaine*, *Voyage où il vous plaira*, *Les animaux peints par eux-mêmes*, *Un autre monde* и *Le diable à Paris*, еще не оконченное. Кромѣ-того въ Парижѣ цѣлые журналы издаются съ чисто-юмористическою цѣлью. *Satan*, *Charivari*, *le Corsaire* и другіе кипятъ остроуміемъ, хотя не всегда благонамѣреннымъ и безпристрастнымъ. У одного *Альфонса Карра*, издателя *Осъ* и превосходнаго вувеллиста, юмору больше, чѣмъ у всѣхъ этихъ журналовъ.

У насъ въ Россіи юморъ родился вмѣстѣ съ литературой. Кто-то изъ вашихъ писателей справедливо замѣтилъ, что исторія русской литературы началась съ того, чѣмъ другіе народы оканчиваютъ ея—съ сатиры. *Кантемиръ* даже больше юмористъ, чѣмъ сатирикъ. Не одной злобой къ пороку проникнуты его произведенія, но и тихой грустью. Его глубокой мысли тѣсно и неловко въ грубыхъ формахъ необработаннаго языка, но видно, что она могла-бы широко развернуться. Вообще Кантемира у насъ мало знаютъ и мало отдаютъ ему справедливости. Вѣрно, овъ лучше и выше какого-нибудь *Рабеле*. *Новиковъ*, котораго у насъ мало зна-

ють и изучаютъ, еще въ 1772-мъ году издавалъ своего *Живописца*, юмористико-сатирической журналь, посвященный имъ неизвѣстному автору комедіи *О, время!*, которую, какъ извѣстно, написала Великая Екатерина, принадлежавшая сама къ замѣчательнымъ юмористическимъ писателямъ своего времени. Въ ея сочиненіяхъ, издаваемыхъ въ 1832-мъ году С. Н. Глинкою подъ названіемъ *Были и небылицы*, есть много игриваго и высокаго юмора. У *Державина* много превосходныхъ юмористическихъ стихотвореній, также мало изслѣдуемыхъ и извѣстныхъ. У *Княжнина* и *Капниста*, въ ихъ драматическихъ произведеніяхъ, есть слѣды юмора весьма-замѣчательнаго. *Фонъ-Визинъ* въ своихъ комедіяхъ и еще болѣе въ «Письмахъ изъ Парижа» смотритъ на свѣтъ настоящимъ юмористомъ, но выводы его весьма-слабы и даже для многихъ остаются непонятными. Въ Карамзинскій періодъ литературы юморъ или, какъ тогда писали, гуморъ былъ не въ модѣ, но и тогда уже у *Дмитріева*, *Милонова*, *Майкова*, *Горчакова*, *Долгорукова* и *Нахимова* были замѣтны мѣста весьма-остроумныя и чисто-юмористическія. *Измайловъ* и *Хемницеръ* были настоящими юмористами. Но юморъ развился въ полномъ блескѣ и во всей своей силѣ, въ Пушкинскій періодъ. Юморъ этого незабвеннаго поэта, въ началѣ нѣсколько байронствовавшій, въ послѣдствіи сдѣлался чисто-національнымъ, обезсмертивъ въ «Евгеніи Онегинѣ» имя его автора. Въ своихъ эпиграммахъ *Пушкинъ* былъ сатирикъ, а не юмористъ, и только въ поэмахъ вполне развилъ широкія крылья своего гевія. Въ его юморъ рѣзко отпечатывался его собственный характеръ, образовавшійся въ слѣдствіе различныхъ провѣствій его домашней жизни. Въ «Онегинѣ» есть страницы, которыя заставятъ васъ горько улыбнуться и грустно задуматься. Въ одно съ Пушкинскимъ время родился непогрязимый юморъ *Крылова*, издававшего впрочемъ еще прежде *Зритель* и *Почтудуховъ*, два чисто-юмористическіе журнала. Юморъ этотъ былъ облеченъ въ самую простую и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самую трудную форму басни. Онъ говорилъ неслыханнымъ дотоле языкомъ, простымъ и доступнымъ каждому русскому сердцу. Онъ сдѣлался понятенъ всемъ, потому-что на голосъ его отозвались въ русскомъ сердцѣ долго спавшія струны, о существованіи которыхъ многіе даже и не подозревали. Съ-тѣхъ-поръ народная литература развилась во всей своей силѣ, и одною изъ главныхъ, отличительныхъ сторонъ ея сдѣлался этотъ-же юморъ. *К. Вяземскій* въ своихъ стихотвореніяхъ, *Булгаринъ* въ своемъ «Выжигивѣ» и сатирическихъ статьяхъ, *Лажечниковъ*, въ своихъ романахъ, *Полевой въ Крити-*

ческих разборахъ, *Новомъ Живописцѣ и Аббадоннѣ*; *Зигоскинъ* въ картинахъ русскаго народнаго быта, смотря на предметы съ юмористической точки зрѣнія, много способствовали къ тому, чтобъ ближе познакомить съ юморомъ русскихъ читателей. Казалось, что юмористическая литература достигла уже полнаго развитія, какъ вдругъ явилось высокое, гениальное созданіе, образецъ удивительнаго юмора, проникнутое глубокою мыслию и согрѣтое теплымъ чувствомъ. Мы говоримъ о *Горь стѣ ума*. Съ гордостію можно сказать, что ни одна европейская литература не имѣетъ подобнаго произведенія по вѣрной картинѣ недостатковъ цѣлаго общества, по отбѣлкѣ характеровъ, по богатству и изобилію стиховъ, обратившихся въ сентенціи и народныя пословицы. «Горемъ отъ ума», казалось, должна была заключиться юмористическая дѣятельность нашей литературы, какъ вдругъ, въ недавнее, время явились еще два дѣятеля на этомъ поприщѣ: *Гоголь и Лермонтовъ*. Послѣ нихъ намъ нечего бояться сравненія иностранныхъ юмористическихъ произведеній съ отечественными. Юморъ *Грибоедова* нанесть жестокий ударъ среднему классу общества, его смѣшной сторонѣ и недостаткамъ. Юморъ *Гоголя* палъ на чиновниковъ и на мелкій классъ провинціальныхъ обществъ. Юморъ *Лермонтова* прогремѣлъ горькимъ и тяжелымъ упрекомъ противъ пороковъ высшаго круга. Кромѣ этихъ литературныхъ свѣтилъ на горизонтѣ юмористики есть довольно звездъ, изъ которыхъ многія даже первой величины. *Сенковский* сильно и рѣзко вооружается противъ многихъ современныхъ предразсудковъ, и перенесъ юморъ въ критику, безъ пощады бичуетъ господъ «сочинителей» разныхъ угловъ и закоулковъ «россійской» словесности. *Даль* вывелъ особый родъ сказочнаго юмора, вѣрно схвативши часто неуловимыя черты нашей народности и вполне постигнувъ понятія и требованія самаго низшаго класса общества. *Вельтманъ* перенесъ юморъ въ область фантастическаго. *Килзь Одоевскій*, съ тонкимъ юмористическимъ взглядомъ разбиравшій нѣкоторыя стороны общественной жизни, къ-несчастью, потовилъ свой юморъ въ безднѣ философскихъ и мистическихъ умствованій. Послѣдователи Гоголя, *Освольденко, Панаевъ и Гребенка*, умѣли подмѣтить многія чисто-юмористическія черты провинціальной и петербургской жизни. *Вншукій*, весьма-замѣчательный юмористъ, къ-сожалѣнію, очень-рѣдко появляется въ литературномъ мѣрѣ. Сюда-же отнесемъ мы и водевилиста *Каратыгина*, челоуѣка съ весьма-замѣчательнымъ юморомъ, прекрасно схватывающаго смѣшную сторону петербургской современности. Между поэтами лермонтовской школы вазовемъ *Огарева*,

владыющаго превосходнымъ юмористическимъ стихомъ, и Т. Л., анонимнаго автора небольшой поэмы *Параша*, проникнутой чистымъ и неподдельнымъ юморомъ.

Таково положеніе современной юмористической литературы въ Европѣ. Мы пишемъ не исторію ея, а однь замѣтки, и потому не станемъ входить въ изслѣзованія: какое мѣсто долженъ занимать юморъ въ словесности народа и какое вліяніе производитъ онъ на нравы, языкъ и просвѣщеніе государства. Это былъ-бы очень-любопытный вопросъ, но развитіе его сдѣлало-бы изъ нашихъ летучихъ замѣтокъ учоную диссертацію. Если мы и рѣшились сдѣлать краткій очеркъ *исторіи юмора*, весьма-поверхностный и во многомъ неполный, то это потому, что на русскомъ языкѣ до-сихъ-поръ не было ничего писано объ этой замѣчательной отрасли словесности, да и на иностранныхъ языкахъ, сколько намъ извѣстно, отдѣльныхъ статей объ этомъ предметѣ нѣтъ, а матеріалы надобно собирать по разнымъ журналамъ, энциклопедическимъ словарямъ и курсамъ словесности.

Беккариа, въ своемъ знаменитомъ трактатѣ *о преступленіяхъ и наказаніяхъ*, говоритъ, что самая замѣчательная страница въ исторіи человечества есть страница его преступленій. Мы не можемъ согласиться съ этимъ, не-смотря на авторитетъ великаго юриста, философа и публициста. Страница преступленій не объявляетъ ни духа, ни характера, ни нравовъ народа. Она показываетъ только упадокъ человечества, а человечество во все времена и у всехъ націй падаетъ почти одинаково. Блестательныя злодѣйства въ свѣтъ еще рѣже великихъ поступковъ. Обыкновенные пороки во все вѣка были одни и тѣже. По этому страница преступленій не можетъ быть нисколько занимательна. По нашему мнѣнію, въ исторіи человечества гораздо-занимательнѣе страница его недостатковъ, предразсудковъ и заблужденій. У разныхъ народовъ она весьма-разнообразна и можетъ намъ дать вѣрное понятіе о духѣ, о характерѣ и нравахъ націй. Изучать эту страницу любопытно и поучительно. Искоренять эту смѣшную сторону, бороться съ заблужденіями отдѣльнаго класса или цѣлаго общества, пріятно и полезно. И вотъ въ чомъ состоитъ долгъ и обязанность юмориста. Если онъ не можетъ стереть хоть одну строку съ этой темной страницы, то обязанъ найти ее (а это не такъ легко, потому-что общіе недостатки обыкновенно никому не замѣтны) и отмѣтить яркими красками, чтобы потомство сдѣлалось умнѣе ошибками предковъ. Если удѣлъ человечества — заблуждаться, то пусть, оно, по крайней-мѣрѣ, видитъ свое заблужденіе, и слѣдя за вѣкомъ, не

увѣряетъ, что дѣйствуетъ прекрасно и какъ слѣдуетъ. Пусть хоть потомство видитъ, что вѣкъ его праотцевъ не коснулся въ своемъ заблужденіи, а старался всеми силами изъ него выбраться. Тотъ, кто раскаявается въ своемъ преступленіи, уже въ-половину загладилъ его. Тотъ, кто видитъ свои недостатки, ужъ въ-половину отъ нихъ исправился. Не имѣя въ виду ни поученія, ни исправленія человечества, мы предпринимаемъ рядъ юмористическихъ статей съ чисто-литературной точки зрѣнія, съ цѣлью извлечь улыбку читателя нашими картинками, типами и очерками, болѣею частію вымышленными и шаржированными, правдоподобными, но не дѣйствительно-существующими. Если кто-нибудь, послѣ веселой улыбки, задумается надъ нашими отрывочными картинками, то въ этомъ не наша вина, хотя мы и будемъ этимъ очень-довольны.

=

С М Ъ С Ъ .

ЛЮБОВЬ АКТРИСЫ (*Разсказъ*) Въ одно утро, около десяти часовъ, мадмоазель Люзи́, актриса Французскаго-Театра, сидѣла на кушеткѣ передъ каминомъ, въ будуарѣ своемъ. Это было въ сентябрѣ 1763 года, и хотя погода была еще теплая, однакожъ актриса съ наслажденіемъ протягивала холодныя ножки къ огню. Будуарь освѣщался вѣжнымъ полусвѣтомъ и не слышно было другаго шума, кромѣ треска горѣвшихъ дровъ и тихаго напѣва актрисы.

Брошюрка, вѣроятно, рукопись, ввѣренная артисткѣ какимъ-нибудь молодымъ неизвѣстнымъ писателемъ, валялась на полу; корзинка, наполненная лентами и кружевами, стояла на геридонѣ; нѣсколько измятыхъ пѣтвовъ лежали на кушеткѣ.

Мадмоазель Люзи́ мечтала...

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышался легкій шумъ, актриса приподняла голову, полураскрыла глаза и съ неудовольствіемъ посмотрѣла на дверь. Шумъ увеличивался, онъ былъ подобенъ попогу нѣсколькихъ спорившихъ голосовъ; мадмоазель Люзи́ позвонила.

— Чтò тамъ за шумъ, Пальмира? спросила она вошедшую служанку.

— Какой-то драгунъ непременно хочетъ видѣть васъ.

— Драгунъ! Я ни одного драгуна не знаю.

— Впрочемъ, это, можетъ-быть, офицеръ другаго полка; Альманзоръ не умѣетъ разбирать мундиры.

Альманзоръ, мальчикъ ростомъ не болѣе четырехъ футовъ, съ веселенькимъ, плутовскимъ личикомъ, явился за субреткой; онъ вошелъ на цыпочкахъ и всячески удерживался отъ смѣха.

— Офицеръ хочетъ непременно войти, сударыня, сказалъ онъ: онъ говоритъ, что имѣетъ сообщить вамъ нѣчто весьма-важное.

— Ты его не знаешь?

— Его и узнать-то нельзя; у него шляпа надвинута на самые глаза и плащъ поднять до-ушей. Я замѣтилъ только Луидоръ, который онъ всунулъ мнѣ въ руку, чтобы я походатайствовалъ за него.

— Зачѣмъ-же ты не спросилъ, какъ его зовутъ?

— Спросилъ.

— Говори-же скорѣй, негодный!

— Имя его де-Мерсіёлъ.

— Де-Мерсіёлъ! вскричала актриса, соскочивъ съ кушетки: но вѣдь не болѣе часа, какъ онъ ушелъ отсюда!... Все-равно проси его скорѣй.

Минуту спустя, г. де-Мерсіёлъ вошелъ въ будуаръ. Пальмира и Альманзоръ удалились.

— Какая причина, спросила актриса, бросившись къ вошедшему, заставляетъ васъ скрываться?

Незнакомецъ, вмѣсто отвѣта, сбросилъ плащъ.

Мадмоазель Люзи со страхомъ отскочила. Передъ нею стоялъ незнакомый мужчина, красивой наружности, въ мундирѣ офицера придворной стражи.

— Милостивый государь, это весьма-непристойная шутка! сказала актриса съ обиженнымъ видомъ. Что вамъ угодно?

— Простите, сударыня, отвѣчалъ офицеръ: я употребилъ хитрость, потому-что долженъ сообщить вамъ весьма-важныя вещи, нетерпѣнія ни малѣйшаго отлагательства.

— Любовное изъясненіе, подумала артистка и возразила въ-слухъ: Эти важныя вещи, нетерпѣнія ни малѣйшаго отлагательства, не дають вамъ однакожъ права пользоваться чужимъ именемъ.

— Я пользуюсь своимъ добромъ, сударыня; меня зовутъ де-Мерсіёлемъ.

— Возможно-ли?...

— Если кузень мой, Генрихъ, никогда не говорилъ вамъ обо мнѣ, Гонзагъ де-Мерсіёлъ, то позвольте мнѣ самому рекомендовать себя.

Мадмоазель Люзи улыбулась и поклонилась.

— Я знала васъ по имени, но я полагала, что вы не въ Парижѣ...

— Я здѣсь только пятый день, и узнавъ, что имя брата моего здѣсь, всесильно, я рѣшился поговорить съ вами о дѣлѣ, до него касающемся.

— Говорите; я слушаю васъ.

— Генрихъ васъ любитъ, сударыня, продолжалъ офицеръ, садясь возлѣ актрисы на кушетку.

— Я думаю.

— Съ-тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ, я въ томъ увѣренъ. Это большое несчастье, сударыня!

— Повторили-ли-бы вы эти слова, если-бъ были на мѣстѣ его? спросила актриса, улыбувшись и бросивъ взглядъ въ зеркало.

— Конечно. Я-бы слишкомъ боялся потерять васъ и оплакивалъ-бы невѣрность вашу всю жизнь.

— Но развѣ въ ожиданіи этой невѣрности, въ которой вы такъ вѣжливо подозрѣваете меня, несчастливецъ, о которомъ мы говоримъ, не наслаждается нѣкоторымъ счастьемъ?

— Согласились-ли-бы вы, сударыня, проработать двадцать лѣтъ въ аду, чтобы пробыть четыре мѣсяца въ раю?

— Почему-же вы непремѣнно полагаете, что я должна измѣнить?

— Будемте говорить прямо, сударыня, если разговоръ нашъ продолжится такимъ-же образомъ, какъ начался, то вы докажете мнѣ, что я не правъ — что было-бы для меня весьма-непріятно. Я хочу, чтобы Генрихъ пересталъ любить васъ и... достигну цѣли своей!

— Берегитесь; цѣль эта слишкомъ-далека. Вы найдете во мнѣ могущественную соперницу.

— Напротивъ! я найду въ васъ помощницу.

— Неужели? Я могу заставить полюбить себя, а не разлюбить... и будто-бы послѣднее очень-важно?

— Необходимо. Генрихъ давно любитъ васъ и, по-видимому, готовъ любить вѣчно. А давно-ли вы раздѣляете любовь его?

— О, давно, очень-давно! Мѣсяцовъ пять или шесть.

— А, какъ вы думаете, долго-ли продолжится любовь ваша?

— Вѣчно, можетъ-быть.

— Нѣтъ, этотъ срокъ слишкомъ великъ. Положимъ еще пять или шесть мѣсяцовъ. Это составитъ годъ; потомъ Генрихъ лишится васъ и наслѣдства.

— Наслѣдства?... Вы правду говорили, дѣло важное.

— Слѣдовательно, вы сами видите, что я не шучу. Тѣ, что мнѣ остается еще сказать, весьма-щекотливо, и я не знаю, какъ приступить...

— Говорите откровенно и безъ фразъ, особенно не хитрите; не забудьте, что вы военный, а я актриса — всѣ преимущества на моей сторонѣ.

— Дядя мой, фельдмаршалъ, хочетъ женить Генриха.

— Ахъ, Боже мой!

— И пока вы будете любить кузена моего, онъ ни за что не согласится на этотъ бракъ. Благородная дѣвица, на которой его хотятъ женить, имѣетъ милліонъ приданого, а фельдмаршалъ награлитъ Генриха полковничьими эполетами.

— Это прекрасная партія.

— Вы убѣдитесь въ томъ еще болѣе, когда узнаете, что она родственница военнаго министра и что дядя мой дѣлаетъ Генриха полнымъ наслѣдникомъ своимъ. Да, если-бъ я могъ быть увѣренъ въ постоянствѣ вашемъ, то я первый-бы посоветовалъ кузену своему отказаться отъ всѣхъ этихъ благъ, которыя ничто въ сравненіи съ обладаніемъ вашего сердца; но можете-ли вы поклясться, что останетесь ему вѣрны?

- Я поставила себя правиломъ никогда не клясться.
- Но неужели вы не убѣдились въ выгодахъ, предстоящихъ Генриху?
- Вполнѣ убѣдилась и намѣрена помогать вамъ.
- Слѣдовательно, вы согласны разлюбить брата моего:
- Нѣтъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ я должна отказаться отъ него, онъ сталъ мнѣ еще дороже: изъ привязанности къ нему, я переставу принимать его.
- Помилуйте, сударыня! да онъ войдетъ насильно.
- Правда. Я напишу ему, что уѣзжаю.
- Черезъ пять минутъ онъ будетъ здѣсь.
- Я заставлю его подозрѣвать, что люблю другаго.
- Онъ не повѣритъ. Генрихъ немножко самонадѣянъ.
- Что же мнѣ дѣлать? Найдите какое-нибудь средство?
- У меня есть средство, только согласитесь-ли вы?..
- Легко-ли оно?..
- Весьма. Вы говорили сейчасъ, что хотите заставить его подозрѣвать васъ въ невѣрности. Этого мало — надо доказать....
- Какъ! вы хотите, чтобы я измѣнила бѣдному Генриху!
- Для его-же пользы. Вы сдѣлаете доброе дѣло, въ которомъ многіе охотно согласятся помогать вамъ.
- А кто, напримѣръ? спросила мадмоазель Люзи, съ лукавой улыбкой.
- Я могъ-бы назвать тысячу человекъ, но.... думаю только объ одномъ.
- Актриса громко засмѣялась, потомъ возразила:
- Согласіе мое на ваше предложеніе можетъ послужить величайшимъ доказательствомъ моей любви къ вашему кузену.
- Согласны-ли вы, чтобы я помогалъ вамъ?
- Увидимъ.... отвѣчала актриса послѣ краткаго молчанія и засмѣявшись.
- Графъ Гонзагъ де Мерсіель поднесъ ручку ея къ губамъ своимъ, раскланялся и удалился.
- Вечеромъ того-же дня, когда мадмоазель Люзи была еще въ театрѣ, Генрихъ де Мерсіель явился къ ней. Алмазворъ отворилъ ему дверь въ будуаръ. Молодой дворянинъ, проведя цѣлый день на охотѣ, усталъ и съ удовольствіемъ прилегъ на кушетку. Пріятная теплота будуара, мягкость кушетки и упительныя благоуханія усыпили Генриха....
- Сладостные сны вызывали радостную улыбку на уста его.... вдругъ занавѣсъ у двери поднялся.... Не мечта-ли это?... Видѣніе очаровательной дѣвушки предстало предъ спящимъ, бархатныя губы коснулись лба его.... и все исчезло....
- Между-тѣмъ ржаніе лошадей, послышавшееся подъ окнами, разбудило Генриха. Онъ всталъ; его окружалъ глубокій мракъ.... де Мерсіель бросился къ окну и отдернулъ занавѣсъ.... У крыльца стояла

запряженная и снаряженная въ дорогу коляска. При блѣдномъ свѣтѣ луны Генрихъ увидѣлъ молодую женщину и мужчину. Первая съ легкостію птички вскочила въ коляску; мужчина послѣдовалъ за нею, кучеръ хлопнулъ бичомъ, копыта лошадей и колеса застучали о мостовую и... все исчезло.

Генрихъ провелъ рукою по глазамъ; голова его кружилась, колѣни сгибались; потомъ онъ поспѣшно схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Пальмира вошла въ комнату со свѣчою.

— Гдѣ хозяйка твоя? вскричалъ г. де Мерсіель.

— Развѣ она вамъ ничего не сказала? Вѣдь она заходила сюда перелъ отъѣздомъ своимъ.

— Отъѣздомъ! Развѣ она уѣхала?

— На почтовыхъ.

— Съ кѣмъ?... проговорилъ Генрихъ, блѣдный какъ смерть.

— Не знаю.

— Но куда? Куда?

— Ничего не знаю.

Де Мерсіель судорожно сжалъ кулаки, оттолкнулъ Пальмиру и черезъ секунду очутился на улицѣ. Вдали слышался еще шумъ удалявшейся кареты. Генрихъ бросился въ ту сторону... но вскорѣ шумъ утихъ... Пораженный въ самое сердце, молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ и заплакалъ...

Прошла недѣля; о мадамзель де Люзи не было никакихъ извѣстій.

На восьмой день къ Генриху вошелъ двоюродный братъ его, Гонзагъ де Мерсіель. Послѣ первыхъ привѣтствій, Гонзагъ, взглянувъ на печальное лицо кузена, спросилъ:

— Неужели ты еще не забылъ... ее?...

— Никогда не забуду! отвѣчалъ Генрихъ съ видомъ мученика.

— Вѣроломная не заслуживаетъ того, чтобы ты сожалѣлъ о ней... Забудь ее.

— Невозможно! Ахъ, Гонзагъ, ты не зналъ ее!

— Ошибаешься.

— Гдѣ ты ее видѣлъ? съ живостію спросилъ Генрихъ.

— О, только въ театрѣ, на сценѣ... издали... отвѣчалъ коварный!

— Не правда-ли, какъ она граціозна, прелестна, умна!

— Конечно она... все, что ты говоришь, но... вѣдь есть другія женщины на свѣтѣ.

— Такихъ нѣтъ!... Ты согласишься-бъ со мною, если-бъ зналъ ее короче.

Гонзагъ опустилъ глаза; настало минутное молчаніе, послѣ котораго Гонзагъ вскрикнулъ:

— Все это вздоръ, другъ мой! Чтобы утѣшиться, ты долженъ жениться.

— Жениться? повторилъ Генрихъ, крайне-изумленный этимъ совѣтомъ.

— Хорошенькіе глаза, милліонъ приданого и чинъ полковника могутъ заставитьъ забыть всякую измѣну.... И не давая Генриху опомниться, Гонзагъ сталъ вычислять ему всѣ выгоды такого брака. Генриха польстили не хорошенькіе глазки, не милліонъ, а чинъ полковника. Гонзагъ говорилъ съ жаромъ и краснорѣчіемъ.

— Стоить-ли коварная комедіянтка того, чтобы ты пожертвовалъ для нея всѣми этими выгодами? восклицалъ онъ.

— Ты правъ! невольно вскричалъ Генрихъ, увлеченный краснорѣчіемъ кузена.

— Безъ сомнѣнія! Карета моя у крыльца. Поѣдемъ сейчасъ же къ невѣстѣ твоей; если она тебѣ не понравится, такъ ты можешь отказаться.

— Конечно.

— Одѣвайся-же скорѣе.

— Я готовъ; только, пожалуйста, не думай, что я соглашаюсь жениться.

— Нисколько.

— Я даже увѣренъ, что не забуду върозломной.

— И мнѣ то-же кажется.

— И что если я ѣду, такъ это только изъ дружбы къ тебѣ.

— Покорно благодарю.

Двоюродные братья поѣхали къ прекрасному замку, дежавшему въ недалекомъ разстояніи отъ Парижа.

Недѣлю спустя, кавалеръ Генрихъ де Мерсіель сочетался законнымъ бракомъ съ дѣвицею Елизаветою де Гондре. Въ тотъ же день, министръ прислалъ новобрачному дипломъ на чинъ полковника.

Г. де Мерсіель представилъ жену свою ко двору; она была мила и умна; ее хорошо приняли, и первые дни супружества прошли въ удовольствіяхъ и празднествахъ.

Обратитесь теперь къ Гонзагу де Мерсіель. Онъ женился за полгода до Генриха, на дѣвицѣ небогатой, но знатнаго происхожденія, и вмѣсто приданого получилъ покровительство тетушки, весьма уважаемой при дворѣ. Вся будущность Гонзага зависѣла отъ этой родственницы жены его, которая за всѣ услуги требовала только счастья племянницы. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ Гонзагъ обожалъ жену свою, но передъ свадьбой Генриха, онъ вдругъ такъ измѣнился, что жена не узнавала его; онъ неохотно отвѣчалъ на ласки ея и часто и на долго отлучался изъ дому.

Однажды Генрихъ засталъ кухню свою въ слезахъ и узналъ отъ нея всю правду.

— Я плачу не только о потерянномъ счастьи, говорила она: но и о будущности Гонзаго; если герцогиня Н.... узнаетъ о поведеніи его, то онъ впадетъ въ немилость при дворѣ.

Генрихъ сталъ наблюдать за поступками Гонзага, и вскорѣ увѣрился, что женщина была причиною везанной его переменѣ. Но кто

была эта женщина? Генрихъ спрашивалъ слугъ и товарищей Гонзага: никто ничего не зналъ.

Подсматривая безпрестанно за кузеномъ, Генрихъ наконецъ развѣдалъ, что три или четыре раза въ недѣлю онъ верхомъ уѣзжалъ за городъ. Генрихъ добрался до дому, у котораго останавливался Гонзагъ, и хотѣлъ подкупить садовника, чтобы узнать, кто тамъ живетъ. Садовникъ взялъ деньги, но ничего не открылъ. Видно, Гонзагъ платилъ лучше. Тогда Генрихъ замѣтилъ молоденькую служаночку, часто выходившую изъ дому. Онъ рѣшился приступить къ ней, и остановивъ ее за садомъ, поцѣловалъ въ обѣ щоки. Дѣвушка засмѣялась и открыла рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Можно-ли видѣть госпожу твою? спросилъ Генрихъ.

— Еще-бы! она не невидимка! отвѣчала весело дѣвушка.

— Это я знаю безъ тебя.

— Такъ зачѣмъ-же спрашиваете?

— Ты хорошенькая и лукавая плутовка, и я готовъ еще разъ поцѣловать тебя, но теперь мнѣ не до того; покажи госпожѣ своей эту бумажку, на которой написано мое имя и скажи, что я пришолъ по порученію лучшаго друга ея. Я увѣренъ, что она меня приметъ. Ступай!

Дѣвушка взяла бумажку, посмотрѣла на кавалера, засмѣялась, убрала и минутой спустя воротилась.

— Ну что? вскричалъ Генрихъ; не говорилъ-ли я тебѣ, что она меня приметъ.

— Пожалуйте за мной! Скорѣе!

Пять минутъ спустя, кавалеръ вошелъ въ будуаръ. На диванѣ, покрытомъ розовой шолковой матеріей, лежала молодая женщина.

— Здравствуйте, Генрихъ, сказала она, протягивая къ кавалеру руку.

Генрихъ громко вскрикнулъ. Передъ нимъ была мадамозель Люзи.

— Что же вы молчите, полковникъ? сказала актриса, сдѣлавъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

Она улыбалась; Генрихъ стоялъ, вытаращивъ на нее глаза.

— Вѣроломная! вскричалъ онъ наконецъ: васъ-ли я вижу!

— Ахъ, Боже мой! возразила актриса: какое трагическое восклицаніе! Неужели вы только за этимъ пріѣхали сюда?

Хладнокровіе актрисы поразило кавалера; онъ старался преодолѣть волненіе свое и довольно-спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сударыня. Болѣе важная причина заставила меня пріѣхать сюда, если-бъ я зналъ, что въ этомъ домѣ живетъ мадамозель Люзи, я-бы, вѣроятно, и не вошелъ сюда; но такъ какъ я здѣсь, то долженъ объяснить причину посѣщенія моего.

— Я ее знаю.

— Вы знаете ее?

— Знаю. Слушайте. Вы узнали, что родственникъ вашъ томится у

ногъ неизвѣстной нимфы и тѣмъ оскорбляетъ и огорчаетъ бѣдную жену свою, которая повѣрила горю свое доброму кузену. Не такъ-ли?

Генрихъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Видите-ли вы, что я все знаю. Я ждала васъ и дождалась. Какъ пріятно увидѣться съ старымъ другомъ. Вы нисколько не измѣнились послѣ свадьбы, Генрихъ.

— Сударыня, вы измѣнили мнѣ и вы-же подшучиваете надо мною!...

— Перестаньте, полковникъ. Если воспоминаніе о прошломъ вамъ непріятно, такъ поговоримте о настоящемъ. Итакъ жена бѣднаго Гонзага очень груститъ?

— Вы слишкомъ-легко говорите объ обстоятельстве, тягостномъ для всей фамиліи нашей; вы прежде были добрѣе.

— Боже мой! Какъ вы привязываетесь къ каждому слову. Будто я теперь зла? Говорите-жъ сами. Чтѣ вамъ угодно?

— Уединеніе, которому вы посвятили себя, заставляетъ меня думать, что новая страсть ваша слишкомъ сильна, чтобы я могъ надѣяться....

— Налѣйтесь!

— Какъ! слѣдовательно, вы его не любите? вскричалъ полковникъ съ восторгомъ.

— Если-бъ я была самолюбива, то восклицаніе ваше заставило-бы меня думать, что вы меня еще любите.... Не смотрите на меня такими глазами, а не то я подумаю, что весь вашъ гнѣвъ прошолъ.... О чомъ мы говсрили?... Да, я готова помогать вамъ, но вотъ бѣда!... Онъ меня любить.

— Можно-ли не любить васъ? проговорилъ Генрихъ, глубоко вздохнувъ.

— Если я захочу, такъ онъ вѣчно будетъ любить меня. Однакожъ я готова на все, чтобы утѣшить бѣдную жену его, которую я не знаю, и васъ, съ которымъ я была когда-то знакома. Пріищите какое-нибудь средство.

— Я не знаю....

— Право? Вы не знаете викакого средства?

— Никакого.

— Такъ я знаю? Генрихъ, дайте мнѣ руку вашу и послѣдуйте за мною.

Три или четыре часа спустя послѣ этой сцены, всадникъ остановился у крыльца загороднаго домика; лошадь всадника была вся въ мылѣ. Онъ отдалъ поводья неподкупному садовнику, а самъ пошелъ къ павильону. Тамъ никого не было.

Гонзагъ де Мерсиель—го былъ онъ—отправился къ дому, въ которомъ нашолъ одного Альманзора, съ важностію облизывавшаго стлянку съ вареньемъ.

— Развѣ ты не слышалъ, что я звонилъ? вскричалъ съ сердцемъ Гонзагъ.

— Слышалъ; но такъ-какъ никого дома нѣтъ, то я полагаю, что это вѣтеръ играетъ съ колокольчикомъ.

— Никого дома нѣтъ, а госпожа твоя?

— О! госпожа моя давно уѣхала.

— Одна?

— Какъ-бы не такъ! поѣдетъ она одна ночью!

— Съ кѣмъ же она поѣхала?

— Съ какимъ-то мужчиной; когда она садилась въ карету, то смеркалось, а потому я не могъ хорошенько рассмотреть проводника ея, только мнѣ кажется, что я его гдѣ-то видѣлъ.

— Такъ они поѣхали въ каретѣ?

— Въ вашей.

— Въ которую сторону? спросилъ Гонзагъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва.

— Не знаю.

Гонзагъ понялъ, что ничего не добьется отъ Альманзора, вышелъ изъ дому, вскочилъ на лошадь и скоро усккалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ въ Парижѣ, у дома актрисы; онъ долго стучался и звонилъ — никто не выходилъ. Однако-жъ свѣтъ, на секунду показавшійся у окна, заставлялъ его думать, что хозяйка была дома. Онъ сталъ высматривать, нельзя-ли откуда-нибудь взлезть въ окно, какъ вдругъ вспомнилъ, что у него былъ ключъ отъ потаенной двери. Но ключа у него не было съ собою и онъ долженъ былъ идти за нимъ домой. Перерывъ всѣ ящики, онъ нашолъ наконецъ этотъ ключъ, но когда воротился къ дому мадамъозель Люзи, то было уже свѣтло.

Закутавшись въ широкій плащъ, придававшій ему видъ испанскаго разбойника, графъ пробрался на дворъ, не будучи никѣмъ замѣченъ. Шторы у всѣхъ оконъ были еще опущены. По потайной лѣстницѣ ревнивецъ пробрался до покоевъ актрисы... все было тихо, отворивъ дверь будуара, въ который онъ шесть недѣль тому назадъ, вступилъ въ первый разъ, онъ встрѣтился лицомъ къ-лицу съ Генрихомъ, готовившимся удалиться.

Двоюродные братья отскочили другъ-отъ-друга. Нѣсколько минутъ они молча смотрѣли другъ-на-друга. Наконецъ графъ вскричалъ:

— Подковникъ! я потребую отъ васъ удовлетворенія!

— Какъ! вы-же вызываете меня на дуэль? О, это очень-забавно!

— Поведеніе ваше не благородно!..

— Послушайте однако-жъ, графъ, возразилъ Генрихъ, разгорячаясь, если одинъ изъ насъ виноватъ, такъ ужъ, вѣрно, не я; мнѣ, напротивъ, слѣдуетъ требовать удовлетворенія...

— Прекрасно! Черезъ мое посредничество вы получили миліонъ и чинъ полковника; чего-жъ вамъ еще болѣе?

— Вы умалчиваете объ женѣ.

— И у меня есть жена. Это дѣло постороннее.

— А вы на что жалуетесь? Я хочу возвратить вамъ покровитель-

ство тетушки, которая однимъ словомъ можетъ навлечь на васъ немилость и...

— Не будемте терять напрасно словъ, кузень; объяснитесь лучше и скорѣе на шпагахъ.

— По-истивѣ, графъ! мысль ваша прекрасна.

— Въ полдень, въ Венсенскомъ гѣсу.

— То-есть, черезъ четыре часа, возразилъ кавалеръ, посмотрѣвъ на часы: будетъ время переодѣться и выбрать свидѣтелей.

— Итакъ, конечно! или я васъ, или вы меня убьете.

Гонзагъ удалился, Генрихъ догналъ его.

— Винавать, кузень, сказалъ онъ: я такъ разсѣянъ, что и забылъ, что въ полдень я по дѣламъ долженъ быть у министра: нельзя-ли отложить до завтра удовольствіе, съ которымъ мы будемъ стараться зарѣзать другъ-друга.

— Согласень; но завтра на разсвѣтъ.

— При первомъ лучѣ солнца, одного изъ насъ не будетъ.

Едва соперники удалились, какъ мадамозель вышла изъ-за занавѣсокъ.

— Безразсудные! сказала она: весело смѣясь, право они готовы зарѣзать другъ-друга. По-счастію я все слышала... Чтò можетъ быть страннѣе мужчинъ! Графъ болѣе винавать, онъ-же больше и сердится! Странно!..

Актриса прервала эти философическія размышленія, чтобы написать двѣ записочки, и позвонила.

— Пальмира, сказала она вошедшей служанкѣ: эту записку графу де-Мерсіёлю, а эту Полковнику.

Чась спустя, на поворотѣ улицы, Гонзагъ встрѣтился съ Генрихомъ.

— Кстати, милый кузень! вскричалъ графъ: я шолъ къ вамъ.

— А я къ вамъ.

— Скажите, полковникъ, чтò вамъ за охота пришла драться? Привнаться сказать, я успѣлъ подумать и рѣшительно не имѣю никакого желанія убить васъ.

— Удивительно! Я одного съ вами мнѣнія. Но вѣдь вы жаждали смерти моей.

— О!.. такъ... знаете... вспышка. Я неправъ. Какая тутъ бѣда! Неужели мы должны драться за малѣйшую невѣрность любовницъ нашихъ? Много будетъ!

— Притомъ-же это не прилично.

— Конечно; вѣдь мы не школьники!.. Я не понимаю, какъ подобная мысль могла придти мнѣ въ голову. И такъ, если вы на меня не сердитесь.

— За чтò-же я буду сердиться, когда вы отказываетесь отъ вызова.

— Должны-ли братья ссориться, и за кокетку! Фи!

— Дайте-жъ мнѣ вашу руку, Гонзагъ.

— Обнимемтесь, Генрихъ.

— Знать не хочу комедіянтки!

— Смотрѣть на нее не хочу!

— Прощайте, я сѣѣшу къ министру.

— А я къ женѣ.

Около заката солнечнаго, два всадника встрѣтились въ одной изъ улицъ Версаля.

— Генрихъ! Гонзагъ! вскричали оба вдругъ.

— Я долженъ былъ пріѣхать въ Версаль, сказалъ кавалеръ: потому-что министръ здѣсь; я прогуливаюсь, ожидая министра, который теперь у короля.

— А я пріѣхалъ сюда навѣстить больнаго пріятеля.

Они ѣхали нѣсколько минутъ молча; при первомъ поворотѣ одинъ поѣхалъ на-право, другой на-лѣво.

— До свиданія, сказали они другъ-другу и ускакали.

Полчаса спустя, два всадника скакали съ разныхъ сторонъ во весь галопъ къ загородному домику. Лошади ихъ чуть не столкнулись. Оба подняли головы и вскричали въ одно время:

— Гонзагъ!

— Генрихъ!

Лошади остановились.

— Вы не у министра, кавалеръ? спросилъ Гонзагъ.

— Вы не у больнаго товарища, графъ? спросилъ Генрихъ.

— Къ чорту притворство! вскричалъ графъ. Я слѣлалъ, что могъ, чтобы скрыть отъ васъ обстоятельство, могущее быть для васъ не-пріятнымъ; но въ дѣлахъ любви, мой милый, побѣда стоитъ возлѣ пораженія. Меня ждетъ мадмоазель Люзі.

— Я отправляюсь къ ней по ея приглашенію.

— Ха, ха, ха! Это забавно; если вы хотите, такъ я вамъ покажу записку ея. Вотъ она. Только не сердитесь...

Генрихъ взялъ записку. Прочитавъ первую строку, онъ громко за-смѣялся.

— Если бъ я не былъ увѣренъ, что у меня въ карманѣ другая записка, то могъ-бы подумать, что эта писана ко мнѣ, сказалъ онъ. Я покажу вамъ ее... постойте! вотъ она. Читайте, мой милый, только не сердитесь.

Гонзагъ взглянулъ на записку и укусилъ губы до крови.

— Не правда-ли, что эта записка похожа на очаровательный цир-куляръ?

— Это мистификація! О, негодная комедіянтка! вскричалъ графъ, бывший не такъ терпѣливъ, какъ двоюродный братъ его. О, если бъ она была мужчина, съ какимъ удовольствіемъ я вызвалъ-бы ее на дуэль.

Въ это самое время изъ-за кустовъ вышли люди съ факелами.

— Это еще что? вскричалъ графъ: новая измѣна?

— А вотъ спросимъ этого мальчишку, приближающагося къ намъ. Ба! да это Альманзоръ!

— Точно такъ, отвѣчалъ маленькій слуга: у меня два письма, одно къ Полковнику, другое къ графу.

Между-тѣмъ-какъ двоюродныя братья распечатывали письма, Альманзоръ исчезъ.

— Слушайте, вскричалъ Генрихъ, скоро пробѣжавъ свое письмо:

• Милый кавалеръ,

• Кузень вашъ обгигралъ васъ; вы отгигрались—квиты.

«К. Люзи».

— Коротко, да ясно!

— Мое письмо длиннѣе, но также ясно, отвѣчалъ Гонзагъ, и сталъ читать:

«Любезный графъ.

• Я сдѣлала для васъ то же, что сдѣлала для него; вмѣсто того, чтобы сердиться, будьте мнѣ благодарны. Вы мнѣ подарили хорошенькій загородный домикъ; я вамъ возвращаю его въ томъ-же видѣ, въ какомъ получила; вы даже найдете тамъ женщину, любящую васъ. Мадамъ де Мерсеиель ждетъ васъ тамъ съ кузиной своей. Въ запискѣ, которую я — (не отъ своего имени... успокойтесь!) написала вашей женѣ, я объяснила отлучки ваши хлопотами, которыя причинило вамъ устройство домика, который вы (будто-бы) назначали вашей женѣ. Почтенная тетуська, немилость которой угрожала вамъ, назоветъ васъ добродѣтельнѣйшимъ изъ мужей, и всѣмъ этимъ вы обязаны — мнѣ. Я уѣзжаю. Послѣ, когда-нибудь, вы поблагодарите меня. Между нами останется одна дружба.

К. Люзи.»

Когда Гонзагъ прочелъ письмо, люди съ факелами приблизились; между кустами мелькнули бѣлыя платья, послышались знакомые голоса.

Двоюродные братья посмотрѣли другъ на друга.

— Пойду поцѣлую жену свою, сказалъ Генрихъ съ улыбкой; а вы, Гонзагъ, ступайте къ вашей.

— И квиты! возразилъ графъ со вздохомъ.

ПОЭТЪ И ДОКТОРЪ. (Разсказъ). Это было въ Парижѣ.

Свѣчи на люстрѣ были зажжены; актеры нарядились уже въ смѣшные костюмы, несогласовавшіеся въ то время ни съ мѣстомъ, ни съ временемъ дѣйствія: то была эпоха матеріальнаго варварства, когда однакожь разумъ имѣлъ обширнѣйшій горизонтъ, потому-что вниманіе литературныхъ судей, не развлеченное эффектами сценической

обстановки, болѣе сосредоточивалось на благородномъ трудѣ ума, лишний всякихъ прикрасъ, и вѣрнѣе слѣдило за мыслию, еще болѣе прекрасною въ наготѣ своей.

Посреди суматохи, неразлучной съ первымъ представленіемъ, когда одинъ актеръ отыскивалъ башмаки, другой звалъ парикмахера, третій спорилъ съ портнымъ за слишкомъ-короткое полукафтанье, какой-то мужичина, въ черномъ платьѣ, сидѣлъ въ фойѣ, на скамьѣ, и безпрестанно вскакивая, прохаживался нетвердыми и неровными шагами. По блѣдному лицу его, по лихорадочнымъ движеніямъ, не трудно было узнать въ немъ автора, чья судьба должна была рѣшиться, обвиненнаго, который съ безпокойствомъ ожидалъ приговора.

Только люди, трудившіеся для театра, могутъ понять ужасныя ощущенія, которыя столь-же трудно опредѣлить, какъ и объяснить, которыхъ не могутъ побѣдить ни разсужденія, ни даже доказательства успѣха, и которыя заставляютъ дрожать за мелочныя выгоды или за, часто бессмысленныя, рукоплесканія людей, менѣе всего связанныхъ къ деньгамъ и незнакомыхъ съ честолюбіемъ!..

Зававѣсъ поднялся съ глухимъ шумомъ, кажущимся бѣдному автору предвѣстникомъ грозы...

При первыхъ стихахъ, произнесенныхъ Лопесомъ де-Карловомъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пьесы, раздались рукоплесканія, которыя, присоединивъ надежду къ страху, владѣвшему авторомъ, еще болѣе увеличили мученія его.

Но вскорѣ послѣ этихъ рукоплесканій наступило мертвое молчаніе; нѣсколько рѣдкахъ аплодисмановъ преданныхъ друзей автора были заглушены возраставшимъ выраженіемъ неудовольствія публики; третій актъ кончился очень неблагополучно... слышались даже свистки.

Несчастный авторъ, уходящій изъ-за кулисъ въ фойѣ, изъ фойѣ на улицу, съ улыбки возвращавшійся въ корридоры, вездѣ былъ преслѣдуемъ или убійственностью дѣйствительностію или еще ужаснѣйшими сомнѣніями. Принимая каждый шумъ за признаки неудовольствія публики, онъ не могъ постигнуть равнодушія или спокойствія людей, попадавшихъ ему на-встрѣчу.

Вдругъ какой-то толстый мущина, также одѣтый въ черное платье, но съ лицомъ, на которомъ выражался тотъ блаженный матеріализмъ, для котораго счастье кончается только тамъ, гдѣ начинаются страданія физическія, подошелъ къ поэту и безъ церемоніи ударилъ его по плечу.

— Здоровы-ли вы, добрый мой Ротрү? спросилъ толстякъ.

Авторъ вмѣсто отвѣта протянулъ къ толстяку горѣвшую руку, а тотъ, какъ бы машинально, приложилъ два пальца къ пульсу страдавшаго.

— Ого! почти сто ударовъ въ минуту. Возможно-ли! Вы, Ротрү, человекъ твердый, столько безпокойтесь о негодной пьесѣ? Вѣдь

это не первый опытъ вашъ: вы уже столько надѣлали трагедій, что не бѣда, если одна и упадетъ!

— Упадетъ!.. Слѣдовательно, трагедія моя рѣшительно упала?

— Кажется; надо вамъ сказать, любезный мосье Ротру, что вы въ нынѣшній разъ не превзошли себя; я, докторъ медицины и хирургинъ въ городѣ Дрѣ, землякъ вашъ, если-бъ захотѣлъ приняться за литературу, написалъ-бы трагедію не хуже вашей сегодняшней. Только я-бы не столько безпокоился, какъ вы. Вѣдь я не тренещу, когда рѣжу руки и ноги, когда вижу текущую кровь...

— Да, чужую кровь! произнесъ Ротру тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Ну, полноте; надѣньте трауръ по вашему сегодняшнему дѣтищѣ... слышите-ли, какъ свищутъ!

— Итакъ все кончено! проговорилъ Ротру въ полголоса, и поспѣшно вставъ, бросился къ двери. Вдругъ мужчина высокаго роста, съ просѣдью и въ черной шапочкѣ, остановилъ его.

— Куда вы, батюшка!.. воскликнулъ онъ.

Ротру нисколько не удивился странному названію, которымъ приветствовалъ его человекъ, бывшій старѣе его.

— Ахъ, другъ мой!.. воскликнулъ Ротру, бросившись въ объятія высокаго мужчины: — любезный Корнель! не останавливайте меня!.. Я бѣгу прочь отсюда — пьеса моя погибла!

— Пьеса ваша будетъ имѣть успѣхъ, сказалъ Корнель: я знаю ее; при слѣдующей теперь сценѣ она поднимется... я въ томъ увѣренъ.

— О, нѣтъ! не удерживайте меня... Я не хочу выставить на показъ мученія свои.

— Вотъ и я говорю господину Ротру, сказалъ докторъ, что не хорошо быть такимъ малодушнымъ. Какой солдатъ будетъ бояться запаху пороха въ двадцатое сраженіе...

— Солдатъ подвергается только смерти. возразилъ Корнель: мы-же подвергаемся васмѣшкамъ. Миѣ жаль, милостивый государь, что вы такъ дурно понимаете ощущенія и боязнь благороднаго сердца, которое, вѣрно, не утрашилось-бы при дѣйствительной опасности... Но успокойтесь, мой добрый отецъ по Аполлону, продолжалъ онъ, обратившись къ Ротру .. сегодня вамъ бояться нечего!.. Публика можетъ ошибаться, но она всегда дѣйствуетъ по убѣжденію, ложному-ли или вѣрному, а потому рано или поздно она сознается въ ошибкѣ своей и воздастъ должное таланту!.. Сегодня вамъ отдадутъ справедливость, завтра-же враги, порожденные успѣхомъ вашимъ, бездарные завистники, которые могутъ преслѣдовать насъ только оскорбленіями и низкими придирадками, завтра эти люди будутъ стараться излить на васъ отвратительную жолчь свою .. завтра наступитъ чередъ мщенія и зависти, сегодня... Пойдите... Слышите-ли вы? сегодня отдадутъ вамъ справедливость!

И какъ-бы по волшебному мановенію руки великаго Корнеля, громъ рукоплесканій подтвердилъ утѣшительныя предсказанія его.

— О, другъ мой! вы возвращаете мнѣ жизнь! вскричалъ Ротрү съ восторгомъ: но .. осталась еще развязка.

— О, не беспокойтесь, отвѣчалъ улыбаясь Корнель: я знатокъ въ этомъ дѣлѣ; ваша пѣса будетъ имѣть успѣхъ.

И точно, вскорѣ актеры окружили Ротрү, поздравляя его съ успѣхомъ; счастливый авторъ былъ виѣ себя отъ радости и пожималъ руку воинамъ, сражавшимся за него и одержавшимъ побѣду.

— Если-бъ не Корнель, восклицалъ онъ: такъ я не видѣлъ-бы торжества своего.

— Все-равно, милый мой Ротрү, сказалъ толстякъ: пѣса ваша лучше, нежели я предполагалъ, но все-таки я считаю васъ человѣкомъ весьма-малодушнымъ.

— Да, это правда, отвѣчалъ Ротрү: я былъ малодушень, но теперь такъ счастливъ, что не могу даже стыдиться...

— Ну, хорошо, хорошо; я буду молчать и даже ни слова не скажу своей дочери, которая теперь въ Шартрѣ, у тетуски своей. Я хочу познакомить васъ съ нею, а потому умолчу о вашемъ малодушии, чтобы вамъ не пришлось краснѣть.

Въ это самое время вошелъ театральнй сторожъ, искавшій доктора Ренодѣ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ толстякъ.

— Вотъ письмо, которое мнѣ велѣли сейчасъ-же вручить вамъ.

Едва докторъ распечаталъ письмо и прочелъ первыя строки, какъ лицо его видимо измѣнилось.

— Ай, ай, ай! сказалъ Корнель, смотрѣвшій на доктора: вы, вѣроятно, получили весьма-важное извѣстіе, потому-что вы, человѣкъ немалодушный, поблѣднѣли...

— О, ничего! проговорилъ докторъ, смущенный и озабоченный... меня извѣщаютъ о денежной потерѣ... надо спѣшить...

Докторъ поспѣшно раскладываясь, но у двери столкнулся съ входившимъ мужчиной среднихъ лѣтъ.

— А! мосье Ренодѣ, вскричалъ вновь прибывшій. Хорошо, что я встрѣтилъ васъ, потому-что вы, можетъ-быть, не получили еще письма, которое вамъ написали. Я не отпущу васъ... о! если-бы вы знали... въ Дрѣ, родимомъ городѣ вашемъ, господствуетъ ужасная эпидемія... скарлатина... вчера умерли тридцать человѣкъ. Никто не выходитъ... доктора отказываются помогать больнымъ...

— Какъ! вскричалъ Ротрү вставая: братья... земляки мои въ опасности... Возможно-ли! Пойдемте, докторъ... не будемъ медлить ни минуты...

— Но, возразилъ докторъ, заикаясь: мнѣ надо ѣхать въ Шартрѣ... за дочерью...

— Дочь ваша въ безопасности... время дорого. Сейчасъ-же найдемъ коляску и лошадей. Поспѣшимте докторъ.

Ренодѣ, не смѣя болѣе противиться, готовился слѣдовать за автомобилемъ.

— О, какъ вы благородны! говорили актеры, пожимая руки Ротрү: но ради Бога, поберегите себя... мы страшимся за васъ...

— Успокойтесь, друзья, отвѣчалъ Ротрү: Богъ дастъ, мы еще увидимся; Корнель! продолжалъ онъ, съ чувствомъ пожавъ руку друга; я могъ бы взять васъ собою въ Дрѣ, вамъ нечего страшиться... вѣдь вы безсмертны!

— Есть два рода безсмертія... возразилъ Корнель: одного авторъ *Венчслава* (*Venceslas*) уже достигъ; дай Богъ, чтобы другое не слишкомъ-дорого пришлось вамъ, гражданскому начальнику города Дрѣ.

Дѣятельность Ротрү въ Дрѣ была изумительная. Онъ безпрестано ходилъ по городу, приказывалъ перевозить въ госпитали бѣдныхъ жителей, помогалъ, гдѣ могъ, ободрялъ докторовъ, и ни разу великая, героическая душа поэта не думала о безопасности собственного тѣла. Вотъ строки, сохранившіяся изъ одного письма, которое Ротрү писалъ роднымъ своимъ въ Парижъ:

«Сегодня похоронный колоколъ звонитъ въ двадцать-второй разъ... можетъ-быть придетъ и моя очередь... на то воля Божія»...

Проходя однажды по одной изъ улицъ, находившихся близъ заставы, поэтъ увидѣлъ молодую дѣвушку, лежавшую на мостовой безъ чувствъ; видно было, что она почти при самомъ вѣздѣ въ городъ была схвачена господствовавшей эпидеміей и упала съ лошака, который спокойно стоялъ возлѣ нея. Прохожіе отдалялись отъ нея съ ужасомъ.

Ротрү поднялъ молодую дѣвушку и на рукахъ снесъ ее въ пустой домъ, покинутый владѣльцами... но гдѣ достать помощь, гдѣ найти докторовъ?.. Ротрү вышелъ изъ дому, но едва прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ увидалъ всадника, во весь галопъ скакавшаго къ заставѣ. Этотъ всадникъ былъ Ренодѣ.

Броситься къ лошади остановить ее и объяснить доктору, что въ нѣсколькихъ шагахъ была жертва, требовавшая помощи его, было для поэта дѣломъ одной минуты.

Но Ренодѣ оставался въ городѣ только по требованію жителей и почти насильно, а потому, сдѣлавшись свидѣтелемъ смерти двухъ собратьевъ своихъ, онъ до того перепугался, что рѣшился бѣжать во что-бы-то ни стало, и не отвѣчая на слова городскому начальнику, только припустилъ лошадь; но Ротрү держалъ ее крѣпко.

— Вы не оставите пѣста своего! закричалъ онъ. Я, начальникъ города Дрѣ, приказываю вамъ остаться!

Благородство поэта одержало-бъ, вѣроятно, верхъ, если-бъ вдругъ онъ не почувствовалъ всеобщей слабости... ноги его подкосились... онъ спустилъ узду... онъ былъ пораженъ страшною болѣзнию!

Испугавшись еще болѣе и будучи свободенъ, Ренодѣ безъ-оглядки поскакалъ къ заставѣ.

Ротрү всталъ однакожь и, стараясь преодолѣть немощь, прошолъ еще нѣсколько шаговъ, и по-счастію, встрѣтилъ наконецъ доктора, который поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Нѣтъ... нѣтъ... не мнѣ.. вскричалъ Ротрү: туда, докторъ, туда! Тамъ умираетъ молодая дѣвушка!

Опираясь на руку честнаго доктора, Ротрү дошелъ съ нимъ до дома, въ которомъ онъ оставилъ молодую дѣвушку. Едва вступилъ онъ туда, какъ безъ чувствъ упалъ на полъ...

Докторъ удвоилъ старанія и попеченія около двухъ больныхъ, но напряженіе Ротрү усилило зло и, казалось, послѣдній часъ его пробылъ...

— Поправляется-ли молодая дѣвушка? Есть-ли надежда? Можно-ли спасти ее? повторялъ поэтъ едва слышнымъ, прерывающимся голосомъ.

Въ это время слышались въ сосѣдней комнатѣ тяжелые шаги, и минутою спустя, Ренодѣ вбѣжалъ въ комнату.

— Дочь моя! Дитя мое здѣсь! Она, быть-можетъ, умерла!...

Молодая дѣвушка была точно дочь Ренодѣ. Узнавъ объ эпидеміи, господствовавшей въ Дрѣ, она оставила Шартръ и поспѣшила къ отцу. Слуга, провожавшій ее, побоялся ѣхать дальше, при внезапномъ паденіи дѣвушки; докторъ встрѣтилъ его за городомъ и узналъ все дѣло.

— Дочь ваша спасена, отвѣчалъ другой докторъ: она будетъ жить, благодаря тому, кто погубилъ себя, спасая ее!.. Если-бъ ранѣе была подана помощь, то и нашъ начальникъ могъ-бы быть спасенъ!...

Ренодѣ въ отчаяніи упалъ на колѣни и поцѣловалъ уже холодную руку поэта...

Нѣсколько времени спустя Ренодѣ встрѣтился въ Парижѣ съ Корнелемъ.

— Чтѣ, спросилъ знаменитый поэтъ: у кого оказалось болѣе мужества, у робкаго поэта или у васъ, докторъ? Ахъ! Кто разгадаетъ тайну организаціи великихъ душъ, которыя подобны тростнику, который гнется при малѣйшемъ вѣтрѣ, и дубу, который гроза вырываетъ съ корнями, потому-что не можетъ заставить согнуться!...

ОТЗЫВЪ ИНОСТРАНЦА О РУССКИХЪ ПѢВЧИХЪ. Въ парижской музыкальной газетѣ (*Revue et Gazette musicale*), напечатана очень-дѣльная и любопытная статья о нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ для пѣнія, и вообще о пѣніи въ Россіи. Предлагаемъ изъ нея извлеченіе. Авторъ начинаетъ статью свою исторіей Придворной Пѣвческой Капеллы, и потомъ слѣдующимъ образомъ отзывается объ исполненіи придворныхъ пѣвчихъ:

«Я-бы желалъ» говорить онъ: «столько-же хвалить пѣвчихъ, сколько восхищался ими; но въ наше время до-того расточаютъ похвалы предметамъ, вовсе недостойнымъ ихъ, что если случайно и встрѣтится что-нибудь прекрасное, то не знаешь, какія формы употребить, чтобы отдать ему должную справедливость. Я постараюсь выразить удовольствіе, которое ощутилъ, самымъ простымъ образомъ. Въ Придворной Капеллѣ пѣвчіе поютъ и старинную, и новѣйшую музыку, безъ всякаго аккомпаньемана. Не-смотря на то, согласіе и вѣрность тоновъ выдерживается отъ начала до-конца съ невыразимою точностью; никогда голосъ не повысится и не понизитъ тона къ окончанію, никогда ни одинъ голосъ не ошибется и не разстроитъ общаго согласія; но это еще не все: Придворные Пѣвчіе обладаютъ еще драгоценною, рѣдкою, даже въ одноголосномъ пѣніи, способностью придавать пѣнію колоритъ, выразительность и не пренебрегать вѣжвѣйшими интонаціями; они умѣютъ дѣлать въ *pianissimo-piano*, въ *fortissimo-forte*, словомъ, они умѣютъ придавать пѣнію ту *сальто-тънь*, которая есть высочайшая тайна совершенства произведеній знаменитыхъ живописцевъ.

Пѣніе пѣвчихъ Придворной Капеллы можно назвать торжествомъ вокальной дисциплины. Чудному исполненію ихъ не достаетъ только одного, чтобы сдѣлаться осуществленіемъ идеальнаго совершенства, а именно того, чего никакой оркестръ или хоръ никогда исполнить не можетъ: частной страсти, голоса души — это принадлежитъ вокальному или инструментальному *соло*. Но все чувство, вся страсть, вся жизнь, которую только можетъ передать хоръ, находится въ исполненіи Придворныхъ Пѣвчихъ. Представьте себѣ органъ, каждая труба котораго есть человѣческій голосъ; все эти трубы повинуются рабаки одному человѣку, управляющему ими и внушающему каждой трубѣ свою волю, свое чувство, свою мысль... вотъ хоръ петербургской Придворной Капеллы.

Слушая, въ нѣмомъ восторгѣ и со слезами на глазахъ, это дивное исполненіе, я невольно вспомнилъ желаніе, изъявленное знаменитымъ Россіанинъ:

— О! сказалъ онъ мнѣ однажды, объясняя причины бездѣйствія своего: если-бъ я нашолъ двѣсти голосовъ, которые могли-бъ пѣть безъ всякаго аккомпаньемента, то я написалъ-бы еще что-нибудь новое!

Хотя въ Придворной Капеллѣ не болѣе ста пѣвчихъ, одна ко-жѣ

желаніе Россіи, по моему мнѣнію, исполнилось; пусть-же онъ идетъ для *Придворныхъ Пѣвчихъ!*

Впрочемъ въ Петербургѣ есть и другія заведенія, которыми можно составить полное число, какого желалъ Россіи. Таковъ, напримѣръ, *Батальонъ Кантонистовъ*, который есть не что-иное, какъ военная школа для солдатскихъ дѣтей, выходящихъ оттуда унтеръ-офицерами. Эти молодые люди исполняютъ церковное и другое пѣніе съ совершенствомъ, почти равнымъ пѣнію Придворныхъ Пѣвчихъ.

Въ началѣ весны, ежегодно въ Петербургѣ бываетъ музыкальное торжество въ пользу инвалидовъ. Музыканты всѣхъ полковъ образуютъ одинъ оркестръ, подъ главнымъ управленіемъ г. Газе, и къ этимъ инструментальнымъ массамъ присоединяются столь-же огромныя вокальныя массы. Въ этомъ громадномъ концертѣ до двухъ тысячъ исполнителей!.. Самое любопытное тутъ, безспорно, исполненіе военной кантаты, сочиненной генераломъ Львовымъ въ 1835 году, въ Калишѣ, по случаю большаго военного праздника, даннаго въ день свиданія русскихъ войскъ съ прусскими (6 го сентября). Кантата эта составлена изъ нѣсколькихъ національныхъ пѣсенъ и старинной пѣсни, слова и музыка которой, если вѣрить преданію, сочинены Императоромъ Петромъ Великимъ, когда онъ соорудилъ на Невѣ первые корабли флота своего. Тысячи голосовъ, съ акомпанементомъ огромнаго оркестра военной музыки, исполнили этотъ концертъ подъ открытымъ небомъ; для большаго эффекта, композиторъ прибавилъ новый инструментъ — пушку. При повтореніи хоромъ перваго куплета пѣсни раздавался пушечный выстрѣлъ; потомъ то-же повторялось при окончаніи каждаго стиха, далѣе при каждомъ тактѣ, этому выстрѣлу вторилъ другой, болѣе отдаленный, потомъ раздавались оба вмѣстѣ. и наконецъ, послѣ финальнаго аккорда, стрѣляли залпомъ изъ двадцати-четырехъ орудій!..

Говоря о музыкальныхъ достопримѣчательностяхъ Петербурга, должно упомянуть и о пѣвнн цыганъ. Каждый годъ, во время великаго поста, когда всѣ театры закрыты и начинаются концерты, изъ Москвы пріѣзжаетъ труппа цыганъ, этого кочующаго племени, прибывшаго съ Востока около XIV-го вѣка, по мнѣнію однихъ, изъ Индіи, по мнѣнію другихъ изъ Египта, разсѣявшагося по всей Европѣ, и называющагося въ Италіи *Zingari*, въ Испаніи *Gitanos*, во Франціи *Bohémien*, въ Англійи *Gypsies*, въ Германіи *Zigeuner*, въ Россіи *Цыганы*; сами-же они называютъ себя *Фараонами*. Мнѣ удалось слышать ихъ въ небольшомъ собраніи у графа Р.— Двѣнадцать женщинъ разныхъ лѣтъ усѣлись полукругомъ; шесть мужчинъ стали за ними, а въ центрѣ полукруга стоялъ, обратившись лицомъ къ пѣвцамъ, запѣвало, съ гитарой. Мужчины были теноры, басы и контрбасы; женщины — сопрано и альты.

Цыганы спѣли нѣсколько, болѣею частію, короткихъ пѣсенъ но весьма-разнообразныхъ по формѣ и выраженію, въ одинъ, два,

три, четыре голоса или хоромъ. Часто хоръ подхватываетъ пѣніе одного, и мотивъ, начавшійся *solo*, оканчивается *tutti*. Странная вещь! не имѣя никакого понятія о правилахъ музыки, не зная даже названія нотъ, цыганы сами аранжируютъ свои пѣсни, раздѣляютъ партіи, сочиняютъ по своему вариации, фіоритурны и аккомпаньементъ на гитарѣ. Гармонія въ пѣніи ихъ не всегда соблюдена и часто совершенно несогласна съ правилами контрапункціи; но пѣсни ихъ оригинальны, исполнены неожиданныхъ эффектовъ и, мнѣ кажется, что самая наука музыки могла-бъ воспользоваться этими изобрѣтеніями инстинкта. Одна часть репертуара ихъ состоитъ изъ русскихъ народныхъ пѣсень; другая, самая замѣчательная, изъ пѣсень, принадлежащихъ собственно племени ихъ. Самый обыкновенный размѣръ въ три такта, какъ вообще въ плясовыхъ пѣсняхъ, но они употребляютъ и неправильные размѣры, въ пять или семь тактовъ, смотря по числу слоговъ или смыслу словъ. Чтò болѣе всего поражаетъ въ ихъ пѣсняхъ, чисто національныхъ (если можно назвать націей разсѣянное, кочующее племя), такъ это странное отношеніе, изумительное сходство ихъ съ пѣснями испанскихъ хитанъ. Есть особенно-нѣжныя, тихія мелодіи совершенно похожія на андалузскія *tiranias* и *palos*; другія живы и быстры, какъ даманскія *sepidilly* или аррагонскія *jota*.

При звукахъ этихъ пѣсень, пѣккоторыя изъ женщинъ, молодья и старья, встаютъ и начинаютъ плясать, то-есть скользить, по полу, придавая рукамъ, плечамъ, всему тѣлу, странныя движенія, отъ которыхъ, мало-по-малу, переходятъ въ какое-то забытіе — ихъ можно сравнить съ баядерками Востока. Здѣсь говорили, что московскіе цыганѣ хотятъ побывать въ Парижѣ: неизвѣстно, приведутъ-ли они это намѣреніе въ исполненіе. *

* У насъ точно разнесся слухъ, что цыганы намѣрены отправиться въ Парижъ. Нѣкто, желая сдѣлать оригинальныя пѣсни ихъ понятными Парижанамъ, принялся было переводить ихъ. Вотъ образчикъ довольно-забавнаго перевода пѣсни:

• Мы живемъ среди полей

• И лѣсовъ дремучихъ и пр.

Nous vivons** milieu des champs,

Et des forêts sombres,

Plus heureux que les méchants,

Et que toutes les ombres!

Gaie Tsigané, gaie Tsigané!

Allons, marchons, courons, nous amuser!..

Это не выдумка.

** Поэтическая вольность: вмѣсто лишняго слога *au* поставленъ апострофъ.

Прим. перев.

По окончаніи концерта, когда цыганы напились чаю съ ромомъ, они, какъ награду, просили, чтобы г-жа Полина-Віардо, съ особеннымъ вниманіемъ слушающая ихъ, спѣла имъ что-нибудь. Она охотно исполняла желаніе ихъ и спѣла къ фортепьяно. Эта музыка и пѣніе, которое имъ пришлось слышать въ первый разъ въ жизни, поразило ихъ изумленіемъ. Опустивъ нѣсколько голову, выпучивъ глаза и полураскрывъ ротъ, стояли они вокругъ фортепьяно, и изрѣдка прерывали молчаніе отрывистыми восклицаніями, которыя мнѣ переводили.

— Это не человѣкъ поетъ, говорилъ одинъ, а что-то другое.

— Добро-бы, прибавлялъ толстый старикъ, она была потолще! А то, откуда идетъ этотъ голосъ?

• Когда послѣ нѣсколькихъ итальянскихъ арій и французскихъ романсовъ, г-жа Віардо стала пѣть испанскія пѣсни, цыганы какъ-бы услышали родные звуки; они вполне поняли ихъ и попросили повторенія, чтобы запомнить ихъ и аранжировать по своему. На будущей годъ я узнаю, сдержали-ли они слово.

• Цыганы эти совершенно схожи по физіономіи, нравамъ и обычаямъ съ прочими европейскими цыганами. Чтобы имѣть о московскихъ цыганахъ совершенно-вѣрное понятіе, стѣнитъ только прочесть одну изъ повѣстей Сервантеса. *Gitanilla de Madrid*. Хотя повѣсть эта написана двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и въ Испаніи, но подробности ея совершенно могутъ быть примѣнены къ русскимъ цыганамъ. По-неволѣ должно удивляться могуществу оригинальныхъ преданій, потому-что физическое и моральное сходство сохранилось до такой степени между кочующими племенами, обитающими близъ гренадской Альгамбры и московскаго Кремля и немѣющихся между собою никакихъ сношеній!..

ИМПРОВИЗИРОВАННАЯ ОПЕРА. Мондовиль, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ композиторовъ прошедшаго столѣтія, получилъ отъ одного изъ пріятелей своихъ либретто, на которое тотъ просилъ его написать музыку. Мондовилю или не нравилось либретто или было некогда, но онъ рѣшительно не занимался имъ. Не-смотря на то, всякій разъ, какъ онъ встрѣчался съ авторомъ и тотъ спрашивалъ его о партитурѣ, Мондовиль отвѣчалъ, что она идетъ прекрасно и скоро будетъ кончена.

Такимъ-образомъ прошло два года. Поэту надоѣло ждать и онъ отправился однажды къ композитору.

— Ну, что? спросилъ онъ его: какъ идетъ наша опера? Скоро-ли будетъ кончена?

— Она кончена, отвѣчалъ Мондовиль, желавшій отдѣлаться какъ-нибудь отъ преслѣдователя.

— Какъ!.. Кончена?

— Совершенно.

— Можетъ-ли быть! Покажите-же мнѣ ее, пожалуста, вскричалъ недовѣрчиво авторъ.

Мондовиль сталъ рыться въ бюро, въ портфелѣ и ужасно досадовалъ, что не можетъ найти оперы. Послѣ четверти часа тщетныхъ поисковъ, онъ вскрикнулъ:

— Какая досада! Не могу найти партитуры! Это удивительно! Впрочемъ не безпокойтесь, хоть-бы она и совершенно было потеряна, такъ не бѣда! Она у меня тутъ — въ головѣ; я вамъ сейчасъ сыиграю ее. Слушайте!

Мондовиль сѣлъ за фортепьяно и сыигралъ всю оперу отъ начала до конца, съ аріями, дуэтами, хорами, речитативами и пр. Поэтъ былъ въ восторгѣ и безпрестанно аплодировалъ, восклицая, что это, безспорно, лучшее произведеніе Мондовила.

Разставшись съ Мондовилемъ, счастливый авторъ, увѣренный въ успѣхъ новой своей пьесы, побѣжалъ къ актеру, которому назначалъ главную роль.

— Ахъ! воскликнулъ онъ, если-бъ вы знали, какую партитуру Мондовиль сочинилъ! Просто чудо! Прелесть!

Пѣвецъ на другой-же день пошелъ къ композитору, съ просьбой вручить ему для разсмотрѣнія новую партитуру. Мондовиль признался, что онъ не сочинилъ еще ни одной ноты и что сыигралъ поэту импровизацію, чтобы только отдѣлаться отъ него.

Авторъ отнял у Мондовила либретто, и во всю жизнь свою не простилъ ему этой шутки.

СЮЖЕТЪ ДЛЯ ВОДЕВИЯ. Замокъ С... принадлежалъ богатому банкиру, страшному охотнику до разныхъ шутокъ и мистификацій. Желая, чтобы лѣтнее жилище его прославилось забавными приключеніями столько-же, какъ домъ его въ Парижѣ славился великолѣпными балами и убійственными обѣдами, банкиръ призвалъ машиниста, которому поручилъ устроить въ замкѣ своемъ разныя живыя перемѣны и машины.

На каждомъ шагу встрѣчались трапцы, потайныя двери, передвижныя потолки и превращенія. Нѣкоторыя изъ этихъ чудесъ сохранились и нынѣ. Между прочими особенно замѣчательны двѣ комнаты, входъ въ которыя находится въ двухъ разныхъ корридорахъ. Эти комнаты назначены для пріятелей; одна называется зеленою, другая голубою. Первая находится въ женской половинѣ, другая въ мужской.

Гости расходятся вечеромъ по своимъ комнатамъ. Мужчина и дама, на которыхъ палъ жребій мистификаціи, думаютъ, что очень-удалены другъ отъ друга; ничего не бываютъ: комнаты ихъ смежны; въ зеленой комнатѣ альковъ находится на лѣвой сторонѣ, въ голубой на правой, и онѣ раздѣлены двойною перегородкою, набитою войлокомъ, заглушающимъ всякій шумъ.

Жертвы мистификаціи ложатся спать, гасятъ свѣчи и засыпаютъ; —

подвижной полъ обоихъ алькововъ устроенъ на колесахъ, на которыхъ овъ повертывается медленно и безъ малѣйшаго шума, котораго не слышалъ-бы даже неспящій. Въ нѣсколько минутъ превращеніе готово: альковы помѣнялись комнатами; дамскій находится въ голубой, мужской въ зеленой комнатѣ.

Дама просыпается. Представьте себѣ страхъ и изумленіе ея, когда она видитъ возлѣ постели своей, на стулѣ, жилетку, подтяжки, сюртукъ и пару сапоговъ!....

— Боже мой! восклицаетъ она: на яву-ли я это вижу? Нѣтъ, я не сплю!... Но что же значать эти вещи?... Неужели мужчина осмѣлился придти сюда ночью?... Но какъ? Дверь я сама заперла... не въ окно-ли?

Окинувъ комнату быстрымъ взглядомъ, она замѣчаетъ, что находится не въ своей комнатѣ, и это открытіе еще болѣе увеличиваетъ ужасъ ея.

— Боже мой! восклицаетъ она: я не въ своей комнатѣ! Это комната мужчины!... Но какъ я сюда зашла?... Въ сомнамбулизмъ... или меня похитили? Что подумаютъ обо мнѣ!... И къ довершенію несчастья я не могу выйти отсюда... у меня здѣсь нѣтъ платья... какъ быть? Надо ждать или позвать кого-нибудь. Боже мой! я погибла и навсегда лишилась добраго имени!

Посмотрите-же на изумленіе мужчины.

— Платье! восклицаетъ онъ: корсетъ! пелеринка! Что значить этотъ женскій приборъ? Не сладостный-ли это сонъ? Нѣтъ, я вижу это наяву... Послѣ этого я настоящій донъ-Жуанъ... Вѣдь этотъ граціозный нарядъ не одинъ-же пришолъ сюда... Фея, сильфида вспорхнула сюда и усладила сонъ мой... О! я счастливецъ!... Однако странно... я ничего не помню... ничего не замѣтилъ... что-же это значить?... Непостижимо!... но еще непостижимѣе то, что сильфида оставила у меня платье свое... какъ-же она ушла... Ахъ, чортъ возьми, совѣмъ не то!... Вѣдь я самъ зашелъ къ сильфидѣ!... Фу, ты пропасть, просто въ толкъ не возьму... неоспоримо и вѣрно одно, а именно то, что я у женщины, а какъ я сюда попалъ... не знаю...

Догадки, смущеніе и изумленіе продолжаются до того времени, когда слышится колоколь, зовущій къ завтраку. Страхъ бѣдныхъ жертвъ увеличивается... ихъ зовутъ, къ нимъ стучатся въ дверь... смѣхъ хохотъ, веселія шутки.

Наконецъ все дѣло объясняется.

Бывали примѣры, что подобныя шутки имѣли счастливые результаты. Вотъ одинъ примѣръ.

Блестящее общество собралось въ замокъ С... Между гостями особенно отличалась г-жа де А***, молодая вдова, имѣвшая большой успѣхъ въ парижскихъ салонахъ. Она была окружена поклонниками, но выборъ ея палъ на Тимолеона де П***, прославленнаго денди, которому не доставало одного — молодости.

Между-тѣмъ мосьё Тимолеонъ всячески старался скрывать лѣта свои, и дѣти, которыхъ онъ носилъ на рукахъ, сдѣлавшись вѣро-слыми молодыми людьми, удивлялись, какимъ образомъ мосьё Тимолеонъ остался ровесникомъ ихъ. Эта упрямая молодость подавала поводъ къ разнымъ толкамъ.

— Берегитесь, говорили г-жѣ де А***: мосьё Тимолеону должно быть за пятьдесятъ лѣтъ.

— Этотъ слухъ распространяють его соперники, отвѣчала вдова.

— Но вѣдь есть много молодыхъ людей, которыхъ онъ носилъ на рукахъ.

— Пустяки! Взгляните сами на мосьё де П***; вѣдь по лицу его видно, что онъ еще молодъ.

И точно, наружность денди была весьма-благовидна. Онъ былъ человекъ ловкій и хитрый, и умѣлъ наконецъ добиться того, что вдовушка назначила день свадьбы. Онъ имѣлъ причину торопиться, потому что говорили о возвращеніи двоюроднаго брата вдовы, который былъ такъ неопытенъ, что предпринялъ путешествіе именно около того времени, когда кузина его сдѣлалась къ нему неравнородна.

Будущіе супруги пріѣхали въ замокъ С..., и хозяинъ, рѣшившись сыграть съ ними шутку, помѣстилъ ихъ въ двѣ комнаты, о которыхъ мы уже говорили.

Альковы перемѣстились.

Утромъ, проснувшись, молодой вдовѣ представилось, что она видитъ предъ собою Тимолеона. Она узнала его во всѣхъ подробностяхъ: тутъ лежали прелестныя, черныя, природно-завивавшіяся кудри его; далѣе былъ корсетъ, прилававшій ему стройную талю; набитый ватой жилетъ, округлявшій грудь его; длинные чулки, небрежно брошенные на диванъ, обрисовывали ноги его; цвѣтъ лица на блюдечкѣ и бѣлые зубы на столикѣ...

— Боже мой! вскричала г-жа де А***: я хотѣла выйти замужъ за парикъ, корсетъ, вату, вставные зубы и румяны!...

Механическій альковъ испортилъ и поправилъ все дѣло...

Испортилъ для мосьё Тимолеона, который, проклиная мистификаціи, поскорѣе уѣхалъ въ Парижъ.

Поправилъ для вдовушки, которая, благословляя мистификаціи, вышла за двоюроднаго своего брата.

ВЪ КАКОМЪ ПОЧОТѢ БЫЛА ПОЭЗІЯ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.
Въ средніе вѣка поэзія и поэты были въ большомъ почотѣ; въ то время поэзіею занимались не только знатные люди, но даже короли и императоры, какъ на-примѣръ: Фридрихъ I, Ричардъ, Львиное-сердце въ Англіи, Тибо Наваррскій, Карлъ VI, VII и IX, короли французскіе Карлъ Анжуйскій, Карлъ Орлеанскій, племянникъ Лудовика XII, Рауль Конти, Моклеркъ Бретанскій (Mauclore von Bretagne), Іоаннъ и Гейврихъ Брабантскіе, Іаковъ I, король шотландскій, Францъ I., ко-

роль французскій и сестра его Маргарита Валуа, Иоаннъ Бреславльскій, Магнусъ Босовогій (Magnus Barfusz) и Зигурдъ, предводитель норвежскихъ крестоносцевъ; въ то время поэты уважались и честились какъ у Арабовъ, родоначальниковъ поэзіи, такъ и въ Испаніи, (во времена до-христіянскія) гдѣ они сопровождали калифа во всѣхъ его походахъ и гдѣ дворъ былъ, такъ сказагь, академіею поэзіи. Тоже и на сѣверѣ поэты въ походахъ ѣхали всегда возлѣ государей и предводителей войскъ, а во дворцахъ всегда садились напротѣвъ короля. Гарольдъ Гарфагръ (Harold larsfagr), первый властитель соединенныхъ Норвегіи не презиралъ дружбою своего придворнаго скальда Тюдольфа Хвеннскаго (Thiodulf von Huenn). Гаконъ Альхельфтенъ (Hakon Alhelfstenn) Олафъ Святой, Вольдемаръ II, Гаконъ V и Магнусъ босовогій тоже были почитателями поэзіи. Точно также и шведскіе короли, Эрикъ Зегерфелль (Erik Segerfäll), Олафъ Скольконунгъ (Olaf Skolkonung) и Анодъ (Anaud) имѣли при себѣ поэтовъ. Въ особенности уважались поэты въ Валисѣ и въ Ирландіи; тамъ ихъ приглашали даже для составленія законовъ, и они считались вторыми людьми по коронахъ. Не менѣ любили поэзію: Герцогъ Вильгельмъ Аквитанскій, графы Прованскіе, Раймундъ Беренгаръ I, II и III и наслѣдовавшій ихъ графство Раймундъ Альфонсъ Аррагонскій, графы Тулузскіе, изъ коихъ Раймундъ и С. Жиль освободили поэтовъ отъ всѣхъ позатей; далѣе графы Фуа, Безье (Beziers) и многія другія владѣтельныя особы въ Южной Франціи. У короля Филиппа Августа тоже былъ придворный поэтъ. Маргарита Шотландская была ревностная покровительница поэзіи. Въ Кастиліи поэты были любимы народомъ и уважаемы королями, въ особенности Иоанномъ II. И Шотландскій тронъ часто видалъ возлѣ себя поэтовъ; особенно благосклонны были къ нимъ Іаковъ II и IV. Таковы-же были Робертъ д'Артуа, Ліонелло и Геркулесъ д'Эсте, Козьма и Лоренцъ; Францъ I, Фердинандъ и Лукреція Медичи, Фридрихъ II, Манфредъ и Энціо, въ Сициліи, и Гейврихъ II и III, короли англійскіе.

ЖЕНСКІЯ ИМЕНА ВЪ ИСПАНІИ. (Статья для сочинителей драматическихъ представленій, фантазій и т. п.) Испанскія женскія имена болѣею частью очень-благозвучны, но фантазія сочинителей драмъ и романовъ, часто создаетъ такія, какихъ никогда и не существовало въ Испаніи. На-примѣръ, французскіе и нѣмецкіе писатели часто употребляютъ имя Маритина, хотя ни одна Испанка никогда и не называлась такъ. Въ Испаніи есть имена Марія, Марикитта; Маріана есть тоже имя собственное, но Маритина, просто, изобрѣтеніе фантазіи. Окончаніе *на* италіянское и рѣдко встрѣчается въ Испаніи. Лола есть уменьшительное слово Долоресъ, и потому журналы, называя извѣстную танцовщицу Лола Монтесъ, поступаютъ все-равно также, какъ если-бы они называли Фанни Эльслеръ — Нина Эльслеръ. У Испанцевъ, въ общественномъ разговорѣ, женскія имена играютъ важную роль. Дамъ называютъ тамъ просто по име

ни, безъ всякихъ титуловъ, прибавляя только слово *seppoga, sepporita*. Также точно говорятъ и объ отсутствующихъ дамахъ. При разговорѣ съ отцомъ семейства о здоровьѣ его семьи, говорятъ просто: здорова-ли Луиза, Цецилія, Софія и т. п? Такой-же оборотъ употребляютъ говоря о женѣ, о матери. Прежде въ модѣ было прибавлять слово «довна», но оно сдѣлалось до такой степени всеобщимъ, что теперь въ высшемъ кругу совсѣмъ не употребляютъ его, и хотя въ печати оно еще является, но изъ разговора совершенно изгнано. Такое уничтоженіе церемоніальности чрезвычайно облегчаетъ дружеское сближеніе; но за-то всякій домашній другъ долженъ не только помнить имена всѣхъ дамъ того дома, куда онъ входитъ, но и безпрестанно совѣтываться съ календаремъ, потому-что онъ обязанъ непременно поздравлять со днемъ ангела всѣхъ старыхъ и молодыхъ своихъ знакомыхъ дамъ. Забывчивость такого рода никогда не прощается испанскою дамою. Большая часть дамскихъ именъ заимствованы изъ четвѣрмины. Имена Фаустина, Руфина, Юста, Петронелла, Доротеа, найдутся въ каждомъ семействѣ. Кромѣ того мужскія имена нѣкоторыхъ святыхъ передѣлываются также и въ женскія, на-примѣръ, Анисета, Петра, Николаса, Андреа, Бонифація, Иполита, Никосія. Безспорно, что такія имена болѣею частію довольно-неблагозвучны, въ чомъ соглашаются и сами Испанцы, у которыхъ также, какъ и у другихъ народовъ, существуетъ антипатія къ нѣкоторымъ именамъ. Одинъ испанскій историкъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ о непріятномъ впечатлѣніи, какое производило одно женское имя. Въ концѣ XII столѣтія, прибыли изъ Парижа въ Лондонъ два посланника Филиппа Августа, требовать руки Инфанты Кастильской для сына его Лудовика. У короля Альфонса VII было двѣ принцессы. Посланники были въ большомъ затрудненіи. Старшая принцесса была лучше младшей, но она называлась Уракка, имя, которое для французскихъ ушей было, просто, невыносимо; младшую звали Бланка. По долгомъ размышленіи, оба посланника рѣшились выбрать младшую, будучи увѣрены, что негармоническое имя Уракка произведетъ въ Парижѣ большое неудовольствіе. Такимъ образомъ Бланка Кастильская и сдѣлалась королевою французскою и матерью Лудовика Святаго. Хотя для Испанцевъ благозвучіе имени и не составляетъ такой важности, какъ для Французовъ и Итальянцевъ, однако въ настоящее время многія старинныя неблагозвучныя имена вышли изъ употребленія. Такъ на-примѣръ, заимствованныя отъ Готовъ имена Флоринда, Казильда, Эдвигесъ, Херменигильда, Віоланта, Леондра и т. п., теперь уже рѣдко встрѣчаются. Такія имена обыкновенно наследуютъ дочери отъ матерей, особенно въ многочисленномъ семействѣ, гдѣ приходится перебрать весь календарь для раздачи именъ его членамъ. Однако-жъ два коренныя готскія слова, Гертрудисъ и Клотильда, въ большомъ предпочтеніи по ихъ благозвучію. Сентиментальныя, романтическія имена, красующіяся въ драмахъ и рыцарскихъ рома-

нахъ то-же вышли изъ моды, только Инесъ и Климена остались еще въ употребленіи. Въ-слѣдствіе знаменитой борьбы съ Маврами, Испанцы преимущественно стали предпочитать имена христіянскія. Отсюда происходитъ частое употребленіе именъ Анна, Жозефа, Іоанна, и даже не рѣдко встрѣчается имя Іисуса. Часто имена такія передѣлываются изъ названій, придаваемыхъ католиками Богородицѣ, такъ на-примѣръ Дolorесъ, Августіасъ, Ллагасъ (раны), Соледадъ (уединеніе), Консуело (утѣшеніе), Виртудесъ, Ниевесъ. Кромѣ-того есть имена, составленныя изъ названій большихъ праздниковъ, такъ, на-примѣръ, можно часто встрѣтить Испанку, которая называется Презентасьонъ (Введеніе), Консепціонъ (Зачатіе), Асупціонъ! (Благовѣщеніе). Имена эти конечно довольно-длинноваты, трудны для выговора и уже почти вовсе не годятся для рифмы; но въ обыкновенномъ разговорѣ изъ нихъ дѣлаютъ очень благозвучныя уменьшительныя, на-примѣръ, изъ Консепціонъ, Конша, изъ Соледадъ—Солитта и Шола, изъ Жозефы, Пеппа и Пепита, изъ Францески—Пака, Пакита, Фраскита, Курра и Куррилла. Всѣ эти полуимена употребляются по произволу, и для опытнаго наблюдателя показываютъ степень близости, въ какой находятся говорящіи. Самыя высшая степень нѣжности означается когда какъ можно болѣе уклоняются отъ настоящаго первообраза имени, и называютъ даму именемъ, совсѣмъ непохожимъ на то, которое она носитъ. Въ особенннсти способны къ такимъ нѣжнымъ отфѣнкамъ Андалузцы.

СТРОГОСТИ ДИРЕКТОРА БОЛЬШОЙ ПАРИЖСКОЙ ОПЕРЫ КЪ АРТИСТАМЪ. Въ «*Coureur des Spectacles*» напечатано: Всѣ артисты Большой Оперы получили на-дняхъ слѣдующее циркулярное письмо отъ г-на Леона Пилъе, Директора Королевской Музыкальной Академіи:

«Парижъ. 21 октября 1844.

Милостивый государь (или милостивая государыня). Изъ всѣхъ причинъ, вредящихъ пользамъ Оперы, безспорно, самая важнѣйшая, самая предосудительная, есть размноженіе концертовъ и музыкальныхъ вечеровъ, которые зимою даются не только публично, но и въ частныхъ домахъ. Разумѣется, никто не захочетъ идти въ Оперу, гдѣ надобно заплатить за мѣсто, когда въ тотъ-же самый вечеръ или на завтра приглашонъ на музыкальный вечеръ, гдѣ даромъ услышитъ самыя лучшія піесы изъ репертуара, исполненныя лучшими артистами ея. Кромѣ того эти концерты причиваютъ еще большее зло тѣмъ, что слишкомъ утомляютъ пѣвцовъ и отъ-того они чаще бываютъ больны.

До-сихъ-поръ, м. г., изъ снисхожденія къ артистамъ, я часто смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что они нарушали заключенныя со мною условія, соглашаясь, безъ моего позволенія, пѣть въ частныхъ концертахъ. Но это снисхожденіе породило уже слишкомъ большія зло-

употребленія, такъ-что я не могу переносить ихъ далѣе. Возможность за нѣсколько сотъ франковъ имѣть артистовъ Оперы до безконечности размножила концерты и музыкальные вечера; слѣдствіемъ этого есть то, что имена этихъ артистовъ, слишкомъ расточаемыя въ залахъ, не производятъ болѣе эффекта на театральныя афишахъ, и ихъ жалованье, которое въ настоящее время такъ высоко, не согласуется съ вліяніемъ ихъ именъ на театральные сборы.

Итакъ я рѣшился, м. г., во всей строгости исполнять правило, запрещающее всякому артисту Оперы дѣлать употребленіе изъ своего таланта на какомъ другомъ театрѣ, и въ какомъ-бы-то ни было концертѣ, публичномъ или частномъ собраніи, безъ особаго позволенія дирекціи.

Я принялъ твердое намѣреніе, чтобы съ этихъ-поръ артистовъ Оперы нигдѣ не было возможности слышать, кромѣ Оперы.

Прошу васъ, м. г., не рассчитывать болѣе на благосклонное снисхожденіе, породившее злоупотребленія, на которыя я жалуюсь, и съ этихъ-поръ не принимать болѣе приглашеній на участіе въ концертахъ какъ въ публичныхъ, такъ и въ частныхъ, потому-что, повторяю вамъ, я рѣшился со всею строгостію преслѣдовать всякое малѣйшее нарушеніе этой статьи контракта.

Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ уваженіи.

Директоръ королевской Академіи музыки

Леонъ Пилье.

СИЛА ПРИВЫЧКИ. Г. Сень-Фуа былъ прежде въ военной службѣ, потомъ премѣнялъ шпагу на перо, и сыскалъ себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ писатель; но все-таки былъ болѣе знаменитъ какъ дуэлистъ, нежели какъ литераторъ. Разъ онъ былъ въ театрѣ; какой-то почтенный старичокъ нечаянно наступилъ ему на ногу и тотчасъ-же извинился. Сень-Фуа давно уже не имѣлъ удовольствія ни съ кѣмъ подраться на дуэли, и потому тотчасъ рѣшился воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ. Онъ принялъ гордую позитуру дуэлиста и отвѣчалъ сухо: я никогда не прощаю обидъ.

— И даже, если онѣ слѣланы были безъ намѣренія.

— Я всегда наказываю обидчика.

— И даже когда у васъ просятъ прощенія?

— Я не прощаю; это моя привычка, — и потому я требую отъ васъ, м. г., удовлетворенія.

— Безъ сомнѣнія, со шпагою въ рукѣ?

— Да.

— Но съ кѣмъ-же я имѣю честь говорить!

— Я Сень-Фуа, прежде бывший солдатъ, а теперь литераторъ и драматическій поэтъ.

— Имя ваше мнѣ очень-извѣстно, и я радъ, что неумышленная вина доставила мнѣ честь съ вами познакомиться.

— О, вы будете помнить меня.

— Очень буду благодаренъ, но съ однимъ условіемъ: вы придете ко мнѣ; у меня ужъ такая привычка: кто имѣетъ до меня дѣло, тотъ приходи ко мнѣ.

— Согласенъ! когда-же?

— Когда хотите, только не раньше одиннадцати часовъ, потому-что я имѣю привычку спать до того времени.

Старичокъ сказалъ свой адресъ, и противники разстались.

На другой день, ровно въ одиннадцать часовъ, Сень-Фуа явился по адресу. Противникъ его былъ еще въ халатѣ и въ туфляхъ, и привялъ его очень-учтиво.

— Не угодно-ли позавтракать со мною.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ Сень-Фуа.

— Жаль; слѣдовательно, мнѣ придется позавтракать одному, потому-что я имѣю привычку никогда не выходить со двора безъ завтрака.

Старичокъ сѣлъ завтракать и во все продолженіе этого времени старался поддерживать веселый разговоръ. Окончивъ завтракъ, онъ сказалъ: ну, теперь позвольте мнѣ одѣться.

— Сень-Фуа кивнулъ головою. Противникъ его обрлся, причесался и началъ одѣваться такъ медленно, какъ человекъ, которому совсѣмъ не куда спѣшить. Наконецъ прицѣпивъ шпагу и надѣвъ перчатки, онъ сказалъ: Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ. Сень-Фуа обрадовался; противники вмѣстѣ вышли изъ дома, прошли нѣсколько улицъ; вдругъ, проходя мимо одного кафѣ, старичокъ, котораго звали Персеваль, сказалъ: Я имѣю привычку всегда послѣ завтрака выпивать здѣсь чашку кофе; надѣюсь, вы будете такъ добры, что позволите мнѣ и теперь сдѣлать тоже. Впрочемъ, это вѣдь не задержитъ насъ долго.

Сень-Фуа, у котораго уже начинало исчезать терпѣніе, съ трудомъ удержался; однако-жъ онъ послѣдовалъ за своимъ противникомъ въ кафѣ, гдѣ тотъ предложилъ ему чашку кофе, увѣряя что кофе въ этомъ кафѣ превосходенъ.

— Знаю, но не хочу! съ досадою отвѣчалъ Сень-Фуа.

— Ну, какъ вамъ угодно; жаль, что вы такой несговорчивый человекъ.

Персеваль приказалъ подать себѣ чашку кофе и пилъ очень-медленно: окончивъ, онъ посмотрѣлъ на Сень-Фуа и спросилъ: вы играете въ шахматы?

Сень Фуа не зналъ, что отвѣчать на этотъ неожиданный вопросъ, и молча съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего противника; тотъ, будто ничего не замѣчая, повторилъ: я имѣлъ честь спросить васъ: вы играете въ шахматы?

— Нѣтъ, отвѣтилъ наконецъ Сень-Фуа.

— А въ шашки?

— Нѣтъ!
— Жаль! а я хотѣлъ просить васъ сыграть со мною партію, потому-что у меня привычка всегда послѣ кофе сыграть три партіи въ шахматы или въ шашки.

— Сень-Фуа наконецъ потерялъ терпѣніе.

— У васъ, государь мой, кажется ужъ слишкомъ много привычекъ!

— Не спорю, но что дѣлать? вѣдь вы сами знаете, что привычка вторая натура. Однакожъ, вонъ тамъ я вижу знакомаго. Можетъ-быть, у васъ есть какое-нибудь дѣло? Вы можете на часъ отлучиться, но однако не болѣе какъ на часъ, потому-что я имѣю привычку никогда не играть долѣе.

Сень-Фуа началъ понимать, что надъ нимъ хотѣтъ посмѣяться и рѣшился остаться въ кафѣ, чтобы дожидаться, чѣмъ кончится эта комедія. Ровно черезъ часъ Персеваль подошелъ къ нему и сказалъ: Я кончилъ игру.

— Слѣдовательно, мы можемъ идти за нашимъ дѣломъ.

— Конечно, но я долженъ предупредить васъ, что я привыкъ всегда послѣ завтрака гулять цѣлый часъ по Тюльери. Если вы не противъ этого, такъ пойдемте вмѣстѣ.

Сень-Фуа согласился, полагая, что дуэль должна происходить близъ Тюльери, а именно въ Елисейскихъ поляхъ, которые въ то время еще были совершенно пусты. Итакъ онъ имѣлъ еще терпѣніе цѣлый часъ гулять со старичкомъ по Тюльери. По окончаніи этой прогулки Персеваль вздумалъ воротиться домой.

— Какъ? возразилъ Сень-Фуа, развѣ вы забыли, что мы должны драться!

— Вы шутите, г. Сень-Фуа? я не забіяка, да и не могу имъ быть, потому-что я президентъ высшаго суда.

Сень-Фуа, отскочилъ назадъ, потомъ собрался съ духомъ, поклонился г-ну президенту и удалился, твердо рѣшившись впередъ никого не вызывать на дуэль, не справившись напередъ о его имени и званіи.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ГАСТРОНОМИЯ. Изъ всѣхъ театральныхъ иллюзій, для актера-гастронома самая непріятная, безспорно, та, которая представляется ему на столѣ, покрытомъ картонными рѣбчиками, пулярами, деревянными кулебяками и т. п.!

Какую жалкую гримасу долженъ дѣлать бѣдный актеръ, когда за веселымъ куплетомъ, въ которомъ воспѣвается *водица вдовы Клико*, онъ долженъ хлѣбнуть *водицы изъ Фонтанки* или, что еще хуже, кислыхъ щей, а потомъ — о провіа жизни! — притворяться пьянымъ!

Пожалѣйте актеровъ, у которыхъ поваръ называется *бутафоромъ*.

Впрочемъ между актерами, пользовавшимися иѣкотою извѣстностію, были такіе, которые не покораились необходимости притвор-

но ѣсть и пить; такъ, на-примѣръ, пѣвецъ Мартэнъ не хотѣлъ иначе играть въ опереткѣ *Le Seigneur du Village*, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы дирекція подала ему *настоящій* обѣдъ и бутылочку настоящаго шамбертэнля.

Точно также одинъ изъ комическихъ актеровъ парижскаго Водевильнаго—Театра включилъ въ контрактъ, чтобы ему неизмѣнно подавали настоящее *съдобное*. Піеса Дезожье *Pierrot ou le Diamant perdu* имѣла большой успѣхъ и была представлена сто-пятьдесятъ разъ сряду; комическій актеръ, игравшій въ ней главную роль, выпивалъ одинъ каждый вечеръ двѣ бутылки шампанскаго и возвращался всегда на-веселѣ. Дезожье по этому случаю сказалъ, что ему пріятнѣе-бъ было быть актеромъ въ этой піесѣ, нежели авторомъ ея.

Что-жѣ касается до бѣдныхъ фигурантовъ, неимѣющихъ права требовать, то на нихъ жаль смотрѣть, когда они окружаютъ столъ, уставленный *вкусными яствами*, и размахиваютъ картонными, вызолоченными и высеребрёнными бокалами, распѣвая:

Полнѣе наливайте,
Златылъ чаши винъ!
Друзья съ виномъ не знайте,
Ни горя, ни кручинъ!

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ,

— Довольно извѣстно, по какимъ иногда постыднымъ личностямъ бываютъ освистаны артисты. Вотъ еще поразительный примѣръ тому: Лаблашъ прогналъ своего слугу, который его не разъ обкрадывалъ. Мерзавецъ, получа слѣдовавшее ему жалованье, сказалъ, показывая хозяину монету во сто су: на эти деньги я сегодня-же вечеромъ освищу васъ. — И дѣйствительно, въ тотъ-же самый вечеръ, во время самыхъ громкихъ рукоплесканій публики, вдругъ, къ общему удивленію, раздались въ залѣ провзительные свистки. — Не обращайтесь на это вниманія, хладнокровно сказалъ Лаблашъ публикѣ: это мой годилій слуга, котораго я сегодня прогналъ отъ себя.

— Извѣстное Шекспирово общество, о которомъ мы не разъ говорили нашимъ читателямъ, издало недавно первый томъ «The shakspeare-society's papers». Въ немъ заключаются статьи о Шекспирѣ, его вѣкѣ и его современникахъ, документы касающіеся до исторіи старо-англійскаго театра и т. д.; всего въ этомъ томѣ двадцать-пять статей. Въ Германіи, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дѣлалъ подобный опытъ Готл. Регисъ (Gotl. Regis) въ своемъ: «Shakspeare Almanach». Онъ тоже помѣщалъ въ немъ переводы старинныхъ англійскихъ піесъ, разсужденіе о сонетахъ и т. п.; но, къ сожалѣнію, предпріятіе это остановилось на первомъ томѣ. Говоря о Шекспирѣ, замѣтимъ, что повѣсть Гаральди Чинтіо, послужившая потомъ основаніемъ для Measure for Measure, взята изъ истиннаго происшествія, которое, конечно, много разъ было передаваемо подобнымъ образомъ. По-крайней-мѣрѣ Симрокъ, (Simmrock) разсказываетъ въ своихъ «Источникахъ Шекспировыхъ произведеній» (III, 173—181) рядъ подобныхъ варіацій. Еще въ «Cooke's Vindication of the professors and profession of the law» разсказана подобная исторія о донѣ Гарціи, Штатгалтерѣ Карла V въ Миланѣ. Кромѣ того, она помѣщена въ «Neuagritha Hronika» Готфрида Шульце, подъ 1547-мъ годомъ. Тамъ разсказывается, что преступленіе совершено испанскимъ губернаторомъ города Комо, что несчастная супруга казненнаго обратилась съ жалобою къ императорскому намѣстнику въ Миланѣ, который приказалъ виновному тотчасъ-же обвѣнчаться съ несчастною вдовою, и потомъ казнилъ его. Собраніе повѣстей Чинтіо вышло въ 1565-мъ году, слѣдовательно, это происшествіе случилось въ его время, и онъ только по особеннымъ какимъ-нибудь причинамъ въ разсказѣ своемъ отнесъ ее на нѣсколько лѣтъ назадъ и въ другое мѣсто.

— Оле-Буль, какъ говорятъ, долго пробылъ близъ Ниагарскаго водопада и написалъ тамъ двѣ піесы (Niagara-Polka). Бѣда европейскимъ ушамъ! Ужъ это, вѣроятно, будетъ почище габопа желѣзной дороги!

— Въ «Sougier de Rhone» разсказываютъ довольно-забавное приключеніе, случившееся недавно съ однимъ кавалеристомъ, забравшимся въ театръ послушать обворожительной музыки Оберовой «Сирены». Въ райкѣ, куда забрался воинъ, была страшная тѣснота. Въ такомъ большомъ обществѣ, разумѣется, какъ-разъ завязываются знакомства. Кавалеристъ пустился въ перестрѣлку краснорѣчія и любезностей съ двумя хорошенькими сосѣдками, между которыми ему пришлось сидѣть, и у одной изъ которыхъ былъ на рукахъ ребенокъ. Въ первомъ антрактѣ одна изъ этихъ дамъ вздумала выйти въ корридоръ и передала бывшаго у ней на рукахъ ребенка своей подругѣ.... Антрактъ кончился, занавѣсъ поднять, ушедшая дама не является. Подруга ея начинаетъ беспокоиться;— «Ужъ не дурно-ли ей», говоритъ она учтивому воину: «сдѣлайте одолженіе посмотрите за ребенкомъ, а я схожу, узнаю, что съ нею». Услужливый кавалеристъ беретъ на колѣни ребенка.... спектакль продолжается... спектакль кончился... ни та, ни

другая дама не являются. Можно представить себѣ положеніе бѣднаго кавалериста, который, ни-съ-того ни-съ-сего, вдругъ сдѣлался отцомъ, и принужденъ былъ обращаться къ полиціи, чтобы она избавила его отъ родительскихъ обязанностей.

— Много разъ покушались разрѣшить задачу: какимъ образомъ достигнуть, чтобы, для сохраненія импровизированныхъ фантазій, всякая разыгрываемая на фортепіано пьеса въ тоже время представлялась видимыми и исчезающими знаками. Теперь задача эта рѣшена. Управляющій Грефенбахскими заводами близъ Крейцнаха, Филлипи, изобрѣлъ для этого машину, которая легко прилаживается ко всякому фортепіано. Вотъ что говорить о ней извѣстный критикъ-артистъ Рельштабъ: «Удареніе по клавишамъ приводитъ въ движеніе металлическія проволоки, соединенныя съ устроенными на поверхности инструмента, тоже подвижными, полосками изъ бумаги, на которыхъ посредствомъ этого и отмѣчаются тронутыя клавиши. Когда разыгрываемая пьеса кончена, то составившійся рядъ этихъ бумажныхъ полосокъ медленно подвигается назадъ, и движеніе клавишъ на маленькой клавиатурѣ обозначаетъ ясно всѣ взятыя ноты. Конечно управлять этою машиною не легко и надобно прежде научиться, но въ всякомъ случаѣ изобрѣтеніе это превосходно и вполне достигаетъ своего назначенія. Изобрѣтатель получилъ привилегію. Важность этой машины какъ въ отношеніи къ механикѣ, такъ и въ отношеніи къ музыкѣ, неоспорима; что касается до того, полезна-ли или вредна она для этой послѣдней, то это вопросъ, который разрѣшится только временемъ. Но какъ-бы то ни было, она все-таки представляетъ большой интересъ какъ для механика, такъ и для музыканта.

— Въ 5-й книжкѣ Репертуара за вышедшій годъ (стр. 384) мы упоминали о вышедшей въ Англіи новой книгѣ, въ которой историческій настоящій Фальстафъ представленъ совсѣмъ другимъ человекомъ, чѣмъ у Шекспира. Теперь другой важный характеръ шекспировскаго произведенія, а именно Ричарда III, разобранъ критически дамою, Мисъ Галлстедъ, и тѣмъ спасена честь его. Историческій Ричардъ III ни чуть не былъ такимъ кровожаднымъ тираномъ, какимъ представляли его нѣкоторые историки, державшіеся противной ему партіи, и какимъ представилъ его Шекспиръ, вѣроятно, изучившій его по такимъ одностороннимъ источникамъ. Впрочемъ, какъ при критическихъ изслѣдованіяхъ о Фальстафѣ, такъ и здѣсь, открытіе это не новость. Уже Лингардъ нѣсколько разъ подавалъ голосъ за Ричарда III, а между новѣйшими писателями, если не ошибаемся, кажется, Бульверъ защищаетъ его въ предисловіи къ своему «Послѣднему Барону.» Въ особенности оспаривается умерщвленіе сыновей Эдуарда, извѣстѣйшее кровавое преступленіе Ричарда. Мисъ Галлстедъ, также какъ и Бульверъ, опровергаетъ составленное понятіе о душевномъ и тѣлесномъ безобразіи Ричарда III. Слова Шекспира, которые онъ влагаетъ въ уста Ричарда:

«Я, котораго коварная природа такъ безсовѣстно обдѣлила красою и стройностію,—я, недодѣланный, изуродованный, выкинутый въ міръ живой прежде времени, едва въ-половину образованный и притомъ еще такъ исковерканнымъ, такъ безобразнымъ, что даже собаки лаютъ, когда я мимо ихъ ковыляю» — основаны на слишкомъ большомъ преувеличеніи. Уродливость Ричарда III вовсе не была такъ велика, а лицо было даже недурно. Портретъ, приложенный къ исторіи Юма, противорѣчитъ этому. Тамъ лицо Ричарда выражаетъ хитрость и злобу, особенно въ глазахъ и въ сжатыхъ губахъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ КАРТИНКѢ.

31-го октября, 12-й часть по-полуночи.

Сегодня нашъ дорогой гость, даровитый Щепкинъ, простился съ петербургскою публикою, такъ его полюбившею, такъ ему благодарною. Последняя роль, въ которой онъ явился, была роль Козака Мокогоненки (въ небольшомъ отрывкѣ изъ «Наташки Полтавки»). При концѣ сцены, умный артистъ рѣшился сдѣлать сюрпризъ публикѣ и вовсе неожиданно пропѣлъ пѣсню о *Тетянь*, которая нынѣ раздается на каждомъ шагу, какъ въ прошломъ году раздавалось знаменитое «*Ah, m'abrassia!*». Благодарная публика заставила его три раза повторить эту пѣсню, и потомъ, когда занавѣсъ опустили, вызвала артиста разъ десять. Думаемъ угодить многочисленнымъ поклонникамъ прекраснаго дарованія Щепкина, приложивъ къ нынѣшней книжкѣ «Репертуара и Пантеона» портретъ его, снятый съ натуры, въ роли козака Чупруна. Портретъ рисованъ парижскимъ художникомъ г-мъ Доллѣ и литографированъ въ литографіи г-на Поля-Пѣти.

Ноты и слова пѣсни «Съ того часу якъ женился» будутъ приложены къ одному изъ слѣдующихъ листовъ «Театральной Лѣтописи».

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Въ Музыкальномъ Магази́нѣ «au Ménestrel» (Менестрель) въ Большой Морской, въ домѣ Косси́ковскаго.

(цѣны на серебро).

Ouvrages périodiques pour le Piano etc.

ABEILLE musicale, mois d'Octobre; prix de souscription pour 100 cahiers 13 r. 50 c. argent, y compris le port de poste.

- № 77 CHOPIN op. 55 Deux Nocturnes (70 c.).
- 78 GORJA op. 9 Sérénade pour la main gauche seule (75 c.).
- 79 LITOLFF, Réverie au Bal (70 c.).
- 80 BURGMÜLLER, Fantaisie sur une cavatine de Bellini (70 c.).
- 81 MELTZER, Старая Любовь (Les vieilles amours) Quadrille (60 c.).
- 82 LANNER, op. 203 Herentänze (75 c.).
- 83 RAABNER, Catharinen-Polka (30 c.).
- 84 ДАРГОМЫЖСКАГО, О счастливица ты роза, Романсъ (70 c.).
- 85 PUGET, La Polka d'Aubergne, Romance (30 c.).

Fantaisies, Rondeaux etc. p. Piano seul.

- ABRAMOVICZ, A. Valse à la Rococo; Satyre musicale (75 c.).
- Chant sans paroles (30 c.).
- ANDRÉ, A. Sorgfältig gewählte Sammlung gemüthlicher und aufheiterns der Tonstücke fürs Clavier; mit Fingersatz (2 r.).
- BACH, I. S. Trois Préludes & Fugues № 1-3 (à 40 c.).
- BANCK, Ch. Pensées mélodiques op. 47 liv. 1 2 (à 65 c.).

- BEETHOVEN L. v. Sinfonie en Ut, arr. par Kalkbrenner (2 r. 50 c.).
 — Sinfonie en Fa... dto (2 r. 50 c.).
- BENNETT, Wm. St. Rondo piacevole op. 25 (75 c.).
 — Suite de Pièces pour Piano op. 24 (2 r.).
- BERGER, L. Alla Turca, Rondo op. 8 (50 c.)
- BERTINI, H. Deux Rondos sur la Sentinelle perdue de Rifaut op. 99.
 № 1 2 (à 75 c.).
 — Solo composé pour l'Ecole royale de musique op. 109
 (1 r. 25 c.).
 — Mélodie dramatique (Notre temps № 8) (65 c.).
- BEYER, F. Amusements sur des thèmes fav. de l'op. La Reine d'un jour
 d'Adam op. 43 № 1-3 à (57 c.).
 — Célèbre Duo de l'op. I Puritani de Bellini op. 47 (95 c.).
 — Souvenir de Paris; Trois Divertissemens sur des th. fav.
 de l'op. Le Postillon de Lonjumeau op. 48 à (95 c.).
 — Les Favorites; Trois Fantaisies brill. sur des th. de l'op.
 Norma, Sonnambula, Montechi e Capuleti op. 50 liv.
 1-3 à (1 r.).
 — Les Charmantes; Quatre Morceaux instructifs et agréables
 sur des Airs Suisses et Tyroliens op. 58 à (1 r.).
- BRUNNER, C. F. Récréations musicales pour la jeunesse. Six Rondeaux
 sur des th. favoris op. 30 liv. 1-4 à (50 c.).
- BURGMÜLLER, F. Encouragement aux jeunes Pianistes. Trois Mor-
 ceaux faciles op. 25 (50 c.).
 — La Corbeille de Roses; Quatre Morceaux brillants et faci-
 les op. 68 à (65 c.).
 1) Petite Scène Suisse — 2, Cantabile et Rondino
 3) Rondo alla Turca — 4) Rondino alla Polacca.
 — Grand Galop en forme de Rondeau sur Les Diamans de la
 Couronne, d'Auber op. 70 (90 c.).
 — La Prière dans le bois; Rondo tyrolien sur un Nocturne
 favori de Berat op. 71 № 1 2 à (75 c.).
 — Deux Rondos-Valses avec Introduction op. 72 à (90 c.).
 1) Le Comte de Carmagnola d'Amebr. Thomas.
 2) La Romance de Lafont: Valsons toujours.
 — Souvenirs de Londres; Deux Morceaux brillants à (75 c.).
 1) Fantaisie sur l'op. Il Giuramento, de Mercadante.
 2) Polacca et Var. sur des motif fav. de Persiani.
- CARPENTIER, A Rondo sur une Barcarole Venitienne op. 17 (75 c.).
- CHOPIN, F. Mazurka jouée par Liszt (30 c.).
 — Deux Polonaises op. 40 (1 r.).
 — Quatre Mazurkas op. 41 (1 r. 15 c.).
 — Valse op. 42 (1 r.).
 — Allegro de Concert op. 46 (1 r. 75 c.).
 — Ballade op. 47 (1 r. 25 c.).

- 05 Deux Nocturnes op. 48 (1 r. 50 c.).
- Fantaisie op. 49 (1 r. 75 c.),
- CHOTEK, F. X. Rondoletto sur des th. fav. de l'op. Lucia di Lamermoor, de Donizetti op. 45 (75 c.).
- Fantaisie brill. sur Les Martyrs, de Donizetti op. 49 (1 r.).
- do do La Favorite op. 50 (1 r.).
- COMPOSITEURS div. Nouveautés du jour pour le Salon musical; cahier 1—15 à (50 c. et 75 c.).
- Neugkeiten im eleganten Styl № 1—30 (à 25 c.).
- CZERNY, Ch. Souvenir théâtral; Collection périodique de Fantaisies élégantes sur des motifs d'opéras nouveaux op. 247 № 67—69 Il Furioso, de Donizetti, 3 Fantaisies à (1 r. 25 c.). № 70—72. Parisina... do do à (1 r. 25 c.).
- Neuf Rondinos agréables et brillants sur des motifs favoris op. 349 № 1—9 à (40 c. & 50 c.).
- Rondoletto élégant sur deux motifs d'Opéras op. 367 (1 r.). Figaro, de Mozart op. 493 (1 r.).
- Impressions de l'opéra. Fantaisie brill. sur Le Nozze di do do L'Italiana in Algeri op. 494 (1 r.).
- Nouveaux Amusemens de Salon op. 538, 541, 542 à (75 c.).
- Trois Rondolettos élégants op. 547 № 1—3 à (75 c.).
- Rondeau élégant sur Zanetta, d'Auber op. 585 (90 c.).
- Trois Rondinos brill. et faciles sur des Airs favoris de l'op. Zanetta, d'Auber op. 586 № 1—3 à (75 c.).
- Six Rondeaux militaires op. 646 № 1—6 à (50 c.).
- Trois Fantaisies sur des motifs fav. chantés par des célèbres artistes op. 648 № 1) à la Grisi et Persiani; 2) A la Malibran et Pauline Garcia; 3) à la Pasta et Rubini à (1 r. 25 c.).
- Reminiscences de l'opéra; Deux Fantaisies sur Les Martyrs, de Donizetti op. 652 № 1 2 à (1 r.).
- Trois Fantaisies sur des thèmes de l'op. Adelia op. 655 à (75 c.).
- Tableaux mélodiques ou Poesies musicales sans paroles op. 667 № 1—3 à (1 r. 25 c.).
- Souvenir de Weber; Fantaisie brill. sur des motifs de l'op. Der Freischütz op. 668 (1 r. 20 c.).
- Scherzo, op. 671 (90 c.).
- Deux Rondinos sur Les Diamans de la Couronne op. 673 à (75 c.).
- Fantaisie sur le même opéra, op. 676 (1 r. 25 c.).
- Le Volage; le Joyeux; le Capricieux. Trois Pièces fugitives de Salon op. 687. à (75 c.).
- DIABELLI, A. Wiener Lieblingsstücke der neuesten Zeit; Heft 1—32 à 75 c. & 1 r.).

- DÖHLER, Th.** La Lontananza; Romance transcrite op. 23 (50 c.).
- Grand Caprice sur des motifs de Guido e Ginevra op. 37 (2 r.).
- Fantaisie brill. sur la Beatrice di Tenda, op. 38 (1 r. 25 c.).
- La Tarantelle op. 39 (75 c.).
- Album pour le Piano op. 40 *N^o* 1-8 à (90 c.).
- 1) Rondino villageois sur un thème favori d'Auber.
 - 2) Bagatelle sur un Air favori de Nice
 - 3) Romance et Cavatine de Donizetti.
 - 4) Petite Fantaisie sur deux motifs de La Norma
 - 5) Nocturne sentimental sur une Romance d'Adam.
 - 6) Fantaisie sur une mélodie fav. de Meyerbeer.
 - 7) Caprice brill. sur le Ranz des vaches et une Valse Suisse.
 - 8) Cavatine favorite de l'op. La Donna del lago.
- Trois Rondeaux sur des Airs fav. des Martyrs à (1 r.).
- La Renaissance; Bagatelle à la Valse sur l'op. Lucia di Lamermoor, de Donizetti (75 c.).
- Souvenir de Lucia di Lamermoor (65 c.).
- DOPPIER, L.** L'Espérance; Rondino op. 46 (50 c.).
- L'Impatience, Rondo op. 48 (50 c.).
- Rondeau hongrois op. 49 (50 c.).
- Rondo sur la Romanesca op. 50 (50 c.).
- Le Favori; Rondo op. 55 (75 c.).
- La Sérénade; Bolero en forme d'un Rondeau sur un thème favori de Schubert op. 60 (75 c.).
- DREISCHOCK, A.** Scherzo op. 19. (90 c.).
- DUSSEK, C. L.** La Consolation; Andante (nouv. édit. 50 c.).
- DUVERNOY, I.** Impromptu op. 16 (50 c.).
- Romance russe d'Aliabieff, transcrite op. 14 (40 c.).
- Deux Valses brill. op. 15 (40 c.).
- DUVERNOY, I. B.** Deux Divertissemens sur l'op. Zanetta, d'Auber 1) La Chasse. 2) Le Galop. op. 102 (75 c.).

РЕПЕРТУРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ,

будеть продолжаться и въ слѣдующемъ 1845-мъ году, *седьмомъ* отъ начала изданія, и *третьемъ* отъ поступления его подъ новую редакцію.

Объявляя о продолженіи «Репертуара и Пантеона» на слѣдующій годъ, издатели прежде всего считаютъ долгомъ принести свою искреннюю благодарность за то участіе, съ какимъ просвѣщенная русская публика приняла ихъ изданіе въ последнее время. Это благосклонное участіе, упрочивая на будущее время ихъ изданіе съ матеріальной стороны, дастъ имъ возможность усовершенствовать его во всѣхъ отношеніяхъ, что они и постараются исполнить, по силамъ своимъ.

Въ вышедшихъ въ теченіи 1844 года 12-ти книжкахъ «Репертуара и Пантеона» были помѣщены:

I. Драматическія произведенія: Мъщанинъ—Дворянинъ, комедія Мольера, пер. В. З. — Не бывать-бы счастью, да несчастье помогло, водевиль П. С. Федорова.—Ноговродцы, драматическое представленіе въ IX картинахъ и пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. — Шкиперъ. Историческія сцены 1713 года, въ стихахъ, соч. В. Р. Зотова.—Дочь русскаго актера, оригинальная шутка-водевиль П. И. Григорьева. —

Бояринъ *Ө. В. Басенокъ*. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника*.—Веселый вечеръ изъ жизни Великаго Государя, или четверо часовыхъ у одной будки, драматическая шутка, перев. *П. Г. Ободовскаго*.—Пажь Герцога Вандомскаго, водевиль, пер. *Н. А. Коровкина* — Испанскіе любовники, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Фредерика Сульё*.—Какъ опасно читать инныя газеты! Комическія сцены.—Лучше-бъ я была сиротой! Драма, соч. *Графа Скарбека*, пер. *С. П. Побѣдоносцева*.—Молодыя ключницы у старыхъ холостяковъ или обочились въ разсчотъ, водевиль *П. А. Каратыгина*. — Пѣтухъ и курочки, итальянскій народный фарсъ, перев. *П. Р. Фурманна*. — Севильскій цирюльникъ. Комедія Бомарше. Перев. *В. М. Строева*. — Наслѣдство. Драма *Фр. Сульё*, перев. *Д. М. Григоровича*.—Дядя Пахомъ. Комедія, перев. *П. Р. Фурманна*.—Мужъ въ деревнѣ. Комедія въ 3-хъ д., перев. *П. С. Оедорова*.—Тамбуръ-мажоръ, или свободенъ отъ постоа. Водевиль *П. А. Каратыгина*.—Чума въ Миланѣ. Историческая драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. *В. Р. Зотова*.

II. Романы, повѣсти и разсказы. Любовь въ уздномъ городѣ, повѣсть *М. Г. Романовича*.—Мой тѣзка или страдація Джона Броуна, перев. съ англійскаго *П. А. Корсакова*.—Математикъ, разсказъ.—Герольштейнъ. Эпизодъ къ «Парижскимъ Тайнамъ», Е. Сю, пер. *В. М. Строева*.—Любовь танцовщицы, оригинальная повѣсть.—Два разсказа Семена Игнатъича. 1. *Иванъ Иванычъ Морошка*. 2. *Петръ Иванычъ Морошка*.—Поэтъ. Повѣсть.—Евгенія Гранде. Романъ *Онорё де-Бальзака*. — Сынъ Нотаріуса. Разсказъ *Библиофила Жакоба*. — Шарль Ноде, изгнанникъ изъ отечества. — Святочные Видѣнія. Повѣсть *Чарлса Диккенса*. — Бородинское ядро и Березинская переправа. Русскій историческій романъ. *Сочиненіе автора «Леонида»*.—Три разсказа. 1. Надежды. соч. *Фредерики Брюмеръ* (съ шведскаго).—2. Любовь подъ окномъ, приключеніе случившееся въ Парижѣ, которое впрочемъ можетъ случиться и на святой Руси. Соч. *Библиофила Жакоба* (съ французскаго).—Экстра-почта. Соч. *Шпиндлера*. (Съ нѣмецкаго).—Низамская война. Романъ. Соч. г-на *Мери*.

III. Стихотворенія, числомъ больше сорока, между которыми помещена цѣлая поэма Лорда Байрона: *Мазена*.

IV. Философія и исторія музыки. Il dissoluto punito ossia il Don Giovanni (*Донъ-Жуанъ*, опера Моцарта). Статья г-на *Улыбышева*. — Взглядъ на современное состояніе музыки въ Европѣ. — Мейерберъ. Статья *С. К.* — Нѣсколько словъ о духовной музыкѣ, статья *Жоржа Ортига*. — Критическій взглядъ на музыку Россіи (Параллель между Россіи и Вольтеромъ). — Гайднъ. — Бетховенъ. Статья *С. К.* — Эммануиль Гарція. Статья *С. К.* — Французская школа пѣнія и славный пѣвецъ Пьеръ Гаря. Статья *С. К.*

V. Исторія драматической литературы и сценическаго искусства. Екатерина Вторая, Императрица Русская, на поприщѣ драматическомъ. Статья *М. Н. Макарова*. — Менандръ и Теренцій. — Неаполитанскіе театры. Статья *Поля де-Мюссе*. — Мольеръ. Статья *М. Е. Кублицкаго*. — Нѣсколько подробностей о Медоксѣ и о старинномъ Московскомъ театрѣ. — Дюбрэ, біографія. — Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго (Критическій разборъ). — Владиміръ Лукинъ, драматическій писатель 1765 года. Статья *М. Н. Макарова*. — Карлъ Гоцци, Венеціанскій Аристофанъ. — Плесси, актриса парижскаго Французскаго-Театра (Théâtre-Français). — Испанскій театръ, пер. съ испанскаго *М. Н. Лихомана*. — Джулія Гризи, пѣвица парижской Итальянской-Оперы. — Одна глава изъ «Курса драматической литературы» Сень-Маркъ-Жирандена. (О материнской любви. — Лукреція Борджіа). — Исторія мелкихъ парижскихъ театровъ. — Н. Р. Судовщиковъ, авторъ комедіи *Неслышанное диво или честный Секретарь*. Статья *М. Н. Макарова*. — Еще глава изъ «Курса драматической литературы», С. Маркъ-Жирандена. (О самоубійствѣ).

VI. Юмористика. Отрывки изъ писемъ театральной мыши. (Письмо первое). — Комедія во-время комедіи. — Домашніе спектакли. — Театральныя животныя. — Душа общества. — Почти, философическо-филологическое разсужденіе. — Отрывки изъ писемъ театральной мыши (*Письмо второе*). — Петербургскія маніи. — О томъ, какъ Виссаріонъ Ивановичъ хотѣлъ

сдѣлаться Рубини, а Мавра Петровна—Тальйони.—Записки Петербургскаго Зѣваки, двѣ статьи.

VII. Смѣсь. Въ этомъ отдѣленіи помѣщались небольшіе рассказы, анекдоты, біографіи артистовъ, разсужденія о сценическомъ искусствѣ, замѣчанія и пр. Укажемъ на важнѣйшія статьи. Нѣсколько словъ о сценическомъ искусствѣ.—Кто богаче, Мейерберъ или Ротшильдъ? — День одного изъ нашихъ писателей.—Происхожденіе Полишинеля.—Аретинъ, такъ называемый *Бичъ Сильныхъ*. — Наполеонъ, какъ эстетикъ. — Празднества по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества В. К. Александра Павловича. — Описаніе праздника, представленнаго въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ 20 іюля 1775 года. — Похожденіе театрала въ маскарадъ Большаго-театра. — Черта изъ жизни актрисы Дежазе. — Невымышленная исторія маркиза Позы. — Скелеть, рассказъ Берліоза.—Парижская Консерваторія (изъ письма *Н. И. Греча*). — Зрѣлища у Римлянъ.—Гименей, картина Теньера. Рассказъ.—Какъ Сафиръ сдѣлался писателемъ. — Музыкальныя импровизаціи восьмилѣтняго мальчика Джюлію Бенони. — Какія вечера задаютъ итальянскіе пѣвцы въ Парижѣ.—Письмо Каталани о своей смерти. —Что можетъ сдѣлать истинный артистъ изъ маленькой роли. —Нѣсколько словъ о дѣйствительности и идеалахъ. Разсужденіе отнюдь не-критическое *Петра Порф...*—Ничто не ново подъ луною.—Новый Шекспиръ (Изъ записокъ путешественниковъ).—Чему быть, тому не миновать. Рассказъ Поль-де-Кока.—М-ше Марсъ въ дезабилль. — Черты изъ жизни Моцарта и послѣдніе дни его. — Жанъ-Жакъ Руссо и г-жа Жанлисъ. — Анекдоты о Паганини. — Представленіе комедіи Аристофана *Облака*, въ Афинахъ, въ 378 г. до Р. Х. — Слеза ребенка. Рассказъ *Эдуарда Лемоня*. — Французскіе законы о театрахъ. — Нѣкоторыя подробности о Казимирѣ Делавинь.—Золотая монета. Рассказъ, который можетъ служить сюжетомъ для водевиля. — Клавикорды Маріи Антоанеты. Рассказъ. — Корреспонденція Фанни Эльслеръ съ Китайскимъ Императоромъ. — Актриса прошлаго вѣка.—Невинность Скарамуша. — Селеніе, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. — Театръ и музыка въ

Въвъ. (Статья Франкфуртскаго капельмейстера Гура). — Гробница Вебера въ Лондонъ. — Бальная перчатка (Изъ записокъ парижскаго льва). — Любопытныя похождения кавалера д'Эона или мужчины женщина (Канва для драматическаго представленія). — Какъ опасно актерамъ слишкомъ углубляться въ свои роли. — Судебное дѣло о десяти строкахъ Мольтера. — Стаканъ лимонаду. Сюжетъ для трагедіи. — Клубъ неучтивцевъ. — Живой портретъ Наполеона. — Приключенія съ вальсомъ-рондо г-на Пашенка и новыя его сочиненія. — Нѣсколько словъ о пѣвицѣ Генриеттѣ Ниссенъ. — Моды и роскошь старинныхъ временъ. — Прекрасная бріенцкая перевозчица. — Любовь актрисы. (Разсказъ). — Поэтъ и докторъ (Разсказъ). Сужденіе иностранца о русскихъ пѣвчихъ. — Одинъ день владычества, и датская легенда. — Нѣсколько словъ къ портрету А. М. Каратыгиной. — Анекдоты и мелочи (всего до 160 статей).

VIII. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ посвящена была отчетамъ обо всѣхъ замѣчательнѣйшихъ новостяхъ Парижа, Лондона, Вѣны, и пр., разбору піесъ и игры актеровъ Императорскихъ театровъ С.-петербургскаго и московскаго, а равно и извѣстіямъ о провинціальныхъ театрахъ. Изъ сихъ послѣднихъ Театральная Лѣтопись «Репертуара и Пантеона» сообщила читателямъ своимъ извѣстія о слѣдующихъ: Астраханскомъ, (4 статьи) Варшавскомъ, Виленскомъ, Екатеринбургскомъ (3 статьи), Казанскомъ, Кіевскомъ, Козловскомъ, Одесскомъ (6 статей) Осташковскомъ, Пензенскомъ, Рязанскомъ, Самарскомъ, Ставропольскомъ (на Кавказѣ), Харьковскомъ (2 статьи, и пр. и пр).

Художественныя приложенія къ «Репертуару и Пантеону» выданы были слѣдующаго содержанія:

1. Портретъ *Лаблаша*, въ роли Фигаро, въ каррикатурѣ.
2. Каррикатурная сцена на «*Бургграфовъ*» (Предокъ и Потомки), трилогія Виктора Гюго.
3. Портретъ знаменитой танцовщицы *Фанни Эльслеръ*.
4. Портсетъ пѣвца *Дюпре*, во весь ростъ.
5. Каррикатурная сцена изъ оперы *La reine de Chypre*.

6. Портретъ парижской актрисы *Плесси*, во весь ростъ.
7. Портретъ *Гризи*, пѣвицы парижской Итальянской-Оперы, во весь ростъ.
8. Русскій Галопъ. Сочиненіе Ф. Листа.
9. Портретъ г-жи Пажъ, артистки С.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ.
10. Сцена изъ «Отелло», Шекспира.
11. Портретъ М. С. Щепкина, въ роли Чупруна, изъ малороссійской опереты «Москаль Чаривникъ».
12. Ноты къ его пѣснѣ изъ той-же оперетты.
13. Портретъ А. М. Каратыгиной, въ ея прощальной роли.

Въ будущемъ 1845-мъ году «Репертуаръ и Пантеонъ», принимая нѣкоторыя улучшенія, указанные опытомъ, будетъ издаваться по прежнему плану. Драматическія произведенія, русскія и иностранныя, во всѣхъ родахъ, жизнь актеровъ, драматическихъ поэтовъ и музыкантовъ, теорія и исторія драматическаго и сценическаго искусства, философія и исторія музыки, критическая лѣтопись современныхъ театровъ русскихъ и иностранныхъ, романы, повѣсти и рассказы, замѣчательныя интересомъ драматическимъ, театральные очерки, нравы, анекдоты, однимъ словомъ, *театръ*, съ его многоразличными отраслями, со всѣмъ, что имѣетъ къ нему отношеніе — вотъ предметы, которые составятъ содержаніе книжекъ «Репертуара и Пантеона.»

Желая придать болѣе свѣжести и занимательности летучимъ театральнымъ извѣстіямъ, Редакція «Репертуара и Пантеона» въ концѣ нынѣшняго года рѣшилась выпускать «Театральную Лѣтопись» не разъ въ мѣсяць, а по мѣрѣ накопленія статей, нѣсколько разъ. Въ 1845-мъ году *Театральная Лѣтопись* будетъ выходить еженедельно, по воскресеньямъ, въ большую 8-ю д. л., въ двѣ колонны, отъ $\frac{1}{2}$ до 1 листа. Между-прочимъ постоянною статьею въ этой лѣтописи будетъ описаніе измѣненій *современнаго костюма* (моды), статья, необходимая для сценическихъ артистовъ и артистокъ, часто обязанныя быть одѣтыми по-последней модѣ. Чтобы вполне сдѣлать эту статью полезною, мы рѣшились съ новаго года прилагать къ «Театральной Лѣтописи» *картинки парижскихъ модъ*, не мѣ-

нве 4-хъ въ годъ, для изображенія костюмовъ четырехъ временъ года. Картинки эти будутъ выписываться прямо изъ Парижа, изъ редакціи одного изъ лучшихъ модныхъ парижскихъ журналовъ и являться здѣсь двумя недѣлями послѣ того, какъ они явятся въ Парижѣ.

Въ нынѣшнемъ году редакція обѣщала выпускать книжки «Репертуара и Пантеона» отъ 15-ти до 20-ти листовъ; — между-тѣмъ, ни одной книжки не вышло менѣе 17-ти, а нѣкоторыя вмѣщали въ себѣ болѣе 20-ти листовъ убористой печати. На будущее время редакція также предоставляет себѣ право увеличивать число листовъ по произволу. «Репертуаръ и Пантеонъ» будетъ заключать въ себѣ отъ 13-ти до 16-ти листовъ, а *Театральная летопись* отъ $\frac{1}{2}$ до 1-го листа (еженедѣльно), слѣдовательно, всего въ мѣсяцъ отъ 15-ти до 20-ти листовъ.

Что касается до художественныхъ приложеній къ «Репертуару и Пантеону», то, пользуясь пребываніемъ въ Петербургѣ отличныхъ парижскихъ рисовальщиковъ, пріѣхавшихъ съ г-мъ Дефонтемомъ для изданія «Императорской Эрмитажной Галереи», мы смѣло можемъ обѣщать подписчикамъ нашимъ приложенія изящныя, разнообразныя, полныя живаго интереса. Приложенія эти, числомъ не менѣе двѣнадцати, будутъ состоять изъ портретовъ знаменитѣйшихъ артистовъ, русскихъ и заграничныхъ, замѣчательныхъ сценъ изъ новѣйшихъ піесъ, сценъ народной жизни, карикатуръ, модныхъ картинокъ, и т. п. Всѣ приложенія, кромѣ модныхъ картинокъ, выписываемыхъ изъ Парижа, будутъ изготовляться непременно парижскими художниками и печататься въ литографическомъ заведеніи г-дъ *Дефонтена* и *Поля Пѣти*, издателей «Императорской Эрмитажной Галереи».

Почтенные литераторы, по-сіе-время украшавшіе трудами своими наше изданіе, и на будущее время будутъ принимать въ немъ такое-же участіе.

Наконецъ, не лишнимъ считаемъ прибавить, что съ будущаго года «Репертуаръ и Пантеонъ» будетъ печататься въ другой типографіи, совершенно новымъ шрифтомъ, со всѣмъ типографическимъ изяществомъ.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», состояще еще изъ 12-ти книжекъ, 50-ти листовъ *Театральной Летописи*, и 12-ти приложений, остается прежняя, то-есть—

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ прилагается полтора рубля серебромъ.

Подписка принимается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО**:

Въ *С. Петербургъ*, въ конторъ *Репертуара и Пантеона*, состоящей при книжныхъ магазинахъ *М. Д. Ольхина*.

Въ *Москву*, въ книжныхъ магазинахъ *Свѣшниковъ* и *Базунова*.

Сверхъ-того въ Газетной Экспедиціи *С. Петербургскаго Почтамта*.

Издатели отвѣчаютъ за исправность доставки въ такомъ только случаѣ, когда требованія будутъ адресованы въ означенныя мѣста; въ противномъ-же случаѣ, наученные опытомъ, они не берутъ на себя никакой ответственности.

Чтобы отстранить отъ себя нареканіе въ неисправной доставкѣ книжекъ «Репертуара и Пантеона» тѣмъ изъ господъ иногородныхъ и здѣшнихъ подписчиковъ, которые, не смотря на объявленіе издателей, съ требованіями своими будутъ обращаться не въ означенныя мѣста, а къ другимъ книгопродавцамъ, мы поставили себѣ за непремѣнное правило на будущее время печатать на оберткѣ нашего изданія имена всѣхъ господъ подписавшихъ *не въ нашихъ конторахъ и не въ Газетной Экспедиціи*, а у другихъ книгопродавцевъ, обозначая при томъ, когда именно требованія и деньги отъ г-дъ книгопродавцевъ сданы въ нашу контору.

Издатели: *В. Межевичъ.*

И. Песоцкій.

Печатать позволяется Ценсоръ *А. Мехелинъ*. Декабря 1-го 1844 года.

Въ типографіи *К. Жернакова*.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ

Ноября 19-го.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Большой театр

Лукреція Борджіа, большая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. *Донидетти*.

На Большомъ-Театрѣ, 6-го ноября, дана была итальянскою группою, въ первый разъ, *Лукреція Борджіа*, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, музыка Донидетти, (въ порядкѣ представленій шестая). Надобно сказать правду, что опера эта принята публикою съ восторгомъ, который впрочемъ должно приписать преимущественно хорошему исполненію, эффектности содержанія, блистательному спектаклю, нежели достоинствамъ собственно музыки. По нашему крайнему разумѣнію, музыка этой оперы несравненно ниже даже

многихъ Донидеттievыхъ произведеній. Какова-же она должна быть въ самой сущности, когда и вообще вся музыка Донидетти есть постоянная посредственность? Содержаніе либретто заимствовано изъ извѣстной драмы Виктора Гюго, которая однакожь, при всѣхъ своихъ несообразностяхъ и преувеличеніяхъ, представляла богатое поприще для разгула фантазіи талантливаго музыканта. Да, сюжетъ оперы, для своего развитія и обработки, требовалъ силъ какого-нибудь Мейербера. Тогда, быть-можетъ, мы увидѣли-бы осуществленіе въ звукахъ такихъ характеровъ, каковы напр. страшная Лукреція, Герцогъ Альфонсъ и проч... Тогда, быть-можетъ, явилось-бы, въ этой оперѣ, художество въ самой музыкѣ, независимо отъ исполненія. Зная сю-

жеть, вы ожидаете чего-нибудь новаго, сильнаго, грознаго и, между-тѣмъ, слышите чрезъ-чуръ обыкновенные мотивы, большую частію плясовые, перебитые и одобренные раздрающими звуками тромбоновъ, трубъ, барабана. Нѣтъ, вѣроятно, намъ не дожить до той эпохи, когда искусство освободится отъ этихъ варварскихъ инструментовъ, наносящихъ ему безчестіе. Словомъ, композиторъ вовсе не умѣлъ воспользоваться богатѣмъ матеріаломъ. И потому не станемъ разбирать музыки. Такъ-какъ музыка Лукреціи не заключаетъ въ себѣ художества; — такъ-какъ въ ней нѣтъ не только вдохновенія, но даже не видно таланта и изрядной обработки. — то, само-собою разумѣется, что вся тяжесть падала на артистовъ, которые участвовали въ исполненіи этой оперы. Только одни артисты своими талантами могли слѣлать что-нибудь изъ этой музыки. И потому-то артистамъ принадлежить вся честь, что опера принята публикою съ чрезвычайнымъ одобреніемъ. Итакъ будемъ говорить собственно объ исполненіи, и притомъ только въ частности.

Главныхъ партій въ оперѣ четыре: Лукреція—Кастелланъ; Альфонсъ—Тамбурины; Дженнаро—Унануэ; Орсини—Альбони. Изъ числа нумеровъ оперы намъ понравились по исполненію: *дуэтъ* Лукреціи съ Дженнаро (1-го акта 3-я сцена); *дуэтъ* Лукреціи съ Альфонсомъ (2-го акта 6-я сцена); особенно же слѣдующій за тѣмъ *терцетъ*—Лукреція, Дженнаро и Альфонсъ, и потомъ *дуэтъ* двухъ первыхъ. Вообще всѣ эти мѣста исполнены были очень-хорошо. Здѣсь Тамбу-

рини показалъ, что онъ всегда прекрасный пѣвецъ, прекрасный актеръ, умѣющій каждой роли своей придавать соответствующій характеръ и колоритъ. Все пѣніе его заслуживало большой похвалы. Сверхъ-того онъ исполнилъ *арію* свою (1-я сцена 2-го акта) съ тѣмъ выраженіемъ и искусствомъ, какое свойственно этому славному *basso cantante*. Унануэ вполнѣ развилъ огромныя средства, которыми надѣлила его природа. Пѣніе его проникнуто было драматизмомъ, а изумительная сила голоса, — онъ покрывалъ оркестръ въ самомъ *fortissimo*, — просто, представляла насъ въ тупикъ. Между-тѣмъ, все-же мы скажемъ, что Унануэ надобно еще много работать для усовершенствованія; особенно вокализанція его не вполнѣ удовлетворительна и притомъ нѣкоторые звуки его голоса не совсемъ приятны, а речитативъ онъ говоритъ даже нехорошо. За тѣмъ, первую свою *арію* (3-я сцена перв. акта) «*Come é bello*», Кастелланъ спѣла съ чувствомъ и выраженіемъ. Чтò касается до пѣнія ея въ финалѣ перваго акта и концѣ 3-го, то намъ показалось, что она не обнаружила здѣсь того выраженія и особенно драматизма, и той силы, какой требуютъ эти сцены, по своему характеру. Надобно сказать правду, для роли Лукреціи необходима крѣпкая грудь и большая сила голоса и, какъ видно, партія эта написана для какой-нибудь знаменитой артистки, которая вполнѣ владела искусствомъ, — чего нельзя сказать о г-жѣ Кастелланъ.

Но чтò мы скажемъ объ Альбони, которая явилась въ этой опе-

рѣ въ первый разъ? — По выходѣ на сцену, при первомъ звукѣ ея голоса, публика уже поставлена была въ ожиданіе чего-то особеннаго. Потомъ, когда Альбони спѣла «Nella fatal di Rimini» и проч., когда услышали тотъ органъ, какимъ надѣлила ее природа, — вся масса пришла въ какой-то неописанный восторгъ. Все слилось въ одинъ общій голосъ — браво. Однако-жъ это было еще не что, въ сравненіи съ тѣмъ увлеченіемъ, которое Альбони произвела арією во 2-й сценѣ 3-го акта. Пѣніе ея здѣсь было такъ усладительно, что публика заставила арію эту повторить, а вызовамъ и аплодисманамъ не было конца. Потомъ Альбони доставила высокое наслажденіе исполненіемъ куплетовъ въ 5-й сценѣ 3-го акта, во-время пиршества. Да, вотъ пѣвица, какую мы желали услышать! Вотъ настоящая примадона-контральтъ, какой мы до сихъ поръ не слышали. Чтò за голосъ, чтò за метода? Просто — диво! Недаромъ говорятъ, что Альбони ученица великаго Россини. Точчасъ видно, что наставникомъ ея въ искусствѣ пѣнія былъ славный художникъ. Голосъ Альбони — чистѣйшій контральтъ. Обширность, полнота, сила, чистота и звучность ея органа — изумительны. Прибавьте къ этому искусство, выраженіе, необыкновенное чувство, проявляющееся въ каждомъ звукѣ, и вы все таки не получите понятія объ очаровательномъ пѣніи Альбони. Надобно слышать, съ какимъ совершенствомъ она переводитъ дыханіе, издаетъ звукъ; съ какимъ удивительнымъ искусствомъ и прелестью говорить ре-

читативъ! Признаемся, что артисты, участвовавшіе въ исполненіи оперы, доставили намъ много наслажденія; но Альбони, во всемъ, своемъ пѣніи, просто, увлекала насъ. И вотъ-чтò значитъ артистка съ богатымъ талантомъ и высокимъ стилемъ: изъ небольшой партіи своей, Альбони сдѣлала едва ли не первую, при всѣхъ достоинствахъ исполненія прочихъ артистовъ. По окончаніи спектакля всѣ впечатлѣнія оперы сдѣлались для насъ какъ-то не ясны, сбивчивы; но пѣніе Альбони запало въ сердце. Звуки ея органа говорятъ душѣ. Если ко всему этому прибавимъ, что Альбони прекрасная актриса, имѣетъ привлекательную наружность, ростъ, станъ, то можно вообразить, какого чуднаго Арзаса мы увидимъ въ Семирамидѣ, почему и ожидаемъ съ нетерпѣніемъ появленія этой оперы.

Дирекція Императорскихъ театровъ, всегда отлично-распорядительная и внимательная, кажется, заботится о томъ, чтобы публика, съ выходомъ каждаго новаго артиста, приобрѣла новое, выше, въ сравненіи съ прежнимъ, наслажденіе. Такъ, скоро мы узнаемъ всѣ сокровища нашей итальянской труппы: остается слышать г-жу Ниссенъ*. Скоро опера вполне разовьетъ кругъ своихъ дѣйствій и, вѣрно, подаритъ насъ всѣми изящнѣйшими произведеніями музыки, превосходное исполненіе которыхъ, при такихъ высокихъ артистахъ, конечно несомнѣнно.

* Мы слышали ее вчера, въ роли *Адализы*, въ *Нормѣ*. Торжество г-жи Ниссенъ было совершенное. *Ред.*

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Герои преферанса или душа общества, комедія съ куплетами, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. П. Григорьева. Давидъ Кленгоръ, шутъ Марии Стюартъ, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. П. Каменскаго. — Поэтка въ С.-Петербургѣ или балъ у танцовальнаго Учителя, соч. П. Григорьева, шутка-водевиль въ двухъ декорацияхъ.

Въ Петербургѣ, въ числѣ зимнихъ удовольствій, каковы на-примѣръ: вечера, снѣгъ, пикники, мятели, преферансъ, морозъ, домашніе спектакли и т. п. — бенефисы занимаютъ не послѣднее мѣсто. Есть люди, предпочитающіе бенефисы... не скажу преферансу, но, по-крайней-мѣрѣ, танцовальнымъ вечерамъ. По этому-то Дирекція, заботящаяся о доставленіи удовольствія почтенной публикѣ, даетъ чуть не по два бенефиса въ недѣлю. Не успѣешь насладиться однимъ, какъ уже и другой, красуясь на столбцахъ сѣро-синей аффиши, почти насильно заставляя васъ читать за бумажникъ и отдавать довольно-порядочную сумму за четырехъ-угольный кусокъ картонной или цвѣтной бумаги, отворяющей вамъ входъ въ «храмъ искусства». Какое-то отрадное чувство наполняетъ душу вашу, когда вы усядетесь въ кресла, и, въ ожиданіи начала спектакля, станете разсматривать пеструю, волнующуюся толпу зрителей, наполняющихъ всю залу и пришедшихъ въ театръ съ чистой любовью къ высокому искусству. Вы довольны и счастливы, потому-что заранѣе увѣрены въ удовольствіи, васъ ожидающемъ. Бенефисъ есть награда за-

служеному артисту и любимцу публики, за его труды на тяжкомъ сценическомъ поприщѣ. День этотъ—праздникъ для артиста; на него онъ собираетъ лучшую публику, т. е. ту, которая платитъ дороже, и слѣдовательно, долженъ дать лучшія піесы нашихъ любимыхъ авторовъ. Онъ тѣмъ скорѣе можетъ слѣлать это, что сборъ весь, или, по-крайней-мѣрѣ, половина идетъ въ его пользу; онъ можетъ и вознаградить автора за трудъ его, потому-что можетъ выбирать и отвергать піесы, за свои деньги, имѣя на это цѣлый годъ. И вотъ занавѣсъ поднимается. Начинается и оканчивается первая піеса—ожиданія ваши не совсѣмъ сбываются; но въдъ первая піеса дается обыкновенно для *связда* публики. Начинается и оканчивается вторая, вы думаете: «Ну, вѣроятно, третья вознаградитъ за двѣ первыя; но третья, какъ водится, дается для *развязда*, и вы выходите изъ театра съ страннымъ чувствомъ, нисколько не похожимъ на то, съ которымъ вы вошли въ него. Даютъ второй бенефисъ. Вы надѣетесь, что во второй разъ васъ уже, вѣрно, не обманутъ. Во второй разъ идутъ *четыре* піесы, съ которыми таже исторія. Въ третій бенефисъ идутъ *пять* піесъ, изъ которыхъ первая хуже второй, вторая хуже третьей, третья хуже четвертой, четвертая хуже пятой, а пятая наконецъ хуже всѣхъ четырехъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ слѣдующіе бенефисы повторяется тоже самое, съ небольшими измѣненіями. Новыя піесы рождаются какъ дождевики, лопаются на сценѣ и обдаютъ публику дико-недѣльными идеями и топорно-татарскими каламбурами.

Станки типографіи Глазунова трещать отъ набора пышно-витиевато-кудрявыхъ названій піесъ, отдѣльныхъ дѣйствій, картинъ, декораций и даже чуть-ли не явленій. Въ глазахъ пестритъ отъ устричныхъ буквъ и знаковъ удивленія, щедро разсыпанныхъ по афишѣ. Всѣ журналы и газеты, занимающіеся театальною критикою, бранятъ и осмѣиваютъ бенефисы и ихъ производителей, а бенефисы пропѣваютъ себѣ и бенефицианты, наполняя свои карманы, толкуютъ о высокомъ званіи артиста и назначеніи драматической литературы... Публика, *надумаемая* хуже, чѣмъ Александръ Астафьевичъ безсовѣстнымъ аферистомъ Васильемъ Васильевичемъ, въ знаменитой піесѣ этого названія, наводняетъ всякой бенефисъ залу Александринскаго театра. Авторы, бенефицианты и публика довольны и счастливы. Чудная вещь, непонятная вещь! Какъ не воздвигнуть послѣ этого алтара гению-покровителю бенефисовъ!

Г. Григорьевъ 1-й въ своемъ бенефисѣ сдѣлалъ новый шагъ къ усовершенствованію бенефисныхъ афишъ. Изобрѣтеніе его необходимо внести въ науку о составленіи бенефисовъ. Онъ очень-хорошо понялъ, что драма въ наше время—вещь пустая и вздорная, что составить ее ничего не стѣбитъ изъ любой французской повѣсти, перенеся въ нее разговоры лицъ слово въ слово и выставивъ въ заглавіи: *оригинальная*; что главная капитальная піеса каждого бенефиса есть *водевиль*—истина, открытая еще Грибоѣдовымъ, и всѣмъ извѣстная, но въ которой не хотѣлъ никто признаться гласно.

Г. Григорьевъ первый отбросилъ ложный стыдъ и, отбѣснивъ оригинальную драму на вторые столбцы афиши, поставилъ на первомъ мѣстѣ, самыми видными буквами, *Героевъ преферанса*, настоящій, оригинальный, чисто-петербургскій водевиль, напрасно названный «комедіею съ куплетами». Помилуйте, г-нъ авторъ Преферанса! къ чему такая учтивость передъ этой *оригинальной* драмой? Вы сдѣлали важный шагъ, прогнали ее съ мѣста, ей не принадлежащаго, дали передъ ней преимущество вашему водевилю: зачѣмъ-же церемониться съ нимъ и называть его *комедіею*? Какая тутъ комедія! Это чистый русский водевиль, даже *шутка-водевиль*, только немножко-слишкомъ растянутый для шутки. Съ перваго взгляда на афишу, мы увидѣли, что онъ будетъ главною піесою бенефиса, и на драму смотрѣли, какъ на піесу, давную для *свѣзда*.

Г. Каменскій, какъ драматическій писатель, является на сцену только во второй разъ. Мы помнимъ до-сихъ-поръ и никогда не забудемъ его первую драму, *Великаго актера*, которую весь Петербургъ сбѣгался смотрѣть почти всякой день, недѣли три сряду; которая, вмѣстѣ съ названіями ея дѣйствій и трехъ-аршинною афишею, перейдетъ въ далекое потомство, какъ памятникъ бенефисной изобрѣтательности, по которому можно возсоздать науку составленія бенефисовъ, если-бы она когда-нибудь могла погибнуть. Г. Каменскій, весьма-талантливый и замѣчательный вувелистъ, съ перваго шага на драматическомъ поприщѣ, доказалъ, что онъ совер-

шенно постигъ вкусъ публики и современныя требованія. Въ составленіи названій къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, онъ показалъ необыкновенную изобрѣтательность. Одна *Гамма страстей* до-сихъ-поръ еще возбуждаетъ удивленіе зрителей театраловъ, и они, бесѣдуя о давно-прошедшихъ временахъ, всегда вспоминаютъ о ней со словами: «Вѣдь придумалъ-же названіе! Вотъ голова-то! Этакій талантъ!» и т. п. Въ той драмѣ были всѣ элементы, изъ которыхъ слагается высокое драматическое произведеніе: и безнадежная любовь, и великій талантъ, чуждый житейскихъ страстей, и благородный ламповщикъ, и Король Лиръ, и смерть на сценѣ, во-время представленія. Все это въ свое время, вѣроятно, нравилось зрителямъ, если давалось такъ часто. И на прежней, и на настоящей драмѣ, г-нъ Каменскій смѣло выставилъ свою фамилію, съ заглавными буквами имени и отчества. Драма г-на Каменскаго была уже предварительно напечатана, * слѣдовательно, она имѣетъ не одно сценическое, но и литературное достоинство, и слѣдовательно, она написана не наскоро и не для бенефиса, и, слѣдовательно, мы въ правѣ требовать отъ нея гораздо-болѣе, чѣмъ отъ другихъ эфемерныхъ произведеній. Эпоха, выбранная авторомъ,

чрезвычайно — любопытна. Вся жизнь Маріи Стюартъ, отъ пребыванія ея во Франціи до смерти въ Лондонской-башнѣ, полна романтическихъ происшествій и драматическихъ событій. На одной любви ея, — наивно-пасторальной, къ бѣдному Франциску, страстно-бѣшеной, къ пѣвцу-поэту Рицціо, и фаталистической, къ суровому Ботвелю — можно основать множество драмъ. Г. Каменскій взялъ только одну эпоху, менѣе извѣстную, когда Марія была невѣстою Французскаго Дофина. Онъ вывелъ на сцену замѣчательныя историческія лица: Екатерину Медичи, Короля Генриха II-го, Амюта, переводчика Плутарха, Діану Поатье. Къ нимъ присоединилъ онъ еще два лица, о которыхъ не упоминаетъ исторія: Шута Маріи, Давида Кленгора и Фрейлину ея Флемингъ. Изъ нихъ онъ сдѣлалъ слѣдующую драму. Шутъ влюбленъ въ будущую королеву, — чтобы еще ничего: шутамъ и не то позволялось въ доброе старое время; но въ шута влюблена, въ свою очередь, подруга и Фрейлина Маріи Стюартъ, Марія Флемингъ. Любовь эта нисколько не походитъ на шутку, потому-что Флемингъ сходитъ отъ нея съ-ума, узнавъ, что Давидъ любитъ не ее. Давидъ однако-же наказанъ и за свою любовь, и за чужое сумасшествіе. Марія, разумѣется, не любитъ его и бредитъ однимъ дофиномъ. Екатерина Медичи почему-то не соглашается на бракъ ихъ, и когда Король, по внушенію Діаны Поатье, приказываетъ сыграть эту свадьбу тайкомъ отъ Королевы-матери, она приказываетъ за это отравить Марію, Моррею, брату сума-

* Не въ «Репертуарѣ», который иногда, по своей обязанности, печатаетъ пьесы не тѣ, которыя хороши, но тѣ, которыя понравились, а въ «Рускомъ Вѣстникѣ», издававшемся самимъ авторомъ.

шедшей Флемингъ. Двѣ сцены, одна, въ которой Екатерина Медичи узнаетъ о предположенномъ бракѣ отъ дурака Амюта и другая, когда шутъ узнаетъ о намѣреніи Екатерины отъ друзей Моррея, собравшихся разговаривать объ этомъ, судя по словамъ ихъ, въ трактирѣ, а судя по декорации, въ тюрьмѣ,—чрезвычайно неправдоподобны, чтобы не сказать нелѣпы. Послѣ нихъ эта шутовская драма принимаетъ совсѣмъ нешуточный видъ. Давидъ, узнавъ, что ему нужно, бѣжить изъ тюрьмы (трактиръ тожъ), съ крикомъ: «Я спасу ее». Сообщники Моррея, разумѣется, бѣгутъ за нимъ, съ намѣреніемъ приколоть его, за то, что онъ, какъ истинный дуракъ, сказалъ въ-слухъ слова, которые очень-могъ-бы и не говорить. Догнавши, они его колятъ, однако не совсѣмъ на-смерть, а ровно на столько, чтобы онъ могъ добѣжать до дворца, выбить изъ рукъ Маріи чашу, и умереть, вскричавъ: «Ядъ!» что все онъ и исполняетъ очень-эффектно, вымазавши однако себѣ предварительно все лицо и руки краской, что, вѣроятно, должно означать кровь, пролитую имъ на службѣ отечеству. На трупъ его бросается, для вящаго эффекта, сумасшедшая женщина, и — драма оканчивается. Странное чувство оставляютъ въ душѣ эти сцены, такъ скоро слѣдующія одна за другою, что зритель въ изумленіе не можетъ отдать себѣ отчета, почему и для чего дѣлаются всѣ эти подслушиванья, отравленія, рѣзня, бѣготня и восклицанія. Чувствуешь, что во всемъ этомъ есть какая-то идея, что тутъ чего-то недостаетъ, что все это, подѣ

другими условіями и обдѣланное иначе, должно было-бы что-нибудь произвести. А теперь драма г-на Каменскаго рѣшительно неудавшаяся вещь, une chose manquée. Авторъ былъ вызванъ, вѣроятно, за доброе намѣреніе написать хорошую піесу.

Разыграна она была также неблестательно. Роли всѣ довольно-ничтожны, но, не-смотря на это или именно по этому, бѣльшая часть изъ нихъ были дурно выполнены. Роль Маріи Стюартъ, этой-несчастной королевы-красавицы, которой сама исторія прощаетъ многое за ея красоту, играла г-жа Левкѣва, въ послѣднее время являющаяся на сцену во всевозможныхъ амплуа, что, разумѣется, доказываетъ разнообразіе и богатство ея дарованія. И въ этой роли она была настоящая Марія Стюартъ, одѣтая съ историческою вѣрностью, въ огромныхъ букляхъ на обѣихъ щекахъ, нарумяненная до нельзя, наивная до того, что во многихъ фразахъ ея не было не только никакого выраженія, но даже смысла, до того взволнованная пылыми чувствами, что нельзя было разобрать почти ни одного слова изъ ея роли. Г-жа Валберхова (Екатерина Медичи), актриса муная, опытная и прекрасно знающая свое дѣло, также читаетъ нынче весьма-тихо. Про игру г-жи Самойловой 2-ой можно сказать только то, что у нея были прекрасные волосы. Впрочемъ роль ея по самой піесѣ вышла чрезвычайно-безцвѣтна. О г-нѣ Толчоновѣ, игравшемъ роль Короля Генриха, и о г-жѣ Дюръ, игравшей знаменитую красавицу Діану Поатъе, мы не говоримъ ни слова: критика ска-

зала уже объ нихъ давно все, что можно было сказать. Повторять однажды сказанное не зачѣмъ и не послужить ни къ ихъ пользѣ, ни къ удовольствію публики.

Водевиль, или какъ его называетъ авторъ, «комедія» *Герои Преферанса* также напечатанъ отдѣльною книжкою. Это картина современной петербургской маніи. Лица въ ней взяты изъ мелкаго чиновническаго быта, и въ концѣ піесы, хотя порокъ и наказывается въ лицѣ заѣзжаго шулера Минуса, но и торжествуетъ не слишкомъ—чистая добродѣтель, въ лицѣ сына Прикупки, юнаго преферансита, и его невѣсты, дочери Пулькиной, пустой и вѣтренной дѣвушки. Сюжетъ водевиля довольно-просто: сынъ одного чиновника, *живущаго преферансомъ* (?) влюбленъ въ дочь дамы, дышащей преферансомъ. По-несчастью, ему случилось оставить ее безъ пяти въ червахъ, и свадьба растроивается. Въ это-же самое время за невѣстой начинаетъ волочиться шулеръ Минусъ, прозванный, за свою любезность, *душою общества*. Петербургская барышня почти готова ужъ забыть своего жениха, но, по-счастью, дѣло все снова улаживается. Сердитая теща, оставшись въ малинѣ, дѣлается опять добра и снисходительна, а шулеръ роняетъ письмо, въ которомъ открываются всѣ его плутни. Развязка немножко стара и неправдоподобна, потому-что шулера никогда не переписываются другъ съ другомъ о своихъ продѣлкахъ; сама піеса очень-растянута и длинна для шутки. Лучшіе куплеты въ свое время мы напечатали въ *Репертуаръ и Пантеонъ*; въ цѣломъ-же піесы мы не

смѣли представить читателямъ нашимъ, ибо въ чтеніи она не выноσιμο-скучна. Разыграна она была превосходно, даже второстепенныя роли были выполнены отчотливо. Публика была въ восторгѣ. Она живо сочувствуетъ современности, а страсть къ преферансу весьма-замѣчательное явленіе въ нашей современной жизни. Изслѣдованіе ея можетъ служить предметомъ и не одного водевиля; но лица, выведенныя на сцену, дѣйствуютъ сильнѣе на публику, чѣмъ осмѣянныя въ простомъ разсказѣ. Потому-то мы всегда должны быть рады водевилю съ подобнымъ сюжетомъ и съ подобною цѣлью.

Водевиль *Полька въ Петербургѣ* или *балъ у танцовальнаго учителя*, напротивъ, никогда не могъ случиться въ Петербургѣ. Здѣсь не танцуютъ польки, и танцовальныя учителя не даютъ баловъ. Подобныя водевили весьма-недавнее изобрѣтеніе. Прежде, для бѣдшаго сбора и разнообразія, въ концѣ бенефиса давались дивертиссементы, гдѣ разныя лица плясали на разныя манеры. Нынче нашли, что однихъ танцовъ мало и что къ нимъ непременно надо прилестить какой-нибудь сюжетъ. Изъ такога невозволительнаго смѣшенія и составились такъ-называемыя *шутки*, отъ которыхъ зрителямъ приходится иногда очень-горько. Въ этой шуткѣ есть все-таки хоть тѣнь сюжета, дѣйствующія лица изъ чего-нибудь да бьются, хоть и замѣтно, что имъ хочется поскорѣе разсказать что слѣдуетъ, и пойти плясать. И пляшутъ они, надобно отдать имъ справедливость, очень-хорошо; въ особенно-сти г-жа Самойлова 1-я и г-нъ

Смирновъ 2-ой. Смотря на нихъ такъ и хочется, чтобы они всегда плясали, не играя этихъ глупыхъ ролей безъ танцевъ, которыя только мѣшаютъ публикѣ смотрѣть, какъ они танцуютъ.

ПРОЦЕССЪ ИЗЪ-ЗА Г-ЖИ НИССЕНЪ.

Слѣдующая статья, напечатанная въ парижской «Театральной Газетѣ», подъ рубрикою «театрального судопроизводства», показала намъ очень-интересною по двумъ отношеніямъ: изъ нея видно, что компонисты иностранные крѣпко заступаются за свои творенія и не даютъ ихъ на съѣденіе плохимъ пѣвцамъ и актерамъ; а потомъ забавно смотрѣть, какъ директоръ Парижской Италіанской-Оперы всѣми силами отгрызается отъ справедливыхъ требованій г. Крейцера, и разными увертками старается прикрыть невозможность свою замѣнить кѣмъ-нибудь, кромѣ г-жи Персіани (или Гризи), бывшую прималонну парижскаго Италіанскаго-театра, г-жу Ниссенъ, ангажированную нынѣ въ Императорскую Санктпетербургскую италіанскую труппу. Парижская «Театральная Газета» принимая сторону парижской дирекціи, старается выставить процессъ г. Крейцера вздорнымъ и привязчивымъ; да то бѣда, что истина сама собою пробивается наружу. Вотъ-что говорить газета:

Г. Конрадинъ Крейцеръ, нѣмецкій композиторъ, написалъ италіанскую оперу подъ названіемъ «Ночь въ Гренадѣ», по поводу чего завелся у него въ париж-

скомъ коммерческомъ судѣ процессъ съ директоромъ Королевскаго Италіанскаго-Театра.

Г. Крейцеръ утверждаетъ, что постановка піесы была назначена въ сезонъ 1843 года, и откладывалась до сихъ-поръ по волѣ директора. Но главная претензія не въ томъ.

Первыя роли въ оперѣ были назначены гг-мъ Маріо, Ронкони и г-жѣ Ниссенъ. Въ-послѣдствіи, по общему согласію, роль Ронкони передана г. Форназари, а роль г-жи Ниссенъ, за выбитіемъ ея изъ труппы, поручена г-жѣ Персіани.

Теперь Крейцеръ возстаетъ на дирекцію за то, что она назначила первыя роли гг. Морелли, Корелли и г-жѣ Монара, и съ этою обстановкою, которую компонистъ находить вовсе негодною, — противъ его желанія, начала дѣлать репетиціи.

А потому требуетъ, чтобы піеса была обстановлена съ гг. Маріо, Форназари и г-жою Персіани, или было-бы уплачено ему двадцать тысячъ франковъ проторей и убытковъ.

Такіе доводы были частію опровергнуты г-мъ Вателемъ, директоромъ Италіанскаго-Театра, во-первыхъ тѣмъ, что надо было выгладить очень-шероховатый текстъ либретто, присланнаго г. Крейцеромъ, чѣмъ достаточно объясняется замедленіе въ постановкѣ піесы.

Во-вторыхъ, что г. Крейцеръ ошибается на-счетъ задачи ролей: Гг. Форназари и Маріо не оставятъ содѣйствовать успѣху его оперы своими голосами и талантами.

Только отсутствіе г-жи Ниссенъ служитъ неизбежною причиною нѣкоторой перемѣны. А какъ г-жа Манара исполняетъ роли г-жи Ниссенъ, на мѣсто которой она ангажирована, то роль въ оперѣ г. Крейцера доходить ей по праву, а потому въ процессѣ г. Крейцера ничего больше нѣтъ, какъ одна нѣмецкая придирка, что онъ и долженъ понять изъ этого простаго объясненія дѣла.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній сдѣланныхъ г. Крейцеромъ и г. Ванье, уполномоченнымъ Ватели, судъ, подъ предсѣдательствомъ г. Ламальи, опредѣлилъ отослать дѣло на ревизію высшей инстанціи.

О послѣдствіяхъ (продолжаетъ газета), мы извѣстимъ читателей въ непродолжительномъ времени.

И мы съ своей стороны не оставимъ разсказать, при первомъ полученіи свѣдѣній, какъ раздѣляется дирекція парижскаго Итальянскаго-Театра съ г. Крейцеромъ, и удовлетворить-ли его Мореллями, Кореллями и всякими другими подобными артистами. А пока тамъ идетъ судъ, да дѣло, мы здѣсь станемъ наслаждаться пѣніемъ г-жи Ниссенъ, за здоровье враждующихъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗА- МѢТКИ.

Выпалъ снѣжокъ, Нева покрылась льдомъ, вечера стали длинны, утомительно-длинны, особенно съ тою часу, какъ Щепкинъ уѣхалъ отъ насъ. Осталась, конечно, итальянская опера, но увы!.. мало-ли

людей находятъ, (не говорятъ), что и тамъ вечера нѣсколько утомительны. Называйте этихъ людей какъ хотите—самоѣдами, профанами, бездушными, холодными существами, но все-таки ихъ много—Зачѣмъ-же, спросите вы, ходятъ они туда?.. Мода, повѣтріе итальянская эпидемія.—Впрочемъ, за исключеніемъ оперы, можно еще убить время въ *преферанс* или танцуя *польку*—этотъ уродливый, неграціозный танецъ, который, вѣроятно, у насъ не примется, да и принятыя не можетъ. *Полька* глупа и скучна. *Преферанс*—утомительная игра. Положимъ, что играть еще въ *преферанс* можно, но смотрѣть, какъ его играютъ—нѣтъ силы!.. Кстати о *преферанс*. Знаете-ли вы портнаго *Штейна*? Не слышали. А сапожника *Александрова*? Тоже не слышали. Въ такомъ случаѣ советуемъ вамъ посмотреть *водевиль-объявленіе*, въ которомъ пошлый молодой человекъ безпрестанно твердитъ вамъ о двухъ выше-поименованныхъ мастерахъ. Жаль, что къ финальному куплету не приложены адреса этихъ господъ, отъ-того *водевиль-бы мною вышралъ*. Обвиняютъ П. А. Каратыгина 2-го, что къ послѣднему своему бенефису онъ не приготовилъ никакой *своей* пьесы. Г. Каратыгинъ 2-ой, безспорно, принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ водевилистамъ. Въ пьескахъ его есть всегда идея, характеры, тщательная обработка и обдуманность. Видно, что онъ дорожитъ добрымъ, заслуженнымъ именемъ и—уважаетъ публику. Мы увѣрены, что если-бъ онъ захотѣлъ выѣзжать на хитро-сплетенныхъ названіяхъ, не заботясь о про-

чемъ, то могъ-бы заготовить фарсовъ не только на свой бенефисъ, но и снабдить ими всѣхъ Гг. бенефициантовъ. Г. Каратыгинъ 2-ой этого не дѣлаетъ, и поступаетъ умно. Литературныхъ фокусниковъ и безъ него много. Эти Пинетти и Родольфы обморочатъ васъ пестрой афишой, въ два съ половиною столбца, завлекутъ въ театръ, продержатъ битыхъ пять часовъ, заставятъ смотрѣть на карты и картежниковъ, слушать пошлыя шуточки; по окончаніи спектакля въ памяти у васъ останется только одно — а именно то, что у васъ въ карманѣ десятью рублями менѣе противу вчерашняго. Нѣтъ, ужъ если смотрѣть на фокусы, такъ лучше идти къ самому г. Родольфу, въ прелестно-устроенную квартиру его. Тамъ вы проведете прекрасно часъ или полтора. Это не театръ, не зрѣлище, а милая, пріятельская бесѣда Родольфъ, молодой человекъ весьма-любезный, съ пріятнымъ органомъ, наивно-изумленной улыбкой, сопровождающей всѣ чудеса его. Именно чудеса!.. Мы видѣли Мольдуано, Деблера, Боско, удивлялись штукамъ ихъ, но все-таки болѣе или менѣе могли объяснить ихъ ловкостію самого фокусника или искуснымъ устройствомъ какого-либо механизма. Но смотря на чудеса г. Родольфа, становится страшно. Онъ не окружонъ обыкновеннымъ приборомъ фокусниковъ и не удаленъ отъ васъ; напротивъ, вещи, окружающія его, вы можете брать въ руки, разсматривать со всѣхъ сторонъ; онъ нисколько не обижается замѣчаніями вашими, даже самъ спрашиваетъ вашего мнѣнія

и позволяетъ слѣдить за малѣйшими движеніями своими. *Автоматъ Элфодоръ*—достойное произведеніе куесника-Родольфа. Вы выбираете одну изъ нѣсколькихъ карточекъ, на которыхъ написаны имена нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей; прячете эту карточку въ маленькій, плоскій ящичекъ, который ставите на столъ и прикрываете тяжестью. Прочія-же карточки оставляете у себя. Столъ ничѣмъ не закрытъ; онъ имѣетъ одну тоненькую ножку: ясно, что карточка не можетъ имѣть никакого сообщенія съ поломъ, тѣмъ болѣе, что она спрятана въ ящичекъ, который вы можете разсматривать, сколько вамъ угодно. Родольфъ вкладываетъ въ руки автомата бумажку и карандашъ, заводитъ машину; раздается оригинальная музыка, при звукахъ которой автоматъ съ изумительною важностію пишетъ вамъ имя извѣстнаго лица, избраннаго вами, или, что еще удивительнѣе, рисуется портретъ его... Это-ли не чудеса?.. На тоненькихъ бронзовыхъ цѣпочкахъ висятъ два бюста; вы можете снять ихъ съ цѣпей и внимательно разсмотрѣть. Вы подходите къ одному бюсту и шепчете ему на ухо вопросъ, самый задушевный, если хотите... бюстъ скромнѣе и никому не откроетъ вашей тайны. Подходите къ другому бюсту, прикладываете ухо ко рту его и — о ужасъ!—мертвый, холодный алебастръ шопотомъ-же отвѣчаетъ на тайну вашу — вѣрно, положительно. Очень-понятно, что послѣ подобныхъ чудесъ фокусы съ картами—игрушка, бездѣлица для Родольфа. Превращенія съ картами дѣлаются не въ его рукахъ, а въ

вашихъ собственныхъ. Онъ даетъ вамъ колоду, проситъ замѣтить какую-нибудь карту, вмѣшать въ колоду и положить на диванъ или на стулъ, на которомъ сидите, и прикрыть вашимъ же платкомъ. Прикасаясь къ картамъ не непосредственно, но черезъ платокъ, Родольфъ вмѣстѣ съ платкомъ возвратитъ вамъ ту карту, которую вы замѣтили — и все это предъ вами, такъ, что ни малѣйшее движеніе его не ускользаетъ отъ вашего взора. По желанію, Родольфъ готовъ повторить вамъ каждый фокусъ нѣсколько разъ съ одинакимъ искусствомъ. Думайте сколько хотите, ломайте голову — ни до чего не добьетесь.

— Тутъ замѣшалась *наука!*.. сказалъ при насъ одинъ изъ зрителей, поставленный въ тупикъ всѣми чудесами.

Мы одного мѣня въ этомъ почетнымъ зрителемъ. Тутъ замѣшалась *наука*, и неудивительно — потому что Родольфъ человекъ весьма-образованный.

Собранія его бываютъ ежедневно въ два часа по полудни и въ шесть часовъ вечера, въ Дѣтскомъ Театрѣ, въ Большой Морской, на углу кирпичнаго переулка.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Александръ Дюма заключилъ контрактъ съ журналомъ «La Presse» по которому онъ обязывается, съ 1-го января будущаго года, не писать ни для какого другаго жур-

нала, кромѣ «La Presse» и за это будетъ получать по 80,000 франковъ въ годъ.

— Въ концѣ этого мѣсяца на Юзефштадтскомъ театрѣ въ Вѣнѣ постановлена будетъ первая опера профессора Зехтера (Sechter); названіе ея «Ali Hidsch Hadsch».

— Изъ Гамбурга пишутъ отъ 29-го октября: сегодня послѣ обѣда, въ 5-мъ часу, происходилъ въ здѣшней гавани торжественный приемъ праха знаменитаго композитора Карла Маріи Вебера. Уже съ двухъ часовъ вся набережная Эльбы, отъ пароходной пристани до новыхъ воротъ въ гавани, была покрыта несмѣтными толпами народа. Рѣка запрудилась безчисленнымъ множествомъ большихъ ботовъ и маленькихъ лодокъ. На одномъ большомъ ботѣ находился весь оркестръ здѣшняго театра и множество другихъ музыкантовъ. Ботъ этотъ плылъ на встрѣчу пароходу, возьмемъ смертные останки знаменитаго мужа, и съ него раздавались величественные звуки Бетговенова погребальнаго марша. Потомъ музыканты и множество пѣвцовъ собрались на палубѣ парохода. Капельмейстеръ Кребсъ сказалъ краткую, но полную чувства рѣчь. Послѣ чего раздался величественный хоралъ, сочиненный тоже г-мъ Кребсомъ, и гробъ былъ перенесенъ на украшенный флагами ботъ, который долженъ былъ перевести его на пароходъ отправляющійся въ Магдебургъ. На гробъ со всѣхъ сторонъ бросали цвѣты и вѣнки, и былъ возложенъ, на фиолетовой бархатной подушкѣ, лавровый вѣнокъ изъ чистаго серебра, принесенный въ честь великаго покойника обще-

ствомъ здѣшнихъ музыкантовъ. Впечатлѣніе этого торжества было глубокое и всеобщее, къ чему не мало способствовала и самая мѣстность, гдѣ оно происходило.

— Знаменитая Фанни Эльслеръ производитъ теперь фуроре въ Мюнхенѣ, потомъ прїѣдетъ въ Вѣну, но не болѣе какъ на два дни, и отправится въ Туринъ.

— Моріани, прожившій нѣсколько недѣль на покоѣ въ Миланѣ и Флоренціи, поѣхалъ въ Мадритъ, гдѣ онъ ангажированъ къ театру del Reinsire отъ 1-го до 6 февраля 1845 года. Потомъ онъ отправится въ Лондонъ къ театру Принцессы, директоръ котораго великодушно предложилъ ему такую же плату, какъ и за цѣлый зимній сезонъ. Содержатель театра del Circo въ Мадритѣ немного успѣваетъ съ своею оперною труппою, за тобалеты его идутъ очень успѣшно, и, надобно сказать правду, что обстановка ихъ чрезвычайна по своему великолѣпію.

— Въ Берлинѣ съ успѣхомъ даны двѣ новыя комедіи: «Mein Herr Onkel» Шмидта и «Des Schauspielers letzte Rolle» Эрика. Последнюю нисколько не должно смѣшивать съ піесою того же названія Кейзера. Другая піеса Эрика: «Bruder und Sohn» гораздоменѣ имѣла успѣха. — Въ Дрезденѣ готовится къ постановкѣ историческая драма Рейбиша «Heinrich der Löwe». — Въ Вѣнѣ, на Йозефштадтскомъ театрѣ дана новая драма Маг. Папласека «Heinrich der Schwarze».

— Недавно скончалась славная англійская актрисса и съ давнихъ лѣтъ уже любимица Эдимбургской

публики, мистриссъ Генри Сиддонсъ.

Талантливый водевилістъ нашъ Д. Т. Ленскій, давно уже надарившій публику своими произведеніями, передѣлалъ на русскіе нравы комедію «Le Magi à la samragne», подъ названіемъ: *Война съ тещей или насилу за умъ взялись*. Онъ-же передѣлалъ съ французскаго, вмѣстѣ съ г-мъ Беккеромъ, водевилъ подъ названіемъ: 20, 40, 100. Обѣ эти піесы даны были въ Москвѣ, въ бенефисъ П. Г. Степанова, 15-го ноября.

— Кто-то и гдѣ то на дняхъ написалъ и напечаталъ слѣдующую фразу: «*Персіани, примадонна парижской Итальянской-Оперы, не имья такого прекраснаю голоса, какъ г-жа Каstellанъ*», и проч. Мы получили нѣсколько писемъ съ возраженіемъ противъ этой фразы; печатать мы ихъ не будемъ, потому-что если печатать возраженія на всякую неглѣпицу, которая является въ нашихъ газетахъ и журналахъ, такъ въ *Театральной Лѣтописи* не достанетъ мѣста; но слѣлаемъ маленькую выписку изъ письма г-на Н. С., выписку, которая показала намъ очень дѣльною. Отдавая полную справедливость г-жѣ Каstellанъ, г-нъ Н. С. говоритъ, что онъ въ прошломъ году слышалъ Персіани въ Парижѣ, и нашолъ ее даже выше ея репутаціи, между-тѣмъ какъ г-жа Каstellанъ далѣе Петербурга репутаціи еще себѣ не составила. «Я-бы не удивлялся»— продолжаетъ г-нъ Н. С.— «если-бы такая фраза вылилась изъ-подъ

пера какого-нибудь парижскаго журналиста: въ Парижѣ за деньги можно все сдѣлать, и даже купить себѣ славу; наша литература, слава Богу, еще слишкомъ молода и дѣвственна, и потому мы такое несправедливое мнѣніе можемъ приписать только опрометчивости и много-много что — недобросовѣстности *, и пр.

— На прошедшей недѣлѣ, въ понедѣльникъ, на сценѣ Большаго-Театра, данъ былъ итальянскими артистами *Севильскій Цирюльникъ*, Опера Россини. Въмѣсто Рубини, нынѣшній разъ занималъ

* А недобросовѣстность развѣ лучше *продажнаго мнѣнія?*

Ред.

роль графа Альмавивы г-нъ Унагуэ, вмѣсто Този, въ роли Бартоло явился г-нъ Ровере. Розина, Фигаро и Донъ-Базиліо были тѣже, и были также хороши. Объ этомъ спектаклѣ мы еще будемъ говорить подробно.

— Въ слѣдующіе спектакли *Севильскій Цирюльникъ* повторенъ не былъ: въ среду шоль *Elesir d'amore*, въ пятницу даны были *Шотландскіе Пуритане*.

— Бенефисъ г-жи Самойловой 2-й, во вторникъ, былъ не изъ блестящихъ. Кажется, публика начинаетъ уже скучать этими постоянными бенефисами, составленными кое-какъ, изъ піесъ, написанныхъ на скорую руку, и разыгранныхъ на-удачу.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

Г. Письмоводитель Ахалцыхской градской полиціи В. Θ. Переваленко прислалъ къ намъ слѣдующее печатное объявленіе и просить помѣстить его въ нашемъ изданіи, что мы охотно исполняемъ:

«*Василій Θεодоровъ Переваленко* честь имѣть извѣстить Гг. любителей литературы, что вскорѣ выйдеть въ свѣтъ драматическое сочиненіе его, подъ названіемъ: «*Александръ и Ольга или Великодушный Отказъ*» драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, и покорнѣйше просить любителей отечественной литературы — особъ извѣстныхъ уже готовностію способствовать добрымъ предпріятіямъ — не оставить заблаговременно адресоваться съ требованіями въ Г. Ахалцыхъ, къ автору, дабы можно было ему, по числу Гг. участвующихъ въ подпискѣ этой книги, сообразить вѣрное число печатанія экземпляровъ, и издать въ свѣтъ во всевозможной скорости. Имена Гг. подписавшихся будутъ припечатаны въ концѣ книги.

Содержаніе пьесы: романическое происшествіе, дѣйствительно случившееся у насъ на Руси: честная двушка, дочь благороднаго Генуэзца, воспитанная въ страхѣ Божіемъ и законѣ правды, дорожа званіемъ, честью и повиная здравому разсудку, отвергаетъ съ великодушіемъ предложеніе и руку благодѣтеля своего, такъ-какъ оно основано на несчастіи другаго семейства и укоризнахъ здѣсь на земли и на небѣ.

Цѣна книги назначается очень-умѣренная, именно, въ 16-ю долю листа, 280 страницъ на лучшей бумагѣ 1 рубль серебромъ; за пересылку въ другіе города прилагается еще за 1 фунтъ.

В. ПЕРЕВАЛЕНКО.

1844 года. Октября 4 числа.

Ахалцыхъ.»

— Въствъ съ этимъ долгомъ считаемъ увѣдомить почтеннаго г-на Переваленку, что пьесы его: *Александръ и Марія* и *Сюрпризъ или Страсть къ театру* ни напечатаны въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», ни отданы на сцену быть не могутъ — по причинамъ независящимъ ни отъ редакціи «Репертуара», ни отъ артиста, которому одна изъ этихъ пьесъ посвящена.

— Мистерія *Прометей* и нѣсколько сценъ изъ трагедіи *Поэтъ и люди* напечатаны въ нашемъ изданіи быть не могутъ, а потому доставившій эти пьесы благоволилъ получить ихъ обратно изъ конторы «Репертуара и Пантеона», состоящей при книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина.

— Комедія *Чиновникъ по особымъ порученіямъ* ни напечатана въ *Репертуарѣ и Пантеонѣ*, ни возвращена автору быть не можетъ — по *независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ*.

МАЛОРОССИЙСКАЯ ПѢСНЯ.

ИЗЪ ОПЕРЕТТЫ:

МОСКАЛЬ ЧАРИВНИКЪ.

(Къ этой тетради приложены ноты.)

Зъ того часа, якъ женився, {
Я николы ни журывся. } bis.

Ой, чукъ, Тетяна, {
Чернобрива кохана! } bis.

За Тетяну сто кипъ давъ,
Бо Тетяну сподобавъ.

Ой, чукъ! и проч.

За Марусю пятака,
Бо Маруса не така.

Ой, чукъ, и проч.

Якъ Тетяна засмѣется,
Въ душѣ радость отдается.

Ой, чуѣъ, Тетяна,
Чернобрива, кохана!

РЕДАТОРЪ МЕЖЕВИЧЪ.

Печатать позволяется. 18 Ноября, 1844 г. Ценсоръ А. Мехелинъ.

словъ о дѣйствительности и идеалахъ. (Разсужденіе отнюдь некритическое. *Петра Парф...*). — Ничто не ново подъ луною. — Новый Шекспиръ. (Изъ записокъ путешественника). — Странный поклонникъ. — Письмо Ронкони. — Чему быть, тому не миновать. Разсказъ Поль-де-Кока. — М-Не Марсъ въ дезабилье. — Анекдоты и мелочи. — Театральная летопись.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

I. Обзоръ русскаго драматическаго искусства. Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго. — II. Какъ чистая опера. Стихотвореніе Е. С. — III. Веселый вечеръ изъ жизни великаго государя, или четверо часовыхъ у одной будки. Драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи. Переводъ П. Г. Ободовскаго. — IV. Пьеса М. Ястребова. — V. Философія и исторія музыки. Критическій взглядъ на музыку Россіи. (Параллель между Россіи и Вольтеромъ). — VI. А VIVROT-GARCIA. Стихотвореніе Г-вн. — VII. Пажы герцога Вандомскаго. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ Н. А. Корюкина. — VIII. Соловей. Стихотвореніе Н. С. — IX. Поэты. Повесть. — X. Совѣ. (Посвящ. У. Т. Г-й). Стихотвореніе Виктора К-ка. — XI. Юмористика. О томъ какъ Виссаріонъ Ивановичъ хотѣлъ сдѣлаться Рубини, а Мавра Петровна — Тальионни. — XII. Черты изъ жизни Мопарта и послѣдніе его дни. — Жавъ-Жакъ Руссо и г-жа Жавльсь. — Анекдоты о Мопарти. — Суфлеръ. — Вѣкъ плясовой музыки. Ошибся. — Характеристика инструментовъ. — Плата тою-же монетою. — Клара Метцгеръ. — Добро отъ ала. — Выходка Катамани. — Двое въ одномъ. — Дешево приобретенная извѣстность. — Стефанъ Шнейдерль. — Музыкальный кассъ-тетъ. — Забавный поединокъ. — Анекдоты и мелочи. — Театральная летопись.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

I. Амыль. Стихотвореніе Виктора К-ка. — II. Евгения Гранде. Романъ *Опоре де-Бильзака* — III. Сказки, сказки, товарищ мой. Стихотвореніе Н. С. — IV. Материалы для исторіи русскаго театра. Владиміръ Лукинъ, драматическій писатель 1765-го года. Статья М. Н. Макарова. — V. Рыбачкъ. Стихотвореніе Ипполита Голубина. — VI. Испанскіе любовники. Происшествіе XIV вѣка. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, соч. Фредерика Сульс. — VII. Искусство и художники. Гайдъ. — VIII. Инвалиды. Стихотвореніе Виктора К-ка. — IX. Какъ опасно читать нѣвы газетъ! Комическія сны. — X. Овааніе. Стихотвореніе 1-4. — XI. Смѣсь. Представленіе комедіи Аристофана «Облака», въ Афинахъ въ 378 году до Р. X. (Извлечено изъ *Плутарха*). — Слеза ребенка, разсказъ Эдуарда Лемоаня. — Французскіе законы о театрахъ. — Нѣкоторыя подробности о Казиміръ Делавицъ. — Французскіе пѣвцы Деривисы. — Странное дѣйствіе музыки. — Барабанъ лорда Сандвича. — Жизнь композиторовъ и музыкантовъ. — Забавный концертъ. Гаръ Мартенъ. — Черта изъ жизни Лесюара. — Россій и Галли соперники. — Честолюбіе Спонтини. — Некрологъ композитора Бертона. — Анекдоты и мелочи. — Театральная летопись.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

I. Пловецъ. Стихотвореніе Виктора К-ка. — Лучше-бъ я была сиротой! Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе *труппа Скарбека*. Перев. съ польскаго С. П. Поблдопосева. — II. Женщина. Стихотвореніе 1. 4. — III. Евгения Гранде. Романъ *Опоре де-Бильзака*. (Окончаніе). — V. Къ ... Стихотвореніе 1. 4. — VI. Исторія драматическаго искусства. Карлъ Гоцци, венеціанскій Аристофанъ. — VII. Ночь и утро. Стихотвореніе ... — VIII. Современные сценичскіе артисты: Плесси, актриса *Парижскаго Французскаго Театра*. (Théâtre-Français) — IX. Ты и вы. (Изъ Б.). Д. Т. Лелекаго. — X. Смѣсь. Золотая монета (Разсказъ, который можетъ служить сюжетомъ для водевилля). — Краткій очеркъ жизни композитора Бертона. — Клавикорды Маріи Антоанеты. — Поклонникъ Тальмы. — Оба правы. (Современный анекдотъ). — Паспортъ Боско. — Нигдѣ непапечатанное письмо Вольтера. — Корреспонденція танцовщицы Фанни Эльслеръ съ Китайскимъ Императоромъ. Анекдоты и мелочи. — Театральная летопись.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

I. Комета. Стихотвореніе 1. 4. — II. Молодыя клячицы у старыхъ хозяиновъ или обошлись въ расчетъ. Водевиль П. А. Каратыгина. — III. Гондола. Стихотвореніе Н. С. — Исторія драматическаго искусства. Испанскій театр. Перев. съ испанскаго М. Н. Лихоника. — V. Итальянская мелодія. Изъ Томаса Мура. — VI. Пятухъ и кучонки. Итальянскій народный фарсъ. Перев. П. Р. Фурманна. — VII. Не удивляйся, другъ мой милый. Стихотвореніе Виктора К-ка. — VIII. Сынъ Нотариуса. Разсказъ Библиофила Жакоба. — IX. Еврейская мелодія. (Изъ Байрона). А. Фета. — X. Шаръ Подье, изгнанникъ изъ отечества. — XI. Современные сценичскіе артисты. Джулія Гриси, пѣвица парижской Итальянской-Оперы. — XII. Смѣсь. Актриса прошлаго вѣка. —

Селеніе, котораго нѣтъ въ пѣломъ мірѣ. — Театръ и музыка въ Вѣнѣ (*Статья франкфуртскаго капелмейстера Гура*). — Дѣѣ методы пѣнія. — Фанатизмъ. — Гробница Вебера въ Лондонѣ. Анекдоты и мелочи. — **ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.**

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

I. Советъ. Стихотвореніе *А. Фета*. — II. Философія и исторія музыки. Бетховень. Часть первая. Жизнь Бетховена. — Библиографическія подробности и анекдоты. — III. Памяти *А. А.* — IV. Севильскій цирюльникъ. Комедія Бомарше. Переводъ *В. М. Стресса*. — *Нѣтъ, за тебѣ молиться я не могу*. Стихотвореніе. — VI. Одна глава изъ «Курса драматической литературы». Сель-Маркъ-Жирардена. (О материнской любви. — Лукреція Борджіа). — VII. Исторія мелкихъ парижскихъ театровъ. — VIII. *Годъ-отъ-году отъ насъ все дальше чудный вѣкъ*. Стихотвореніе *В. Р. З-на*. — IX. Святочные видѣнія. Повѣсть *Чарлса Диккинса*. — X. Наслѣдство. (*Eulalie de Pontois*). Драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Сочиненіе *Фредерика Сулье*, перев. *Д. М. Григоровича*. — XI. Смѣсь. Бальвая перчатка. (*Изъ записокъ парижскаго льва*). Любопытныя пожденія знаменитаго кавалера д'Эона, или мужчины-женщина. (*Канва для драматическаго представленія*). — Какъ опасно актерамъ слишкомъ углубляться въ свои роли. — Плохая шутка. — Гильберъ-де-Пиксерикуръ. (Некрологъ). — Барль Блумъ. (Некрологъ). — Судебное дѣло о десяти строкахъ Мольера. — Анекдоты и мелочи. — Музыкальныя новости. **ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.**

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

I. Молитва. Стихотвореніе. — II. Философія и исторія музыки. Бетховень. Часть вторая и послѣдняя. (Произведеніе Бетховена. — Три эпохи преобразованія его тенія. — Характеръ и сущность его музыки). Статья *С. К.* — III. Мазепа. Повѣсть Лорда Байрона. Перев. съ англійскаго *И. Гоніева*. — IV. Дядя Шакомъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *П. Р. Фурманномъ*. — V. Дѣѣ судьбы. Стихотвореніе *А. А.* — VI. Бородинское ядро и Березинская несправда. Историческій романъ. Сочиненіе автора «Леонида». — VII. Куплеты изъ Комедіи-водевиля «Герой преферанса или Душа общества» *И. П. Григорьева*. — VIII. Смѣсь. Стазанъ лимонаду. Сюжетъ для драмы. Клубъ неучтивцевъ. — Живой портретъ Наполеона. — Мазетро и теноръ. — России и Дюре. — Ошибки въ расчетѣ. — За смѣхомъ горе. — Дизистрата. Эпизодъ изъ Пелопонезской войны. — Родители и сестра Шиллера. — Похожденіе тавновщицы. — Приключеніе съ вальсомъ-Рондо г-на Пашенки и его сочиненія. — Моды и роскошь старинныхъ временъ. — Прекрасная брѣвницкая перевозчица. — Нѣсколько словъ о Гевриеттѣ Ниссенъ *В. Сдлинск.* — Анекдоты и мелочи. — Музыкальныя новости. **ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.**

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ «Театральной ЛѢтописи» выдано два листа, и два листа выддутся въ слѣдующую субботу, а потомъ «Театральная ЛѢтопись» будетъ выходить постоянно по воскресеньямъ.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ Щепкина, (во весь ростъ) въ роли Чупруна, въ водевилѣ *Москаль, Чарѣвникъ*, рисованный г-мъ Долле, и литографированный Полемъ Пѣти.